

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ ЖИВОПИСИ,
СКУЛЬПТУРЫ И АРХИТЕКТУРЫ ИМЕНИ И. Е. РЕПИНА
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ МУЗЕЙ
ПРИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ

БОСПОРСКИЙ ФЕНОМЕН ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ АНТИЧНОГО МИРА

Санкт-Петербург

2018

**THE ACADEMY OF SCIENCES OF RUSSIA
INSTITUTE FOR HISTORY OF MATERIAL CULTURE**

MINISTRY OF CULTURE OF THE RUSSIAN FEDERATION

**SAINT-PETERSBURG REPIN STATE ACADEMIC INSTITUTE
OF PAINTING, SCULPTURE AND ARCHITECTURE**

RESEARCH MUSEUM OF RUSSIAN ACADEMY OF ARTS

THE STATE HERMITAGE MUSEUM

**THE BOSPORAN PHENOMENON:
GENERAL AND PECULIAR FEATURES
OF HISTORICAL AND CULTURAL
SPACE IN THE WORLD
OF CLASSICAL ANTIQUITY**

**PROCEEDINGS
OF THE INTERNATIONAL CONFERENCE**

PART 1

Publishing and Printing Center
of Saint-Petersburg State University
of Industrial Technologies and Design
2018

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ**

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ЖИВОПИСИ, СКУЛЬПТУРЫ И АРХИТЕКТУРЫ
ИМЕНИ И. Е. РЕПИНА**

**НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ МУЗЕЙ
ПРИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ**

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ

БОСПОРСКИЙ ФЕНОМЕН

ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ АНТИЧНОГО МИРА

**МАТЕРИАЛЫ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**

ЧАСТЬ 1

Санкт-Петербург
Издательско-полиграфический центр
Санкт-Петербургского Государственного Университета
промышленных технологий и дизайна

2018

УДК 930.26:947.011
ББК 63.4:63.3(0)329.48

Б 85

Редколлегия «Боспорского феномена»:

*Ю. Г. Бобров, Ю. А. Виноградов, В. Ю. Зуев, Н. К. Жижина,
Н. А. Павличенко, О. Ю. Соколова,
В. А. Хриановский*

Ответственные редакторы-составители:

В. Ю. Зуев, В. А. Хриановский

Б 85 Боспорский феномен. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. Материалы международной научной конференции. Часть 1 – СПб.: ИПЦ СПбГУПТД, 2018. – 386 с.

ISBN 978-5-7937-1720-5 (ч. 1)

ISBN 978-5-7937-1719-9

В сборнике представлены материалы очередной – 15-й в цикле «Боспорский феномен» – международной научной конференции, посвященной сравнительному анализу Боспорского царства с другими государствами античного мира и греческими городами-колониями Северного Причерноморья, выявлению общих и специфических черт в его государственном устройстве, историческом окружении, эволюции, общественно-политической жизни, материальной и духовной культуре. Издание рассчитано на специалистов и широкий круг читателей, интересующихся проблемами древней истории.

УДК 930.26:947.011

ББК 63.4:63.3 (0) 329.48

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Благотворительного фонда содействия охране и исследованию
Памятников археологии Северного Причерноморья и Приазовья
«Артемиды» (Москва).*

*Конференция проводится при поддержке
Санкт-Петербургского государственного академического института
живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина
(Санкт-Петербург)*

На фронтиспise:

Подвеска в виде головы быка. Пантикапей. Некрополь.
Вторая четверть IV в. до н. э. Золото, эмаль. Из раскопок А. Б. Ашика, 1841 г.
Государственный Эрмитаж. Инв. № П. 1841.8. Фотография А. М. Кокшарова

978-5-7937-1720-5

9 785793 717205

© Коллектив авторов, 2018
© ИПЦ СПбГУПТД, 2018

«Господа, – заговорил Атос,
– наше присутствие на этом свидании
доказывает силу нашей прежней дружбы»

*Александр Дюма
«Двадцать лет спустя»*

Двадцать лет спустя...

На протяжении последних двадцати лет каждый раз перед очередным чем-то примечательным (5-й или 10-й по счёту, 5-я, 10-я или 15-я годовщина с начала) «Боспорским феноменом» вспоминается тот первый, случившийся ещё в конце прошлого тысячелетия. И местом – в небольшом сводчатом подвальном помещении Казанского собора, под идущую наверху предрождественскую службу. И количеством участников – не более 30, среди которых, однако, оказался Кшиштоф Домжальский, сразу придавший нашей конференции статус международной. И тоненькой красной книжкой – сборником материалов, опубликованным на сэкономленные (оторванные!) от экспедиции деньги – с названием «Боспорское царство как историко-культурный феномен». И тёплой дружеской атмосферой, как оказалось, ничуть не мешавшей серьёзности докладов и заинтересованному их обсуждению.

И вот очередные «круглые» даты: 15-я конференция – ровно через 20 лет после первой. Были среди них более или менее удачные, лучше или хуже организованные, запомнившиеся или рядовые. Как сейчас ясно, организаторам – «самопровозглашённому» Оргкомитету – не хватало продуманной стратегии в последовательности конференций. (Хотя какая могла быть стратегия, если очень часто до последнего момента не было денег на издание материалов грядущей конференции, и никто не знал – она очередная или последняя). Тема следующей нередко рождалась случайно или придумывалась под обещанное соорганизаторами финансирование. Но всё-таки в итоге на прошедших конференциях и круглых столах феномен Боспорского царства оказался рассмотрен в самых разных аспектах. С большими или меньшими трудностями (и нервными затратами) к началу каждого очередного «феномена» был издан сборник материалов. Как кажется организаторам (а, может быть, не только им), в наш век торжествующего формализма, бюрократизации и иерархизации удалось сохранить первоначальную атмосферу дружеского, равного отношения ко всем коллегам-участникам конференции независимо от их чинов и званий, города или страны, из которых они приехали, а также стремление по возможности удовлетворить просьбу или пожелание каждого.

Косвенным подтверждением этого стал отклик на наше предложение принять участие в очередной конференции 2018 года, приуроченной к её двадцатилетию – пришло более 100 заявок! Организаторам очень хотелось сделать её если не заключительной (кто знает, что нас ждёт?), то подводящей результаты работы, проделанной всеми вместе за прошедшие годы. Предложенная тема – «Боспорский феномен: общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира» – не случайно ассоциируется с названием первой конференции. Но если тогда ключевым (и новым) было само слово «феномен» (ставшее с тех пор весьма популярным, если не расхожим), то теперь акцент захотелось сделать на сравнении «общего и особенного»: попытаться понять (или хотя бы приблизиться к пониманию), чем было (если было) непохоже Боспорское царство на другие государства античного мира.

Поставленная проблема нашла отклик среди коллег. В числе соорганизаторов конференции, как и два года назад, – Государственный Эрмитаж, Институт истории материальной культуры, Музей Академии художеств. К ним примкнул и Академический институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина.

Материалы, присланные для публикации, составили то солидное издание, которое вы держите в руках. В связи с этим Оргкомитет выражает особую признательность Благотворительному фонду содействия охране и исследования памятников археологии Северного Причерноморья и Приазовья «Артемида» (Москва), который вновь, как и в 2016 году, его профинансировал.

Структура сборника во многом была предопределена избранной темой конференции. Он открывается самым большим разделом «Феномен Боспорского государства». Его составили как материалы общего характера, посвящённые особенностям колонизации и судьбе эллинского импульса на Боспоре, проблеме трансформации полиса в территориально-монархическую державу, появлению уникальной формы греческой государственности, новым «неантичным» элементам в сложившейся здесь политической системе, так и статьи на более частные темы, касающиеся археологии и истории отдельных боспорских городов, поселений и некрополей. Значительную часть этого раздела составили публикации, касающиеся особенностей культуры, искусства и религиозной жизни Боспора. В статьях второго («Боспор и античный мир») и третьего («Боспор и варвары») разделов представлен историко-культурный контекст, в котором больше тысячи лет существовало Боспорское царство. Их сравнение и сопоставление также позволяет выявить «общее» и «особенное» в «боспорском феномене». Ни один наш последний сборник не обходился без публи-

кации материалов, связанных с новыми находками и открытиями и историей науки. Им посвящены 4-й и 5-й разделы.

Как всегда, в этом году есть друзья-коллеги, которых хочется поздравить с круглыми датами: Александр Александрович Масленников, Владимир Дмитриевич Кузнецов, Владимир Андреевич Хршановский. Необходимо вспомнить давно ушедших и незаслуженно забытых, чьи юбилеи прошли между конференциями – 90-летие Владислава Николаевича Андреева (1927–1984). С болью помянуть и тех, кто ещё совсем недавно был рядом: Сергей Дмитриевич Крыжицкий (1931–2017), Сергей Ремирович Тохтасьев (1957–2018), Николай Фёдорович Федосеев (1963–2018), Сергей Викторович Швембергер (1959–2018).

* * *

В той же XXXI главе книги Дюма «Двадцать лет спустя», из которой взят эпиграф к предисловию, благородному Атосу принадлежат и другие слова: «Министры, принцы, короли, словно поток, пронесутся и исчезнут, междоусобная война погаснет, как костёр, но мы, останемся ли мы теми же? У меня есть предчувствие, что да. Да, – сказал д'Артаньян, – будем всегда мушкетёрами». Последовавшая книга «Десять лет спустя» это подтвердила.

Пример, безусловно, достойный подражания, хотя и труднодостижимый. Всё, что мы можем обещать – будем стараться. Будем стараться оставаться – пусть не мушкетёрами, а просто организаторами круглых столов и конференций с общим названием «Боспорский феномен». И если не десять лет, то сколько сможем...

*Оргкомитет конференции
«Боспорский феномен»*

Со дня первой конференции, посвящённой своеобразному историко-культурному явлению, привычно называемому сегодня «боспорским феноменом», прошло двадцать лет. Пятнадцатый раз научное сообщество собирается для обсуждения проблем этого явления, так до конца и не понятого исследователями. Однако напрашивается вопрос: можно ли что-либо в науке понять «до конца»? Нужно ли в такой области как история и археология ставить предел, дальше которого специалисты не намерены продолжать исследования? Думается, ответ очевиден, и главное, что показала двадцатилетняя история «Боспорского феномена» – широкое и всестороннее заинтересованное обсуждение проблем, порождённых новыми открытиями и старыми неразрешёнными вопросами, это плодотворный и жизнеспособный формат реального развития науки и сложения прочных творческих контактов и связей между профессионалами.

Институт истории материальной культуры Российской академии наук с самого начала был представлен в этом научном диалоге не только участниками конференции, но и её организаторами. Вместе с коллегами из других петербургских учреждений – музеев, архивов и Университета – учёные Отдела античной археологии стояли у самых истоков создания этого, без преувеличения, уникального форума археологической и в широком смысле исторической мысли. Каждая следующая конференция была посвящена достаточно широкому, но вместе с тем ёмкому и внятному кругу проблем – вопросам понимания политической истории Боспора по археологическим и письменным источникам приходили на смену проблемы сложения самобытного искусства в регионе, проблематика этнокультурного взаимодействия боспорского населения уступала место конкретике хронологии и датировки. Менялись темы, звучали новые идеи и предлагались дальнейшие разработки уже апробированных сюжетов, а энтузиазм и готовность организаторов и участников «Феномена» продолжать начатое дело оставались всегда на уровне той первой заинтересованности, с которой они впервые выступили два десятилетия назад, осознав необ-

ходимость действенного вовлечения коллег и друзей по общему делу в дискуссию по самым насущным и теоретически значимым проблемам, касающимся истории Боспорского царства.

Поздравляя всех участников конференции с солидной датой (по меркам жизни форума достаточно конкретной направленности), хочется пожелать всем нам долгих лет успешной совместной работы.

С искренней заинтересованностью и поддержкой,

*Ваш Владимир Лапшин,
директор
Института истории
материальной культуры
Российской академии наук,
доктор исторических наук*

Археология Боспорского царства и Керченский музей древностей

У любого творения, деяния или просто начинания есть своя непредсказуемая судьба. Одним суждены недолговечность и забвение, другим – долгая жизнь и всеобщее признание.

Конференция под знаковым названием «Боспорский феномен», которая начиналась в 1998 году как юбилейное мероприятие, посвященное 30-летию археологической экспедиции Государственного музея истории религии, каждый год привлекала все больше исследователей, посвятивших себя изучению истории Боспорского государства, объединив их усилия, направленные на поиск истины и раскрытие сути явления, впервые названного тогда «Боспорским феноменом».

И если вначале её организатором был только Государственный музей истории религии, то впоследствии постоянными соорганизаторами стали Институт истории материальной культуры Российской академии наук и Государственный Эрмитаж. Со временем конференция приобрела статус международной, появлялись зарубежные партнёры: Центр исследования греческой культуры Причерноморья (Салоники, Греция), Британская академия черноморской инициативы, Датский центр черноморских исследований. Конференцию поддерживали Российский гуманитарный научный фонд (РГНФ), Благотворительный фонд «Артемид» и Санкт-Петербургский научный центр РАН. В настоящее время «Боспорский феномен» – крупнейшая в Российской Федерации международная научная конференция, посвящённая проблемам антиковедения, которая собирает ведущих специалистов. Каждый из научных форумов посвящается одному из аспектов жизни Северного Причерноморья в эпоху античности: греческой колонизации, проблемам хронологии и датировки памятников, истории открытия и исследования памятников Боспора, вкладу исследователей в развитие отечественной археологии, изучению истории региона. Всё это нашло своё отражение в статьях, опубликованных на страницах пятнадцати сборников материалов конференций и круглых столов. Заслуга конференции в том, что само понятие «Боспорский феномен» стало общим достоянием и сегодня рассматривается шире – как северопричерноморский феномен, став одной из сложнейших и увлекательных загадок древней истории.

И если более чем двухсотлетняя история изучения Боспорского государства позволила определить его суть как феномен, то будет пра-

вильным признать и тесную неразрывную связь этого феномена, его изучение с деятельностью Керченского музея древностей, являющегося фундаментальной базой для проведения археологических исследований. Керченский музей древностей – это зримый результат археологических исследований Боспора и сбора связанных с ними артефактов с начала XIX века по настоящее время.

Появление и история Керченского музея древностей были неразрывно связаны с зарождением и становлением классической (античной) археологии, с работой боспорских археологических экспедиций. Вся его деятельность на протяжении почти двухсот лет проходила в постоянном сотрудничестве с ведущими археологическими школами и была нацелена на аккумуляцию и сохранение информации по истории Боспорского царства.

Это уникальный и, пожалуй, единственный пример взаимодействия, даже взаимовлияния музейного учреждения и археологии как науки. Сегодня, как и в предыдущие исторические периоды, музей-заповедник тесно сотрудничает с работающими на европейской части Боспора археологическими экспедициями, представляющими ведущие научные и музейные учреждения Российской Федерации, в том числе – Государственный Эрмитаж, Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Институт археологии и Институт истории материальной культуры Российской академии наук. Ежегодно на Керченском полуострове работает до пятнадцати археологических экспедиций, проводящих плановые раскопки, а в последние годы к ним добавились и более десятка новостроечных археологических экспедиций. Сотрудничество с ними сегодня представляет собой широкий спектр различных направлений научной деятельности: совместные научные исследования, реставрационные мероприятия, межмузейный обмен выставочными проектами, конференции, формирование библиотечного фонда.

Рассуждая о правопреемнике Керченского музея древностей – современном Восточно-Крымском историко-культурном музее-заповеднике и его тесной связи с исследованием феномена Боспорского царства, целесообразно сказать несколько слов о некоторых особенностях его деятельности на современном этапе.

Восточно-Крымский музей-заповедник – комплексный историко-культурный и, прежде всего, археологический заповедник, который объединяет в своем составе все основные типы археологических памятников: городища, поселения, погребальные сооружения... Памятники Восточного Крыма всемирно известны, ко многим из них применимо понятие «феномен». Исследования этих объектов и полученных в результате находок не раз становились темой выступлений на «Бо-

спорском феномене». И если конференции позволяют с некоторой периодичностью раз в два года подвести итоги, поделиться открытиями и гипотезами, обсудить общие проблемы, то каждый археологический сезон территории, входящие в состав музея-заповедника предоставляют возможность тесного взаимодействия археологам, музейным работникам, реставраторам и близкой к ним общественности.

Керченский музей древностей – Керченский историко-культурный заповедник – Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник – это наследие, переданное нам по закону преемственности не только по форме, но и по содержанию, преемственности оценок и ценностей, то есть того, что и является основой сегодняшних достижений.

Следует вспомнить, что первая археологическая конференция советского времени, приуроченная к 100-летию Керченского музея древностей, которая прошла в Керчи в 1926 году, положила начало на новом историческом этапе выработке скоординированных планов археологических исследований в Крыму, а также подняла ряд научных и организационных проблем, связанных с охраной памятников.

Систематические исследования археологических объектов Восточного Крыма, которые ведутся сегодня, позволили определить формат музейного учреждения нового типа – «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник» и поставить задачу комплексного сохранения культурно-исторического наследия Керченского полуострова. Наша концептуальная позиция основывается на необходимости сохранения всей совокупности объектов археологического и исторического наследия, уникальной культурно-ландшафтной среды Восточного Крыма, в которой отражены основные этапы освоения всего Юга России в целом.

Нами совместно с археологами выработана позиция, заключающаяся в том, что полноценная реконструкция древних объектов на значительных участках раскопанных территорий античных городищ возможна лишь на основе специальных, согласованных и утвержденных в установленном порядке проектов музеефикации, осуществляемых коллективами профессиональных реставраторов. Обязательным условием с нашей точки зрения является участие авторов раскопок на всех стадиях разработки и воплощения проектов в жизнь.

В настоящее время разработаны концепции музеефикации ряда объектов культурного наследия, входящих в состав музея-заповедника, в том числе городища Пантикапей и крепости Керчь, которые строятся по нескольким аспектам – реконструкция и создание целостной системы мер по выявлению, изучению, восстановлению и музейной презентации объектов культурного наследия.

Боспорский феномен проявился и в том, что научный потенциал памятников Боспора оказался столь высок, что способствовал формированию плеяды блестящих исследователей – крупных учёных, археологов, историков.

Можно перечислить многих учёных с мировым именем: Михаил Иванович Ростовцев, Виктор Францевич Гайдукевич, Владимир Дмитриевич Блаватский, Ирина Дмитриевна Марченко, Ирина Тимофеевна Кругликова ... И их учеников: Борис Георгиевич Петерс, Михаил Моисеевич Кубланов, Нонна Леонидовна Грач, Игорь Георгиевич Шургая, Ириада Борисовна Зеест, Елизавета Григорьевна Кастанаян.

Их преемники и последователи успешно работают на Боспоре: Александр Александрович Масленников, Владимир Петрович Толстиков, Ольга Юрьевна Соколова, Владимир Андреевич Хршановский, Владимир Анатольевич Горончаровский, Юрий Алексеевич Виноградов...

Успешно руководят археологическими экспедициями Виктор Геннадьевич Зубарев, Николай Игоревич Винокуров, Евгений Александрович Молев, Марина Юрьевна Вахтина, Сергей Львович Соловьев, Александр Михайлович Бутягин...

На протяжении всей истории Керченского музея его сотрудники вели как самостоятельные археологические исследования боспорских городов, так и работали в составе академических экспедиций Киммерийского, Илуратского, Каменского, Тиритакского и Мирмекийского археологических отрядов Боспорской экспедиции ИИМК АН СССР под руководством В. Ф. Гайдукевича, в составе Пантикапейского отряда Боспорской экспедиции ГМИИ под руководством В. Д. Блаватского, Восточно-Крымского отряда Причерноморской экспедиции АН СССР под руководством И. Т. Кругликовой. Эта традиция продолжается и ныне – сотрудники музея имеют открытые листы и успешно работают в новостроечных экспедициях Института археологии РАН.

Это то, что можно назвать высоким словом традиция!

Хочется поблагодарить всех исследователей, работающих в тесном контакте с Восточно-Крымским историко-культурным музеем-заповедником, чьи бесценные находки комплектуют фонды заповедника, а монографии, публикации и выступления на международных конференциях способствуют осмыслению Боспорского феномена.

Крайне важным итогом раскопок последних лет Боспорской (Пантикапейской) археологической экспедиции Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина (г. Москва) стали материалы, которые дают основание для вывода о том, что Керчь – наследница Пантикапея – по праву может считаться древнейшим городом на территории Российской Федерации. Исследования ранних слоев городища позво-

лили выявить ряд строительных комплексов, относящихся к 620–590 гг. до н. э. Правомерность этих выводов подтвердили не только руководители археологических экспедиций, традиционно работающие на Боспоре, но и участники совещания, проведённого в Институте археологии Российской академии наук.

Полученные результаты стали основанием для обращения в органы государственной власти с предложением об официальном признании Керчи древнейшим городом на территории Российской Федерации и о проведении юбилейных торжеств на федеральном уровне.

Расширение и углубление комплексной деятельности современного музея-заповедника, которая сложна и многообразна, даёт надежду на превращение его в настоящий феномен культуры, отмечая при этом всё возрастающую его роль в сохранении, изучении и популяризации материального и нематериального культурного наследия Боспора, осмыслении того, что составляет его извечную загадку – Боспорского феномена.

В заключение хочется пожелать «Боспорскому феномену», его организаторам и участникам – исследователям различных аспектов истории и культуры Боспорского царства – новых замечательных открытий, которые приблизят нас к пониманию многогранного явления, известного под названием Боспорский феномен.

70 лет Александру Александровичу Масленникову

23 октября 2018 г. профессору, доктору исторических наук, заведующему Отделом полевых исследований Института археологии РАН А. А. Масленникову исполнилось 70 лет. Он родился в 1948 году в Туле. Детство пришлось на голодные послевоенные годы. Строгие принципы, унаследованные от родителей, и аскетизм до сих пор остаются важными чертами его характера и поведения. С родным городом, куда он приезжает время от времени, чтобы отдохнуть от московской суеты, его связывают не только могилы предков, но друзья детских и юношеских лет.

А. А. Масленников окончил исторический факультет Тульского государственного педагогического университета в 1970 г., а в 1973 г. он поступил аспирантуру Института археологии АН СССР, обучение в которой закончил в 1976 г. Его научным руководителем и наставником был основатель московской школы антиковедения В. Д. Блаватский. Личность очень яркая, колоритная, профессор Блаватский оказал на своего ученика огромное влияние, во многом определив основные направления и стилистику его дальнейшей научной деятельности. И не только. Принятый в доме В. Д. и Т. В. Блаватских (где в богатейшей в Москве библиотеке по античности часто проводились занятия с аспирантами), Александр Масленников жадно впитывал не только знания, но и житейские традиции, свойственные уходящему (уже, увы, почти ушед-

шему в прошлое) поколению российских ученых. Много почерпнул он в юные годы, сотрудничая с Н. А. Онайко. И, конечно, заметную роль в научном становлении нашего юбиляра сыграла И. Т. Круликова, один из основоположников того направления в исследовании памятников сельской территории Боспора, которое получило весьма плодотворное продолжение в работах А. А. Масленникова. Благодарная память об учителях и наставниках бережно сохраняется в его сердце все годы жизни.

В 1977 г. А. А. Масленников успешно защитил кандидатскую диссертацию «Население Боспорского царства VI–II вв. до н. э.». Прошло еще 16 лет, прежде чем на суд научной общественности им была представлена диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук по теме «Сельская территория Европейского Боспора в античную эпоху (система расселения и этнический состав)», с блеском защищенная в 1993 г. в Институте археологии.

Между этими двумя датами в жизни исследователя – целая эпоха научных свершений. И эпоха эта, в первую очередь, связана с Полем. Впервые А. А. Масленников приобщился к нему еще в конце 1960-х гг. и с тех пор, кажется, не пропустил ни одного полевого сезона. Работал в Крыму, Молдавии, на Северном Кавказе, Таманском полуострове. Но особое место в его сердце и судьбе заняло Крымское Приазовье. Здесь он в уже далеком 1975 году создал Восточно-Крымскую экспедицию, которой бесменно руководит до сих пор. Благодаря его увлеченности, трудолюбию и организаторским способностям в Крымском Приазовье работало несколько отрядов. Некоторые из них трудились под руководством учеников Александра Александровича. Но душой и движущей силой этих работ, конечно же, был и остается он сам. Именно его усилиями в этом дотоле почти неведомом для науки регионе были открыты десятки интереснейших памятников древности, эллинских и варварских. Впрочем, не только в Приазовье...

Новые открытия и глубокое знание добытых в экспедициях материалов и послужили тем прочным фундаментом, на котором была построена докторская диссертация Масленникова, также как и его бесчисленные статьи (их опубликовано более двух сотен) и многочисленные монографии. Назовем лишь некоторые из них, и лишь для того, чтобы наглядно показать, что без научных трудов нашего юбиляра представить себе современный уровень исследования Боспора сейчас просто невозможно.

«Население Боспорского государства в VI–II вв. до н. э.» (М., 1981); «Население Боспорского государства в первых веках н. э.» (М., 1990); «Каменные ящики Восточного Крыма (К истории сельского населения Европейского Боспора в VI–II вв. до н. э.)» (М., 1995); «Семейные скле-

пы сельского населения позднеантичного Боспора» (М., 1997); «Эллинская хора на краю Ойкумены. Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху» (М., 1998); «Древние греки на севере Понта Евксинского» (на греч. яз., Салоники, 2000); «Древние земляные погранично-оборонительные сооружения Восточного Крыма» (Тула, 2003); «Античное святилище на Меотиде» (Тула, 2006); «Сельские святилища европейского Боспора» (Тула, 2007); «Граффити и дипинти хоры античного Боспора» (Киев, 2007, в соавторстве с С. Ю. Сапрыкиным); «Царская хора Боспора». Т. 1. «Архитектурно-строительная и археологическая характеристика памятников»; Т. 2. «Индивидуальные находки и массовый археологический материал» (М., 2010; 2012)...

В чем же секрет огромной трудоспособности и творческой продуктивности Александра Александровича? Думается, что не погрешим против истины, если скажем – искренняя и верная любовь. Любовь к тому уголку на Юге России, где встречаются вечно шумящее лазурное море и выбеленные солнцем скалы, где под теплым ветром волнуется ковыль, и жаркий воздух напоен дыханием крымской степи, где античная древность в виде поросших седыми лишайниками кладок выходит из толщи земли на ее поверхность, встречаясь с современностью... И еще – любознательность. Как же удержаться от того, чтобы вновь и вновь – год за годом – не приехать сюда, в этот дивный мир, чтобы раскрыть очередную тайну древней и вечно юной цивилизации эллинов?

Здесь прошла большая часть сознательной жизни Александра Александровича, с этими местами связаны и важнейшие события его личной биографии. Многим из нас и без него самого совершенно невозможно представить Восточный Крым с его памятниками древности. Наш юбиляр так сроднился с Крымским Приазовьем, что когда наблюдаешь за ним среди холмов и скал, кажется, будто и сам он – словно бы «демон» этих мест.

Характер нашего А. А. Масленникова очень ярко проявился еще в одном важном деле. В 1998 году он стал одним из организаторов и бессменным главным редактором ежегодника «Древности Боспора». С тех пор год за годом выходит из печати очередной том (бывало и по два). На книжной полке многих специалистов по археологии и истории Боспора – длинный ряд книг в оранжевом переплете с изображением летящей цапли с резного камня Дексамена Хиосского на обложке. Только что увидел свет 22-й том. Как опытный капитан, Александр Александрович провел свое детище (которое в этом году также отмечает свой юбилей) через все бури и препятствия двух прошедших десятилетий. Едва ли читатели «Древностей Боспора», ожидающие с нетерпением появление очередного тома, могут догадываться о том, что лишь благодаря несгибаемому упорству и энтузиазму главного редактора издание живо до сих пор.

В 2004 г. А. А. Масленников был назначен на ответственный пост – стал заведующим Отделом полевых исследований ИА РАН. И уже полтора десятилетия несет на своих плечах эту непомерную ношу, словно атлант, подпирающий небесный свод. Вероятно, кому-то это сравнение покажется чрезмерно напыщенным, едва ли не карикатурным. Однако всякий, кто знаком близко с трудами Александра Александровича на этом поприще, не сочтет сказанное литературным преувеличением. Именно он стоит на передовом рубеже, отделяющем мир, в котором памятники древности имеют неограниченную ценность, от мира в котором эти памятники видятся копиями, из которых можно и следует извлечь прибыль. Через его руки (и сердце) проходят тысячи заявок на право проведения полевых работ и тонны отчетов об уже проведенных работах, выполненных отнюдь не только академическими учеными... Трудно себе представить, сколько сил и времени уходит на все это. Приходится работать допоздна, и в выходные дни, и в праздничные... Дай Бог, чтобы хватило сил, а профессионализма, упорства и чувства долга Александру Александровичу не занимать.

Удивительно, что при такой занятости административными делами еще хватает времени на научную работу, которая воспринимается им как награда. Глубокого уважения заслуживает и то, что постоянно пребывая в эпицентре сложных, порой напряженных человеческих отношений, Александр Александрович не утратил человеческой доброты, внимания к друзьям и коллегам, способности заботиться о своих учениках (в судьбе которых он неизменно принимает участие даже когда они уже «оперились» и «вылетели из его гнезда»). Особенно трогательно его внимание к старшему поколению, к тем, кто еще помнит, как много лет назад юноша из провинциальной Тулы только появился в коридорах Института археологии. Их уже немного осталось... И самого этого «юношу» мы чествуем сегодня в связи с его 70-летием.

Дорогой Александр Александрович,

Воздавая должное Вашим достижениям, заслугам и успехам, Вашему трудолюбию и научной любознательности, что лежат в основе всех этих достижений, высоко ценя Ваши человеческие качества, мы от всего сердца поздравляем Вас с юбилеем! И хотя, празднуя юбилей, принято как бы подводить итоги, мы искренне считаем, что впереди Вас ждут новые замечательные открытия и свершения. И потому желаем Вам крепкого здоровья и досуга, необходимого для спокойствия души, любимой работы, общения с близкими людьми и радости бытия!

Ваши друзья и коллеги

65 лет Владимиру Дмитриевичу Кузнецову

20 августа 2018 года доктору исторических наук, заведующему Отделом классической археологии Института археологии РАН, директору Государственного историко-археологического музея-заповедника «Фанагория» В. Д. Кузнецову исполнилось 65 лет. Он родился и вырос на берегу Волги, в г. Куйбышеве (Самара). Окончив среднюю школу, Владимир поступил в Куйбышевский государственный университет. В студенческие годы он принял участие в своих первых археологических изысканиях – раскопках памятников эпохи бронзы. В 1973 г. он впервые приехал на раскопки Фанагории. И это событие стало «краеугольным» в дальнейшей его судьбе. Прежде всего, оно предопределило перевод на учебу в Москву, в МГУ им. М. В. Ломоносова. Особую роль в период обучения в университете (как и позднее) в становлении В. Д. Кузнецова как ученого сыграл выдающийся отечественный антиковед Г. А. Кошеленко. Выпускник кафедры истории древнего мира (1978 г.), В. Д. Кузнецов поступил в аспирантуру Института археологии. Естественно, что наставником его был Г. А. Кошеленко. Под его руководством Владимир Кузнецов завершил подготовку диссертации кандидата исторических наук «Ремесло классической Греции», успешно защищенной в 1984 году.

Все годы обучения в аспирантуре В. Д. Кузнецов каждое лето проводил на раскопках Фанагории. В те годы исследования памятника

возглавляла М. М. Кобылина, с которой нашего юбиляра долгие годы связывали самые добрые и теплые отношения. Исследования на «Верхнем городе», начатые в 1975 г. на краю верхнего плато, открыли для него остатки греческого города эпохи архаики и во многом определили приоритеты в научных интересах нашего юбиляра.

К началу 1980-х годов раскопки в Фанагории были перенесены на южную окраину города, жизнь на которой началась лишь с рубежа архаической и классической эпох. Возможно, в силу этого (и некоторых других) обстоятельства и, вероятно, желания самостоятельности, В. Д. Кузнецов в 1984 г. начинает свои полевые исследования в Кепач, которые продолжаются вплоть до 1989 года. Надежды на раскопки архаического города, наверное, оправдались здесь не в полной мере: на избранном для раскопок участке городища на поверхности материка лежал слой I в. н. э. Правда, в самом материковом песке были открыты десятки ям VI – начала V в. до н. э. с богатейшим керамическим материалом. Изучая его со свойственным ему старанием, Владимир Дмитриевич становится одним из лучших знатоков расписной керамики архаического периода.

Большое значение имел также опыт руководящей и организационной работы, приобретенный в те годы. Небольшой, но отлично организованный коллектив под руководством В. Д. Кузнецова выполнил огромный объем работы, а уютный и гостеприимный лагерь стал местом, куда охотно приезжали друзья и коллеги из соседних экспедиций пообщаться, полюбоваться особенными кепскими закатами...

Но, как говорится, первая любовь не стареет. И в 1990 г. В. Д. возвращается в Фанагорию, чтобы остаться с ней навсегда. Страстная любовь и серьезный научный интерес к этому замечательному, крупнейшему памятнику античной культуры стал фундаментом для достижения самых значительных результатов его деятельности, научных и организационных. Вернувшись в Фанагорию обогащенным новыми знаниями и опытом, он продолжил раскопки в том же самом месте, где началось его знакомство с фанагорийской архаикой. В 1993 г. В. Д. Кузнецов становится начальником Фанагорийской (Таманской) археологической экспедиции.

Девяностые годы были труднейшим периодом в жизни всей страны. И в жизни экспедиции, конечно, тоже. Воистину героическое преодоление бытовых трудностей имело практически повседневный характер. Однако уже тогда новый начальник Фанагорийской экспедиции формулирует и начинает реализацию больших и амбициозных планов, в реалистичность которых никто не мог поверить, наверное, даже он сам. Но таков уж характер нашего юбиляра. Он справедливо держится

мнения, что если не ставить перед собой крупных проблем и задач – результат будет соответствующим.

Эта убежденность проявилась, в частности, и в его докторской диссертации «Организация общественного строительства в древней Греции», которую В. Д. Кузнецов блестяще защитил в 1996 г. (в виде книги диссертация увидела свет в 2000 г.). Тема глобальная, требующая глубокого знания обширнейшей специальной литературы, опубликованной во множестве изданий на разных европейских языках, серьезной эпиграфической подготовки, внушительных аналитических способностей. Немногие решились бы взяться за подобный труд. А Владимир Дмитриевич, ориентируясь на лучшие европейские образцы, со всем этим успешно справился. Для того, чтобы написать работу, соответствующую самым высоким стандартам, В. Д. Кузнецов много времени провел в лучших библиотеках и научных центрах Европы. В эти годы у него сложились многочисленные научные и дружеские контакты с ведущими зарубежными учеными.

Такой подход в науке он исповедует, продолжая дело Г. А. Кошеленко, который, в свою очередь, воспринял его от своего научного руководителя В. Д. Блаватского. Того же принципа юбиляр придерживается и при выборе тем кандидатских диссертаций для своих учеников.

Так или иначе, Фанагорийская экспедиция, возглавляемая В. Д. Кузнецовым, в 2000-х становится крупнейшей античной археологической экспедицией не только в нашей стране. Огромную роль здесь сыграла поддержка, которую оказывает Фонд О. В. Дерипаски «Вольное дело». Но глубоко ошибается тот, кто полагает, что В. Д. Кузнецову «просто повезло». Совсем не «просто». Как говорится, «везет тому, кто везет». Со стороны не видно, сколько трудов и здоровья уходит на то, чтобы «выстроенный корабль» успешно бороздил просторы... Сами выросшие в разы масштабы проводимых работ требуют усилий, неведомых тем, кто предпочитает небольшой раскоп, крохотный полевой лагерь, тонкий отчет о проведенных работах. А на сегодняшний день раскопки только на городище Фанагории достигли площади примерно в полгектара, и это при мощности слоя 5–6 метров! Проводятся масштабные высокотехнологичные исследования и в затопленной части памятника, и на некрополе.

Получены богатейшие материалы по истории и археологии Фанагорийского полиса, сделаны важные, иногда сенсационные, открытия. Но это лишь вершина айсберга. В незаметных постороннему глазу глубинах остается огромный повседневный труд (научный и организационный) самого юбиляра и созданного им коллектива единомышленников, специалистов разного профиля, постоянных участников Фанагорийского проекта.

Одной из главных задач было и остается введение в научный оборот добытых в поле богатств. Для её решения было организовано (2013 г.) серийное издание «Фанагория. Результаты археологических исследований», в котором получают отражение важнейшие итоги изучения древнего города и его округа, публикуются новейшие материалы раскопок и памятники, открытые в предыдущий период. На сегодняшний день под редакцией юбиляра издано семь полновесных томов и готовится очередная. Им же было инициировано и подготовлено (совместно с университетом Гёттингена) издание трех томов «*Altertümer Phanagorias*» (2011–2014). Говоря о заслугах В. Д. Кузнецова в области издательского дела, нельзя не вспомнить и то, что во многом благодаря его усилиям реальностью стало монументальное трехтомное издание «Античное наследие Кубани» (М., 2010). После безвременной кончины Г. М. Бонгард-Левина обязанности ответственного редактора целиком и полностью легли на плечи Владимира Дмитриевича.

Благодаря его неустанному труду и фантастической энергии в 2012 г. близ окраины посёлка Сенной был открыт научно-исследовательский центр Фанагорийской экспедиции, построенный по проекту А. В. Кузнецова, сына Владимира Дмитриевича. Это роскошное здание с просторными хранилищами, оборудованными лабораториями, конференц-залом и библиотекой, а также комфортабельными жилыми помещениями для сотрудников. Здесь также проводятся международные конференции, посвященные истории и культуре Фанагории и Северного Причерноморья. Мог ли кто мечтать, ютясь в выветренной и выбеленной летним зноем, продуваемой ветрами и мокнущей под дождями палатке, что настанет момент, когда все это станет реальностью? Возможно. А он – не только смог мечтать, но сделать свои мечты явью.

Многолетние усилия В. Д. Кузнецова инициировали создание в 2014 г. Министерством культуры Российской Федерации «Государственного историко-археологического музея-заповедника “Фанагория”». Закономерно, что Владимир Дмитриевич и возглавил это учреждение культуры. Новое направление в работе юбиляра, конечно же, требует много сил и внимания. Но отступать – не в его характере.

Научно-организационные дела и заботы отнимают много времени. В. Д. Кузнецов возглавляет Отдел классической археологии ИА РАН, он – член ученого и диссертационного советов ИА РАН, член редколлегий ряда ведущих профильных изданий, в том числе «Российской археологии», «Вестника древней истории». Трудно себе представить, каким образом один человек способен справляться со всеми этими делами. Особо хочется подчеркнуть: вопреки такой загруженности Владимир Дмитриевич был и остается глубоким исследователем и в из-

учении античных древностей видит главное дело жизни, сетуя лишь на то, что недостает времени для постоянной научной работы, требующей сосредоточенности и отрешенности. Разносторонний специалист, ориентированный на комплексное исследование разных категорий источников – сведений литературной античной традиции, памятников эпиграфики, нумизматики и археологии, – он вынужден жертвовать своим временем и силами. И хотя, случается, он употребляет избитую фразу «незаменимых у нас нет», сам он, похоже – из другого числа.

Для близких человек доброжелательный, искренний и открытый, В. Д. не торопится «подпускать к себе» всякого. Со стороны кому-то его честность, открытость и принципиальность могут показаться жесткостью и даже прямолинейностью. Но это совсем не так. И под этим утверждением подпишутся все, кто его знает. Действительно нетерпим он лишь к непрофессионализму, разгильдяйству, необязательности. Зато для друзей и коллег щедро открываются самые лучшие его качества. К числу многих его достоинств относится и щедрость – во всех ее проявлениях...

Дорогой Владимир Дмитриевич,

Поздравляя с юбилеем, хочется пожелать Вам того, что необходимо для долгих лет счастливой и плодотворной жизни: крепкого здоровья Вам и вашим близким – и достаточно свободного времени для реализации самых дерзновенных научных планов! Пусть самые смелые Ваши замыслы осуществляются без надрыва сил, и пусть удача не покинет Вас!

Ваши друзья и коллеги

70 лет Владимиру Андреевичу Хршановскому

10 ноября 2018 г. исполнилось 70 лет бессменному председателю Оргкомитета конференции «Боспорский феномен» Владимиру Андреевичу Хршановскому.

Владимир Андреевич родился в 1948 г. в послевоенном Ленинграде в семье творческих людей. Мать, Серафима Матвеевна, работала, как и всю блокаду, корреспондентом «Ленинградской правды», отец, Андрей Александрович, демобилизовавшийся после десятилетней службы в армии, проведя 1941–1944 годы во внутреннем кольце обороны Ленинграда, – редактором в ленинградском отделении издательства «Молодая гвардия».

Литературные способности Володя, по-видимому, унаследовал от родителей, а вот страсть к истории и археологии возникла сама по себе. Дом, в котором он прожил всю жизнь, находится на Греческом проспекте. Детство его прошло в расположенном напротив садике, примыкавшем к Греческой церкви. Весной 1962 года в садик въехали экскаваторы с подвязанными к стрелам стальными шарами, чтобы разрушить

церковь и на её месте к 50-летию Октябрьской революции построить Большой концертный зал. Проводя всё свободное время на развалинах бывшей церкви, Володя сделал свою первую археологическую находку: чудом сохранившуюся под слоем строительного мусора мраморную плиту с позолоченной надписью: «Храм сей во имя Святого Дмитрия Солунского... сооружен в царствование благочестивейшаго ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II иждивением Дмитрия Бенардаки...». Не без труда притащил он эту плиту домой, где она хранится и по сей день, ожидая возможного восстановления Греческой церкви.

Закончив среднюю школу, Владимир поступает на исторический факультет Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена. Там, благодаря замечательным преподавателям – Лие Менделевне Глускиной, читавшей курсы истории Древнего Востока и Древнего мира и Владиславу Николаевичу Андрееву с его курсом «Археология» – сформировался и окреп его интерес к античности. Он становится активным участником (а со временем председателем) Студенческого научного общества по истории Древнего мира. Под руководством В. Н. Андреева пишет курсовые работы по «Диалогам» и «Законам» Платона и диплом, посвящённый социально-политическим взглядам Полибия.

После первого курса летом 1967 года студенты истфака должны были пройти музейную или археологическую практику. Но если музейная централизовано организовывалась деканатом, то желающие пройти археологическую должны были позаботиться о себе сами. Володя Хршановский проявляет инициативу, идёт в Отдел античной археологии Ленинградского отделения Института археологии АН СССР и договаривается об археологической практике для группы из шести студентов с начальником Южно-Донской экспедиции – И. Б. Брашинским. Сначала на окраине Ростова, а затем в станице Елизаветовской прошёл его первый полевой археологический сезон.

Закончив в 1970 году институт, Владимир Хршановский начинает преподавать в средней школе и, одновременно, поступает в очную аспирантуру Государственного музея истории религии. Предложенная тема была далека от сложившихся в институте научных интересов, да и от науки вообще. Отдушиной стали эпизодические литературные занятия – отзывы на заинтересовавшие его книги, юбилейные очерки о любимых писателях (Лермонтов) и археологах (Поль Дюбрюкс), публиковавшиеся в журнале «Звезда» (Тайна Лермонтова // Звезда. 1989. № 10; Француз из Петербурга // Звезда. 1999. № 12). Но и археологию он из виду не упускал. Когда во время обучения в аспирантуре (1972 год) представилась возможность поехать в экспедицию на некрополь Илурата с будущим археологическим наставником и учителем М. М. Кублановым, он без ко-

лебаний ею воспользовался, несмотря на явное неодобрение его научного руководителя и сомнения руководства Музея в целесообразности такого использования аспирантского отпуска. За этим последовали две этнографические экспедиции – в 1975 году в Ханты-Мансийский национальный округ, в 1977-м – к старообрядцам в Горьковскую область.

Защитив в 1977 году диссертацию, он остаётся работать в музее, сначала младшим научным сотрудником, потом старшим. В 1988–1989 годах исполнял обязанности заместителя директора по научной работе, а в последние десять лет (2001–2009) – заведующего Отделом архаических верований и ранних цивилизаций и хранителя фонда «Древний мир и происхождение христианства». В ноябре 2002 г. «за многолетний и плодотворный труд, за особые заслуги в области сохранения и развития культуры и искусства» награжден знаком «За достижения в культуре» Министерства культуры Российской Федерации. Но больше всего он ценит организованную им кампанию по спасению Музея истории религии в 2006 году, когда выяснилось, что после переезда в новое здание на Почтамтской ул., 14 и создание новой экспозиции «родному» Министерству культуры он оказался больше не нужен. Но, как это почти всегда бывает, и те, кто его отстоял, вскоре оказались не нужны. По совершенно надуманной причине после возвращения из очередной экспедиции он получает выговор. Добившись по суду его отмены, Владимир Андреевич уходит на пенсию «по собственному желанию» работать с новым директором в новых «невыносимо комфортных» условиях. К этому моменту его трудовой стаж в Государственном музее истории религии составлял 38 лет и 3 месяца.

Со временем, когда диссертационные хлопоты оказались позади, Владимиру Андреевичу удаётся вернуться к любимым историческим сюжетам. Он пишет несколько статей по истории раннего христианства. Но, что для него главное – продолжает ежегодно ездить в археологические экспедиции. В 1978 году с экспедицией Б. Я. Ставиского принимает участие в раскопках буддийского монастыря Кара-Тепе под Термезом. В 1979 году по его инициативе была возрождена археологическая экспедиция Музея на некрополе Илурата. Возглавлял её, как и раньше, М. М. Кубланов, но Владимир Хршановский уже исполнял обязанности заместителя начальника экспедиции. Полевой сезон 1980 года был пропущен из-за московской Олимпиады. Но в 1981 году выяснилось, что открытый лист на раскопки некрополя и городища Илурат уже получил сотрудник ЛОИА И. Г. Шургая и продолжение работ музейной экспедиции там невозможно. Тогда он с небольшим музейным отрядом на протяжении трёх сезонов (1981–1983 гг.) принимает участие в Кавказской археологической экспедиции А. М. Лескова в Адыгее. С 1984 года (после скоропостижной смерти И. Г. Шургая) начальни-

ком Илуратского отряда Боспорской экспедиции ЛОИА становится В. А. Горнчаровский. В его составе музейная экспедиция, возглавляемая В. А. Хршановским, с 1984 года возобновляет работу на любимом некрополе Илурата. А в 1989 году по предложению Е. А. Молева, получив собственный Открытый лист, начинает параллельно вести раскопки некрополя Китея. С 1984 по 2013 год под его руководством было проведено 30 полевых сезонов на некрополях Илуратского плато, а с 1989 по 2018 – столько же на некрополях Китайской равнины. Исследовано более 500 погребально-поминальных комплексов и святилищ. Собранный материал требует обработки, осмысления и монографических публикаций. Но, помимо научного результата, для Владимира Андреевича каждый раз не менее важно, как прошла экспедиция, захотят ли те, кто был в этом году, приехать в следующий раз...

В 1998 году – ровно двадцать лет назад – подумывая о завершении активной археологической деятельности, Владимир Андреевич решил провести «итоговую» конференцию. Придумал название – «Боспорское царство как историко-культурный феномен» и разослал приглашения узкому кругу друзей-коллег из Эрмитажа, ИИМКа, Нижегородского университета. В той конференции, проводившейся ещё в подвале Казанского собора, приняли участие около 30 человек. Но прошла она так (и плодотворно, и тепло), что по её окончании все выразили единодушное желание продолжать, сделав подобные встречи периодически, регулярными. С тех пор за прошедшее время силами сложившегося «самопровозглашённого» Оргкомитета «Боспорского феномена» были проведены 15 конференций и круглых столов, изданные материалы которых занимают целую полку. Конференция обрела статус международной, стала одной из самых представительных и популярных среди археологов, историков, филологов-классиков. И Владимир Андреевич по праву гордится тем, что это его «детище» оказалось востребовано, зажило своей собственной – уже почти не зависящей от инициаторов и организаторов – жизнью.

Владимир Андреевич является автором многочисленных статей. К некоторым по прошествии времени он стал относиться критически. Но по-прежнему очень ценит три свои публикации в «Древностях Боспора» («Погребально-поминальные комплексы второй половины I – первой половины II вв. на некрополе Илурата» // ДБ. М., 2010. Т. 14; «Склепы I – первой половины II вв. н. э. на Илуратском плато» // ДБ. М., 2011. Т. 15; «Склепы-катакомбы на Илуратском плато: типология, хронология, проблемы этнокультурной принадлежности» // ДБ. М., 2012. Т. 16). Не только потому, что они потребовали нового уровня осмысления и формы подачи материала. Но и потому, что написаны были по гранту РГНФ,

участвовать в котором после вынужденного ухода из музея ему предложили московские друзья-коллеги А. А. Маслеников и А. А. Завойкин. Это была и моральная, и материальная поддержка, которую он оценил.

Помимо собственно археологических публикаций, значительное место в его научной деятельности занимает история науки и творческие биографии учёных – археологов и историков. Самым значительным результатом стала подготовка к изданию двухтомника воспоминаний его учителя М. М. Кубланова (Апокрифы. СПб., 2014, 2016. Т. I–II). Но и отдельные небольшие публикации, посвященные Р. В. Шмидт («Раиса Викторовна Шмидт. Страницы забытой жизни (1899–1941)» // Боспорские чтения. Керчь, 2016. Вып. XVII), М. К. Трофимовой («Памяти Марианны Казимировны Трофимовой (1926–2016)» // Элита Боспора и боспорская элитарная культура. Материалы международного Круглого стола. СПб., 2016), В. Н. Андреева («Позднее признание» // Боспорский феномен. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античности. Материалы международной научной конференции. СПб., 2018) написаны им без расхожих штампов, «от себя», и позволяют представить этих людей даже тем, кто их никогда не знал.

Любимый вопрос, который часто задает своим коллегам Владимир Андреевич: «Как вы думаете, археология – наука о вещах или о людях?» Коллеги задумываются, отвечают по-разному. Для него самого, как кажется, ответ ясен. Вещи, которые находят археологи, сделаны людьми, использовались людьми (а если речь идёт о сакральных комплексах, то и с особым – не только утилитарным – смыслом) – и не учитывать это нельзя. Кратко он сформулировал это в одной фразе: «Древние люди жили не для того, чтобы мы их изучали». С этим трудно поспорить. Но ведь из того, что они жили «для себя», говорит он, следуют и вопросы, которые часто не ставятся: отличалось ли их мировосприятие от нашего, и, если да, то чем? Не модернизируем ли мы невольно их представления (скажем о времени и пространстве, но не только), бессознательно перенося на них – наши. И если уж нельзя избавиться от этого, то, может быть, стоит хотя бы осознать и осмыслить эту проблему, а, значит, в той или иной степени приблизиться к пониманию древнего человека и смысла его действий. Последняя задача, пожалуй, ещё посложнее, чем организовать и провести 40 экспедиций или 15 конференций. Но и не менее увлекательна...

Марина Цветаева когда-то очень точно сформулировала: «Главное – не успех, а успеть». Успеть осуществить всё задуманное – наше пожелание юбиляру.

З. В. Ханутина

**Позднее признание.
Памяти Владислава Николаевича Андреева (1927–1984)**

В один из моих приездов в Киев с отчётом о раскопках минувшего сезона Надежда Авксентиевна Гаврилюк, писавшая тогда книгу об экономике Степной Скифии, спросила, не знаю ли я что-нибудь об Андрееве. Нет, не о Юрии Викторовиче, знаменитом своими многочисленными книгами по истории Эгейского мира эпохи бронзы и Древней Греции, а о его однофамильце – В. Н. Андрееве. Ответить на её вопрос было нетрудно. Владислав Николаевич Андреев на протяжении всех четырёх лет моего обучения на историческом факультете ЛГПИ им. А. И. Герцена (с 1966 по 1970 годы) был руководителем первых курсовых работ о Платоне и дипломной, посвящённой социально-политическим взглядам Полибия. Да и после окончания института на протяжении десяти с лишним лет я поддерживал с ним отношения до его внезапной смерти в 1984 году.

Впрочем, знакомство с Владиславом Николаевичем, правда, тогда анонимное, состоялось ещё раньше – в сентябре 1966 года, когда нас, первокурсников, вместо учёбы отправили на месяц убирать картошку в совхоз «Детскосельский». В числе присматривающих за нами было несколько аспирантов и преподавателей истфака. Один из них – неопределённо-среднего возраста, невысокого роста, худощавый, в больших очках, с лохматой, местами уже седеющей шевелюрой и небольшими подстриженными усами – в отличие от других не только «надзирал»,

но и вместе со студентами собирал картошку в ящики и без видимого усилия кидал в подъезжающие под погрузку машины.

На первой же лекции по археологии мы узнали, что его зовут Владислав Николаевич Андреев, что в первом семестре он будет читать нам этот курс, а потом принимать зачёт. Кроме того, оказалось, что он руководит студенческим научным обществом (СНО) по истории Древнего мира, и те, кто интересуется именно ею, могут на заседаниях СНО делать свои сообщения на избранную тему и принимать участие в обсуждении других. Археология и Древняя Греция увлекали меня тогда сильнее всего. Так что наше сближение и впоследствии частые встречи с ним и на кафедре всеобщей истории, и на факультативных занятиях древнегреческим языком, которые он вёл для всех желающих, и у него дома, куда он приглашал своих студентов по тем или иным делам, были предопределены.

Тема моей первой курсовой работы – «Эстетические взгляды Платона», как я сейчас понимаю, сложилась из моего желания «неофита» осмыслить недавно произошедший во мне – благодаря замечательной преподавательнице литературы в старших классах школы Ирине Николаевне Вакиной – «культурный переворот», открывший «мир прекрасного», и стремлением Владислава Николаевича приобщить меня (как и многих других учеников) к своему любимому древнегреческому философу – Платону. Аристотеля он ценил гораздо меньше и при случае говорил: «Муза его не поцеловала». Может быть, эта фраза больше говорит о самом Владиславе Николаевиче и его представлении о «музе», а не об Аристотеле. Но предпочтение очевидно. Не случайно долгие годы (если не несколько десятилетий) он под руководством преподавателя кафедры классической филологии ЛГУ Александра Иосифовича Зайцева участвовал в чтениях «Законов» Платона на древнегреческом языке.

Свою педагогическую задачу Владислав Николаевич видел прежде всего в том, чтобы обучить меня правильной с его точки зрения методике работы. Напомню, что это происходило в прошлом тысячелетии, в докомпьютерную эру, и я начал старательно переписывать на карточки всё, что относилось к представлению о Прекрасном из недавно изданного и загодя приобретённого мной однотомника «Избранные диалоги» Платона. Сгруппировав карточки по темам и сюжетам, расположив их в нужной последовательности, я мог браться за написание самого текста курсовой. Разумеется, о чтении Платона в подлиннике речь идти не могла, но ссылки Владислав Николаевич с самого начала приучал меня делать так, как это принято в академических изданиях: Plato, *ibid.*...

Мало что осталось в памяти о том (первом!) моём студенческом сочинении. Но в заключении, проводя совершенно ненаучные срав-

нения идеального (как мне тогда казалось) политического устройства Афин с окружавшей меня советской действительностью, я с грустью констатировал: «Народ пьёт, народ доволен»... Никакого одергивания, никакого предостережения со стороны научного руководителя не последовало. Едва заметные карандашные замечания на полях и «отл.» на последней странице. Не за глубокий анализ Прекрасного у Платона, разумеется. А просто за попытку мыслить. Самостоятельно мыслить. В отличие от других преподавателей он не требовал перед началом работы составить библиографию по избранной теме. Не оценивал её по количеству ссылок, хотя и говорил иногда, что хорошо бы было посмотреть такую-то или такую-то статью или книгу. Одной из любимых древнегреческих поговорок, которую он произносил с едва заметной, теряющейся в усах усмешкой, была – «Многознание уму не научает».

Тема следующей курсовой была предложена уже самим Владиславом Николаевичем – «Законы» Платона. Та же методика, те же требования. Проблема, однако, была в том, что я никак не мог достать в фундаментальной библиотеке института II часть «Законов» и решил ограничиться первой. Сообщая об этом Владиславу Николаевичу, я рассчитывал на его спокойное (как всегда) разрешение. И – ошибся. Пришлось через знакомых сотрудников Публичной библиотеки, получить на дом недостающую часть «Законов», и за остававшиеся «дни и ночи» полностью завершить работу. Даже в студенческой курсовой работе нельзя было использовать половину источника. Это был урок, который запомнился.

Перед третьим курсом я оказался на распутье. То, чем занимался (и предлагал заняться мне) Владислав Николаевич – использование в истории методов популярной тогда социологии – мне было не близко. Вторым (но первым по статусу) преподавателем-античником на кафедре была Лия Менделевна Глускина, которая посоветовала мне заняться Полибием и выразила готовность стать моим руководителем. Полибий и его «Всеобщая история» мне с моим пристрастием к обобщениям, поиску закономерностей и аналогий были несравненно ближе социологического анализа и статистических подсчётов. Но «изменить» Андрееву? Я честно поведал ему о своих сомнениях, и он согласился быть руководителем новой темы курсовой работы, которая должна была перерасти в дипломную.

Карточки, на которые были переписаны три тома «Всеобщей истории» Полибия в переводе Ф. Г. Мищенко, до сих пор иногда сыплются мне на голову с верхней книжной полки. Стиль руководства никак не изменился: максимум свободы (прежде всего – чтение и комментирование источника) при минимуме достаточно жёстких (и обоснованных) требований. И – помощь. Навсегда запомнилось, как он купил по случаю уценённый (за 1 руб. 50 коп.!) двухтомник древнегреческо-русско-

го словаря И. Х. Дворецкого и, перевязав его суровой веревкой, принёс мне в институт. Так и стоит он у меня до сих пор на полке со словарями. Память об учителе.

Два человека с нашего курса – Оля Зельдина, ученица Лии Менделевны Глушкиной, и я – были рекомендованы кафедрой в заочную аспирантуру института. Место было одно. Опасаясь (и не без оснований), что мне отдадут предпочтение по отчеству (у «Андреевича» шансов было больше, чем у «Моисеевны»), Лия Менделевна попросила меня не подавать заявление в аспирантуру, подтвердив готовность помочь в соискательстве и продолжить (бесплатные!) занятия латинским языком. Владислав Николаевич был этим крайне огорчён, но подавать заявление я не стал.

После свободного распределения я получил полставки в школе и заманчивое предложение поступить в очную аспирантуру Музея истории религии и атеизма. Тема, которой меня поначалу ограничили, была далека от моих античных студенческих занятий, но оставляла надежду на «научность»: западная вневероисповедная мистика. Узнав об этом, Владислав Николаевич, который продолжал следить за моей судьбой, нашёл «компромиссный вариант». На первый взгляд, ирландский средневековый мистик Иоанн Скот Эриугена (ок. 810 – ок. 877 гг.) вполне отвечал требованиям и «западности» и «вневероисповедности», но при этом изучение его трудов требовало поддержания и совершенствования древнегреческого и латыни. Увы, средневековый мистик Эриугена мало кого интересовал в Музее истории религии и атеизма (возможно о его существовании там и вовсе не подозревали). И хотя формально он вписывался в изначально определенные рамки, в действительности всё было совсем не так: слишком уж сложно было использовать его в повседневной идеологической борьбе. А требовалось, прежде всего, именно это.

За сдержанной реакцией Владислава Николаевича на одну из моих первых публикаций, посвящённых разоблачению современной вневероисповедной мистики на Западе – «прочитал с интересом» – скрывались, думаю, и разочарование, и сожаление... Зато уже много лет спустя, узнав, что летом 1984 года (за месяц до его скоростной смерти) я собираю археологическую экспедицию в Крым, он прислал мне для участия в ней своих тогдашних учеников...

Однако личных воспоминаний для выполнения просьбы Надежды Авксентиевны было недостаточно. Как выпускник исторического факультета ЛГПИ им. А. И. Герцена и ученик В. Н. Андреева я получил доступ к его личному делу, хранящемуся в архиве института. Из автобиографии Владислава Николаевича узнал, что он родился 11 мая 1927 года в Ленинграде. Рано лишился родителей: мать – Клавдия Васильевна, умерла в 1930 году, когда ему было всего три года, а отец – Николай Петрович,

профессор ЛГПИ им. А. И. Герцена, умер в 1942 году во время блокады Ленинграда. Сам Владислав Николаевич в 1941 году четырнадцатилетним подростком был эвакуирован из Ленинграда и до конца войны жил в Казани у дяди, профессора М. П. Андреева. Там окончил школу и в 1944 году – 1-й курс историко-филологического факультета Казанского университета.

В 1945 году Владислав Николаевич вернулся в Ленинград и поступил на 2-й курс исторического факультета Ленинградского университета. Окончив его в 1949 году по специальности «История Византии», он получил направление на работу в Амурскую область – Благовещенский государственный педагогический институт. Через пять лет, в 1954 году, он вернулся в Ленинград и поступил в аспирантуру ЛГПИ им. А. И. Герцена, по кафедре истории Древнего мира и Средних веков. Обучавшемуся в то же время в аспирантуре филфака будущему литературоведу и литературному критику Адольфу Адольфовичу Урбану запомнилось, что Владислав Николаевич в свободное от науки время с увлечением и азартом играл в настольный теннис.

После окончания аспирантуры в 1957 году он поступил на работу библиотекарем в Государственную публичную библиотеку им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. С 1958 года жил уже вместе со своей семьёй, переехавшей к тому времени в Ленинград из Благовещенска – женой Ириной Алексеевной и сыном Юрой. Своего жилья поначалу не было – снимали квартиру.

Как написано в автобиографии, «в свободное время продолжаю работу по своей специальности». В апреле 1961 года при Ленинградском отделении института истории АН СССР Владислав Николаевич защитил диссертацию «Распределение земельной собственности в Аттике IV в. до н. э.». А 1 сентября 1963 года был зачислен в ЛГПИ им. А. И. Герцена доцентом кафедры всеобщей истории.

Через три года – осенью 1966 г. – мы, первокурсники исторического факультета, с ним и встретились. В 1966 году в школах был двойной выпуск: тех, кто по старой программе заканчивал 11 классов и одновременно тех, кто только 10. Следствие – наплыв школьников, поступающих в вузы. Взлетевший конкурс. На нашем истфаке с учётом льготников (ребят из армии или тех, кто уже имел педагогический стаж) – чуть ли не 10 человек на место. Результат – курс, запомнившийся многим преподавателям (с их собственных слов) как один из самых сильных и интересных. Владислава Николаевича, как мне кажется, занимал не курс в целом, а отдельные его представители. Не могу сказать, чтобы лекции его пользовались большим успехом. Он читал их тихим голосом, время от времени призывая нарушителей дисциплины к порядку. На семинарах, где народу было поменьше, и Владислав Николаевич демонстрировал

выдающиеся памятники археологии по своим альбомам и открыткам, ему удавалось удерживать внимание присутствовавших. Некоторым это было просто интересно, большинство же знало, что по этим картинкам, как предупредил Андреев, будет приниматься зачёт. Немногие сохранили с ним контакт к окончанию института. Мне до сих пор стыдно, что те, кто организовывал наш прощальный банкет выпускников с преподавателями, не сочли нужным его позвать. По тому, как он на это среагировал, как расспрашивал меня о причине происшедшего, было понятно, как ему обидно, что готовность поделиться с нами своими знаниями, да и просто доброе к нам отношение оказались так быстро забыты.

Разумеется, те, кто после первого курса оставались связаны с ним по учебным делам и продолжали бывать у него дома, знали о нем больше. И о том, что он собирает коллекцию альбомов (не только с археологическими шедеврами, но и художественных). И о том, что каждый день обходит магазины старой книги на Невском и регулярно навещается в магазин «Книги стран народной демократии», чтобы купить альбом интересного ему художника. Сидя рядом с ним на заседаниях кафедры, я видел, как он хорошо рисует карандашом или ручкой. Упреждая мой вопрос, он сказал, что не считая своё художественное дарование достаточным для того, чтобы претендовать на чьё-то внимание, не стал его развивать... Но глаз художника, способный оценивать картины (выдающихся и тогда малодоступных художников вроде Босха) или кадры в кинофильме, остался. Именно он обратил моё внимание на силуэты старика с собакой, идущих на закате вдоль берега моря, в популярном тогда фильме Клода Лелюша «Мужчина и женщина». Благодаря ему этот кадр остался и в моей памяти. Во время одного из своих обходов книжных магазинов на Невском, в Доме книги, Владислав Николаевич купил маленький альбом Утрилло. Встретив меня в институте, он похвастался своей «добычей». Через десять минут я был уже в отделе изобразительного искусства Дома книги и, по его «наводке», стал обладателем такого же альбома со временем оценённого и полюбившегося художника.

На заседаниях кафедры всеобщей истории, куда приглашали прикреплённых к ней студентов, бывали разные ситуации. Свидетелем одной из них, когда в связи с переездом в Москву бывшего заведующего этой кафедрой Игоря Михайловича Кривогуза встал вопрос о том, кто его заменит, оказался я. По общему мнению, это место должна была занять Лия Менделевна Глускина. Но когда её кандидатура была предложена, встал преподаватель новейшей истории Павел Михайлович Кузьмичёв и сказал: «А вот неизвестно, какую позицию занимает Лия Менделевна в арабско-израильском конфликте». Все замерли. Реакция Владислава Николаевича была мгновенной. Он поднял руку, получил слово и сказал:

«Заданный вопрос не имеет никакого отношения к избранию нового заведующего кафедрой». Лия Менделевна взяла самоотвод. Временно исполняющим обязанности, кажется, назначили Генриха Рувимовича Левина, а вскоре это место занял В. К. Фураев. После этого мне нетрудно было представить ситуацию, о которой рассказывал сам Владислав Николаевич. Когда на заседании кафедры осенью 1968 года все преподаватели должны были одобрить ввод войск в Чехословакию, он руку не поднял. У ведущего заседание хватило ума это «не заметить». Подтверждение своей догадке о том, что за его внешней аполитичностью скрывались совершенно определённые демократические принципы и пристрастия, я неожиданно получил из воспоминаний другой его ученицы – Аллы Дубровской. Алла была близка с женой Владислава Николаевича – Ириной Алексеевной, и та рассказывала ей, что в начале 1953 года он отправил из Благовещенска, где тогда преподавал в пединституте, бандероль по адресу: «Москва, Кремль, тов. Сталину от Андреева В. Н.». В школьной тетрадке он излагал свои мысли об искажении марксистских идей на практике. Как предполагала Ирина Алексеевна, кто-то на почте их пожалел и письмо не отправил – там ведь все друг друга знали.

На одном из научных заседаний кафедры Владислав Николаевич делал доклад о применении методов социологии в истории Древнего мира. В частности, он подсчитывал, насколько увеличилось количество «Александров» после Александра Македонского. Помню, Игорь Михайлович Кривогуз задал после доклада вопрос о репрезентативности его выборки с именами «Александр». В стремлении обрести какую-то объективную, как ему казалось, бесспорную истину он обращался к методам социологии и статистики. Уйти же пытался от того, что многие исторические свидетельства (как, например, о заговоре Катилины) могут быть с равной степенью убедительности привлечены и интерпретированы для доказательства диаметрально противоположных точек зрения (был заговор – или его не было). Владислав Николаевич понимал, что для постижения прошлого марксистская методология (при всём его уважительном отношении к самому Марксу как гению, который интуитивно, без открытых после него источников, пришёл к выводам, подтверждающимся только теперь), нуждается в развитии и усовершенствовании. Он считал главным – попытаться понять особенности организации жизни в Древней Греции, особенности мировосприятия и даже цветовосприятия. Алла Дубровская вспоминает его предположение о том, что зрение древних греков не было способно различать голубое и зеленое – «У Гомера нет ни одного упоминания этих цветов». «Как странно, – недоумеваю я, – а как же он описывал цвет моря?» – «Винноцветное». Этот, выработанный им методоло-

гический принцип – стремление очистить (насколько это возможно) наши представления о древнем мире от современного мировосприятия, от издержек современного мировоззрения (а тогда – «единственно верного» марксистско-ленинского учения об истории человечества) распространялся, естественно, не только на цветовосприятие. Ему казалось совершенно недопустимым проводить прямые аналогии между античным и капиталистическим способами производства. «Античные греки совершенно не были обеспокоены накоплением капитала. Этот термин даже и не применить к их производству» – утверждал он, – а в ответ на вопрос Аллы Дубровской «Тогда что же они делали с деньгами?», отвечал: «Скорее всего, проматывали. Они были потребителями, а не накопителями».

«Своя» точка зрения, да ещё идущая в разрез с общепринятой – даже на экономику и структуру собственности Афин – в начале 80-х годов XX века, в пору глухого советского застоя никак не приветствовалась. Поэтому когда в 1981 году на кафедру Древней Греции и Рима ЛГУ им. А. А. Жданова была представлена для защиты докторская диссертация Андреева «Богатство и богатые граждане в социально-экономической структуре Афин V–IV вв. до н. э.» судьба её, да и самого Владислава Николаевича, оказалась предрешена.

Слухи о том, что его диссертация была «зарублена», а самого Владислава Николаевича после этого поразил первый инсульт, до нас доходили. Подробности стали известны из письма В. Н. Андреева (десять страниц машинописного текста) учёному совету, вероятно, утвердившему постановление кафедры с требованием «пересмотреть общетеоретические установки диссертации». Отрывок из него приводит Алла Дубровская: «Я утверждаю, что аналогии с капитализмом могут только ввести нас в заблуждение, и я это доказываю, развивая мысль Маркса применительно к Афинам на огромном фактическом материале, а Э. Д. Фролов заявляет, что аналогии с капитализмом оправданы и противоположная точка зрения “является ложной и должна быть отвергнута”. Вот что означает на деле позиция, которую мне навязывают все эти “постановления” и “замечания”. Это попытка поставить “априорные” суждения выше конкретного исследования фактов. Этот взгляд несовместим с самим понятием исторической науки. Я не приму его никогда ни под каким нажимом».

Выписка из приказа № 202-ок 17.08.1984 по ЛГПИ им. А. И. Герцена:

«14. АНДРЕЕВА В. Н., доцента каф. всеобщей истории, исключить из списочного состава сотрудников института в связи со смертью 13.08.84 г.»

...Второй инсульт. Прах, согласно его воле, был развеян. Последние слова Владислава Николаевича: «Я всегда жил, как хотел»...

* * *

Уже в некрологе, опубликованном через полгода после его смерти (ВДИ. 1985. № 2) должное отчасти ему было воздано. Он был назван «видным исследователем Древней Греции». Отмечалось, что его доклады и статьи нередко становились и объектом споров, и исходным пунктом для дальнейших исследований, что работы его широко известны как отечественным, так и зарубежным исследователям социально-экономической истории и значение их было отмечено в ряде выступлений на международных конгрессах историков. Особо выделялось, что выходящий в ГДР журнал «Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte» начал в 1983 году публикацию серии статей В. Н. Андреева в переводе на немецкий язык.

Было сформулировано и его кредо: «Научную позицию В. Н. Андреева характеризовало прежде всего неукоснительное стремление избежать какой бы то ни было модернизации истории античного мира, в частности, глубокое убеждение в своеобразии античных экономических отношений».

Однако полное признание его правоты и заслуг перед мировой антиковедческой наукой пришло сравнительно недавно. В книге, изданной пять лет назад доктором исторических наук Н. А. Гаврилюк (Экономика степной Скифии VI–III в. до н. э. Киев, Издатель Олег Філюк, 2013) на с. 25 читаем: «Нельзя не отметить работ ситуационного “финлианца” (в действительности, независимого в своих исследованиях антиковеда) В. Н. Андреева в части анализа социально-экономической системы Афин, в том числе богатства – валового продукта (см., например, [Андреев, 1958; 1959; 1960; 1971; Andreyev, 1974; Андреев, 1975; 1981]). В отличие от многих исследователей древней экономики, В. Н. Андреев, владеет древнегреческим настолько, чтобы самостоятельно обращаться с оригинальными документами. В целом, знание языка, многолетний опыт исследования основных отраслей экономики Древней Греции, знакомство с работами А. Х. М. Джонса, М. И. Финли, Дж. К. Дэвиса, У. Э. Томпсона и других западноевропейских и американских исследователей древней экономики, наконец, почти демонстративная свобода в статьях от следов так называемой “марксистской” догматики, позволяли В. Н. Андрееву преодолевать филологические и логические трудности, возникающие при сколь-нибудь глубоком изучении источников... В частности, В. Н. Андреев пишет [Андреев, 1981, с. 47]: “И наконец, я хотел бы еще раз подчеркнуть, что считаю абсолютно бесперспективными любые попытки истолковать явления афинской общественной жизни с помощью аналогий, опирающихся на опыт капиталистической эпохи. Во многих отношениях это был мир “Зазеркалья”. В частности (а, может быть, в особенности), прямолинейное применение критериев “выгодности” и “прибыли” к афинской эконо-

мике оставляет нам только два выхода: либо насилие над источниками, либо признание, что эта экономика была абсурдной...».

Правда почему-то потом торжествует. Почему-то торжествует... Правда, потом.

В. А. Хриановский

Материалы к библиографии В. Н. Андреева (1927–1984)¹

1958

Вопрос о концентрации земли и обезземеливании крестьянства в Аттике IV в. до н. э. // Учёные записки ЛГПИ им. А. И. Герцена. 1958. Т. 164. Ч. III. С. 59–83.

1959

Размеры земельных участков Аттики в IV в. до н. э. // ВДИ. 1959. № 2. С. 121–146.

1960

Афинская рабовладельческая демократия в западной историографии // ВДИ. 1960. № 4. С. 131–146.

Цена земли в Аттике // ВДИ. 1960. № 2. С. 47–57.

1963

Die attischen Bodenpreise im 4 Jahrhundert v. n. Z. // Bibliotheca Classica Orientalis. 1963. № 4. S. 239–240.

Die Größe der Landereien in Attika im 4 Jahrhundert v. n. Z. // Bibliotheca Classica Orientalis. 1963. № 4. S. 240–244.

1966

Размеры и функции общественного землевладения в Аттике IV–III вв. до н. э. (тезисы доклада) // XIX Герценовские чтения. Л., ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1966 С. 186–189.

1967

Аттическое общественное землевладение V–III вв. до н. э. // ВДИ. 1967. № 2. С. 48–76.

Колесания в распределении имущества в Афинах классической эпохи // XX Герценовские чтения. Л., ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1967. С. 73–75.

1969

Перспективы социологического исследования в области афинской ономастики и просопографии // XXII Герценовские чтения. Л., ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1969. С. 195–197.

¹ Составители: З. В. Ханутина, В. А. Хриановский.

1971

Архаические нормы в частном афинском землевладении // XXIV Герценовские чтения. Л., ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1971. С. 157–159.

Некоторые перспективы статистического исследования афинских надгробных надписей // XXIV Герценовские чтения. Л., ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1971. С. 155–157.

1972

Аттическое общественное землевладение // ВДИ. 1972. № 4. С. 7–18.

1973

Рец. на кн.: J. K. Davies. Athenian Propertied Families 600–300 b. c. Oxford. 1971 // ВДИ. 1973. № 1. С. 208–216.

1974

Some Aspects of Agrarian Conditions in Athens in the Fifth to Third centuries B. C. // Eiren. Prage, 1974. S. 5–46.

1975

Структура крупных состояний в Афинах V–IV вв. до н. э. // XXVIII Герценовские чтения. Л., ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1975. С. 136–141.

1977

Лаврийские серебряные рудники как источник частного обогащения в V–IV вв. до н. э. // XXX Герценовские чтения. Л., ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1977. С. 103–107.

1979

Демосфен о «банке Пасиона»: интерпретация // ВДИ. 1979. № 1. С. 134–139.

1981

Структура частного богатства в Афинах V–IV вв. до н. э. // ВДИ. 1981. № 3. С. 21–48.

1983

Аграрные отношения в Аттике V–IV вв. до н. э. // Античная Греция. Т. 1. Ставование и развитие полиса. М., Наука, 1983. С. 247–326.

Memorabilia

Владислав Николаевич Андреев // ВДИ. 1985. № 2. С. 216.

А. Дубровская. Не такой гений // Семь искусств. 2017. № 9 (90). – (<http://7i.7iskusstv.com/2017-nomer9-dubrovskaja/>).

И. С. Катченкова. Благодарная память. Непрофильная кафедра // Вестник Герценовского университета. 2009. Выпуск № 5. С. 58–64.

1. ФЕНОМЕН БОСПОРСКОГО ГОСУДАРСТВА

А. А. Завойкин

Боспор и Средиземноморье: соотношение политических форм от архаики до эллинизма

В небольшой по объёму заметке я не претендую на полное и всестороннее раскрытие заявленной темы. В тезисной форме хотелось бы обсудить ряд проблем, которые имеют существенное значение для понимания места в греческом мире, которое занимали политические образования, сформировавшиеся и существовавшие на берегах Киммерийского Боспора в VI–II вв. до н. э. Иными словами – попытаться сформулировать в общих словах, в чём выражается феноменальность Боспора в области политики, если вообще о «феноменальности» здесь уместно говорить.

Наиболее общая черта боспорской (и вообще греческой северо-причерноморской) культуры, выделяющая её из общего «массива» эллинской культуры, очевидно определяется её периферийным местоположением в том, регионе, где она вступила во взаимодействие с местными автохтонными и пришлыми культурами варваров¹. Другое дело, насколько и каким именно образом это культурное взаимодействие могло оказывать влияние на государственные формы у боспорских греков? Очевидно, рассмотрение проблемы следует начать, что называется, *ab ovo*.

Греческая колонизация Боспора приходится на период поздней архаики, когда *полис* уже в полной мере сложился и, при огромном разнообразии его вариантов, стал не только ведущей, но, по сути, единственной базисной формой политической организации греческих сообществ. Прибывая на новое место, колонисты воспроизводили привычные им формы государственного устройства, политические структуры, характерные для их метрополии. Однако едва ли можно сказать, что вновь основанные апойкики представляли собой «клоны», точные копии своих метрополий. Во-первых, надо понимать, что колонизационные потоки, как правило, не были однородными и включали в себя выходцев

¹ Другие периферийные образования греков, разумеется, тоже взаимодействовали с иными племенами и народами, но с номадами в тесные взаимоотношения впервые, кажется, вступили северопричерноморские эллины.

из разных гражданских общин². Во-вторых, в чрезвычайно сложных условиях жизни первопоселенцев весьма значительной становилась роль ойкиста, власть которого имела тенденцию перерасти в тиранию³. Но, с другой стороны, наличие на Боспоре большого количества свободной земли служило стимулом к уравнительному распределению гражданских наделов среди первопоселенцев и, тем самым, – к созданию материальной базы для демократических тенденций в обществе. С течением времени ситуация могла меняться. Прибытие в молодой полис *эпойков* (их массовый приток в регион предполагается, в частности, во время персидского завоевания Ионии в середине 40-х гг. VI в. до н. э. и после подавления Ионийского восстания в 494 г. до н. э.), которые обычно не обладали теми же правами, что и потомки основателей, вполне могло стать причиной не только социальной дифференциации, но и острых политических конфликтов, ведущих к деформации изначальной конституции полиса⁴.

Прошу прощения за эти тривиальные рассуждения общего характера. К сожалению, о конкретной истории полисов Боспора сказать ничего невозможно. Важно отметить тот лишь факт, что изначально и сразу коллективы переселенцев конституировались как полисы, т. е. гражданские общины, организованные таким же образом, как и во всех других местах ойкумены. Таким образом, можно лишь предполагать в регионе любые формы политического строя в местных полисах – от демократии до тирании.

Безусловно признавая полисное устройство греческих колоний на Боспоре и, тем самым, подразумевая существование основополагающих органов – гражданской общины («народа») и совета (буле), а также обычных полисных магистратур, – приходится констатировать, что ни один из этих органов управления в период автономии полисов (VI–V вв. до н. э., да и позднее⁵) не засвидетельствован ни в литературных источниках, ни в эпиграфических памятниках. Первыми документальными свидетельствами полисной жизни являются чеканки монеты, на которых в сокращённом виде представлен *этникон* общины: Пан-

² Велика вероятность, что исключением из общего правила на Боспоре была лишь Фанагория, колонизованная теосцами, бежавшими от насилия персов (другая часть гражданской общины обосновалась в Абдере).

³ Например, В. Д. Кузнецов осторожно предполагает «особую политическую ситуацию в ней <Фанагории. – А. 3.>, выразившуюся в сильной диктаторской власти Фанагора» (Кузнецов. 2016. С. 253).

⁴ Например, в Ольвии это произошло около середины VI в. до н. э. (Виноградов. 1989. С. 79–80).

⁵ Наиболее раннее известное нам упоминание совета и народа датируется 88/87 г. до н. э. – декрет фанагорийцев в честь наёмников (Виноградов. 1991).

тикапея (анэпиграфная чеканка которого начинается с конца VI – начала V вв. до н. э.), Нимфея, Феодосии, Фанагории (с последней трети V в. до н. э. до момента их вхождения в состав державы Спартокидов).

Для предположения, что тогда или позднее государственное устройство видоизменялось *непосредственно* под влиянием контактов с варварами, которые ещё не достигли в своём развитии уровня государственности или же находились на стадии становления раннегосударственных образований, нет никаких оснований. Другое дело, что эти далеко не всегда мирные контакты не в малой степени определяли направление эволюции политических форм греческих полисов. Пресловутая варварская угроза периодически ставила в повестку дня вопрос о самом существовании сравнительно небольших и разрозненных греческих государств.

На Боспоре, как и в других периферийных областях греческого мира⁶, сравнительно рано фиксируется «предрасположенность» к тиранической (единоличной или корпоративной) форме правления, что объясняется, с одной стороны, меньшей, чем в метрополиях, длительностью демократических традиций, меньшей «по сравнению с метрополиями развитостью и крепостью полисных устоев жизни», а с другой – удалённостью от основных центров эллинской цивилизации и угрозой со стороны негреческого мира (см. Фролов. 2001. С. 292). Как известно, объединение боспорского эллинства в рамках единого государства предопределило на века магистральный путь исторического развития этого региона. Исключительная долговечность монархического строя Боспорского государства – черта, которая отличает это политическое образование от всех прочих греческих государств.

На эту историческую «предопределенность» в историографии смотрели и смотрят по-разному. По-разному оцениваются причины и конкретные пути сложения этого единства, по-разному определяется хронология событий, приведших к образованию единого государства. Но во всех случаях отправной точкой для суждений является сообщение Диодора (XII. 31. 1) о смене на Боспоре в 438/7 г. власти неких Археанактидов единоличной властью Спартока.

Если оставить в стороне некогда наиболее популярную гипотезу Ю. Г. Виноградова (1983. С. 416–417) о тиранической природе власти Археанактидов, которые возглавили оборонительный союз боспорских городов против скифской угрозы (также: Толстиков. 1984. С. 24–48), и новейшую экзотическую точку зрения Ф. В. Шелова-Коведяева, со-

⁶ Например, на Сицилии и в Южной Италии (см. Diod. XIX. 1. 1; Just. IV. 2. 3; Фролов. 2001. С. 293; Высокий. 2004. С. 5 сл.).

гласно которой «Археанактиды» – это испорченное наименование от ἀρχαὶ ἀνακτισταί в значении «власти-восстановители», т. е. «такие особые магистраты <...>, кому было доверено переоснование полиса» (Шелов-Коведяев, Толстиков. 2014. С. 471), – то, по-видимому, следует исходить из того, что в 480/89 г. до н. э. в Пантикапее устанавливается тиранический режим⁷.

И. Е. Суриков весьма любопытно ставит вопрос, к какому роду тираний в стадиальном отношении принадлежит тирания боспорская: к «старшей» (характерной для периода формирования полиса – середина VII – начало V вв. до н. э.) или же к «младшей» (которая представляет собой уже продукт кризиса полиса – с конца V в. до н. э.)? В хронологическом отношении тирания Археанактидов – первых Спартокидов приходится на тот период, когда о «старшей тирании» говорить приходится уже с большими оговорками (о становлении же полиса – тем более), а время «младшей» ещё не наступило («кризис полиса» как исторический этап греческой истории был недалёк, но едва ли всерьёз можно думать, что Боспор *и здесь* обогнал в своём развитии остальную Элладу). В итоге исследователь приходит к заключению, что «во всех отношениях резоннее характеризовать тиранию Спартокидов *на момент её возникновения* <курсив мой – А. З.> как очень поздний <...> случай “старшей тирании”» (Суриков. 2006. С. 350).

Но что же дальше, «старшая тирания» на Боспоре доживает до конца II в. до н. э.? Решительный противник «феноменальности» И. Е. Суриков пишет следующее: «Не имеем ли мы на Боспоре единственный в древнегреческой истории случай противоположного развития ситуации: тиранический принцип, одержавший верх над полисным, увековечивший себя и доживший до совершенно новых исторических условий?» (Суриков. 2006. С. 352–353)⁸.

Тирания Дионисия Старшего, классический образчик «младшей тирании» – современница тираническому режиму Сатира I – Левкона I, на мой взгляд, она типологически очень близка, если не идентична ему. Эти так называемые «периферийные тирании», видимо, не имеют строгой привязки к стадиальности, описывающий общие закономерности

⁷ Недавно И. Е. Суриков (2014. С. 84–96) попытался найти новые аргументы для поддержки мнения, согласно которому власть Археанактидов представляет собой олигархию одного рода (четвертого её вида, по Аристотелю, именуемого им «династией» (Arist. Pol. 1292b5 sq.; 1293a30 sq.)).

⁸ Крайне любопытно, что И. Е. Суриков, отстаивая мнение, что в стадиальном отношении режим Спартокидов принадлежит к числу «старших тираний», поддержал идею, согласно которой уместно говорить о «протоэллинизме» на Боспоре (Суриков. 2014. С. 96 сл.).

исторического процесса, свойственные материковой Греции и прилегающим к ней территориям «исконного» обитания эллинов⁹. Здесь скорее следует говорить о конкретных исторических обстоятельствах, которые влияли на превалирование в тот или иной период тех или иных форм государственности: республиканской (весь спектр её видов от демократии до крайних видов олигархии) или монархической (в данном случае – исключительно тирании, которая в корпоративном виде «смыкается» с крайними формами олигархии). Такие обстоятельства, при которых зачастую решался вопрос о сохранении суверенитета или даже самой государственности, определяли, какая именно форма государственного устройства наиболее целесообразна, как в политическом, так и в экономическом отношении. Но обстоятельства могут меняться...

На периферии эллинского мира, в окружении не всегда миролюбивых варварских племён, тенденция к монархическому режиму правления и образованию сравнительно крупных, способных противостоять внешней опасности территориальных объединений во главе с тиранами, является одной из наиболее характерных черт исторического развития этих регионов (см. Высокий. 2004. С. 5–6).

В отличие от сравнительно недолговечной тирании Дионисия Старшего и его сына (как и всех иных тиранических режимов), правление властителей Пантикапея, а затем и всего Боспора охватывает длительный временной интервал¹⁰ – более трёх веков, на протяжении которых завершается классический период греческой истории и совершается переход к периоду эллинизма. Эта долговечность власти Спартокидов – одна из самых важных и специфических («феноменальных») черт Боспорского государства. Это отмечал и М. И. Ростовцев (Ростовцев. 1989. С. 183), на это указывали еще античные авторы (Ael. Var. hist. VI. 13).

На этот более чем трёхвековой¹¹ интервал приходятся важные вехи в истории греческого мира: формируется Боспорское государство в период поздней классики (характеризующейся кризисом полиса); достига-

⁹ Хронологический разрыв, или «антракт», если использовать выражение И. Е. Сурикова (2006. С. 349), между «старшими» тираниями и «младшими» на Сицилии, например, минимален: между падением к 461 г. тирании Дейноменидов (распад державы которых, по определению М. Ф. Высокого (2004. С. 418), предопределил наступление в Сицилии эпохи классики) и приходом к власти Дионисия Старшего в 405 г. – всего каких-то полвека (и то с оговорками... См. Высокий. 2004. С. 250).

¹⁰ Аристотель, отмечая недолговечность тиранических режимов, называет лишь несколько исключений (Pol. 1315b; 1312b, 22–24), в число которых по какой-то причине тирания Спартокидов не попала (см. Завойкин. 2006. С. 354–357).

¹¹ Если считать от 480/79 г. до н. э., то значительно больше. Однако власть Археанактидов (если относить её к числу тираний) и Спартока I представляла собой обычную «городскую» тиранию.

ет своего расцвета ко времени завоеваний Александра Великого и становления эллинистических монархий; доживает династия Спартокидов до конца II в. до н. э., когда на международной арене в Восточном Средиземноморье уже играет определяющую роль Римская республика. Совершенно очевидно, что все эти глобальные и фундаментальные изменения не могли не отразиться и на государстве, расположенном на берегах Киммерийского Боспора. Однако для понимания того, каким именно образом эти изменения *могли* отразиться на политическом строе Боспора, следует прежде всего исходить из особенностей того периода, на который приходится его политогенез.

Итак, монархическое территориальное государство Боспор было создано Сатиром I и его сыном Левконом I на позднем этапе классического периода. Тираны Пантикапея последовательно присоединили к исконным владениям территории всех других полисов, включая Фодосию и Синдскую Гавань, установив над ними квази-полисную «архонтскую»¹² власть, а затем подчинили своей «царской» власти и ряд племён, обитавших в Прикубанье. Сложилась своеобразная политико-административная система, в которой полисы, вошедшие в состав державы Спартокидов, лишились ряда суверенных прав и прерогатив, которые отошли в пользу правящей династии, сконцентрировавшей в своих руках верховную власть, основываясь на «праве победителя».

М. И. Ростовцев подчеркивал: «Не имеет аналогий в греческой тирании тот факт, что основные институты греческой *πόλις* – народное собрание и совет, *δήμος* и *βουλή* – не действуют и, очевидно, не имеют конституционного существования в городах Боспора; во всяком случае, мы не имеем до сих пор ни одного ни литературного, ни эпиграфического свидетельства, которые хотя бы намекали на существование этих учреждений <...>. Но с другой стороны, боспорская тирания не есть и чистая *βασιλεία*» (Ростовцев. 1989. С. 183).

Одни исследователи, пытаясь осмыслить особенности политического строя Боспора, становление здесь «необыкновенно ранней» монархии, предложили концепцию «протоэллинизма» (Блаватский. 1985а. С. 109–122; Он же. 1985б. С. 123–132). Другие же, напротив, пришли к выводу, что эллинизм на Боспоре утвердился (притом благодаря внешнему воздействию) только тогда, когда в остальном мире эллинистическая эпоха подошла к финалу (Сапрыкин. 2003. С. 11 сл.).

Некоторое время назад мною было высказано мнение, что феномен Боспорского государства необходимо осмысливать в конкретно-историческом контексте эпохи, когда он сформировался (по этой причине

¹²О значении термина см.: Виноградов. 1983. С. 410–413.

и термин «протоэллинизм» представляется неудачным¹³). Исходя из этого, можно считать, что специфичность державы Спартокидов определяется более глубоким, чем в других тираниях¹⁴, синтезом центральной власти и полисов, включённых в состав государства, организованного по принципу «мегаполиса», в качестве его структурных подразделений (своего рода «демов»). И это может объяснить отсутствие реальных следов каких-либо полисных инициатив (см. Завойкин. 2001). Разумеется, дуализм (т. е. монархические тенденции с одной стороны и неразрывная связь власти с полисными республиканскими традициями с другой), свойственный тираническим режимам, мог быть преодолён разве лишь отчасти: полисы в составе территориальной державы всегда сохраняли потенциальную способность в благоприятных для них условиях восстановить утраченную автономию.

Политическая система Боспорского государства сложилась в период поздней классики и несла на себе (тогда и позднее, в период эллинизма) глубокий отпечаток той эпохи, когда она зародилась. Здесь вновь будет уместным процитировать слова выдающегося российского антиковеда, сказанные сто лет назад: «По внешней своей политической структуре руководящий город державы – Пантикапей – ничем существенным от обычного города-государства не отличался. Отличительной особенностью его является только то, что здесь веками удерживалась переходная для большинства греческих городов-государств форма правления – военная тирания, опирающаяся на войско». Далее учёный объясняет причину стабильности боспорской монархии, опиравшейся не только на мечи наёмников, но и на поддержку населения, заинтересованного в сохранении экономических и военно-политических условий, созданных Спартокидами, способствующих их процветанию и стабильности (Ростовцев. 1918. С. 112 и сл.).

¹³ Если использовать такого рода определения для Боспора уже в эпоху эллинизма, было бы уместнее называть его «постклассической» монархией, рудиментом на фоне эллинистических держав. В поддержку дефиниции «протоэллинизм» («предэллинизм») высказался И. Е. Суриков. Он считает её приемлемой для периода, когда в области социальной психологии наметился и постепенно проходил переход «от гражданина к подданному» (Суриков. 2014. С. 96–117). По моему мнению, охарактеризованные исследователем с большой силой и знанием дела процессы, происходившие в греческом мире в период поздней классики, вполне успешно описываются термином «кризис полиса». Спору нет, этот затяжной, глубокий и разноплановый кризис не только предшествовал эллинизму, но и подготавливал почву для того, чтобы монархическая форма правления (царская власть, до этого, конечно, – «тирания») стала ведущим фактором всей жизни греческого общества.

¹⁴ Ср., например, оценки политического творчества Дионисия Старшего в современной историографии (Фролов. 2001. С. 315, 435 сл.).

Если бы, предположим, держава Спартокидов, выросшая на почве «городской» (пантикапейской) тирании, формировалась уже в эпоху эллинизма, она, быть может, больше походила на Пергамское царство, в котором власть Атталидов генетически тоже восходит к единоличной власти над одним полисом (Пергамом) (Климов. 2010. С. 180, 347). Хотя, разумеется, социальные, политические и этнокультурные условия в этих двух регионах античного мира весьма сильно различались.

Остаётся вопрос, в какой степени в новых исторических условиях, когда наступило время господства эллинистических держав, Боспор Спартокидов оказался способным адаптироваться к ним, какие трансформации затронули государственную систему, сложившуюся значительно раньше? Ответить на этот вопрос ввиду скудости источников сложно. Не думаю, однако, что официальное принятие в начале III в. до н. э. Спартоком III царского титула могло что-либо принципиально изменить в политической структуре самого государства. Этот акт, скорее, призван был решать вопрос о презентации власти Спартокидов на внешнеполитической арене, когда новые исторические обстоятельства позволили отбросить устаревшие квазиполисные оболочки, маскировавшие монархический характер власти предков сына Евмела. Большее значение в некоторой эволюции политической организации Боспора, по всей видимости, имели перемены в экономической жизни государства (которое, вероятно, перестаёт быть одним из ведущих центров-экспортёров хлеба в Средиземноморье) и в изменениях этнополитических условий (появление в Северном Причерноморье сарматов, крушение Великой Скифии, образование скифского государства в Крыму). Косвенные источники позволяют лишь осторожно предполагать, что в III–II вв. до н. э. намечается (но не более!) тенденция к либерализации отношений между центральной властью в государстве и полисами, составлявшими основу политического строя Боспора.

Литература

- В. Д. Блаватский.* Период протоэллинизма на Боспоре // *Античная археология и история.* М., Наука, 1985.
- В. Д. Блаватский.* О периоде протоэллинизма в Северном Причерноморье // *Античная археология и история.* М., Наука, 1985.
- Ю. Г. Виноградов.* Полис в Северном Причерноморье // *Античная Греция.* М., Наука, 1983. Т. 1.
- Ю. Г. Виноградов.* Политическая история Ольвийского полиса VII–I вв. до н. э. Историко-эпиграфическое исследование. М., Наука, 1989.

- Ю. Г. Виноградов. Фанагорийские наемники // ВДИ. 1991. № 4.
- М. Ф. Высокий. История Сицилии в архаическую эпоху. Ранняя греческая тирания конца VII – середины V вв. до н. э. СПб., Изд. центр «Гуманитарная Академия», 2004.
- А. А. Завойкин. «Боспорский феномен или псевдо-эллинизм на Боспоре // ДБ. 2001. Т. 4.
- А. А. Завойкин. Аристотель, Кл. Элиан и Спартокиды (Левконида) // Историческое знание: теоретические основания и коммуникативные практики. Материалы научн. конф. 5–7 октября 2006 г. М., ИВИ РАН, 2006.
- О. Ю. Климов. Пергамское царство. Проблемы политической истории и государственного устройства. СПб., Нестор-История, 2010.
- В. Д. Кузнецов. Фанагория и Синдика: некоторые заметки // Материалы по археологии и истории Фанагории. М., ИА РАН, 2016. Вып. 2. – (Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 4).
- М. И. Ростовцев. Эллинизм и иранство на юге России. Пг., Изд-во «Огни», 1918.
- М. И. Ростовцев. Исследования по истории Скифии и Боспорского царства. Т. II. Глава VI. Государство и культура Боспорского царства. 1. Государство и социальный строй эпохи Спартокидов // ВДИ. 1989. № 2.
- С. Ю. Сапрыкин. Боспорское царство: от тирании к эллинистической монархии // ВДИ. 2003. № 1.
- И. Е. Суриков. К вопросу о характере тирании на Боспоре Киммерийском: стадияльно-типологический контекст // Историческое знание: теоретические основания и коммуникативные практики. Материалы научной конф. 5–7 октября 2006 г. М., ИВИ РАН, 2006.
- И. Е. Суриков. Некоторые проблемы боспорского политогенеза V–IV вв. до н. э. («взгляд из Эллады») // Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства. М., Русский фонд содействия образованию и науке, 2014. – (Древнейшие государства Восточной Европы. 2012 г.).
- В. П. Толстиков. К проблеме образования Боспорского государства (опыт реконструкции военно-политической ситуации на Боспоре в конце VI – первой половине V в. до н. э.) // ВДИ. 1984. № 3.
- Э. Д. Фролов. Греция в эпоху поздней классики. Общество, личность, власть. СПб., Издательский центр «Гуманитарная Академия», 2001.
- Ф. В. Шелов-Коведяев, В. П. Толстиков. Боспор в первой четверти V в. до Р. Х. Из истории Пантикапея начала классической эпохи // ДБ. 2014. Т. 18.

Е. А. Савостина

Боспорский феномен и вопрос культурного самоопределения боспорцев

Поставленный для обсуждения на конференции вопрос об *общем и особенном* в культурно-историческом пространстве Боспора является узловым в понимании культуры периферии. Он заставляет вновь обратиться к явлениям античного мира и на их фоне рассмотреть боспор-

ские реалии с точки зрения совпадений – или отличий. Популярный форум, ныне отмечающий двадцатилетие, несомненно требует и подведения итогов работы в этом направлении, что может в какой-то мере оправдать повторение тематики, ранее уже прозвучавшей.

Прежде всего, немаловажно понять, по каким параметрам может идти сопоставление. Насколько полно известно нам сам «античный мир», собственно «мир варваров» и именно «Боспор».

Нельзя не согласиться с тем, что в рассмотрении важных проблем боспорской истории значимую роль играют общеисторические концепции, доминирующие в разное время в науке. В яркой работе Э. Д. Фролова, посвященной истории антиковедения в России (1999), показано возникновение новых направлений, теорий и мнений, которые приходят подобно могучим волнам, а затем ослабевают, чтобы смениться новой волной. Многие такие перемены отражаются и в интерпретации явлений и параллелей, отмеченных также в боспорской истории. В этом отношении показательны общие дискуссии по поводу сути и форм эллинизма, где в свое время прозвучала идея выделения и обоснования некоего этапа предэллинизма, а также проблемы возрождения тирании, связанной с державной политикой сиракузских тиранов, а затем и македонских царей Филиппа и Александра, и в качестве альтернативы – создание локальных или панэллинских федеративных объединений (Фролов. 1999. С. 417, 418). Теория предэллинизма, в основе касающаяся общегреческих процессов, была воспринята и применена к истории Боспора В. Д. Блаватским (как известно, он предложил выделить самостоятельный этап исторического развития Боспора второй четверти IV в. до н. э. – 309 г. до н. э. – протоэллинизм). Теории малой тирании, державной политики македонских царей и территориальных государств и сейчас рассматриваются применительно к Боспорской истории, где, судя по археологическим реалиям и хотя и отрывочным, но убедительным данным нарративных источников, действительно сформировалась некая форма жизни общества (политическая и социальная), имеющая черты державной, как теперь говорят, или монархической государственной позиции. Теория, связанная с взаимодействиями греков и варваров – например, достаточно прямолинейная гипотеза А. А. Иессена, по которой в колонизационном процессе активно участвовали две стороны – греки и варвары, – одно время завоевавшая существенное пространство в исследованиях, постепенно сходит на нет, сменяясь другими, более гибкими представлениями о распределении сил в этих потоках. Но вопрос о характере взаимодействия этих сил и приоритетной роли в политике и культуре какого-либо периода будет еще долго предметом активного обсужде-

ния. И связаны они будут в том числе с вопросом о том, что же такое Боспор и в чем проявляется его самобытность...

Нетрудно заметить, что все возникающие теории, варианты которых гораздо разнообразнее вышеупомянутых, опираются в большинстве своем на одни и те же источники, и довольно скромные данные свободно интерпретируются то под одним, то под другим углом зрения. В такой ситуации необходимо обратить внимание на конкретно-археологический материал (так он определен у Фролова), причем обязательным условием является то, что он должен быть не только известен, но и производиться как в «центре», так и «на периферии». И здесь мы снова во многом зависим от того, каким образом исследуются и интерпретируются собственно греческие источники – теперь уже вещественные.

За годы, миновавшие с начала боспорских форумов, произошли многие изменения во взглядах на культуру античности (её древнегреческий этап), и представление о ней как о «целостном» общегреческом культурном единстве не является актуальным даже в отечественной литературе. Оценка всех проявлений греческой жизни с точки зрения соответствия или достижения ими уровня Афин подвергается критическому рассмотрению (так называемая проблема «афиноцентризма»). Все больше вопросов возникает о сути искусства архаики и проблеме смены художественных эпох. Эти «две вершины» в развитии древнегреческого искусства – архаику и классику – разглядел ещё М. В. Алпатов. Развитие формы, манеры изображения, которые мы ещё недостаточно представляем себе из-за недостатка сведений и из-за того, что сменившая её блестящая, ясная классика ещё до открытия архаики стала неким нормативом в искусстве, правилом раскрытия образа и представлялась едва ли не целью развития художественного языка античности. Однако на данном этапе, как кажется, мы начинаем приближаться к пониманию слов исследователя.

Можно без преувеличения сказать, что археология чрезвычайно расширила горизонты антиковедения вообще и Боспора в частности. Но для решения вопроса о своеобразии его культуры необходим, как мы говорили, такой материал, который был бы сопоставим с материалом метрополии, чтобы его импульс шёл из метрополии, а в искусстве Боспора зародился бы некий «ответ». Насколько сейчас известно, производство расписной керамики, в огромных количествах переправлявшейся в Северное Причерноморье, не было поддержано боспорской ремесленной традицией, архитектура, к сожалению, плохо сохранилась – достойно представлена лишь её погребальная ветвь, по которой мы можем судить о социально-экономических особенно-

стях организации боспорского общества начиная с V в. до н. э. А вот произведения скульптуры и привозились, и изготавливались на месте. По ним и можно судить о полученных некогда импульсе и ответе. Таким образом, из всех разновидностей дошедших до нас «конструктивных искусств» сравнительным материалом могли бы послужить лишь произведения пластики.

Среди них есть памятники, которые проясняют суть самой культуры, сложившейся здесь в античные времена, и, прежде всего, нужно вспомнить известняковый фриз со сценой сражения, со дня находки которого в этом году исполняется 35 лет (Амазономахия? 2001).

Рельеф этот – самое неожиданное явление среди группы памятников из Юбилейного. До тех пор ничего подобного ему не находили, поэтому многие его черты вызвали удивление. На дошедшем до нас фрагменте изображены три поединка, три эпизода битвы всадников и пеших воинов, одетых и вооруженных по скифскому образцу. Много раз в литературе упоминалась разноречивая трактовка сюжета рельефа: битва ли это молодых скифов или (как кажется и мне) «скифская амазономахия», о которой поведал Геродот (Herod., IV, 110–116) – битва молодых скифов с воинами незнакомого племени, завершившаяся узнаванием в них женщин-воительниц и сложением брачных союзов, от которых пошло племя савроматов.

Однако большее значение имеет необычное художественное решение рельефа, на котором и остановимся. Дело в том, что все три сцены сражения размещены не последовательно, эпизод за эпизодом, как это было характерно для композиционных решений в то время, а сконцентрированы на плоскости одной плиты и как бы наложены друг на друга. Каждая сцена самостоятельна и занимает свой пространственный пласт, не пересекающийся с другим. Такая особенность рельефа долгое время не давала исследователям покоя, и это можно понять. Наконец, после находки последнего фрагмента – головы раненого воина (падающей с коня амазонки, 1990 г.) проявилась вертикаль организации слоев и начали вспоминаться разные образцы необычного построения пространства фризов. Их очень немного, но все они происходили из Ионии – родины боспорских колонистов. Наиболее интересным оказался пример фриза с изображением битвы богов и гигантов знаменитой сокровищницы в Дельфах, возведенной жителями ионийского Сифноса около 525 г. до н. э. Мало того, что он организован в двух пластах, но отличается и ещё одной важной деталью построения – использованием неких регулирующих слоев элементов. Так, копье Артемиды, показанное диагонально, как бы удерживает пространственные границы того пласта, в котором она изображена. Точно так же и диагональ

копья-дротика длинноволосой амазонки (воина в гривне) на первом плане боспорского рельефа ограждает первый пласт от следующего, предупреждая зрительное «выпадение» фигур. Использование таких приёмов и, более того, сложность самой задачи и её достойное исполнение говорят о высоком мастерстве и фундаментальной обученности скульптора боспорского рельефа.

Немаловажным в понимании истоков стиля боспорского рельефа стал и анализ пластического исполнения фигур, основа которого соответствует принципам архаического искусства: фигуры изображены фронтально, очерчены четкой линией и имеют уплощенную поверхность. Большое значение придаётся достоверности изображенного действия, точности этнографических деталей (одежда, вооружение), реалистически передаются боевые приёмы и анатомически правдиво – полученные в битве ранения (падающая амазонка поражена в подвздошную область и практически погибает). При этом всё изображение, как и положено архаике, не натуралистично, а облечено в стилизованную форму.

Однако нельзя назвать этот стиль архаизирующим, то есть, «возвратным», намеренно воспроизводящим элементы архаики и концентрирующимся на ней. Скорее, это основа, в которую включены и гармонично вписаны приёмы, относящиеся к эпохе классики (трёхчетвертной разворот головы воина в гривне, например). Они безусловно говорят о том, что анализируемый памятник есть не застывшая архаическая модель, досуществовавшая до эпохи поздней классики, а напротив, представляет собой образец динамичного, живого искусства, обладающего внутренней силой и собственной логикой.

Давно замечено, что искусство Боспора обладало своеобразием и по ряду параметров отличалось не только от таких областей Греции, как Иония и Аттика, но и от искусства античных государств Северного Причерноморья, хотя и находившихся с ним в близком географическом соседстве. Бесспорно, причины такого различия нужно искать в неординарном пути развития Боспора как государства, его политической истории, экономических процессах, взаимоотношениях с варварским окружением, что проявилось в особенностях развития греческих поселений, но также в значительной степени явилось залогом формирования здесь самобытной художественной среды. Она была отмечена исследователями, в основном, в произведениях скульптуры – на тот момент среди известных находок преобладали примеры позднеэллинистического времени, и нередко специфические черты пластики интерпретировались как упрощение доминирующих в то время натуралистических форм, как бы списывались на неумение мастера. И вот в результате тех находок, о которых сейчас идёт речь, наши взгляды

на боспорскую культуру и на периферию в частности готовы измениться. Более того, распознав какие-то новые черты в боспорской пластике, мы можем иначе посмотреть и на собственно греческое искусство – искусство метрополии.

Здесь не лишним будет вспомнить, что собственно греческое искусство – в отличие от античного искусства вообще – изучают не так уж и давно, всего около двухсот лет, с того момента, когда исследователям стала доступна территория Греции, освобожденная от Османского владычества. До тех пор многие античные памятники были известны «в переводе» на римское восприятие, и большинство из них – в копиях и репликах. Известна была и классика – понимаемая не просто как один из периодов развития, а возведённая трудами И. Винкельмана в статус мировой и общегреческой незыблемой вершины. И потому так потрясли всех находки скульптуры, сделанные в «персидском мусоре» – слое, оставшемся от разрушения персами прежнего Акрополя и перекрытого с началом сооружения Парфенона. Удивительные линии, необычные очертания фигур и лиц юношей и девушек, кор и куросов, как их назвали первооткрыватели, – так в нашу науку и вообще в европейскую цивилизацию вошло представление о греческой архаике – эпохе, предшествующей классике. Довольно скоро распознали в ней и специфические ионийские черты.

Для нас важно, что именно к архаической эпохе относится выведение из Ионии колоний в Северное Причерноморье, в том числе, на земли будущего Боспора. В те времена колония являла собой полное воспроизведение структуры того полиса, от которого она отделялась, со всеми наиважнейшими институциями и представлениями о миропорядке. Но, как оказалось, и не только. Наблюдая архаическую основу в стиле боспорского искусства, мы можем говорить и о том, что сохранялись также эстетические представления – в данном случае, для нас важно восприятие пластической формы, некая «манера видения», как определил приверженность какому-либо стилю Г. Вёльфлин. С течением времени эта манера видоизменялась, но архаический след в ней сохранялся, он несомненно был определяющей основой этой формы, которая постепенно разбавлялась – наполнялась новыми элементами, почерпнутыми у последующих мастеров новых «классических» школ.

Таким образом, найденный рельеф со сценой сражения оказался своеобразным ключом к пониманию такой разновидности местного искусства, которую было предложено выделить и определить как «боспорский стиль». Теперь мы можем отнести к нему и ряд других памятников как IV в. до н. э. (стела из Трёхбратнего кургана, голова статуи синда, рельеф с изображением грифона из Пантикапея), так и более поздних,

включая широко распространённые боспорские надгробные стелы эллинистической и раннеримской эпохи. Есть основания предполагать его существование и в формах архитектурного декора (А. В. Буйских), и в торевтике (золотые предметы-тиары? из донецкого и ставропольского курганов (Передериева могила и курган, раскопанный в 2013 г. в Ставрополе), в которых тоже, по нашему мнению, запечатлён рассказ Геродота, – но уже другой, повествующий о битве одноплеменников: молодых скифов и старых воинов, вернувшихся из многолетнего похода и узнавших о неверности жён), и даже в малых формах – терракотовой пластике – этот стиль получил отражение (статуэтка всадника из ГМИИ им. А. С. Пушкина по композиции, уплощённой поверхности рельефа и характерным деталям напоминает стиль боспорских стел позднего эллинизма). Всё это переводит рассматриваемое явление в статус так называемого «Большого стиля», то есть художественной манеры, проявляющейся в разнообразных категориях культуры и в данном случае во многом определяющей облик боспорской среды. В пластике он сосуществовал с классическим стилем, проступающим в привозных, как правило, вещах, но иногда как бы был включён и в памятник классического направления – мы видим это в стеле с двумя воинами (Таманский рельеф, ГМИИ им. А. С. Пушкина).

О чём же могут свидетельствовать результаты наших наблюдений? Об очень важных для понимания феномена Боспора явлениях. Прежде всего, мы получили свидетельства того, что после образования здесь колоний по прошествии какого-то времени (мы можем фиксировать этот момент пока около IV в. до н. э., вероятно, именно тогда возникающие новые черты укоренились, аккумулировались и достигли некоей «критической массы») на Боспоре сложилась своя среда, особая «культурная общность», отличающаяся устоявшейся формой неких эстетических предпочтений, своего рода формой художественного самоопределения боспорцев, впервые разгаданная как особая «манера видения» в рельефах из Юбилейного. Есть все основания полагать, что это событие связано и с политической консолидацией самого Боспора, с картиной его социума, но также и с новыми политическими тенденциями, в том числе, с возникновением территориальных держав, усилившимся в античном мире того времени. Именно в этом общем потоке и сформировалась самобытность – особенность Боспора, проявившаяся на быстро изменяющемся историческом фоне предэллинистической эпохи.

Но не только. Вопросы о сложности понимания искусства архаики, своеобразия ионийского искусства и сохранении ряда отличительных черт в качестве такого же «архаического следа», но уже в памятниках Малой Азии (территория Ионии), сооружённых в IV в. до н. э., до по-

ходов Александра Македонского («Памятник Нереид») – также возникают, благодаря периферийным вещам, вышедшим из боспорских мастерских.

Литература

- Амазономахия? – Боспорский рельеф со сценой сражения (Амазономахия?)
Отв. Ред. Е. А. Савостина М., СПб., ГМИИ им. А. С. Пушкина, Летний сад, 2001. – (Монография о памятнике. Т. 2).
- Э. Д. Фролов. Русская наука об античности. Историографические очерки. СПб., СПбГУ, 1999.

Е. А. Молев

Неантичное в политической системе Боспора VI–II вв. до н. э.

Проблема формирования боспорской государственности на протяжении более 200 лет многократно была предметом научного исследования. Из исследований последних лет наиболее полно и обстоятельно она была рассмотрена на чтениях памяти

В. Т. Пашуто в 2012 году. Материалы этих чтений нами отчасти уже были рассмотрены (Молев. 2013а. С. 166–172). Позднее итоги прошедших на чтениях дискуссий были уточнены и существенно дополнены статьями их участников с сборнике «Древнейшие государства Восточной Европы» и ряде других изданий. В данной нашей работе мы рассмотрим только те материалы, которые позволяют выделить и как-то обосновать некоторые неантичные элементы или, точнее, элементы, несвойственные античной политической системе периода архаики-классики. Сделать это непросто, поскольку я всегда считал, что Боспор государство (как минимум, в основе своей) сугубо античное. Но поскольку «боспорская власть, создававшаяся в особых исторических условиях и развивающаяся в совершенно особой среде последовательно и почти без перерывов, не находит себе полной аналогии ни в одном из уголков античного мира» (Ростовцев. 1989. С. 195), мы попробуем рассмотреть два её элемента, не вполне укладывающиеся в рамки античной государственности – негреческое название столицы государства, наряду с греческим, и царскую власть.

Начнем с первого. Уже давно и неоднократно отмечалось, что само название «Боспор» могло быть названием Пантикапея или принадлежащей ему территории (Орешников. 1884. С. 14; Brandis. 1897. Col. 757; 766–767; Васильев. 1985а. С. 289; Васильев. 1992. С. 121–124;

Виноградов. 2005. С. 211. Прим. 2). Из современных исследователей Ф. В. Шелов-Коведяев и В. П. Толстиков прямо считают, что название Боспор было «дублирующим названием Пантикапея» (Шелов-Коведяев, Толстиков. 2014. С. 471). В статье по итогам вышеотмеченных чтений Ф. В. Шелов-Коведяев даже утверждает, что термин «Боспор *изначально* (здесь и далее курсив мой – Е. М.) был дублирующим названием столицы государства – Пантикапея» (Шелов-Коведяев. 2014. С. 62). И это, несомненно, так, поскольку ни один иной город в причерноморском регионе античные авторы с названием Боспор не соотносят. Но с чем же может быть связано такое дублирование названий?

В свое время, исходя из того, что Диодор называет в своей первой заметке о Боспоре Археанактидов правителями *Боспора Киммерийского*, я посчитал возможным говорить о появлении понятия Боспор как политико-географического уже с конца VI в. до н. э., и связывать его с объединением ряда апойкий региона уже в то, а, может быть, и ещё более раннее время (Молев. 2009б. С. 292) м¹. По мнению же А. А. Завойкина «описательный титул “архонт Боспора и Феодосии” /.../ появился при Левконе I, собственно как и наименование самого государства – Боспор (не Пантикапей!)» (Завойкин. 2014. С. 35). Основной аргумент автора – аутентичные памятники боспорской эпиграфики – очень убедителен и не будь отмеченного выше сообщения Диодора, я бы полностью солидаризировался с А. А. Завойкиным.

Любопытна точка зрения Н. Ф. Федосеева. Он пишет: «у меня нет сомнений, что новая династия Спартокидов имеет фракийские корни. Видимо с появлением новых династов появляется и новое название города – Пантикапей, а также калька известного фракийцам названия пролива – Боспор» (Федосеев. 2014. С. 146). Однако, уже на самых ранних монетах Пантикапея, задолго до прихода к власти Спартокидов, присутствует легенда ПАН, расшифровываемая всеми нумизматами (и не только) как название города Пантикапей. Это, а также упоминание Диодором термина Боспор Киммерийский уже при Ахеанактидах, делает версию Н. Ф. Федосеева весьма сомнительной.

Тем не менее, с мнением Н. Ф. Федосеева в определённой степени солидарен И. Е. Суриков: «Повторим и подчеркнём: начало боспорской тирании следует связывать с приходом к власти Спартока I, а не с чем-либо иным» (Суриков. 2014. С. 96). Здесь автор прямо не го-

¹ С таким происхождением данного термина был согласен А. Н. Васильев (см.: Васильев. 1985а. С. 17), однако возникновение его он связывал с более поздним временем (Васильев. 1992. С. 122).

ворит об истоках боспорской государственности и затрагивает только проблему возникновения режима тирании на Боспоре.

Итак, у нас на сегодня есть разные точки зрения о времени появления политико-географического термина Боспор. Думаю, что все авторы будут солидарны с тем, что в IV в. до н. э. он уже точно был и это абсолютно точно подтверждается памятниками боспорской эпиграфики. То, что Левкон впервые в истории Спартокидов принимает официальный государственный титул «архонт Боспора (а не Пантикапей!) и Феодосии», столь же несомненно свидетельствует о том, что до присоединения Феодосии термин Боспор, как обозначение государственного образования на берегах Боспора Киммерийского, сложившегося к тому времени (не будем пока затрагивать вопрос о его характере), *уже существовал*. Но как долго – that is the question!

На мой взгляд, упоминание Диодором факта царствования Археанактидов «над Боспором Киммерийским», всё же даёт определённые основания думать об использовании греками термина Боспор как политико-географического уже с конца VI в. до н. э. Но, если признать справедливыми предположения коллег о прямой связи терминов Боспор и Пантикапей (а мне они сегодня кажутся именно таковыми), то истоки боспорской государственности лежат ещё глубже, возможно, даже с основания Пантикапея. И тогда встаёт вопрос – в чём причина этого двойного наименования? Почему у греков в обиходе прижилось не официальное, а дублирующее название нового полиса? Объяснить это, при отсутствии точных данных источников, достаточно сложно и единственное объяснение этому я пока вижу лишь в том, что название Пантикапей, по-видимому, негреческое, а Боспор – греческое и к тому же связанное с греческой мифологией. Но как негреческое название могло прижиться у греков?

Сам термин Пантикапей лингвисты производят или от древне-иранского *ranti-кара- «рыбный путь» (Абаев. 1949. С. 170, 175, 193) или от таврского (индоарийского) *ranti-кара – «холм у пролива (пути?)» (Трубачёв. 1999. С. 259). По версии Стефана Византийского город был основан сыном колхского царя Эета, получившим место для его строительства от скифского царя Агаэта и назвавшим город от имени протекавшей рядом реки Пантикап (St. Byz., s. v. P. 501–502). Ему вторит сообщение Евстафия (в комментарии к периплу Дионисию): «От реки Пантикапа имеет название находящийся там большой город Пантикапей, основанный сыном Эета, кругом заселённый холм в 20 стадиев, главный город местных боспорцев» (Eust. Ad Dion. 311 = SC. I. 198). Сам по себе факт наименования города по имени реки не так уж невероятен, и в своё время В. Д. Блаватский приводил тому примеры

(Блаватский. 1964. С. 19–20). Он же, кстати, предложил считать термин Пантикапа названием современного Керченского пролива, а не реки. Однако приведённые им же самим примеры позволяют говорить только о названиях рек, давших названия городам. А отрицать рыбные богатства реки, протекавшей у Пантикапея в древности, на том основании, что сейчас она почти совершенно пересохла (речка Приморская или Мелек-Чесма), и на этом основании затем уже приписывать её название проливу, мне кажется не вполне корректным. И вот почему.

Все наиболее авторитетные авторы, сообщающие о реке с таким названием, помещают её в Приднепровской Скифии (Herod. IV. 19; 54; Mela. II. 5; Plin. IV. 83). Любопытно, при этом, что последний из них – Плиний прямо говорит, что «Пантикапей некоторые называют Боспором» (Plin. IV. 78). И учитывая сезонные миграции скифов в Синдику через Восточный Крым (Herod. IV. 28), нет ничего невероятного в том, что это название могло быть перенесено скифами на реку в районе будущего Пантикапея. Вспомним хотя бы название Гипанис, которое получили современные Южный Буг и затем Кубань. И, следовательно, более вероятно то предположение, которое возводит значение к древне-иранской (скифской) этимологии. Влияние скифов на Боспоре всегда было весьма значительным, достигнув своего апогея в IV в. до н. э. (Шелов-Коведяев. 1985. С. 136; Яковенко. 1985. С. 28; Виноградов. 2005. С. 265). Более того, у нас достаточно оснований, чтобы констатировать дружественный характер их отношений на протяжении всего периода истории от основания боспорских городов до государственного переворота, осуществлённого «скифами во главе с Савмаком» (Молев. 2009а. С. 165). И, несомненно, что этот союз базировался на общности основных экономических, политических и культурных интересов скифской кочевой аристократии и боспорских правителей (Виноградов. 2002. С. 20). И, вероятнее всего, именно в силу дружественного характера боспоро-скифских отношений скифское название реки и города (Пантикапей) сохранилось наряду с греческим (Боспор). Тем более, что для греческой оронимии характерно использование одних и тех же названий в разных местностях (Белецкий. 1978. С. 15), и потому перенос названия реки в Скифии на реку на Боспоре для греков не мог бы вызвать больших затруднений.

Вторым особенным элементом государственной системы Боспора стала царская власть его правителей. Принятие титула «царствующий» на Боспоре связано с именем Левкона I. Представляется несомненным, что принятие им этого титула связано с существенными изменениями в характере государства и, в свою очередь, является одним из важнейших внутривнутриполитических изменений в государственной системе.

Совершенно очевидно, что его введение связано не просто с подчинением, а с включением в состав Боспора соседних варварских племён, царствующим над которыми, в отличие от греков, и стал теперь называться правитель Боспора. На раннем этапе борьбы с ними задача включения их в состав государства, вероятнее всего, и не ставилась. И потому первое время после разгрома противника Левкон I в посвященных надписях обозначался одинаковым титулом «архонт» по отношению и к эллинам, и к варварам (Шкорпил. 1917. С. 109. № 1; Шелов-Коведяев. 1985. С. 130; Соколова, Павличенко. 2002. С. 99–121). Но это вовсе ещё не означало «политического равноправия объединённых в одно государство греческих полисов и варварских племён» (Тохтасьев. 2004. С. 179). Просто вопрос о характере управления разгромленными племенами ещё находился в стадии решения. И только убедившись в готовности местных элит пойти на полное подчинение и включение в состав Боспора, Левкон I принимает дополнение к своему прежнему титулу – «царствующий». Принятие им именно этого титула связано с тем, что, во-первых, местные правители племён носили такие титулы (это засвидетельствовано для синдов и дандариев), а, во-вторых, вполне вероятным влиянием титулатуры персидских царей, достаточно хорошо известной в античном мире и всегда привлекательная для правителей, пользующихся любыми формами единоличной власти (Молев. 2013б. С. 212). Вводя дополнительно компонент «царствующий» Левкон, таким образом, приводит свою титулатуру в соответствие с реальным разграничением своих полномочий по отношению к эллинам и варварам.

Литература

- В. И. Абаев.* Осетинский язык и фольклор. I. Скифский язык. М., Л., Изд-во АН СССР, 1949.
- А. А. Белецкий.* Древняя оронимия Греции // Античная балканистика. Языковые данные и этнокультурный контекст Средиземноморья. 3–5 апреля 1978 г. М., Институт славяноведения и балканистики АН СССР, 1978. № 3.
- В. Д. Блаватский.* Пантикапей. М., Наука, 1964.
- А. Н. Васильев.* Проблемы политической истории Боспора в отечественной историографии. Автореферат канд. дис. Л., 1985.
- А. Н. Васильев.* Боспорские надписи как исторический источник (О понятии «Боспор» на Боспоре в IV в. до н. э.) // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1985. Вып. 17.
- А. Н. Васильев.* К вопросу о времени образования Боспорского государства // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб., Глаголь, 1992.

- Ю. А. Виноградов. Греки и варвары на Боспоре Киммерийском в доримскую эпоху. Автореферат докт. дис. СПб., 2002.
- Ю. А. Виноградов. Боспор Киммерийский // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб., Алетейя, 2005.
- А. А. Завойкин. Образование Боспорского государства: от полиса к царству (некоторые итоги и перспективы дискуссии) // Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства. М., Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2014. – (ДГВЕ. 2012).
- Е. А. Молев. Скифы в политической истории Боспора VI–II вв. до н. э. // ВДИ. 2009. № 3.
- Е. А. Молев. Проблема политико-географического термина «Боспор» // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы. БЧ. Керчь, 2009. Вып. X.
- Е. А. Молев. Некоторые итоги дискуссии о проблеме образования Боспорского царства // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. СПб., 2013. Вып. 12.
- Е. А. Молев. О титулатуре Левкона I // ПИФК. 2013. № 2 (40).
- М. И. Ростовцев. Государство и культура Боспорского царства // ВДИ. 1989. № 2.
- А. В. Орешников. Босфор Киммерийский в эпоху Спартокидов по надписям и царским монетам. (По поводу сочинений: б. Кёне «Музей кн. Кочубея» и П. О. Бурачкова «Общий каталог монет, принадлежащих Эллинским колониям северного берега Чёрного моря. 1884 года»). Посвящается VI Археологическому съезду в Одессе. М., Скоропечатня О. О. Гербека, 1884.
- О. Ю. Соколова, Н. А. Павличенко. Новая посвятельная надпись из Нимфея // *Nupurboreus. Studia Classica*. 2002. Vol. 8. Fasc. 1.
- И. Е. Суриков. Некоторые проблемы Боспорского политогенеза V–IV вв. до н. э. (взгляд из Эллады) // Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства. М., Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2014. – (ДГВЕ. 2012).
- С. Р. Тохтасьев. Боспор и Синдика в эпоху Левкона I // ВДИ. 2004. № 3.
- О. Н. Трубочёв. *Indoagica* в Северном Причерноморье: Реконструкция реликтов языка. Этимологический словарь. М., Наука, 1999.
- Федосеев Н. Ф. Некоторые дискуссионные вопросы организации и развития Боспорского государства // Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства. М., Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2014. – (ДГВЕ. 2012).
- Ф. В. Шелов-Коведяев. История Боспора в VI–IV вв. до н. э. // Древнейшие государства на территории СССР. 1984 г. М., Наука, 1985.
- Ф. В. Шелов-Коведяев. Кем были Археанактиды? // Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства. М., Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2014. – (ДГВЕ. 2012).
- Ф. В. Шелов-Коведяев, В. П. Толстиков. Боспор в первой четверти V в. до Р. Х. (из истории Пантикапея начала эпохи классики) // ДБ. 2014. Т. 18.
- В. В. Шкорпил. Новонайденные боспорские надписи // ИАК. 1917. Т. 63.
- Э. В. Яковенко. Скифы на Боспоре (Греко-скифские отношения в VII–III вв. до н. э.). Автореферат докт. дисс. М., 1985.
- Brandis. *Bosporos* // RE. 1897. Bd. 3.
- Stephani Byzantii *ethnicorum quae supersunt*. Ex resensione A. Meinekii. Berlin, 1849.

А. С. Балахванцев

Боспор и Ахемениды

Гипотеза о вхождении Боспора Киммерийского в состав Ахеменидской державы обсуждается в науке уже почти сто лет, причём у неё есть как свои сторонники, так и противники. Наличие обстоятельного историографического очерка, вышедшего из-под пера А. А. Завойкина (Завойкин. 2015. С. 240–261), избавляет меня от необходимости подробно излагать историю вопроса и позволяет сразу перейти к последним работам по данной теме, придавшим дискуссии новый импульс. В начале 2018 года появилась долгожданная публикация найденного за два года до этого в Фанагории фрагмента стелы с древнеперсидской надписью (Кузнецов, Никитин. 2018. С. 154–159). Естественно, что введение в научный оборот новых данных создает объективную необходимость вновь проанализировать весь корпус источников по проблеме отношений Боспора и Ахеменидов.

Свидетельство Диодора Сицилийского. Разбирая фрагмент «Исторической библиотеки», в котором говорится о завершении правления Археанактидов и приходе к власти на Боспоре в 438/7 г. до н. э. Спартака (Diod., XII. 31. 1), Г. А. Кошеленко обратил внимание, что в тексте эти события отмечены как происходившие в Азии. Анализ же использования понятия «Азия» привёл автора к выводу, что под ним у Диодора подразумеваются Персидское царство или зависимые от него территории, и, стало быть, «в это время Боспор находился под контролем Ахеменидов» (Кошеленко. 1999. С. 131–138).

Однако для того, чтобы принять или отвергнуть этот вывод, необходимо не просто отметить взаимозаменяемость понятий «Азия» и «держава Ахеменидов», но и дать ответ на два тесно связанных друг с другом вопроса. Во-первых, входили ли в «Азию» те находившиеся под властью персов территории, которые заведомо не принадлежали последней в географическом плане? Во-вторых, включает ли Диодор в состав «Азии» те азиатские сатрапии Ахеменидов, которые от них отпали?

По первому вопросу наиболее ценную информацию содержат те части текста, где речь идёт о делах в Египте. Так, рассказывая под 463/2 г. до н. э. о первых мероприятиях нового персидского царя Артаксеркса I (Diod., XI. 71. 1–2) и о восстании Инара в Египте (Diod., XI. 71. 3–5), Диодор резюмирует: «Таковы были события этого года в Азии и Египте¹» (Diod., XI. 71. 6). Г. А. Кошеленко, понимая, что данное

¹ Аналогичным образом сообщается о решении персидских полководцев в 374/3 г. до н. э. уйти из Египта и их отступлении в Азию (Diod., XV. 43. 4–5).

свидетельство подрывает его концепцию, попытался объяснить особое упоминание Египта тем, что страна на время вернула себе независимость (Кошеленко. 1999. С. 135. Прим. 23)². Но как тогда, спрашивается, быть с тем, что Диодор, упоминая о возвращении посла восставших против Артаксеркса II сатрапов Реомитра из Египта в охваченный мятежом город Левку, указывает, что тот приплыл в Азию (Diod., XV. 92. 1)? Точно также Диодор отмечает, что помощь фиванцев сатрапу Артабазу, поднявшему восстание против Артаксеркса III, была отправлена в Азию (Diod., XVI. 34. 1–2).

В целом, анализ словоупотребления Диодора свидетельствует, что понятие «Азия» понимается им как: 1) часть света (Diod., XI. 71. 6); 2) Персидское царство (Diod., XIII. 22. 1–2, 108. 1); 3) Малая Азия (Diod., XIV. 19. 7). Что же касается дискутируемого здесь отрывка, то Азия, к которой относился Боспор, не может быть ничем иным, кроме части света. Разумеется, в Азии находился отнюдь не весь Боспор, но ведь и Спартокиды V–IV вв. до н. э. не имели тех царских титулов, которыми их столь щедро наделили Диодор или его источник.

Корабли из Понта у Ксеркса. Считая, что Понт – это древнейшее название Боспора, Г. А. Кошеленко ссылается на присутствие кораблей из Понта во флоте Ксеркса (Hdt., VII. 95; Diod., XI. 2. 1), как на доказательство нахождения Боспора в зоне контроля или влияния Ахеменидов (Кошеленко. 1999. С. 138–139). Однако если согласиться с данной трактовкой, то получается весьма странная картина, когда Понт (Боспор) в одно и то же время отправлял корабли на помощь Ксерксу и посылал зерно его врагам – Эгине и Пелопоннесу (Hdt., VII. 147). Единственное разумное объяснение этих фактов состоит в том, что Понт – это вовсе не один Боспор, а всё побережье Черного моря.

Свидетельство Ктесия Книдского. Некоторые исследователи полагают, что сообщение Ктесия (Ctes., FGrH 688 F 13. 20) о предпринятом по приказу Дария морском походе сатрапа Каппадокии Ариарамна против скифов следует понимать как относящееся к покорению Боспора (Кошеленко. 1999. С. 139–140; Яйленко. 2010. С. 7–11; Цецхладзе. 2014. С. 214–215). Однако принять данный вывод не представляется возможным. Во-первых, нет никаких оснований считать, что ставшие жертвой персидского нападения скифы жили на Боспоре (Завойкин.

² Замечу, что данное объяснение приводит к поистине роковому для концепции Г. А. Кошеленко противоречию. В самом деле, если вслед за автором считать, что Азия – это держава Ахеменидов, а Археанактиды – персидские ставленники (Кошеленко. 1999. С. 141; Кузнецов. 2018. С. 179), то начиная с момента их падения в 438/7 г. до н. э. Боспор никак не мог помещаться Диодором в Азию и должен был упоминаться как самостоятельный регион.

2015. С. 243; Кузнецов. 2018. С. 166). Во-вторых, что ещё более важно, вся рассказанная Ктесием история выглядит совершенно неправдоподобно. Поэтому, принимая во внимание крайне дурную репутацию Ктесия в исторической науке, его склонность к выдумкам и фальсификациям (Балахванцев. 2017. С. 127–128), следует согласиться с тем, что похода Ариарамна в Скифию в действительности никогда не было (Шашлова. 2017. С. 50–55).

Ахеменидские печати. Находки ахеменидских печатей на Боспоре постоянно рассматриваются в качестве доказательства присутствия там ахеменидских дипломатов (Федосеев. 2014. С. 155; Завойкин. 2015. С. 245; Молев. 2016. С. 17–18). Более того, на основе «сверхвысокой» концентрации таких находок делается даже вывод об особом характере отношений Ахеменидского и Боспорского государств (Трейстер. 2011. С. 118). Однако прежде чем рассуждать о характере этих отношений, следует ответить на вопрос о времени попадания ахеменидских печатей на Боспор. Из приводимых М. Ю. Трейстером данных следует, что только две печати попали на Боспор – причем, не в Пантикапей, а в Нимфей – до крушения державы Ахеменидов (Трейстер. 2011. С. 114), остальные же могли появиться на берегах Керченского пролива значительно позднее. Вряд ли от этого соображения можно отделаться утверждением о связи печати со своим владельцем (Трейстер. 2011. С. 117). В силу различных причин печать, даже не дожидаясь смерти своего хозяина, могла начать самостоятельное существование. Так, древнееврейская печать рубежа VII–VI вв. до н. э., принадлежавшая коменданту иудейской крепости Арад Элиашибу, была обнаружена в сарматском погребении первой половины I в. н. э. на Нижнем Дону (Балахванцев, Мимоход, Успенский. 2017. С. 155–158). Поэтому факты покупок или даже находок произведений ахеменидской глиптики вне соответствующего хронологического контекста являются недостаточным основанием для утверждения о существовании оживленных дипломатических связей между правителями Боспора и Ахеменидами.

Фрагмент персидской надписи из Фанагории. Предполагая присутствие в первой из сохранившихся строк надписи части имени Дария в родительном падеже, исследователи датировали памятник временем правления Ксеркса (Кузнецов, Никитин. 2018. С. 158). Сама же надпись стала трактоваться как ещё одно доказательство установления ахеменидского контроля над Боспором Киммерийским (Кузнецов. 2018. С. 168–169, 179). Однако археологический контекст находки (Кузнецов. 2018. С. 166–167) и отсутствие других фрагментов поблизости от места обнаружения опубликованного обломка не дают оснований считать, что вся надпись изначально находилась в Фанагории. Более

обоснованной мне представляется гипотеза О. Л. Габелко и Э. В. Рунга, которые в своей ещё не опубликованной статье предположили, что фанагорийский фрагмент первоначально был частью мраморной стелы, установленной по приказу Дария I в месте сооружения моста через Боспор Фракийский во время его скифского похода.

Надписи Ахеменидов. Окончательную ясность в вопрос о том, находился ли Боспор в составе или сфере влияния державы Ахеменидов, могут внести надписи, высеченные по приказу её правителей. При работе с ними необходимо иметь в виду, что для достижения впечатления о вечности и неизменности державы эти памятники оперировали не сатрапиями, число и границы которых постоянно менялись, а списком не совпадавших с сатрапиями *dahyu* – т. е. стран / народов. Этот перечень был окончательно, несмотря на поправки Ксеркса, сформирован ещё в надписи из гробницы Дария I в 490–486 гг. до н. э. (Дандамаев. 1985. С. 133–134), после чего ахеменидские надписи просто игнорировали факты отпадения от империи тех или иных территорий³. Поэтому присутствие какой-либо страны в списке покорённых земель ещё не гарантирует, что она действительно входила в состав Ахеменидской империи. Напротив, отсутствие любых упоминаний о Боспоре в надписях Дария и Ксеркса⁴ является весомым доказательством в пользу того, что земли Керченского и Таманского полуострова персам никогда не принадлежали.

Таким образом, в нашем распоряжении нет фактов, свидетельствующих о том, что Боспор являлся частью Ахеменидской державы. Что же касается ахеменидского или, точнее, малоазиатского влияния, отразившегося в иконографии и метрологии некоторых монетных выпусков Пантикапея (Завойкин. 2015. С. 245, 248–250), то его причинам следует посвятить отдельное исследование.

Литература

- А. С. Балахванцев. Политическая история ранней Парфии. М., ИВ РАН, 2017.
А. С. Балахванцев, Р. А. Мимоход, П. С. Успенский. Древнееврейская печать из сарматского погребения на Нижнем Дону // РА. 2017. № 4.

³ Подробнее см. Балахванцев. 2017. С. 126. Прим. 411, 412 (с предшествующей литературой).

⁴ Особенно показательным является молчание о Боспоре надписей Ксеркса, который в начале своего правления так нуждался в хоть каком-нибудь внешнеполитическом успехе, что попытался дополнить список покорённых Дарием народов за счёт племени дахов, появившихся на западных границах Хорезма и заявивших о номинальном признании персидского господства и принятии обязательств приносить дары в обмен на возможность пользоваться зимними пастбищами (Балахванцев. 2017. С. 39–40).

- М. А. Дандамаев.* Политическая история Ахеменидской державы. М., «Наука», 1985.
- А. А. Завойкин.* Ахемениды и Боспор (историографический аспект проблемы) // ПИФК. 2015. № 1.
- Г. А. Кошеленко.* Об одном свидетельстве Диодора о ранней истории Боспорского царства // ДГВЕ 1996–1997 гг. М., «Восточная литература», 1999.
- В. Д. Кузнецов.* Боспор Киммерийский в 5 в. до н. э. (древнеперсидская надпись из Фанагории) // Фанагория. Результаты археологических исследований. М., Институт археологии РАН, 2018. Том 6, вып. 3.
- В. Д. Кузнецов, А. Б. Никитин.* Древнеперсидская надпись из Фанагории // Фанагория. Результаты археологических исследований. М., Институт археологии РАН, 2018. Том 6, вып. 3.
- Е. А. Молев.* К вопросу о вероятности подчинения Боспора персам // БИ. 2016. Вып. XXXIII.
- М. Ю. Трейстер.* Ахеменидские «импорты» на Боспоре Киммерийском. Анализ и интерпретация // Боспорский феномен: Население, языки, контакты. Материалы международной научной конференции. СПб., Нестор-История, 2011.
- Н. Ф. Федосеев.* Некоторые дискуссионные вопросы организации и развития Боспорского государства // ДГВЕ 2012 г. М., «Восточная литература», 2014.
- Г. Р. Цецхладзе.* Боспорское царство: особенности образования и развития // ДГВЕ 2012 г. М., «Восточная литература», 2014.
- Т. Ю. Шашлова.* Источниковедческие замечания об одном сообщении Ктесия Книдского // ПИФК. 2017. № 1.
- В. П. Яйленко.* Тысячелетний Боспорский рейх. История и эпиграфика Боспора VI в. до н. э. – V в. н. э. М., Гриф и К, 2010.

В. П. Копылов

Милетская апоikia Кремны и колонизация Боспора

Проблемам колонизации Боспора Киммерийского посвящено значительное количество исследований (Кошеленко, Кузнецов. 2010. С. 406–426 с библиографией). Мы остановимся лишь на рассмотрении проблемы, связанной со временем начала греческой колонизации Европейского и Азиатского Боспора и попытаемся представить картину поэтапного освоения греками данного региона.

В последние годы были открыты новые материалы архаического времени на поселениях Таманского полуострова (Журавлёв, Шлотцаур. 2016. С. 86) и в Пантикапее (Толстикова, Муратова. 2013. С. 182–183), которые позволили авторам раскопок утверждать, что появление самых первых греческих поселений на Боспоре относится ко времени не ранее начала второй четверти VI в. до н. э. Фрагмент керамики VII в. до н. э., случайно обнаруженный в районе посёлка Алексеевка

близ Анапы (Новичихин. 2010. С. 37–39), и серия материалов этого времени¹ в керамической коллекции, происходящей из Таганрогского поселения (Корулов. 1996. Р. 332. Pl. 1, 1–8), свидетельствуют о существовании греческих апойкий на юге Европейской части России уже в VII в. до н. э. Однако, если говорить о долговременной поселенческой структуре греков в районе посёлка Алексеевка пока проблематично, то о наличии греческой колонии, сегодня полностью находящейся на дне Таганрогской бухты, свидетельствуют обширные археологические материалы (Корулов. 1996. Р. 332. Pl. 1, 1–8).

Для правильного понимания исторического развития Северо-Восточного Приазовья в VII–VI вв. до н. э. следовало решить следующие задачи: во-первых, установить историко-географические декорации Северо-Восточного Приазовья в этот период (Копылов, Андрианова. 2013. С. 201–212); во-вторых, выяснить демографическую ситуацию в Приазовье (Корулов, Андрианова. 2011. Р. 195–199); в-третьих, четко определить характер и время основания первой греческой колонии в этом регионе. Считаем необходимым кратко резюмировать полученные результаты. В силу удобного географического расположения, устьевой район реки Танаис, являвшийся важным узлом пересечения сухопутных и водных коммуникаций, во второй половине VII в. до н. э. становится зоной политической и экономической активности греков. Это один из немногих районов Северного Причерноморья, где прослеживается наиболее ранний этап процесса развития непосредственных связей эллинов и скифов. Особо отметим, что это единственный район в Северном Причерноморье, где письменные источники упоминают представителей анатолийских народов, которые принимали участие в колонизационном процессе на раннем его этапе (Соловьёв. 2007. С. 12–13). Комплексный анализ всей совокупности источников, с широким привлечением данных новейших естественно-научных исследований, позволили установить, что в VII–VI вв. до н. э., т. е. в период, приходящийся на пик «фанагорийской регрессии», когда уровень Азовского моря был на 5–5,5 м ниже современного, Таганрогского залива не существовало (Копылов, Рылов. 2006. С. 91. Рис. 3). Было установлено, что во время относительно краткосрочной фанагорийской регрессивной фазы, в результате отступления вод Азовского моря, в вершинной части Таганрогского залива образовалась суша площадью около 1500 кв. км с чрезвычайно плодородными землями, где могла находиться хора греческой колонии. Результаты палеогеографической реконструкции

¹ Впервые ранние материалы из Таганрогского поселения были представлены нами в сентябре 1990 года на международном симпозиуме в Вани (Грузия).

позволяют считать, что ранняя греческая колония располагалась на низкой террасе под береговым обрывом у основания Таганрогского мыса, на берегу исключительно богатого рыбными запасами пресноводного озера. Именно это место являлось наиболее предпочтительным для основания гавани. Анализ всех данных о демографической ситуации в устьевой области реки Танаис свидетельствует, что именно в этом районе сосредоточено наибольшее количество раннескифских погребений конца VII – первой половины VI в. до н. э. и именно здесь прослеживается наиболее ранний этап процесса развития непосредственных связей эллинов и скифов в Северном Причерноморье (Жуков, Андрианова. 2011. С. 96, сл.).

Анализ керамического комплекса Таганрогского поселения позволил нам определить время функционирования этой греческой колонии, её характер и роль в установлении связей с варварским населением региона, а также с другими греческими центрами.

Имеющиеся материалы позволяют утверждать, что греческая колония в районе Таганрогской бухты была основана не позже рубежа третьей и последней четверти VII в. до н. э. и погибла в пожаре в третьей четверти VI в. до н. э. (Копылов, Рылов. 2006. С. 88–93; Копылов. 2011. С. 226–231. Рис. 3) Сравнительный анализ керамических находок даёт основание говорить, что основана эта колония была выходцами из Милета. А анализ таганрогского граффито, относящегося к третьей четверти, ближе к середине VI в. до н. э. (Vinogradov. 1999. P. 18), может свидетельствовать в пользу того, что большинство обитателей этой колонии были милетянами, а характер поселения в статусно-политическом аспекте не мог быть ни сезонной якорной стоянкой, ни эмпорием² (Виноградов. 1999. С. 179). Приведённые нами данные дают возможность утверждать, что именно Таганрогское поселение являлось основной греческой колонией в устье Танаиса, и играло такую же роль в Северном Причерноморье, как Истрия в устье Дуная и Боресфенида в устье Днепра. Мы полагаем, что вся совокупность данных позволяет идентифицировать Таганрогское поселение с гаванью Кремны, которую упоминает Геродот. Нам уже доводилось отмечать, что именно жители этой милетской колонии могли инициировать начало колонизации территории Боспора, чему способствовало усиление давления на гавань Кремны со стороны кочевых скифов. Поселения с системой фортификации на Европейском Боспоре, а также недавние открытия укрепленных поселений Голубицкая 2 и Ахтанизовская 4 на Азиатском

² В личной беседе с автором Ю. Г. Виноградов предполагал полисный характер Таганрогского поселения.

Боспоре (Журавлёв, Шлотцауер. 2011. С. 75–77) делают эти предположения достаточно правдоподобными. В связи с этим укажем, что гибель Таганрогского поселения произошла в третьей четверти VI в. до н. э., и к этому же времени относится начало укрепления оборонительных сооружений в боспорских поселенческих структурах.

Недавнее открытие Боспора Кубанского позволило говорить, что колонизация Азиатского Боспора осуществлялась, вероятно, по «восточному» пути, а Европейского – через Боспор Киммерийский и этот процесс происходил одновременно. В заключение укажем, что Таганрогское поселение (милетская колония гавань Кремны), которое являлось основным греческим центром в Приазовье на протяжении длительного времени (третья четверть VII – третья четверть VI вв. до н. э), несомненно, принимало деятельное участие в организации первой волны колонизации Боспора. При этом самые первые апойкии на Боспоре были основаны в местах, где удобно было контролировать основные водные коммуникации.

Литература

- Ю. Г. Виноградов. Остракон с Таганрогского поселения // ВДИ. 1999. № 4.
- Д. В. Журавлёв, У. Шлотцауер. Греческая колонизация восточной части Таманского полуострова // Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. Альманах. М., 2011. Т. 1.
- Д. В. Журавлёв, У. Шлотцауер. Поселение Голубицкая 2 // Россия как археологическое пространство. М., ИА РАН. 2016
- В. П. Копылов. Нижний Дон и Боспор Киммерийский в третьей четверти VII – первой трети III в. до н. э. // БФ: погребальные памятники и святилища. СПб., Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. Ч. 1.
- В. П. Копылов. Таганрогское поселение – гавань Кремны? (письменные источники и археологические реалии) // «Слово и артефакт: междисциплинарные подходы к изучению античной истории». Материалы международной конференции (1–5 октября 2010 г.). Саратов, 2011.
- В. П. Копылов, Н. В. Андрианова. Историко-географические декорации культурогенеза в Нижнем Подонье в VII–VI вв. до н. э. // III Абхазская международная археологическая конференция. Посвящена памяти Г. К. Шамба. Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа. Материалы конференции, 28 ноября – 1 декабря 2011 года. Сухум, ИИМК РАН; АБИГИ им. Д. И. Гулиа АНА; РУП «Дом печати», 2013.
- В. П. Копылов, В. Г. Рылов. Историко-географические предпосылки начала освоения греками области реки Танаис // Древнее Причерноморье. Сборник статей, посвящённых 85-летию П. О. Карышковского. Одесса, Гермес, 2006.
- Г. А. Кошеленко, В. Д. Кузнецов. Греческая колонизация Азиатского Боспора // Античное наследие Кубани. М., Наука, 2010. Т. 1.
- А. М. Новичихин. Древнейший образец раннегреческой расписной керамики с территории Синдики // Археология, древний мир и средние века. Сборник статей. Ростов-на-Дону, 2010. Вып. IV.

- С. Л. Соловьёв. Западные анатолийцы в Северном Причерноморье в архаическую эпоху // Международные отношения в бассейне Чёрного моря в древности и средние века. Материалы XII международной научной конференции. Ростов-на-Дону, 2007.
- В. П. Толстиков, М. Б. Муратова. К проблеме пространственного развития Пантикапейской апонкии в первой половине VI – первой половине V в. до н. э. // ВДИ, 2013, № 1.
- V. P. Kopylov. Taganrog et la premiere colonisation grecoue du littoral Nord-Est de la mer d Asov // Sur les traces des argonautes. Actes du 6e symposium de Vani (Colchide) 22–29 septembre 1990. Paris, 1996.
- V. P. Kopylov, N. V. Andrianova. Greek-Barbarian Relations in the Lower Don Region in the 7th – 3rd Centuries BC // Pontika 2008. Recent Research the Northern and Eastern Black Sea in Ancient Times. Proceedings of the International Conference, 21st – 26th April 2008. BAR International Series 2240. Kraków, 2011.
- Yu. G. Vinogradov. An ostrakon from the Taganrogs sttlement (epigraphic commentary) // Ancient Civilizations from Scythia to Sibiria. 1999. Vol. 6. № 1–2.

А. И. Иванчик

Боспорское царство эпохи Спартокидов: уникальная форма греческой государственности¹

Проблема специфики государственного устройства Боспорского царства и, в частности, статуса полисов, входивших в его состав, многократно обсуждалась, однако здесь еще остается много неясных вопросов.

Некоторую информацию по этому поводу можно попытаться извлечь из титулатуры Спартокидов, развитие которой можно проследить с эпохи Левкона. Первоначально для обозначения монарха в ней использовался нейтральный титул ἄρχων, который правильнее переводить не «архонт», а нейтральным «правлящий», «правитель». В самом деле, перевод «архонт» подразумевает связь или преемственность с соответствующей полисной магистратурой, существование которой совсем не очевидно. Сначала этот титул использовался в отношении и греческой части царства (Боспор и Феодосия), и варварской, как показывает посвящение Теопротида из Нимфея (SEG 52, 741), однако вскоре появляется знаменитый дуализм титулатуры Спартокидов: они именуются правителями Боспора и Феодосии и царями варвар-

¹ Доклад подготовлен в рамках проекта Минобрнауки РФ «Интеграция традиций и культур в центре и на периферии античной цивилизации: общество, власть, религия» (33.1353.2017/ПЧ).

ских народов, списки которых меняются в соответствии с изменением политической ситуации. Начиная с начала III в. до н. э. (правление Спартока III) встречаются случаи, когда боспорские династии именуется просто царями, однако вплоть до конца существования династии встречаются и случаи, когда они именуется по-старому – правителями и царями, или просто правителями. Можно было бы предположить, что этот дуализм отражает различие статуса двух территорий и характера власти над ними, например, аналогичный различию в налогообложении и земельной собственности на полисных и царских землях, хорошо известному в эллинистических государствах. Однако ряд данных позволяет, на мой взгляд, опровергнуть это предположение.

Наиболее показательны в этом отношении данные боспорских проксений, которых в настоящее время их известно около 20; самые ранние датируются эпохой Левкона I, т. е. первой половиной IV в. до н. э. Эти декреты имеют ряд особенностей, отличающих их от остальных известных проксенических декретов. Прежде всего, они никогда не издаются от имени полиса, а всегда от имени царя и его детей (обычная формула: Λεβκών / Πατριστάτης καὶ παῖδες ἕδοςαν). Это уже само по себе говорит о многом – на Боспоре, таким образом, даже решения о проксении и гражданстве, везде и всюду оставшиеся в компетенции полиса, оказываются переданы монархам. Насколько я знаю, это уникальный случай: везде, где полисы находились в составе крупных надполисных образований – и в Ахеменидской державе, и в эллинистических царствах, и в Римской империи – эти вопросы оставались в компетенции полисных властей. Приводившийся в связи с этим пример декрета от имени Мавсола и Артемисии в честь кносцев (I. Labraunda 40) к делу не относится: как правильно заметили Ж. и Л. Робер сразу после его публикации надписи, кносцы получают титулы проксенов и эвергетов самого Мавсола, а не какого-то полиса, и торговые привилегии на управляемых им напрямую территориях. Таким образом, и в царстве Гекатомнидов обычное разделение полномочий с полисом сохраняются, в отличие от Боспора.

Среди привилегий, даруемых проксенам, боспорские декреты всегда упоминают ателию, с уточнением *ἐν παντί Βοσπόρωι*. Поскольку ателию дает не полис, а монарх и его дети, можно заключить, что именно правящая династия получала доходы от налогов, в первую очередь, конечно, торговых – и соответственно имела право от них освобождать. Боспорские правители давали ателию не только отдельным лицам, что зафиксировано проксениям, но и целым их категориям или даже целым иностранным полисам. Демосфен (XX, 31) сообщает, что ателией по указанию Левкона пользовались все купцы, везущие хлеб

в Афины; причем такая привилегия была Левконом распространена и на Феодосию.

Важно, что эта ателия была взаимной: Левкон и его потомки за предоставление привилегии купцам, плывущим в Афины, получили афинское гражданство и ателию в Афинах, причем из текста Демосфена следует, что речь не идет о символической привилегии, а о настоящем экономическом интересе. В частности, Демосфен обращает внимание афинян на то, что если боспорских тиранов лишить этой привилегии, то и они наверняка лишат афинян ателии.

Из афинского декрета в честь сыновей Левкона (IG II³ 1 298, стк. 21, 347/6 г.) мы знаем, что такую же привилегию афинянам предоставил уже его отец Сатир I – и тоже на взаимной основе, а потом те же отношения были возобновлены и с его наследниками – Спартоком и Перисадом – и возобновлялись и с более поздними правителями (см. IG II³ 1 870, для Спартока, 285/4 г.). Видимо, Афины не были единственным государством, которое со Спартокидами связывали подобные отношения: согласно надписи Syll³ 212 Левкон и его сыновья даровали митиленским купцам право платить половинную пошлину. Возможно, декрет аркадцев в честь Левкона (КБН 37), от которого сохранилось лишь первые две строки, был дан по аналогичному поводу.

Обращает на себя внимание, что частные боспорские торговцы здесь не упоминаются, а Спартокиды даже формально не являются представителями полиса: они торгуют хлебом от своего имени и получают торговые привилегии в личном качестве. Контрагентом афинского полиса, таким образом, выступал не другой полис или иное государство, а формально частное лицо и его семья, что совершенно необычно. Означает ли это, что хлебная торговля со стороны Боспора целиком находилась в руках Спартокидов, и частные боспорские торговцы на рынке представлены не были? Это возможно, но имеющиеся источники не позволяют этого уверенно утверждать. Во всяком случае, упоминаемые в речах аттических ораторов торговцы или афиняне, или связаны со Спартокидами. Ясно, в любом случае, что если частные торговцы и были, то Спартокиды занимали на рынке безусловно доминирующее положение. По-видимому, огромное количество зерна, которое было необходимо для этого иметь, не только выращивалось на их личных землях, но и взималось в виде пошлины, которая в других государствах доставалась полисам.

Некоторые боспорские декреты, наряду с проксенией и ателией «во всем Боспоре» даруют и политию, права гражданства, а также энктесис, право приобретения земли и дома, входа и выхода в гавань, и иммунитета от ареста имущества, т. е. обычные для проксе-

ний привилегии, везде находящиеся в ведении полиса. Таким образом, на Боспоре из ведения полисов было изъято и передано династам не только управление налогами, но и право регулирования отношений собственности, и даже – что самое удивительное – само гражданство. Иностранцы получали гражданство не по решению полиса, а по указу монарха.

В связи с этим возникает два вопроса – о каком гражданстве идет речь и в чем же состояли гражданские права на Боспоре. Из текста декретов следует, что привилегии, включая гражданство, даются «на всем Боспоре», из чего можно сделать вывод о существовании единого боспорского гражданства. Похоже, что иностранцами, привыкшими к полисной организации общества, это воспринималось как результат некоего синойкизма, в результате которого образовался единый огромный полис с единым гражданством и центром в Пантикапее. В аттических надписях, когда речь идет о подданных Спартокидов, они чаще всего называются «боспорцы», так же они называются и в других городах, как на Черном море, так и за его пределами. При этом сами тираны в афинских декретах в их честь упоминаются без этника вообще, что необычно: возможно это отражает непонимание афинян, как их следует именовать: вся эта ситуация решительно не укладывается в нормы, привычные для полисного мира. О том же слиянии говорит и чеканка общебоспорской монеты, заменившей полисные.

Гораздо реже встречается этникон Παντικάπαιεύς или Παντικάπαιίτης – по одному разу в Дельфах, на Делосе и Хиосе. Кроме того, в декрете аркадцев в честь Левкона (КБН 37) он также назван так. Возможно перенесение имени Боспора на город Пантикапей, которое засвидетельствовано уже у Демосфена, объясняется именно тем, что для внешнего наблюдателя Пантикапей выглядел центром большого боспорского полиса, и название полиса могло переноситься и на название города, поскольку они часто совпадали.

Кажется, предположению об исчезновении полисного гражданства противоречит тот факт, что этникины прежних полисов продолжали изредка использоваться. Однако использование этниконов внутри государства вовсе не обязательно означает наличие отдельного гражданства – при образовании единого государства бывшие независимые полисы могли быть превращены в его подразделения (вроде афинских демов), и тогда речь идет о демотиконах, а не этниках. В таком случае их использование ожидалось бы в первую очередь, если не исключительно, внутри Боспора, а не за его пределами. Впрочем, в эпоху Спартокидов на самом деле известен только один случай использования этника боспорского города: это надгробие Феопомпа КБН 188,

найденное в Пантикапее и датирующееся, видимо, первой половиной IV в. до н. э. Кроме того, к тому же времени относится надгробие феодосийца, найденное также в Пантикапее (CIRB 231), однако Феодосия, судя по титулатуре царей, имела особый статус и сохраняла гражданство, отдельное от боспорского. Впрочем, объем прав граждан Феодосии был не больше, чем боспорских: как показывают сообщения Демосфена, торговыми пошлинами там, как и на Боспоре, распоряжался Левкон. Предположение о том, что Феодосия имела отдельное от боспорского гражданство подтверждается декретом о предоставлении гражданства из Милета, где в списке новых граждан упоминается некий феодосиец, имя которого разрушено (Milet I 3, 75). Надпись датируется ок. 200 г. до н. э., и это единственный случай использования за пределами Боспора этниконов боспорских городов, кроме Пантикапея, относящийся ко времени до Митридата.

В более позднее время есть еще два таких упоминания. Одно из них – погребальная надпись посла фанагорийцев Гедика, найденная в Риме (IGR I 261; IGUR II 567a) – видимо, относится ко времени независимости Фанагории от Боспора, полученной ей от римлян в награду за восстание против Митридата. Второе упоминание – частное посвящение нимфейца египетским богам, найденное на Делосе (Syll³ 1126) – относится к эпохе Митридата (105/4 г.), который, восстановил на Боспоре полисное самоуправление. Об этом свидетельствует и фанагорийский декрет о наемниках эпохи Митридата – единственный известный декрет боспорского полиса. При Митридате также возобновилась чеканка монет Фанагории и Горгиппии. Но это уже другая эпоха и другие условия.

Кроме упомянутого единственного надгробия нимфейца из Пантикапея имеется еще одно свидетельство того, что прежние полисы внутри Боспора в какой-то форме сохранялись в виде его внутренних подразделений. Согласно сообщению Диодора (XX, 24) после победы над своими братьями в междуусобной войне Евмел подтвердил издавна имевшуюся у жителей Пантикапея привилегию – свободу от налогов. Интересно при этом, что речь идет не о гражданах Пантикапея, а о его жителях. Учитывая, что Диодор излагает здесь местный боспорский и хорошо осведомленный источник, можно предполагать, что эта деталь неслучайна. Это означало бы, что речь идет о привилегии, связанной именно с местом жительства, а не с юридическим статусом, таким, как гражданство.

Тот же пассаж дает нам информацию – редкую, если не единственную – о том, как функционировало то, что осталось от полисных институтов на Боспоре, поскольку здесь упоминается народное собрание.

Диодор сообщает, что убийство Евмелом всех своих родственников, которые могли претендовать на престол, вызвало недовольство граждан, и тогда Евмел собрал народное собрание, на котором выступил с речью. В этой речи он сообщил о своем намерении восстановить «отеческие законы», подтвердил уже упомянутую привилегию пантикапейцев, а также обещал отменить чрезвычайные военные подати, очевидно, введенные во время междуусобицы. При этом Диодор (и, очевидно, его источник) нигде не употребляет слово δῆμος, подразумевающее политическую организацию, а только τὴ πλῆθη. Народное собрание здесь не выглядит регулярным институтом, а собирается в связи с экстраординарными событиями. Инициатива его созыва принадлежит царю, и только он на собрании выступает. Собрание не принимает никакого решения: это лишь способ сообщить народу о решениях, уже принятых царем. Таким образом, термины, привычные для полисного мира (граждане, экклесия) описывают здесь совершенно иную реальность.

Существовало ли на Боспоре юридическое различие между царскими землями и землями Боспора и Феодосии, судить трудно, но в этом есть большие сомнения, как и в том, существовало ли вообще понятие царских земель (в текстах оно не упоминается). Если такое различие и было, то оно было иным, чем в эллинистических государствах. В самом деле, Спартокиды распоряжались налогами, получаемыми на всех территориях. Они же давали право приобретения земли и жилища не только на своей земле, но и на всем Боспоре. При этом они даже и формально не выступали представителями полиса, в том числе и во внешнем мире. Таким образом, они были полными хозяевами не только на своей земле, как эллинистические монархи, но и на бывших полисных землях, чего не было нигде. В этой ситуации непонятно, чем мог существенно различаться статус царских и полисных земель.

Итак, в Боспорском царстве с конца V в. до н. э. и до его подчинения Митридатом существовали особые условия, непохожие на те, что существовали в независимых греческих полисах, в Ахеменидской державе или эллинистических монархиях. Ранее независимые полисы, войдя в состав царства, утратили прежние полисные институты и самоуправление, да и само гражданство. Полисное гражданство было заменено на общепоспорское, не дававшее при этом тех прав, которые давало обычное полисное гражданство: по сути дела, от гражданства осталось одно название, а граждане превратились в подданных. Все прерогативы полиса – начиная от права предоставлять гражданство и кончая распоряжением финансами, регулирование торговли и законодательство, были переданы правящей династии Спартокидов. При этом во внешнем мире они играли роль не только глав государства, но и частных лиц,

в частности, торговавших от своего имени хлебом на внешнем рынке. Только Феодосия сохраняла отдельный статус, но и здесь объем полномочий гражданской общины был не больше, чем на Боспоре. Полисы на Боспоре были восстановлены только Митридатом, который стремился воссоздать привычные для него политические структуры: систему греческих полисов, входивших в состав эллинистических монархий, но имевших достаточно широкое самоуправление. Аналогичную политику, как известно, проводили и другие эллинистические монархи, в частности, Селевкиды, основывавшие новые полисы на варварских территориях, никогда не знавших этой формы организации. Это значит также и то, что было бы тщетно искать преемственность между полисными институциями классического времени и эпохой Митридата и римским временем: полисные традиции на Боспоре были прерваны на весь период правления династии Спартокидов.

А. А. Супренков

**Валы Восточного Крыма
как показатель этапов развития Боспорского государства
(по результатам раскопок 2016–2017 гг.).**

Земляные оборонительные сооружения Восточного Крыма (валы) – известнейшие и крупнейшие археологические объекты, а в ряде случаев и ландшафтно-географические. Большая часть валов имеет меридиональное направление, и они простираются от Азовского моря до Чёрного, что продиктовано самой формой Керченского полуострова. В некоторых случаях они и сегодня прекрасно читаются на местности, в других время практически ничего не оставило от некогда масштабных сооружений. Почти каждое из них, многократно обследовалось, но почти всегда их историческая интерпретация оставалась неочевидной, что обусловлено самой их спецификой и трудностью исследований. В последнее время, в связи с инфраструктурными строительными работами в Крыму древние валы стали объектом масштабных охранно-спасательных археологических работ. В 2016–2017 гг. нами проводились исследования на четырёх из них – с запада на восток это *Акмонайский*, *Узунларский (Аккосов)*, *Безкровного* и *Тиритакский* (Рис. 1).

Очевидно, что возведение подобных грандиозных многокилометровых сооружений каждый раз было общегосударственным или общеполитическим действием, и должно было быть связано с какими-то значимыми историческими событиями. Однако недостаточная освещённость

истории Боспора письменными источниками до сих пор не позволяет нам точно установить, какие именно это были события. На сегодняшний момент накопленный опыт исследований наших предшественников и результаты новейших работ позволяют нам выдвинуть некоторые новые предположения по данной проблеме.

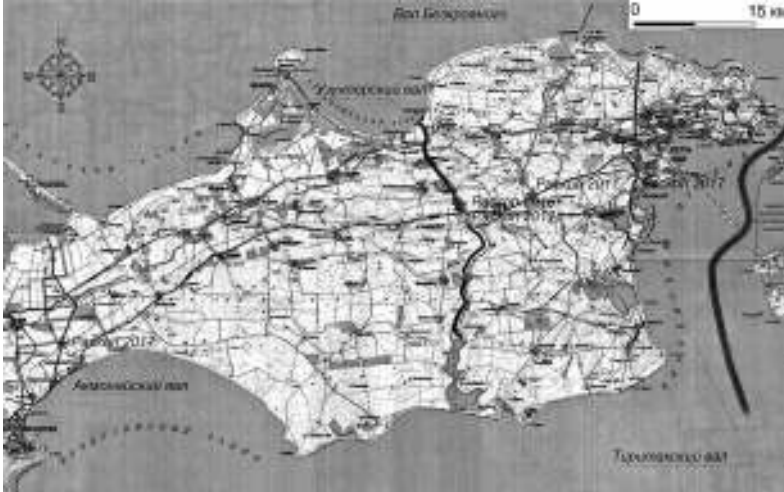

Рис. 1. Участки работ 2016–2017 гг. на валах Восточного Крыма

Самый западный среди обследуемых нами объектов *Акмонайский вал* расположен на одноименном перешейке, соединяющем Керченский полуостров с остальной частью Крыма. Северная часть вала начинается у обрывистого южного берега Сивашского озера, далее он тянется к югу – юго-востоку. Близ села Фронтное, у западной оконечности Фронтного водохранилища, трасса вала меняет направление, простираясь далее к югу – юго-западу вплоть до поселка Береговое.

Этот вал упоминается многими путешественниками и исследователями, начиная с конца XVIII века. История его изучения достаточно подробно рассмотрена в известной монографии А. А. Масленникова (Масленников. 2003. С. 8–36), а с момента ее выхода в свет работы на валу проводились ещё двумя исследователями. В 2008 году А. Л. Ермолиным была проведена разведка по трассе вала и сделан разрез в северной его оконечности – береговом обрыве Сиваша (Ермолин. 2012. С. 78–84). Затем в 2014 году А. В. Гавриловым был заложен разрез в центральной части вала, а в 2016 году им же был обследован участок на высоте Окопная (Гаврилов. 2016. С. 105). А. В. Гаврилов, как

и ряд его предшественников, полагает, что Акмонайский вал можно идентифицировать как «ров слепых рабов», упоминаемый Геродотом (Herod, IV. 3. 2), следовательно, возник он ещё в догреческую эпоху истории Крыма (Гаврилов. 2016. С. 102).

Обследованный нами в 2017 г. участок этого вала располагался в 4 км к северу от п. Береговое. Здесь вал был ориентирован по направлению север-юг с отклонением по часовой стрелке. Исследовано 80 м его протяженности. Насыпь вала в исследуемых границах едва читалась, она была представлена слоем плотного суглинка темно-коричневого цвета высотой до 0,25 м.

Ров глубиной до 3,5 м был вырыт в материковой глине. Его ширина на уровне материковой поверхности достигала 9 м. На дне рва была выявлена канавка с горелой прослойкой. Поверх нее были отмечены мощные слои обрушенной материковой глины, едва отличимые от цельного материка. В верхней части заполнения рва выявлены прослойки гуммированного суглинка темно-серого цвета плавно светлеющего к центру заполнения рва. Верхний горизонт заполнения сливается с пахотным слоем. Выявленный материал, обнаруженный в верхних слоях напластований, малочислен и не дает основания для датировки исследуемого сооружения.

Вал Безкровного, известный так же под названием Чокракский, расположен в восточной части Керченского полуострова и также пересекает его с севера на юг. Его трасса прослеживается от южного берега Чокракского озера до западной оконечности Тобечикского озера. Вал был открыт в 1875 году И. С. Безкровным, по имени которого и назван (Безкровный. 1875. С. 443–444). На протяжении последующего столетия, вал практически не привлекал внимания исследователей. В 1995 году он обследовался Т. Н. Смекаловой вблизи Чокракского озера, в составе Восточно-Крымской АЭ, под руководством А. А. Масленникова. В последующие годы, усилиями этой же экспедиции, была прослежена северная часть вала вплоть до поселка Тасуново и сделан один стратиграфический разрез в окрестностях Чокракского озера (Масленников. 2003 С. 121–127). Спустя десятилетие вал обследовался А. Л. Ермолиным в 1,5 км западнее поселка Багерова, где был заложен стратиграфический разрез (Ермолин 2010. С. 147–150).

Участок работ наших работ в 2017 г. располагался в 4,8 км к северо-востоку от п. Горностаевка. До начала работ вал и ров в пределах площади землеотвода визуально не просматривались. Насыпь вала, не превышающая 0,5 м, состояла из супеси светло-серого цвета, с большим количеством мелких камней и щебня. Ров был выкопан в материковой скальной породе и достигал глубины 2,1 м, при ширине около

2,5 м. В нижней части рва выявлена канавка шириной от 0,17 до 0,25 м и глубиной 0,1 м. Верхняя часть заполнения рва, мощностью 0,76 м, состояла из гуммированного суглинка темно-серого цвета, светлеющего к нижней части. В средней и нижней части рва заполнение представлено однородным слоем светло-коричневой супеси. В центре заполнения обнаружен плотный завал мелких и средних камней. В ходе работ было установлено, что на обследуемом участке ров дважды прерывается. Эти промежутки в линии рва (нужно думать, что так же и вала, остатки насыпи которого сохранилась лишь на отдельных участках), были оставлены при его строительстве, вероятно для проезда. Один из проездов был отчасти разрушен современной дорогой, что не позволило точно установить его ширину, но, как представляется, она могла достигать 20 м и более. Ширина второго проезда составляла около 16 м. Примечательно, что проезды были устроены в наиболее удобном для этого месте, где гряда понижается и обладает более пологим западным склоном, тут же существует современная дорога и строится новая. И хотя укрепленного пункта, который мог бы прикрывать эти проезды, тут не выявлено, в ближайших окрестностях, по линии вала, расположены укрепленные поселения Тасуново в 2 км севернее и Михайловка в 1,2 км к югу. К сожалению, датирующий археологический материал в заполнении рва практически отсутствовал.

Результаты наших работ на *Узунларском валу* в 2016 г. вместе с краткой историей исследований данного объекта уже были частично опубликованы (Супренков. 2016. С. 328–333; Супренков 2016. С. 20–26; Супренков, Михайлов. 2016. С. 251–258; Кропотов, Супренков. 2017. С. 281–287; Супренков. 2017. С. 190–196), а в ближайшее время в печать выйдет подробная статья, посвящённая хронологии и интерпретации основных выявленных археологических объектов, в том числе и «Боспорских ворот». Коротко укажем на основные хронологические этапы. Совокупность археологического материала говорит о том, что часть сооружений – постройка на кургане и ров, огораживающий ранний проезд через линию вала-рва, возникли здесь во второй половине IV в. до н. э. На вторую половину I в. до н. э. приходится фундаментальная перестройка «башни», что сопровождается и резким увеличением археологического материала. Этот материал остаётся многочисленным вплоть до II в. н. э., затем его количество идет на спад. На рубеже II–III вв. н. э., когда к северу, на господствующей высоте, возникает городище Савроматий, предположительно связанное с периодом правления Савромата II (Масленников, Чевелёв. 1983. С. 95), прежние постройки возле проезда через линию вала-рва заустевают. Этим же периодом

предположительно может датироваться и смещение проезда к северу, и сооружение самих каменных «ворот».

В ходе работ на Узунларском валу в 2017 г., которые велись южнее участка 2016 г., их общая площадь на двух раскопах составила 2500 кв. м. Максимальная высота вершины насыпи вала, выявленного на раскопе 1, над погребенной почвой составила 3 м. Ширина основания насыпи достигала 20 м. Полоска погребенной почвы, выявленная между слоями переотложенного материкового грунта в насыпи, свидетельствует о том, что она как минимум один раз досыпалась с востока. К востоку от насыпи была выявлена каменная крепида протяженностью более 20 м и шириной до 2 м из необработанных средних и крупных известковых камней. Примерно в двух-трех метрах к западу от крепиды была выявлена «вымостка» из мелких камней. Она была не затронута насыпью вала первого периода, но перекрыта насыпью второго. Ров на раскопе 1 из-за близости грунтовых вод удалось исследовать только в верхнем горизонте.

В раскопе 2 насыпь вала была уничтожена сельскохозяйственными работами XX в. Ширина исследованного рва в верхнем горизонте составила 12–13 м при глубине до 3 м от дневной поверхности.

Среди обнаруженного датирующего материала здесь также встречалась керамика IV–III вв. до н. э., но преобладала I в. до н. э. – начала II в. н. э. Следует отметить и незначительное присутствие средневекового материала XIII–XVI вв.

Наиболее масштабные работы в 2017 г. проводились нами на *Тиритаксам валу*, история исследований которого также нами опубликована (Супренков. 2017. С. 40–48). Они проводились на двух участках памятника, на общей площади около 7500 кв. м. Ров и вал на исследуемых участках до начала работ визуально не просматривались. Проведенные работы показали, что на раскопе 1 ров был вытянут по линии северо-юг. Глубина горловины рва от современной дневной поверхности колебалась от 1,2 м до 3 м, его ширина составляла от 3,5 м до 5,5 м. Он прорезал материковую глину на глубину от 1 м до 1,5 м. В сооружении рва можно выделить два строительных периода. От первого сохранилось углубление до 1,5 м глубиной в восточной части рва, заполненное темно-серым суглинком. Второй период, представлен разрезом рва траншеей в 1,5 м глубиной, которая прорезала верхнюю часть первого углубления. Эта траншея была заполнена темно-серым суглинком с примесью известнякового щебня и отдельных камней.

Земляной вал, выявленный в раскопе 1, располагался к востоку от рва. На слое переотложенного материка, лежащего на погребенной почве, в основании насыпи вала были выявлены остатки крепиды, ши-

риной до 2,5 м и общей протяженностью 60 м. Кладка крепиды была выполнена из необработанных известняковых камней средних и мелких размеров.

В раскопе 2 ров также был ориентирован преимущественно север-юг, но в центральной части раскопа был выявлен его поворот к юго-западу. Глубина рва от поверхности материка достигала 0,8–1,5 м. На дне рва на всем протяжении исследованного участка обнаружены плотные каменные завалы, состоящие из «дикого» известняка и ракушечника, встречались и обработанные или частично обработанные известняковые блоки.

Насыпь вала фиксировалась вдоль восточной границы рва в центральной и южной частях раскопа 2, а в южных квадратах сохранились остатки каменной крепиды, сложенной из дикого известняка и ракушечника. Насыпь не превышала 1,2 м над поверхностью погребенной почвы. Она состояла преимущественно из переотложенного материкового грунта, перемешанного с серым гуммированным суглинком.

В ходе работ на обоих раскопах был обнаружен археологический материал, который относился преимущественно к IV–III вв. до н. э. и I в. до н. э. – II в. н. э.

Нельзя не отметить сходство археологического материала, выявленного нами на Узунларском и Тиритакском валах, а также два строительных периода на них предположительно соответствующих датировке основных групп этого материала. Преобладание находок второй половины I в. до н. э., по всей видимости, связано с деятельностью Асандра по укреплению обороны Боспора, что находит отражение в письменных источниках (Strabo., VII, 4, 6). Что же касается материала IV–III в. до н. э., то мы имеем только очень пространное указание Демосфена о войне Перисада со скифами (Dem., XXXIV, 8). Наиболее интересна сама синхронность обнаруженного материала на Узунларском и Тиритакском валах. Если наша гипотеза, безусловно нуждающаяся в дополнительных исследованиях, верна, то эти два вала возникают одновременно как дальний и ближний рубежи обороны территории Европейского Боспора. Опять же предположительно это могло произойти в период правления Перисада I в момент наибольшего расширения территории Боспорского государства.

Литература

- И. С. Безкровный.* Древний вал и шоссе вдоль Керчи // ЗООИД. 1875. Т. IX.
А. В. Гагрилов. Акмонайский ров и вал на картах // История и археология Крыма. Симферополь, 2016. Вып. III.

- А. Л. Ермолин. О датировке земляных оборонительных сооружений Боспора // ДБ. 2010. Т. 14.
- А. Л. Ермолин. Территория и население Европейского Боспора в позднеантичный период (середина III – конец VI веков) (по материалам городищ, поселений, некрополей) / Дис... к. и. н. Белгород, 2012.
- А. А. Масленников, О. Д. Чевелёв. Охранные раскопки на Ново-николаевском городище // КСИА. 1983. № 174.
- А. А. Масленников. Древние земляные погранично-оборонительные сооружения Восточного Крыма. Тула, Гриф и К, 2003.
- А. А. Супренков. Боспорские ворота – новейшее открытие при раскопках на Узунларском валу // Элита Боспора и боспорская элитарная культура. Материалы Международного Круглого стола (Санкт-Петербург, 22–25 ноября 2016 г.). СПб. ПАЛАЦЦО, 2016.
- А. А. Супренков. Узунларский вал как одна из границ Боспора. История исследований и новейшие открытия // Кондаковские чтения – V. Античность – Византия – Древняя Русь. Сборник материалов международной научной конференции. Белгород, НИУ «БелГУ», 2016. Вып. V.
- А. А. Супренков, А. М. Михайлов. Узунларский вал и «Боспорские ворота» // Научный сборник Восточно-Крымского музея-заповедника. Симферополь, 2016. Выпуск V.
- В. В. Кропотов, А. А. Супренков. Погребение I в. до н. э. на Узунларском валу // Боспорские чтения. Керчь, 2017. Вып. XVIII.
- А. А. Супренков. Боспорские ворота: центральный проезд через Узунларский ров и вал в Восточном Крыму // Города, поселения некрополи. Раскопки 2016 г. Материалы спасательных археологических исследований. М., Институт археологии РАН, 2016. Т. 19.
- А. А. Супренков. Тиритакский вал: восточный рубеж обороны Боспора (история исследований и новейшие работы) // Классическая и византийская традиция. Белгород, ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2017. Вып. XI.

В. Б. Жижина-Гэфтер

Новый статус Феодосии в составе Боспорского царства: к истолкованию пассажа *Demosth.* XX, 30–33

Редкая работа, посвященная истории Феодосии конца V – начала IV в. до н. э., обходится без цитирования или анализа хрестоматийного пассажа речи Демосфена «Против Лептина» (*Demosth.* XX [Adv. Lept.]. 30–33)¹. Напомним, что речь в нем идёт о международных свя-

¹ Е. г.: Каллистов. 1949. С. 212; Шелов. 1950. С. 169–171 et passim; Брашинский. 1958. С. 129–137; Сапрыкин. 1986. С. 77–79; Гаврилов. 2003. С. 77–78; Сапрыкин, Федосеев. 2011. С. 91 f.; et al. Заметим между прочим, что время от времени бездумные апелляции к демосфеновскому тексту порождают курьезы – так, в монографии В. Г. Зу-

зях и несомненных, по мнению оратора, выгодах, которые приобрели Афины от сотрудничества с Левконом I:

τοσοῦτου τοίνυν δεῖ ταύτην ἀποστερήσαι τὴν δωρεῖαν τὴν πόλιν, ὥστε προσκατασκευάσας ἐμπόριον Θεοδοσίαν, ὃ φασιν οἱ πλείοντες οὐδ' ὅτι οὖν χεῖρον εἶναι τοῦ Βοσπόρου, κἀνταῦθ' ἔδωκε τὴν ἀτέλειαν ἡμῖν.

Традиционно место приводится в переводе И. С. Цветкова – достаточно обтекаемом, но опубликованном в *Scythica et Caucasica* В. В. Латышева (Латышев. 1890. С. 364 = Латышев. 1947. С. 235) и поэтому *ex necessitate* вошедший в привычный узус²:

Притом он [т. е. Левкон] так далёк от мысли лишить нас этого благодеяния [беспошлинной торговли], что, устроив новый торговый порт Феодосию, которая, по словам моряков, ничуть не хуже Боспора, – и здесь даровал нам беспошлинность.

Стоящий здесь редкий глагол *προσκατασκευάζειν* заставил переводчика ввести сочетание «новый торговый порт», отсутствующее в оригинале; однако вряд ли можно признать эту находку вполне удачной. Во-первых, ослабевает акцент, на который указывает приставка *προ-* в причастии: Левкон не просто «устраивает новую гавань», но «добавляет новый порт к уже существующим»³. Заметим, что Демосфен – первый греческий автор, который употребляет *προσκατασκευάζειν*; трижды помимо приведённого случая и всегда в одном и том же значении: «устраивать что-то в дополнение к уже существующему»⁴. Примерно

барева речь «Против Лептина» носит подзаголовок «О беспомощности» (Sic! Зубарев. 2005. С. 217).

² «Индекс цитирования» этого перевода действительно чрезвычайно высок: приведённый текст многожды перепечатывался в публикациях самого разного рода, от весьма авторитетных изданий советского времени (Струве. 1951. С. 317; он же. 1964. С. 72 etc.) до статей и монографий последних лет, куда периодически привлекается в качестве некоего «common knowledge» (е. g. Айбабин. 2016. С. 12 etc.).

³ Абсолютное большинство лексикографов не только сходятся в однозначном толковании этого глагола, но и приводят s. v. *προσκατασκευάζειν* разбираемый пассаж Демосфена в качестве лучшей иллюстрации. Приведём в хронологическом порядке толкования только наиболее значимых издателей: ‘insuper instruo /.../ paro’ (Hase, Dindorf, Dindorf. 1847. Sp. 1940); ‘nochdazu anstrühen, einrichten, erbauen’ (Passow. 1852. S. 1201); ‘furnish, or prepare besides’ (Liddell, Scott, Jones. 1996. P. 1516) etc.

⁴ Это бесспорно в Demosth., XIX [De falsa leg.]. 78 (ἐκ τῆς ἀπολογίας ὄνειδος *προσκατασκευασθῆναι τῇ πόλει* «из-за этого оправдательного приговора <ко всем несправедливостям> /.../ добавится ещё и позор для города») и Ibid. 326 (ὀρμητήρι' ἐφ' ὑμᾶς ἐν Εὐβοίᾳ Φίλλπος *προσκατασκευάζεται* «Филипп устраивает на Эвбее всё новые и новые базы против вас» – обратим внимание, что действия Филиппа полностью аналогичны политике Левкона). Может показаться, что несколько особняком стоит XXIII [Adv. Aristocr.]. 189 (ἐλεῖδῃ δ' ὀρθὸν *προσκατασκευαζόμενον τι τοιοῦτον δι' οὐδ' ἂν μόνον εὐτρεπίσθηται* «Когда я вижу, что он устраивает что-то такое, из-за чего, если только это получится...»). Однако с учётом контекста (несколько выше речь шла о том, что Аристократ-де совершил «много преступлений», но ими можно было бы пренебречь, когда бы не этот новый –

в это же время Аристотель (едва ли не единственный современник Демосфена среди употребляющих *προσκατασκευάζειν*) рекомендует читателю «Топики» (Arist. Top. 118a 13):

τὸ δ' ἐκ περιουσίας ἐστὶν ὅταν ὑπαρχόντων τῶν ἀναγκαίων ἄλλα τινὰ προσκατασκευάζηται τις τῶν καλῶν.

А из избытка что-то получается, когда кто-нибудь из тех, у кого всё есть, ещё что-нибудь прекрасное добавляет.

И демосфеновский Левкон поступает именно так. Действительно, такая трактовка вполне соответствует и историческим реалиям, и стоящей перед Демосфеном риторической задаче. Левкон занят обустройством недавно присоединённой к Боспорскому царству Феодосии и укреплением собственного коммерческого могущества; Демосфен несколько тенденциозно представляет организацию дополнительного эмпория в Причерноморье как исключительное и бескорыстное выражение лояльности Афинам.

В новейшем издании речи, подготовленном в 2012 г. Х. Креммида-сом, комментатор указывает: кроме всего прочего, приставка косвенным образом напоминает о недавней аннексии Феодосии (Kremmydas. 2012. P. 253–254). Только получив над городом абсолютный контроль, пантикапейский царь мог наводить в нём собственные порядки; после присоединения к Боспорскому царству Левкон «полностью контролирует внешнеторговую деятельность Феодосии» (Тохтасев. 2004. С. 168–169). Именно с этой целью в городе каким-то образом появляется ἐμπόριον – из перевода И. С. Цветкова следует, что устраивается наново. Однако странно думать, что город, стоящий на побережье,

дополнительный – замысел) этот случай совершенно вписывается в общую семантику *προσκατασκευάζειν* – как и дальнейшие примеры употребления нашего глагола у позднейших авторов (Diod. Sic., XI. 43. 3: ἔλειπε δὲ τὸν δῆμον καθ' ἑκάστον ἐνιαυτὸν πρὸς ταῖς ὑπαρχούσας ναυσὶν εἴκοσι τριῖναι προσκατασκευάζειν «Он [i. e. Фемистокл] убедил народ что ни год строить и добавлять к уже существующим кораблям по 20 триер...»; Plut., Themist. 16. 4: οὐ τὴν οὖσαν οὖν, ἔφη, δεῖ γέφυραν ὃ Θεμιστόκλεις ἡμᾶς ἀναρεῖν, ἀλλ' ἕτεραν εἴπερ οἶόν τε προσκατασκευάσαντας ἐκβαλεῖν διὰ τάχους τὸν ἄνθρωπον ἐκ τῆς Εὐρώπης; «А он говорит: не лучше ли, Фемистокл, чтобы мы не существующий уже мост стали рушить, а наоборот, ещё один вдобавок построили да поскорей бы вышвырнули этого человека из Европы?»; Strab., XV. 3. 9: Πάντα δὲ ἐν τῇ Περσίδι χρήματα ἐξεσκευάσατο εἰς τὰ Σοῦσα καὶ αὐτὰ θησαυρῶν καὶ κατασκευῆς μεστὰ· οὐδὲ τοῦθ' ἠγεῖτο τὸ βασιλείου, ἀλλὰ τὴν Βαβυλῶνα, καὶ διενεοῖτο ταύτην προσκατασκευάζειν. «Он [i. e. Александр] позаботился о том, чтобы свезти все богатства из Персиды в Сузы, которые и без того были полны сокровищ и всяческих вещей. Однако не их он считал своей столицей, но Вавилон, и собирался его дополнительно отстроить (благоустроить)». Кажется, кстати, что в последнем случае стоит обратить внимание на последовательное употребление одно-коренных слов, благодаря которому финальное *προσκατασκευάζειν* приобретает исключительную выразительность).

не располагал функционирующей гаванью – и В. Г. Борухович предлагает следующую интерпретацию:

*Он [Левкон] настолько далёк от мысли лишить наше государство этой награды, что, оборудовав морской порт Феодосии (о котором говорят, что он ничуть не хуже Боспора), и там предоставил нам ателию*⁵.

Вопрос в том, что стоит за словами «оборудовав морской порт»: те из комментаторов и исследователей, кто опирается на оригинал текста, а не на сколь угодно удачный перевод, в общем, сходятся на том, что Левкон не «выстроил с нуля» новую гавань, но переоборудовал уже существовавшую в Феодосии в соответствии с современными ему стандартами⁶. Х. Креммидас предполагает – и, как кажется, с ним можно согласиться, – что ἔμποριον употреблено здесь терминологически; он также указывает, что первые значения, приведенные s. v. в словаре Г. Дж. Лиддела – Р. Скотта ('торговая точка', 'областной рыночный центр', 'место, где обращаются купцы'⁷) – неудовлетворительны, т. к. значительно упрощают сложность и разнообразие функций эмпория.

В наши цели сейчас не входит подробно разбирать феномен эмпория в целом и в Северном Причерноморье в частности⁸; рассмотрим только аргументацию, выбранную и реферированную Креммидасом.

Термин ἔμποριον мог употребляться двояко и носить либо экономический, либо политический характер (Bresson. 1993. P. 163–226). М. Г. Хансен дифференцирует два «типа» эмпориев следующим образом (Hansen. 1997. P. 83–105).

Первый тип – это была «гавань, или часть гавани, или территория неподалёку от гавани, куда прибывали товары, центр международной торговли»; в то же время эта территория должна была находиться в отдалении от агоры (а следовательно – и центра города), представлявшей центр «местной» торговли. Ярким примером служат Афины и сравнительно окраинный Пирей; в качестве дополнительных иллюстраций

⁵ Пер. В. Г. Боруховича опубл. в: Демосфен. 1994. С. 9–61.

⁶ Брашинский. 1958. С. 131 (включая ссылку на аналогичное мнение В. Д. Блаватского); Тохтасьев. 2004. С. 168–169. Д. Б. Шелов, придерживающийся той же позиции, предлагает дополнительно остроумно-практический комментарий: «Левкон /.../ успел переоборудовать и расширить порт в Феодосии /.../ На перестройку феодосийского порта, доставшегося Левкону после длительной борьбы вряд ли в идеальном состоянии, нужно было некоторое время» (Шелов. 1950. С. 171).

⁷ Liddell, Scott, Jones. 1996. P. 548.

⁸ Подробнее см., e. g., s. v. Emporion в *Neue Pauly* (Von Reden. 1997. Sp. 1020–1021); также сборники 1996 и 1997 гг. «More Studies in the Ancient Greek Polis» (Stuttgart, 1996) и «Yet More Studies in the Ancient Greek Polis» (Ibid., 1997); коллективную монографию 1993 г. «L'Emporion» (Paris, 1993) etc. Статья К. Моссе «Мир эмпория в гражданских речах Демосфена» (Mossé. 1983. P. 53–63), вопреки ожидаемому, сосредоточена почти исключительно на процессе торговли как таковом и на взаимоотношениях его участников.

Хансен называет Коринф, Пантикапей, Эгину – достаточно крупные города с развитой гаванью.

Второй тип представлял собой образование, сформировавшееся под влиянием не столько экономических, сколько политических факторов: по Хансену, статус эмпория носит поселение, которое «не дотягивает» до независимого полиса, однако ведёт самостоятельную торговлю. Заметим кстати, что лемма в *Neue Pauly* (Von Reden. 1997. Sp. 1020–1021) включает между прочим ещё и такой критерий: эмпории, как правило, расположены на границе различных политических сообществ или культурных систем; т. е. зачастую находятся на границе греческого и варварского миров.

Именно сюда предлагается отнести Феодосию из разбираемого демосфеновского пассажа: в период между 377 и 355 гг. Левкон превращает Феодосию в эмпорий (позднее она как будто бы развивается в полис, правда, не-независимый). Снова справимся с определением в *Neue Pauly*: для эмпория характерны активная торговля, в которой принимает участие все его население; безопасная торговля и уровень жизни населения обеспечиваются городом и контролируются специальными должностными лицами; наконец, жители эмпория не связаны гражданскими правами, т. е. отсутствует жесткая стратификация между местными и приезжими. В нашем случае всё перечисленное должно было способствовать формированию образа Левкона как «добротного правителя», который не просто реорганизует феодосийскую гавань, но выводит город на принципиально новый, международный уровень.

С учётом всего сказанного вдвойне значимым оказывается отсутствие артикля при ἐμπόριον в тексте Демосфена: получается, что Левкон «сделал Феодосию эмпорием и в ней также ввёл беспрошленную торговлю». Такое понимание как будто бы хорошо коррелирует с предложенной концепцией развития города⁹; посмотрим теперь напоследок, употребляется ли ἐμπόριον у Демосфена в вожделенном нам смысле.

Нужно признать, что многозначность ἐμπόριον отражена в демосфеновском корпусе достаточно полно: у него широко представлено как буквальное употребление «рынок»¹⁰, так и значение «гавань»¹¹.

⁹ Ср. также замечание об эволюции статуса Феодосии в составе Боспорского царства: Тохтасьев. 2004. С. 169.

¹⁰ Demosth., II [Olynth. II]. 16 («пока идет война и рынки закрыты»), ср. также Id., XIX [De falsa leg.]. 153), Id., VII [Halones.]. 12 («и мы ездили в Македонию, и македоняне к нам, и пользовались рынками как нашими, так и македонскими»); встречается также обобщенное «рынок» скорее в смысле «торговля» (Id., XVIII [De corona]. 309 «благоустройство рынка»).

¹¹ Id., IV [Philip. I]. 32 («входы в гавань») etc.

Тем не менее, среди этого многообразия можно найти и более сложные значения, которые могут нам пригодиться. Так, неоднозначный в силу общей сложности толкования, но потенциально подходящий случай – Demosth., VI [Philip. II]. 12:

οὐδ' ἐν τῇ μεσογείᾳ τιν' ἀρχὴν εὔρηκε, τῆς δ' ἐπὶ τῇ θαλάττῃ καὶ τῶν ἐμπορίων ἀφέστηκεν.

Он [i. e. Филипп] получил некоторую власть на суше, но не отступился ни от той, которая на море, ни от гаваней.

Гораздо более бесспорный пассаж – в той же речи «Против Лептина». Немного выше рассуждения об ателии в Феодосии Демосфен произносит (XX. 31):

πρὸς τοῖνυν ἅπαντα τὸν ἐκ τῶν ἄλλων ἐμπορίων ἀφικνούμενον ὁ ἐκ τοῦ Πόντου σῖτος εἰσπλέων ἐστίν.

Хлеб, который привозят с Понта, на сегодняшний день стоит по количеству вровень с привозимым из всех остальных эмпориев [вместе].

Наконец, в речи против Аристократа, где эмпорий также упомянут дважды (XXIII [Adv. Aristocr.]. 110; Ibid. 211), мы сталкиваемся с чисто терминологическим употреблением – и видим оба «типа» эмпория по Хансену: сначала искомый «политический» (портовые города), затем «экономический» (прилежащие к городу торговые территории)¹².

Перечисленные примеры, как кажется, убеждают достаточно¹³. Результатом пунктуального прочтения и разбора текста источника становится, таким образом, не только уточнение академической вульгаты – тем более, впрочем, необходимое для русскоязычного сообщества, что в переводах речи «Против Лептина» на европейские языки и комментариях к ней, даже достаточно старых (e. g. Schaefer. 1826. P. 118), двусмысленность сведена к минимуму (*«he has opened another*

¹² Demosth., XXIII. 110 (ἐκ μὲν γ' ἐκείνης οὐκ ἔστιν ὑπὲρ τριάκοντα τάλανθ' ἢ πρόσοδος μὴ πολεμουμένης, εἰ πολεμήσεται δέ, οὐδὲ ἐν· ἐκ δὲ τῶν ἐμπορίων, ἃ τότε ἂν κλεισθεῖη, πλεῖν ἢ διακόσια [τάλαντά ἐσθ' ἢ πρόσοδος «Из нее [из этой страны] не больше тридцати талантов доход, даже когда войны нет; а если война начнется, так и того не будет. А вот из эмпориев – которые тогда, пожалуй, закроются – больше двухсот [талантов доходу]). Ibid. 211 (ὁς μέγιστα ναυκλήρια κέκτῃται τῶν Ἑλλήνων, καὶ κατεσκευάκεν τὴν πόλιν αὐτοῖς καὶ τὸ ἐμπόριον «Он [некий Лампис] обладает большим флотом и обустроил для афинян как их город, так и гавань»).

¹³ Наиболее корректным из существующих русских переводов следует признать опубликованный в компилятивном учебном пособии «Материалы по истории Причерноморья в античную эпоху» (Пальцева. 2001): «Однако [Левкон] столь далёк от того, чтобы лишить город этого дара, что, устроив еще и в Феодосии торговый порт, который, как говорят плавающие [туда], ни в чем не уступает Боспорскому, он и там дал нам ателию». Однако перевод перепечатан без подписи, и удовлетворительно его атрибутировать нам на сегодняшний день не удалось

depot at Theudosia» – Дж. Г. Винс; «*après avoir ouvert un autre port, celui de Theudosie*» – Р. Дарест; etc.); помимо этого, филологический анализ служит также косвенным свидетельством в давней полемике относительно достижения Феодосией расцвета: самостоятельного или же лишь в составе Боспорского царства¹⁴.

Литература

- А. И. Айбабин. Еврейская община в позднеантичном Пантикапее и раннесредневековом Боспоре // БЧ. XVII. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: исследователи и исследования. Керчь, 2016.
- И. Б. Брашинский. Торговые пошлины и право беспошлинности на Боспоре (IV век до н. э.) // ВДИ. 1958. № 1.
- А. В. Гаврилов. Феодосия и её округа в античную эпоху // ПИФК. 2003. № 13. Демосфен. Речи / отв. ред.: Е. С. Голубцова, Л. П. Маринович, Э. Д. Фролов. М., Памятники исторической мысли, 1994 – (Памятники исторической мысли).
- В. Г. Зубарев. Историческая география Северного Причерноморья по данным античной письменной традиции. М., Языки славянской культуры, 2005 – (Studia historica).
- Д. П. Каллистов. Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л., Издательство Ленинградского государственного университета, 1949.
- В. В. Латышев. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. СПб., Тип. Императорской Академии наук, 1890. Т. 1.
- В. В. Латышев. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1947. № 3.
- Л. А. Пальцева (сост.) Материалы по истории Причерноморья в античную эпоху. СПб., Центр антиковедения СПбГУ, 2001. URL: http://centant.spbu.ru/centrum/publik/paltzeva/pal_0202.htm (дата обращения 23.04.2018)
- С. Ю. Сапрыкин. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический: взаимоотношения метрополии и колонии в VI–I вв. до н. э. М., Наука, 1986.
- С. Ю. Сапрыкин, Н. Ф. Федосеев. Особенности проксенической деятельности Боспора // Аристей. 2011. № 4.
- В. В. Струве (ред.). Хрестоматия по истории древнего мира. Т. II: Греция и эллинизм. М., Учпедгиз, 1951.
- В. В. Струве. Фрагменты труда древнейшего историка СССР, сохранившиеся у различных античных историков // Исследования по отечественному источниковедению. Сборник статей, посвященных 75-летию профессора С. Н. Валка. М., Л., Наука, 1964 – (Труды ЛОИИ. Вып. 7)
- С. Р. Тохтасьев. Боспор и Синдика в эпоху Левкона I (Обзор новых эпиграфических публикаций) // ВДИ. 2004. № 3.
- Д. Б. Шелов. Феодосия, Гераклея и Спартокиды // ВДИ. 1950. № 3.
- A. Bresson. Les cités grecques et leurs emporia // L'Emporion. Paris, Centre Pierre Paris, 1993.

¹⁴ Шелов. 1950. С. 169 слл. и т. д. См. также выше прим. 8.

- M. H. Hansen.* Emporion: A Study of the Use and Meaning of the Term in the Archaic and Classical Periods // *Yet More Studies in the Ancient Greek Polis*. Stuttgart, Franz Steiner Verlag, 1997 – (Historia – Einzelschriften, Bd. 117)
- C. B. Hase, W. Dindorf, L. Dindorf.* Thesaurus Graecae linguae ab Henrico Stephano constructus. Vol. VI. Paris, Firmin-Didot, 1847.
- C. Kremmydas.* Commentary on Demosthenes' Against Leptines: With Introduction, Text, and Translation. Oxford, Oxford University Press, 2012.
- H. G. Liddell, R. Scott, H. S. Jones* (comp.). A Greek-English Lexicon. Oxford, Oxford University Press, 1996.
- L'Emporion / ed. A. Bresson, P. Rouillard. Paris, Centre Pierre Paris, 1993.
- C. Mossé.* The World of the Emporion in the Private Speeches of Demosthenes // *Trade in the Ancient Economy*. London, Chatto & Windus, 1983.
- More Studies in the Ancient Greek Polis* / ed. M. H. Hansen, K. Raafaub. Stuttgart, Franz Steiner Verlag, 1996 – (Historia – Einzelschriften, Bd. 108)
- F. Passow* (hrsg.). Handwörterbuch der griechischen Sprache / begr. von F. Passow, neu bearb. von V. C. F. Rost, F. Palm, O. Kreussler. Bd II, Abt. 1. Leipzig, F. C. W. Vogel, 1852.
- G. H. Schaefer* (ed.). Demosthenis quae supersunt opera. T. III. Londini, Black, Young et Youns, 1826
- S. von Reden.* Emporion // *Der Neue Pauly: Enzyklopaedie der Antike*. Stuttgart, Weimar, Brill, 1997. Bd 3.
- Yet More Studies in the Ancient Greek Polis* / ed. *T. H. Nielsen*. Stuttgart, Franz Steiner Verlag, 1997 – (Historia – Einzelschriften, Bd. 117).

A. A. Масленников

Хора Боспора в эпоху раннего эллинизма

Поскольку речь пойдёт о времени III–II вв. до н. э., уместно в силу господствующих ныне представлений, сделать оговорку, что для Боспора это был период раннего эллинизма. Вряд ли при этом стоит ещё раз распространяться относительно того, что известно нам о нём в силу скудости источников очень мало. Тем более это относится к его сельской территории. Вместе с тем, в последнее десятилетие здесь, а также «по соседству» велись достаточно интенсивные полевые изыскания и получен новый, весьма важный археологический материал.

Начнём с того, что, все, что касается сельской территории/хоры античных государств неизбежно связано с вопросом о границах и пограничье, причём, как внутренних, так и внешних. О первых (между полисными хорами и землями с иным статусом) говорить пока очень сложно. Зато о внешних, государственных – новой информации появилось немало и почти вся она, что называется, «кстати» заявленной теме.

Правда это почти исключительно касается европейской части государства – Восточного Крыма. Мы имеем в виду всё более проясняющуюся датировку хорошо известных земляных оборонительных сооружений (валов и рвов) на Керченском п-ове. Если кратко, то и наши прежние, и совсем недавние новостроечные работы свидетельствуют, что самый протяжённый и впечатляющий из них Узунларский был, скорее всего, сооружён не ранее рубежа IV–III вв. до н. э. и не позднее конца первой трети III в. до н. э. Выяснилось также, что и один из Тиритакских валов («центральный») относился, вероятнее всего, к тому же времени. Не исключены в этой связи и другие передатировки (Чокракский вал или вал Безкровного). Если исходить из общеисторического контекста (общесеверопричерноморский кризис), то время это, как нельзя более подходило для столь важных, масштабных и, подчеркнём, эшелонированных фортификационных работ. В таком случае остаётся только подивиться их размерам, трудо – финансовым и прочим затратам и воздать должное организаторам и строителям..., чем бы всё это для Боспора не кончилось. В тоже время придётся признать, что реальные рубежи боспорских владений на западе проходили в рассматриваемое время или по центру Керченского п-ова, или (если сведения ещё об одном вале подтвердятся) на западе феодосийской округи. В первом случае – Феодосия с её хорой оставались как бы без прикрытия (анклавом), что как-то маловероятно. А вот «промежуточные» линии обороны, особенно Тиритакский вал, призваны были защищать полисную хору столицы, а, может быть, всей северо-западной, наиболее «урбанизированной» части полуострова с районом переправы. Взаимоотношения Боспора со своими западными соседями, прежде всего, с т. н. поздними скифами в рассматриваемое время, скорее всего, стали ещё более интенсивными и разносторонними, что, надо думать, не делало их менее простыми, а порой, особенно в начальный период этой эпохи, и конфликтными. При этом, однако, есть основания для предположений о наличии неких междинастических связей. Не исключено, что на какое-то время зона экономического влияния, а, может быть, даже владений Спартокидов, наоборот, простиралась западнее Феодосийской округи. Впрочем, не будем увлекаться...

На востоке же, боспорское пограничье нам, по-прежнему, почти неведомо. Вероятнее всего, в силу ряда причин оно не было столь же твёрдо установленным и зависело в каждый конкретный период от реального соотношения сил соседей и политико-экономических возможностей Боспора. Можно предположить (см. ниже), что границы полисных земельных владений и государственные в ряде мест (Таманский п-ов) практически совпадали. Но вернёмся к теме изложения.

Что же можно на сегодняшний день сказать или подтвердить относительно организации, демографического потенциала, хозяйственной составляющей, этнокультурной характеристики населения и основных исторических реконструкций предмета нашего рассмотрения в выбранный период?

Во-первых, на более или менее современном уровне удалось подытожить статистику памятников: поселений, местонахождений керамики и отчасти некрополей в границах Восточного Крыма и Таманского полуострова. В результате архивных поисков, данных охранных и спасательных разведок и раскопок, а также целенаправленных площадных и локальных разведок по обе стороны пролива было выявлено несколько десятков объектов, ранее не учтённых в соответствующих сводках; сверено во многих случаях их местоположение; по возможности уточнена хронология или же таковые, наоборот, были сняты «с учёта». В итоге, сформирован относительно полный каталог, который, однако, в силу ряда сложностей, прежде всего, связанных с проблемами узких датировок, включает слишком широкий круг памятников (IV–I вв. до н. э.) и требует дальнейшей хронологической корректировки, по крайней мере, в пределах четверти века. Без этого, а также ряда иных уточнений (см. ниже) ни соответствующая статистика, ни новые исторические реконструкции, в том числе для рассматриваемого времени, невозможны. Но эта задача остаётся практически невыполнимой ввиду огромного числа таких объектов и столь же огромных трудовых и финансовых затрат.

Тем не менее, в ходе полевых изысканий были выявлены некоторые небезынтересные обстоятельства топографического, палеосейсмологического, палеопочвоведческого и палеогидрологического планов. Так, в ряде случаев (Таманский п-ов) получены результаты, свидетельствующие о незначительной степени антропогенного воздействия на почвы со времён античности, что позволяет теоретически оценивать их плодородие и урожайность в древности более объективно. Сравнение же современных водных ресурсов (также Таманский п-ов) с топографией поселений указанного периода не выявило их безусловного «тяготения» к нынешним балкам, родникам, колодцам (как маркерам водных слоёв), что оставляет открытым вопрос об источниках водоснабжения в древности. Впрочем, приазовские поселения Восточного Крыма демонстрируют как раз обратную зависимость. Здесь вблизи новых городищ, как правило, расположенных в прибрежной зоне, выявлено немало колодцев, хотя бы часть которых вполне могла функционировать в античную эпоху. Не исключено, что именно они, вернее, внезапная невозможность их использования (подвижки водоносных слоёв вслед-

ствии сильных землетрясений или/и резкого подъёма уровня моря, кстати, из-за того же самого) стали основной причиной прекращения жизни на близлежащих поселениях.

Как при работе с архивными материалами, так и в ходе полевых разведок обращалось внимание на наличие возможных следов природных катаклизмов, военных действий, степень древнего и современного антропогенного воздействия. Отдельные шурфовки позволили проверить сам факт наличия культурного слоя, что заставляет в ряде случаев отнести находки из поверхностных сборов к разряду случайных, со всеми соответствующими статистическими выводами.

Несмотря на отмеченные выше трудности, всё же удалось с помощью «реперных показателей» в известной степени уточнить хронологию части привлекаемых археологических объектов (условных поселений) в пределах трети или даже четверти столетия. В итоге – более или менее определиться с их примерной общей численностью именно в рассматриваемое время и хотя бы на обследованных территориях. В целом, подтвердилось, что количество памятников с датировкой: второй трети III – конца II вв. до н. э. повсеместно очень сильно сократилось. Особенно это заметно на примере Восточного Крыма, где они – просто единичны. Фактически можно говорить о настоящем «обвале» поселенческой структуры. Произошло, как и полагала в своё время И. Т. Кругликова, почти полное, причем очень быстрое, запустение всей «дальней» (государственно-царской и «варварской») и, видимо, – большей части «ближней» (полисной) хор государства. Вывод этот можно считать окончательным. Датировка этого «великого перелома» теперь совершенно определённо установлена в одной из основополагающих работ нашего известнейшего клеймоведа Н. Ф. Федосеева (около 288 г. до н. э.) и вряд ли подлежит оспариванию.

Одновременно выяснилась, что географо-экологический «антураж» сохранившихся (что много чаще для Таманского п-ова) или появившихся (что более характерно для Восточного Крыма) поселений заметно изменился по сравнению с предшествовавшими столетиями. В последнем случае, они теперь в небольшом числе фиксируются только в Приазовье, а также в относительной близости от городских центров. При этом для Керченского п-ова характерно максимальное использование особенностей локальной топографии (труднодоступные скалистые возвышенности, плоскогорья или прибрежные «долины»).

Сравнение Таманского п-ова и Восточного Крыма с точки зрения систем расселения показывает их некоторое различие, обусловленное как природными факторами, так и вероятной спецификой самой организации (структуры) хоры. Так, в «Азии», по крайней мере, до конца

раннеэллинистической эпохи, а, может быть, и позднее, по-видимому, преобладало полисное землевладение, хотя существовало и царское (См. упоминание о некоей «своей» земле в известной легенде о смерти «царя» Евмела). Хронологический анализ материалов не дает основания говорить о том, что здешняя поселенческая система в III–II вв. до н. э. превосходила показатели предыдущего столетия, как это предполагалось. Скорее она приходит в упадок, несколько сокращаясь территориально и количественно. Кроме того, на рубеже IV и III вв. до н. э. или немного позднее, здесь происходит резкое падение амфорного импорта. Впрочем, через непродолжительное время, отчасти восстановившись. Новый спад амфорного импорта, (наряду с его географической переориентацией: Синопа – Родос) имеет место здесь, как и по другую сторону пролива, повсеместно уже с начала II в. до н. э. К концу же этого века можно говорить о его временном затухании.

Все эти изменения, как об этом можно судить, по крайней мере, по данным сплошных разведок и порой достаточно масштабных охранных раскопок в округе Фанагории и Горгиппии, касаются не только численности поселений, но их размеров и, вероятно, типологии (на смену большим и малым неукрепленным «деревням» и «хуторам» (поселения с рассеянной, хаотичной застройкой) приходят относительно немногочисленные, небольшие или напротив, довольно крупные, компактные, также неукрепленные «усады»). Относительно Восточного Крыма такая типологическая смена была обоснована ещё И. Т. Кругликовой, с разницей лишь в том, что касалось наличия оборонительных сооружений на памятниках т. н. дальней хоры.

В тоже время, проверка и уточнение датировок вновь открытых и уже известных поселений (прежде всего, на которых велись в последние годы достаточно интенсивные раскопки) показала, что в Восточном Крыму новые – в плане топографии и хронологии (но не топографии), почти непосредственно сменяют предшествовавшие. Вместе с тем, на этих новых населённых пунктах (городищах), хотя и в незначительном количестве, выявлен материал конца IV – начала III вв. до н. э., интерпретация которого неоднозначна. Иными словами, если некая временная лакуна между ними и существовала, то она была, как только что отмечалось минимальной (Согласно Н. Ф. Федосееву, с разницей не более десятилетия: 288–278 гг. до н. э.). Во всяком случае, их оборонительные сооружения (особенной мощью и продуманностью выделяются укрепления городища Золотое восточное – Сююрташ) возводятся сразу, даже в ущерб качеству и «антуражу» жилой застройки. При этом влияние соответствующей античной традиции и практики очевидно. Для сельской территории азиатского Боспора

(за исключением Раевского городища) мы такими примерами пока не располагаем.

Если же дать самую общую характеристику сельских поселенческих структур рассматриваемого времени в плане их стратиграфии и хронологии, то по обеим сторонам пролива можно выделить три группы памятников. Это поселения, появившиеся ещё в предшествующую эпоху, хотя бы и в её конце (Волна I, Белое-Юго-восточное, некоторые усадьбы хоры Горгииппии и Фанагории) и просуществовавшие почти до рубежа II–I вв. до н. э.; поселения, относившиеся только к данному времени (Сююрташ, Крутой берег, Полянка I и пригородные усадьбы у Мирмекия), и – возникшие в этот период и «прожившие» (видоизменяясь) ещё несколько веков – до III или даже VI вв. н. э. (Семёновское, Ново-Отрадное, Казантип II, возможно, Артезиан).

Новые исследования так называемых базовых памятников интересующего нас времени, прежде всего, в Крымском Приазовье (Полянка, Сююрташ, Крутой берег) позволили выявить или подтвердить особенности общей и частной (жилой) планировки и застройки. В основе её лежал т. н. квартально-блочный принцип разбивки на местности. Сами жилища состояли из одного-двух одноэтажных помещений, без черепичной кровли с примыкавшими, нередко частично мощёными двориками. Наличие относительно прямых и достаточно широких (основных) улиц и переулков в сочетании с террасным расположением кварталов вовсе не свидетельствовало о хаотичности застройки. Внутри и рядом с поселениями наличествовали святилища и отдельные производственные комплексы (винодельни). В ходе этих раскопок был получен весьма значительный археологический (вещевой) материал, в том числе более тысячи амфорных клейм, сотни фрагментов покрытой лаком (чёрным и бурым) столовой посуды. Заметно выросло по сравнению с предшествовавшей эпохой число обломов лепных сосудов. При этом в ней прослеживаются черты, позволяющие, хотя и осторожно, судить о некоторых, вероятно, варварских (позднескифских?) «инновациях». Солидная «коллекция» палеозоологических находок служит основанием для выводов о состоянии животноводства обитателей этих поселений, а также фауны окружающей территории, следовательно, охотничьих «приоритетах». Находки раковин моллюсков, рыболовных грузил, крючков и игл для вязания сетей свидетельствуют о формах и роли рыболовства в хозяйстве поселян. Кажется, она возросла. Многотысячные обломки амфорной тары (Синопа, Родос, Книд, Кос, Колхида), сотни фрагментов «мегарских» чашек, около сотни в основном пантикапейских медных монет, редкие граффити, ткацкие грузила, пряслица, десятки обломков терракотовых статуэток в той или

иной степени характеризуют быт, культуру и хозяйственно-торговую деятельность местного населения. Вместе с тем, по-прежнему, практически ничего не известно о его погребальной практике, поскольку некрополи, сопутствовавшие городищам, пока даже не найдены. Аналогичная археологическая характеристика синхронных сельских памятников по другую сторону пролива, в целом примерно та же, но как бы хронологически «размыта». Однако здесь следует ещё раз отметить, что поселения городской, прежде всего, горгиппийской хоры демонстрируют практически во всём явный приоритет античных традиций.

Обращаясь к возможным историческим выводам, отметим, что общая характеристика материальной и духовной культуры сельского населения европейской части Боспора, в целом, может быть определена, как греко-варварская, с античной доминантой, но довольно низким (по сравнению с предшествовавшим периодом) уровнем благосостояния. Социально-правовой статус обитателей «дальней» хоры не ясен. Не исключено, что они были этнически не вполне однородны и в какой – то степени зависимы от боспорских правителей. О состоянии здешней «ближней» (городской) хоры новой информации очень немного. Судя по имеющейся, она была представлена загородными усадьбами типа мирмекийских с соответствующей этно-культурной характеристикой и правовым статусом их обитателей, которых в массе своей вряд ли уместно именовать собственно поселянами (хоритами).

О прочих районах наши знания в силу пока незначительной раскопной деятельности все ещё весьма неопределённые. Скорее всего, общие выводы для обеих частей государства будут примерно одинаковыми, а т. н. варварское влияние во всех его проявлениях, не особенно существенное в целом, было ещё менее ощутимым в азиатской части хоры.

Итак, для этого времени, видимо, уместно говорить как бы о двух регионально-географических вариантах (моделях) хозяйственно-административной организации (в данном случае – переустройства?) сельской территории царства. Как только что отмечалось, они сложились довольно быстро и были вызваны почти одновременным воздействием нескольких местных (локальных) и общесеверопричерноморских (глобальных) факторов объективного (природного), так и субъективного («человеческого») происхождения. Среди них обычно называют военно-политический (варварские миграции) и эколого-экономический (смена центров средиземноморской торговой активности, климатические перемены, кризис хозяйства, основанного на экстенсивном хлебопашестве). Выбирать приоритетные вряд ли целесообразно. Это был общерегиональный, системный кризис. А вот его этапы, вернее, некоторые предположения и исторические построения, в том числе

в плане хронологии, исходя из всего выше сказанного, представляются небезынтересными.

Практически полное отсутствие письменных свидетельств для хотя бы самых общих исторических реконструкций событий на хоре раннеэллинистического Боспора не оставляет нам иных источников, кроме археологических. Но и они, как известно, далеко не всегда надёжны, однозначны, да и вообще доступны интерпретированию. Поэтому приходится прибегать не только к наблюдениям чисто археологического плана (следы пожаров, разрушений и т. п.), но и к некоторым как бы косвенным показателям. Так, обозначенной выше примерной дате кардинальных перемен на хоре европейского и, отчасти, азиатского Боспора, кажется, как только что писалось, согласно соответствующему анализу наиболее информативного и надёжного в плане хронологии материала (амфорные клейма, монеты, столовая лаковая посуда) предшествовал совсем короткий период запустения. Он настолько мал, что теоретически можно даже говорить о почти «единовременном» оставлении одних и строительстве других поселений иного типа и местоположения. О том, как жилось их обитателям потом, на протяжении почти двух веков, вернее, какие негативные или положительные периоды при этом «имели место быть», можно отчасти предположить, опираясь, как уже говорилось, на некоторые косвенные свидетельства.

Так, в какой-то степени нашу уж совсем «тусклую» историческую конкретику (правильнее было бы всё же сказать – её полное отсутствие) восполняют монетные клады и, хотя бы самая общая и выборочная статистика упомянутых хроноопределяющих находок. Разумеется, данные эти, сами по себе в силу разных причин далеко не абсолютные, постоянно меняются, но на «сегодняшний день» они, как нам кажется, не лишены известной информативности.

Напомним, что, согласно принятой ныне у отечественных нумизматов систематизации (Н. А. Фролова, М. Г. Абрамзон), монеты *рассматриваемого времени* делятся на три (2-я – 4-я) подгруппы «эпохи денежного кризиса» и период «поздних Спартокидов». Хронология их следующая: начало III в. до н. э. (условно – первая его четверть – «1»); вторая четверть III вв. до н. э. (300–250 или 275–250 гг. – «2»); 250–225 гг. до н. э. («3») и, также условно: 240–109 гг. до н. э. («4») Соответственно, известные «на сегодня» клады распределяются следующим образом: 16/11; 15/7; 3/2 и 14/7. (В числителе – общее число кладов, в знаменателе – с территории сельской округи. См. Табл. 1). Таким образом, «сельские» клады составляют более 50% от всех учтённых. В подавляющем большинстве последние были обнаружены

на азиатской территории античного Боспора, причём, скорее всего, той, что имела «статус» городской хоры. Вызвано ли это чистой случайностью и человеческим фактором, следствие ли массовой распашки и иного интенсивного освоения местных пространств – Богу вести. Не исключено, однако, что, действительно, в Восточном Крыму в рассматриваемое время сельскому населению (под охраной системы полевых погранично-оборонительных сооружений, о чём писалось выше и/или вследствие дружественных отношений с позднескифским «царством»?) жилось спокойнее.

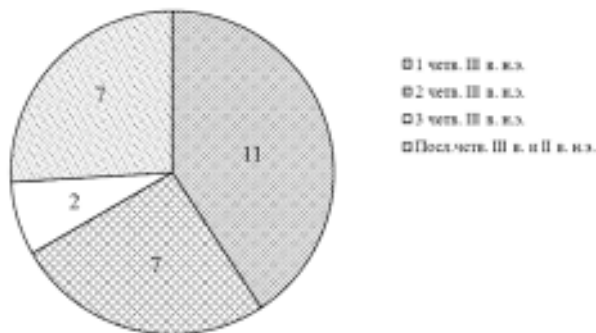

Табл. 1. Монетные клады с сельской территории Боспора

Большинство «азиатских» кладов приходится как бы на начальный и конечный этапы этой, вероятно, в целом очень беспокойной эпохи. Теоретически, стабильнее (спокойнее) всего ситуация здесь, как и повсюду на хоре, была где-то во второй половине III в. до н. э. Впрочем, не будем спешить с выводами. Клады, как известно, по природе своей – явление «неоднозначное». Одно очевидно: столь модные сейчас природные катастрофы (землетрясения) тут ни при чём. Да и клады – кладам рознь. Так, самые многочисленные «собрания» с округи Горгиппии, в том числе недавний клад с поселения Усатова Балка, по времени (около 270–250 гг. до н. э.), по мнению М. Г. Абрамзона, как будто бы соотносится с выявленными раскопками большими пожарами и разрушениями около 248–243 гг. до н. э. в самой Горгиппии. А это как будто бы противоречит, только что сказанному. О прочих, ввиду известных сложностей абсолютных датировок монет этого периода, делать какие-либо предположения трудно.

Ну, а как «вели себя» деньги, так сказать, в свободном обращении? Иными словами, как жилось боспорским поселянам в плане «тугости кошелька»? (Табл. 2–3) Судя по числу монетных находок на всех «ба-

зовых» приазовских городищах пик *условно* денежного обращения приходится на 275–250 гг. до н. э., фактически – на самый ранний (начальный) этап их существования. В последствие оно довольно резко и значительно сокращается. Самые поздние и, подчеркнём, единичные монеты относятся к середине или же третьей четверти II в. до н. э. Поселение Полянка – вообще «даёт» последнюю его четверть, но «чистота эксперимента» в силу специфики памятника тут как бы уже не та... Ну, а что же по другую сторону пролива? Для примера рассмотрим динамику соответствующих находок с трёх поселений: усадьба Виноградник (раскопки 2014 г. А. А. Иванова), усадьба у х. Воскресенский (раскопки 2017 г. В. Ю. Кононова) и Белое, Юго-западное (информация из статьи Ю. Ю. Каргина) (Табл. 3).

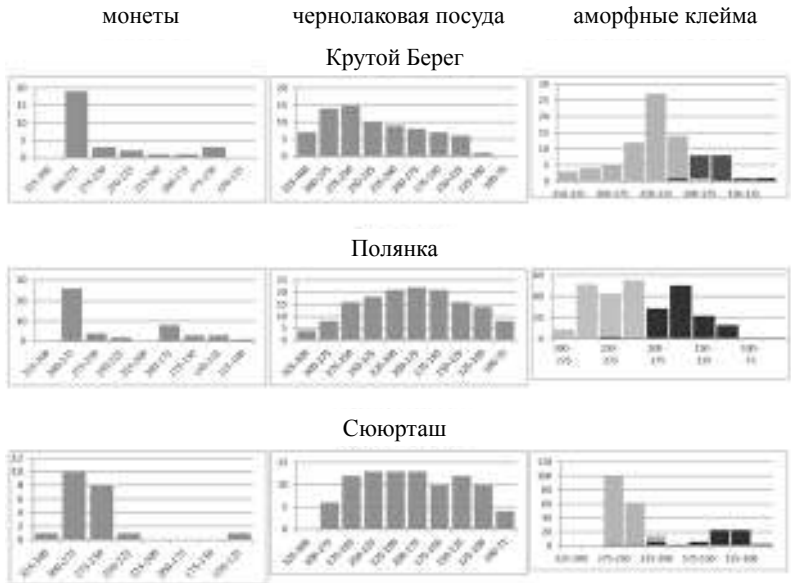
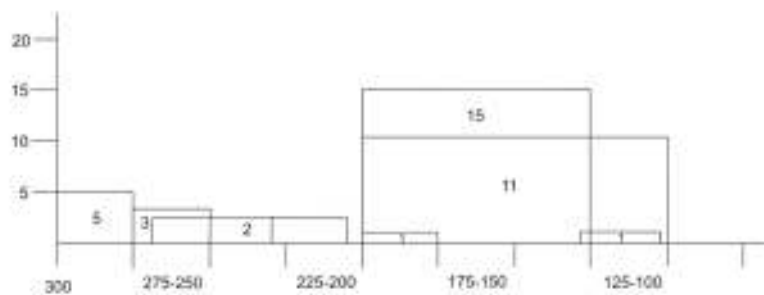

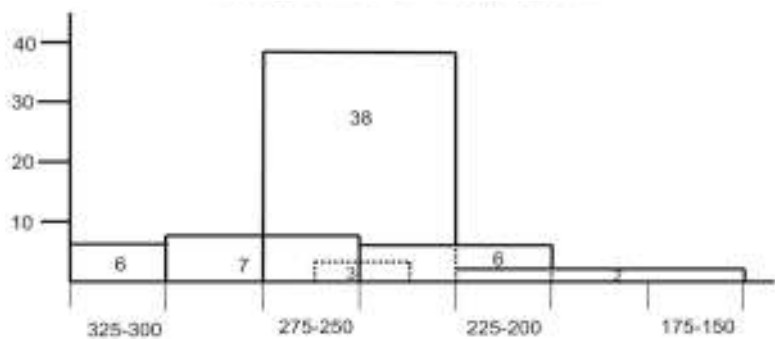
Табл. 2

Первые два – из округа Горгиппии, и их хронология в целом – вторая половина IV – последняя четверть II вв. до н. э., третье – возможно, дальняя хора Фанагории, а хронология – значительно более широкая. Тем не менее, в первом случае пик (и весьма существенный) находок приходится на вторую-третью четверти III в. до н. э., а единичные, самые поздние – на первую половину следующего века. Во втором – пик (также

поселение Белое (Юго-Западное)

поселение Виноградник

хутор Воскресенский

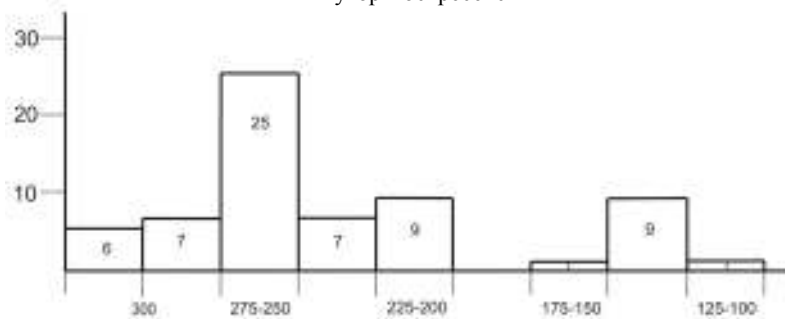

Табл. 3

весьма заметный) относится ко второй четверти III в. до н. э. Во втором веке (после резкого падения на рубеже веков) он (хотя уже далеко не такой значительный) приходится на третью его четверть. И, наконец, самая поздняя монета относится к последней четверти. Напротив, последнее из поселений демонстрирует снижение числа и без того немногочисленных находок на протяжении всего III в. до н. э. и значительный его рост во II в. до н. э., правда, за счёт очень широко датированных типов монет. Узко датировемых – единицы. Что из всего этого предположительно следует? Очевидно, по крайней мере, на хоре Горгиппии вторая-третья четверти III в. – время нового (после IV в. до н. э.) некоторого хозяйственного подъёма, сменившегося где-то на рубеже веков довольно резким и существенным упадком. Впрочем, временами и местами хозяйственная жизнь оживлялась, но к концу столетия или даже раньше она вовсе замерла. На «долговременных» же поселениях другой, хотя и соседней территории «картина» выглядит как бы противоположной.

Разумеется, мы отдаём себе отчет, что чистая статистика в данном случае может не являться сколь либо надёжным показателем (период денежного кризиса – время, как известно, самых массовых эмиссий, а датировка монет III особенно II вв. до н. э., мягко говоря, довольно широкая). Поэтому полезно привлечь и иные, «коррелирующие» показатели, например, статистику амфорных клейм и чернолаковой посуды. Для азиатских сельских памятников мы таковой пока не располагаем, а вот для приазовских городищ она, прежде всего, благодаря изысканиям нашего признанного лидера клеймоведения, имеется (Табл. 2).

Итак, динамика «импорта» из основных торговых контрагентов Боспора этого времени (Синопа, Родос) выгладит следующим образом. «Крутой берег»: плавный рост числа синопских клейм достигает максимума в третьей четверти III в. до н. э., затем их число снижается и они практически исчезают с начала следующего века. Напротив, родосские клейма (хотя и далеко не в таком числе) явно преобладают в первой его половине.

Поселение Полянка. Здесь в отношении синопских клейм как бы два пика: вторая и последняя четверти III вв. до н. э. Но их много и в третьей четверти. С рубежа веков они совершенно исчезают. Родосские появляются в единичном числе во второй половине III в. до н. э. В первой четверти II в. до н. э. их уже много, а максимума их численность достигает во второй четверти. Затем более или менее плавно – снижается к следующему рубежу веков. В первой половине I в. до н. э. они и вовсе редкость. Но это – уже совсем другой этап в жизни данного поселения.

Наконец, Сююрташ. Соответствующий график фиксирует, причём почти с «нуля», пик числа синопских клейм во второй четверти III в. до н. э., заметное снижение в третьей и, особенно, в последней его чет-

вертях. Во II в. – их нет вовсе. «Картина» с родосскими клеймами не столь яркая, как у «предшественников». Их, как и должно, совсем немного на протяжении не только III, но и даже первой половины II в. до н. э., и незначительный «всплеск» как будто бы приходится на его вторую половину. Учитывая небольшой объём родосских амфор и специфику традиции клеймения, можно, как нам кажется, утверждать, что соответствующий импорт в амфорах на всех поселениях Приазовья в II в. до н. э. существенно снизился по сравнению с предшествовавшим столетием.

Ну и в качестве ещё одной категории – *типовая* динамика чернолаковой посуды на тех же памятниках. Здесь «картина» почти «плавная», общая и весьма «предсказуемая». Статистический подъём приходится повсеместно (хотя и не вполне одинаково по времени) на период от второй-третьей четвертей III в. до н. э. до примерно третьей четверти II в. до н. э. Начинается же «всё» или с «нуля» или с некоторого «запаса» предшествовавшего времени. Немногочисленные типы и формы керамики «доживают» (и то не везде) до рубежа II–I вв. до н. э. или даже «переходят» его.

Итак, при всей специфике каждого из упомянутых памятников, можно выделить некоторые общие «моменты». Отчётливых, безусловных следов преднамеренных, антропогенных или природных разрушений, в том числе сопровождавшихся масштабными пожарами и военными действиями на приазовских, да и азиатских (тамано-анапских) поселениях (городищах и усадьбах) как будто бы нет. Исключение, и то малообъяснимое в силу его локальности, – полянкинское городище, вернее, то, что от него осталось. Здесь есть весомые основания полагать, что причиной его практически полного разрушения явилось одно из целой серии землетрясений, имевших здесь место на рубеже II–I и в первой половине I вв. до н. э. При этом все они очень быстро (уже к середине III в. до н. э.) достигают «пика» своего развития. Но затем, примерно с начала следующего века, постепенно как бы «затухают», немного «не доживая» до его конца. На самых исследованных приазовских городищах более или менее отчётливо выделяются, по крайней мере, два строительных периода, датировка которых пока не вполне ясна.

В этой связи небезынтересны, как нам кажется, некоторые хронологические «параллели» с наиболее известными, изученными и практически синхронными городищами Крымской Скифии (Ак-Кая и Неаполь Скифский – раскопки и исследования Ю. П. Зайцева). Первое появляется, причём как сильная крепость, в самом конце IV в. до н. э. В 70-е годы и около середины следующего века переживает три сильных пожара и значительные по масштабам перестройки. Расцвет памятника приходится на вторую половину этого и начало II в. до н. э. «Неаполь» возникает, также как крепость (но уже куда более варварская) в пер-

вой четверти II в. до н. э. В 150–140 гг. – период наибольшего благополучия. Около 130 г. – сильный пожар и последующие перестройки. Середина последней четверти всё того же века – новые разрушения, перепланировки и последующее постепенное «угасание».

Касаясь же ещё раз вопроса о характере, вернее степени различий в развитии двух основных частей сельской территории Боспорского государства в раннеэллинистическую эпоху, можно сделать вывод, что таковые имели место. Отметим ещё раз, что определялись они не только природными и внешнеполитическими обстоятельствами и причинами, но и различными вариантами организации сельской территории, вернее, преобладанием той или иной из форм т. н. поземельных отношений. Последнее обуславливалось, вероятно, неодинаковой степенью «полисной традиционности». Впрочем, новейшие масштабные полевые изыскания наверняка внесут коррективы в эту слишком уж условную, общую схему.

Так или иначе, но к митридатовской эпохе сельская территория Боспора повсеместно подошла, если и не совершенно обезлюженной, как Крымское Приазовье, то весьма серьёзно ослабленной, как в демографическом, так и в хозяйственном отношениях. Поэтому вопрос о том: где, вернее, как и с кого Митридат Евпатор получал обозначенные Страбонам 180 000 медимнов зерна (Strab. VII. 4, 6) как бы «повисает в воздухе». Или ... или мы по-прежнему мало что знаем о хоре Боспора в раннеэллинистическую эпоху.

Л. И. Грацианская

Политические воззрения Страбона и боспорская политическая история

Страбон пишет «Географию» как дидактическое сочинение в поучение будущему государственному деятелю проримского толка. Он приводит в ней сведения, которые, по его мнению, во-первых, принесут предполагаемому адресату «Географии» пользу, во-вторых, должны его заинтересовать и образовать.

О политических взглядах Страбона отчасти можно судить, анализируя приводимый им материал с позиций методов его подачи, а также с позиций чистой фактологии.

Среди прямых политических рассуждений географа есть небольшой экскурс (Strab., I. 1. 18) о разных типах государственных устройств, где весьма сумбурно излагаются соображения о различных способах

правления и зависимости «типа и формы» (*typos et schema*) политий от закона (*nomos*) каждого способа правления.

В различных частях «Географии» присутствуют материалы, как прямо указывающие на политические взгляды Страбона, так и позволяющие их, в известной мере, реконструировать. Таков, например, декларативный параграф в конце VI книги (Strab., VI. 4. 2), где дается краткий и достаточно тенденциозный очерк истории Рима, полный страбоновских апологетических оценок действий римлян в процессе их завоеваний. Очень положительно относится он к единовластному способу правления, хотя замечает, что управлять одному такой громадой как Рим Августа и Тиберия сложно. Приводя отрицательные примеры непослушания Риму и последующего «необходимого» покорения непослушных, Страбон мельком, положительно отзываясь о подвластных римлянам боспорцах, не поднимающих восстаний, хотя другие жители Северного Причерноморья это активно делают.

Страбон достаточно подробно описывает дружественный Риму Боспор (кн. VII и XI), хотя материала по нему у географа не очень много, он противоречив и почерпнут практически только из книжных источников. Гораздо менее дружески рассказывает он о современном ему Херсонесе, отношения с которым в это время у Рима неоднозначны. Об Ольвии же, неважной для римской политики этого времени и лежащей в развалинах, географ почти не упоминает.

Если проследить по всему сочинению комментарии Страбона к правлению других государств и народов, то выясняется, что положительными они являются только в случае соответствия этих правлений интересам Рима или в случае соответствующего, одобряемого Страбоном, монархического образа правления. Так о ранних боспорских правителях Левконе, Сатире и Перисаде он говорит, что, хотя их и называют тиранами, но правителями они были хорошими. Оценка боспорских правителей, о которых он упоминает, целиком согласуется с его общеполитическими воззрениями, выраженными в различных местах «Географии».

А. В. Одрин

Особенности питания боспорских эллинов в V–III вв. до н. э.

Исследования по истории питания в наше время проводятся достаточно активно, и античность здесь не является исключением: за последние десятилетия было опубликовано целый ряд книг по этой те-

матике – от антологии переводов до сборника античных кулинарных рецептов (Wilkins, Hill. 2006; Donahue. 2015; Dalby. 1995; Nadeau, Wilkins. 2015; Dalby, Grainger. 1996.). И, если дефицита обобщающих исследований явно не наблюдается, то изучение региональных особенностей, в силу объективных причин, заметно отстает. Основной причиной этого отставания является специфика источниковой базы: если авторы общих работ оперируют главным образом информацией письменных источников, лишь эпизодически дополняя её данными археологических и археобиологических исследований, то при изучении региональной кулинарии последние две категории выступают на первый план.

Соответственно, при исследовании питания жителей Боспора необходимо провести сравнительный анализ этого комплекса источников и общих выводов, сделанных преимущественно на базе письменных источников и преимущественно касающихся Средиземноморского бассейна. Итогом этого анализа должно стать выявление специфики рациона жителей Боспора, соотношения в нем общегреческих и региональных составляющих.

При изучении традиционных диет в основу классификации обычно кладутся, во-первых, основные источники калорий (прежде всего, злаки и жиры растительного и животного происхождения) и, во-вторых, основные источники протеинов (мясные и молочные продукты, рыба и бобовые). Конкретный их набор и определяет тип питания. Примечательно, что древние греки также проводили подобное разделение: античные диетологические труды разделяют зерновую базу (*sitos*) и протеины (*opsa*) растительного и животного происхождения (Wilkins, Hill. 2006. P. 112). В таком порядке они и будут рассмотрены ниже.

В Древней Греции, и в Средиземноморье в целом (Braun. 1991. P. 10–55.), основными источниками калорий (до 70% (Bresson. 2016. P. 120) были различные зерновые – главным образом ячмень и пшеницы, голозерные и плёнчатые, а также просовидные хлеба (собственно просо и могар), растительные масла (в основном оливковое) и животные жиры, а протеинов – бобовые, рыба, молочные и, в меньшей степени, мясные продукты.

В то же время в умеренной зоне (и, в частности, в Степном Причерноморье), значительно большую роль в питании играли мясные и молочные продукты, тогда как рыба и, в особенности, бобовые – существенно меньшую. Очевидно, что эти отличия определялись природными факторами: чем севернее расположен регион, тем большую роль в питании местных жителей играют продукты животного происхождения. И в этом отношении боспорские греки особенно интерес-

ны, ведь, культурно относясь к субтропическому Средиземноморью, географически Боспор располагался в умеренной зоне степей Евразии.

Рассмотрение боспорской диеты логично начать с зерновых – основного источника калорий в меню древних греков. В середине – второй половине I тысячелетия до н. э. эллины культивировали как минимум четыре вида пшеницы – плёчатые однозернянку (*triticum monococcum*) и полбу-двухзернянку, или эммер (*t. dicocum*) и голозерные мягкую (*t. aestivum*) и, вероятно, твёрдую (*t. durum*)¹, ячмень и два вида просовидных хлебов – собственно просо (*panicum miliaceum*) и могар (*setaria italica*). На территории Боспора известны находки всех этих зерновых, за исключением лишь твёрдой пшеницы². Основными среди них были мягкая пшеница и ячмень (Пашкевич. 2016. С. 258), остальные играли скорее вспомогательную роль³.

В греческой кулинарии зерно ячменя и мягкой пшеницы использовалось по-разному: пшеничная мука шла на приготовление хлеба и других мучных изделий, тогда как из ячменя изготовлялись каши и лепёшки (Braun. 1991. Р. 21–23; Griffith. 2007). Рецепт приготовления греческой каши из ячменя сохранился у Плиния Старшего (NH XVIII, 72–74): зерно вымачивалось, затем высушивалось на специальной жаровне и мололось, а полученная крупа смешивалась с семенами льна и кориандра. Находки льняного семени известны и на Боспоре (Пашкевич. 2016. С. 278). Кроме ячменной каши, боспоряне, очевидно, ели также каши из зерна проса, могоара, а также полбяной крупы. Таким образом, согласно с археоботаническими данными, «зерновое» меню боспорян составляли пшеничный хлеб⁴, ячменные лепёшки и разнообразные каши – из ячменя, плёчатых пшениц и просовидных хлебов.

Роль бобовых в рационе древних греков трудно переоценить (впрочем, её постоянно недооценивают (Sarpaki. 1992)). В меню небогатых жителей многих полисов Балкан как источник протеинов они не уступали рыбным блюдам и значительно превосходили мясные. Греки выращивали десяток видов бобовых (Dalby. 1995. Р. 89–90), из которых на Боспоре известны горох, чечевица, нут и собственно бобы, а также вика посевная и вика эрвлия (Пашкевич. 2016. С. 273–278). Послед-

¹ Немецкий археоботаник Г. Кроль относит твёрдую пшеницу к «стандартным» греческим зерновым со времён неолита (Kroll. 2000. Р. 63, 66.), однако в античный период она практически не встречается в археоботанических находках.

² Так, однозернянка в значительном количестве была найдена в Тиритаке (Пашкевич. 2016. С. 233), а могар – на хоре Феодосии (Гаврилов. 2004. С. 104).

³ Вероятно, имели место и региональные различия, связанные с неоднородностью почвенного покрова Боспора.

⁴ Чёрный хлеб, судя по ничтожности находок ржи был им, в отличие от херсонеситов, неизвестен.

ние две – это преимущественно фуражные культуры, которые употреблялись в пищу лишь в чрезвычайных случаях (Miller, Enneking. 2014). Наиболее распространены на Боспоре были чечевица и вика эрвлия (Пашкевич. 2016. С. 273–278). Чечевица употреблялась греками преимущественно не в свежем, а в сушеном и затем вымоченном виде: из неё обычно делали супы (Dalby. 1995. Р. 90). Чечевичная похлебка в Греции была обычным блюдом небогатых людей и боспоряне, очевидно, в этом не представляли исключения.

Говоря о роли бобовых в рационе боспорян, можно предположить, что их роль в качестве источника протеина была несколько менее значительной, чем у греков Средиземноморья за счет большей роли пищи животного происхождения, в частности – мясной и молочной.

В Греции, как принято считать, основными продуцентами мясо-молочной продукции были овцы, свиньи и козы (Dalby. 1995. Р. 58), тогда как крупный рогатый скот играл куда меньшую роль. Козье мясо, из-за специфического аромата, употреблялось нечасто, зато молоко и, особенно, сыр были у греков в почете. Активно греки употребляли и свинину, что позволяет отдельным исследователям считать её основой их рациона (Wilkins, Hill. 2006. Р. 144). Археозоологические материалы с хоры Милета также демонстрируют важную роль свинины в рационе местных жителей (Peters. 1993. Р. 88–89). Впрочем, в целом данные археозоологии скорее свидетельствуют о приоритете баранины, а не свинины.

В то же время археозоологические материалы с территории Боспора показывают несколько иную, сравнительно с метрополией, картину. Во-первых, здесь, по крайней мере, в отдельных районах, природные условия которых были благоприятны для ведения интенсивного животноводства, существовали хозяйства, специализировавшиеся на производстве мяса (Каспаров. 2002), а значит, и роль мясных продуктов в питании местных жителей была сравнительно высокой. И, во-вторых, данные археозоологии свидетельствуют о куда более высоком уровне потребления мяса крупного рогатого скота, чем в метрополии.

Впрочем, вероятно, наибольшей спецификой, сравнительно с афинским и милетским, отличался не мясной, а рыбный стол боспорян. Причиной тому были принципиальные отличия в природных условиях и структуре улова в бассейне Эгейского моря с одной стороны⁵ и в реках, лиманах и опреснённых акваториях Чёрного и Азовского морей – с другой. Специалисты оценивают рыбные ресурсы Эгейского моря

⁵ Про специфику вылова в различных регионах Эгейского моря см.: (Mylona. 2015. Р. 148–150).

как весьма посредственные (Mylona. 2015. P. 158), тогда как рыбные богатства шельфа Чёрного моря и Азовского морей и впадающих в них крупных рек в прошлом были весьма значительными⁶. Это подтверждается и находками из Пантикапея, относящимися ко II в. до н. э. (Лебедев, Лапин. 1954). Около трети всех этих находок составляли остатки осетровых рыб, прежде всего севрюги и осетра, около 13% – тунца, оставшиеся приходились на долю лиманных или пресноводных рыб, прежде всего – судака и сома. Вероятнее всего, доминирование в находках рыб, обитающих в пресных или солоноватых водах, было вызвано большей, в сравнении и с позднейшей, и с современной, опреснённостью вод Азовского моря, а соответственно и Керченского пролива.

Как бы то ни было, очевидно, что рыбаки Боспора, в отличие от своих средиземноморских коллег⁷, ловили преимущественно несколько видов особо ценных промысловых рыб, так что качеству рыбного стола жителей боспорских поселений (по крайней мере, в доримское время) можно лишь по-хорошему позавидовать. Можно предполагать, что осетровые и крупночастиковые рыбы, в зависимости от вида, вялились, коптились или засаливались⁸.

Естественно, что меню боспорян разнообразили также овощи и фрукты. Однако как информация письменных источников (Theophr., НР. II. 5. 3), так и данные археоботаники (Пашкевич. 2016. С. 280–281) слишком скудны, чтобы на их основе можно было бы сколь-нибудь полно реконструировать овощную и плодовую составляющие меню боспорян. Можно лишь предполагать, что они были несколько обедненными, в силу относительной суровости климата, вариантами общегреческого рациона. Вероятно, определенную специфику могли вносить местные дикорастущие съедобные растения, ведь собирательство вплоть до недавних пор было весьма распространено в Греции (Jameson. 1977–1978. P. 129; Clark Forbes. 1976).

Подытоживая этот короткий обзор рациона жителей Боспора в доримское время, можно попробовать оценить, насколько существенной была местная специфика в питании боспорян. Очевидно, что, если по своей структуре этот рацион был локальным вариантом общегре-

⁶ Этот факт отмечается и археоихтиологами, изучающими эгейские материалы (Mylona. 2015. P. 154).

⁷ Рыбаки бассейна Эгейского моря, можно сказать, ловили все подряд (Mylona. 2015. P. 150–155). Ср.: (Dalby. 1995. P. 68–75).

⁸ Так, осетровые рыбы солились и вялились (Зуев. 1786. С. 10–11), а костные – коптились. Кстати говоря, позднейшее появление рыбозасолочных ванн на Боспоре служит индикатором смены структуры улова, вызванного, очевидно, экологическими причинами.

ческого, то соотношение отдельных составляющих в нём было достаточно специфическим.

В «зерновом» сегменте рациона боспоряне, очевидно, потребляли больше пшеничного хлеба, и несколько меньше – ячменных лепешек и каш, чем среднестатистические жители Средиземноморья. Несколько обеднённым выглядит местный рацион зернобобовых, ведь даже горох встречается на Боспоре не на всех поселениях. С другой стороны, относительная бедность растительных протеинов должна была с лихвой компенсироваться обилием протеинов животного происхождения. Вполне вероятно, что на столах даже не слишком зажиточных жителей Боспора массные блюда могли появляться если не часто, то, по крайней мере, достаточно регулярно.

Весьма богатым был рыбный стол боспорян, основой которого были осетровые, в особенности севрюга, тунцы, сомы и судаки. Нельзя исключить и появление на нём черной икры.

Очевидно, лишь в сегменте напитков никаких сколько-нибудь существенных отличий от общегреческого не наблюдалось. Вероятно, чем богаче был боспорянин, тем больше на его столе появлялось качественных импортных вин, а те, кто был победнее, довольствовались менее качественными местными винами.

Можно лишь констатировать, что боспорская кухня являлась свидетельством пластичности античной культуры, способной приспосабливаться к новым условиям, сохраняя при этом свою эллинскую основу.

Литература

- А. В. Гаврилов.* Округа античной Феодосии. Симферополь, Азбука, 2004.
- В. Зуев.* О бывших промыслах запорожских казаков и наипаче рыбном // Месяцеслов на 1786 год. СПб., Имп. Академия наук, 1786.
- А. К. Каспаров.* Скотоводческое хозяйство поселения Волна 1 // Таманская старина: Греки и варвары на Боспоре Киммерийском (VII–I вв. до н. э.). ТД междунар. конф. (Тамань, 9–16 октября 2000 г.). СПб., Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. Вып. 3.
- В. Д. Лебедев, Ю. Е. Лапин.* К вопросу о рыболовстве в Боспорском царстве // Материалы и исследования по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1954. – (МИА. № 33).
- Г. А. Пашкевич.* Археоботанические исследования Боспора // БИ. 2016. Вып. XXXII.
- T. Braun.* Ancient Mediterranean food // *G. A. Spiller* (ed.) *The Mediterranean diets in health and disease.* New York, AVI Book, Van Nostrand Reinhold, 1991.
- A. Bresson.* *The Making of the Ancient Greek Economy.* Princeton and Oxford, Princeton University Press, 2016.
- M. H. Clark Forbes.* The pursuit of wild edibles, present and past // Expedition. 1976. Vol. 19. № 1.

- A. Dalby.* Siren Feasts. A History of Food and Gastronomy in Greece. London and New York, Routledge, 1995.
- A. Dalby, S. Grainger.* The Classical Cookbook. London, British Museum Press, 1996.
- J. F. Donahue.* Food and Drink in Antiquity: A Sourcebook: Readings from the Graeco-Roman World. London, Bloomsbury, 2015.
- R. D. Griffith.* Maza, «Barley-Cake» // *Glotta*. 2007. Bd. 83.
- M. H. Jameson.* Agriculture and Slavery in Classical Athens // *Classical Journal*. 1977–1978. № 73.
- H. Kroll.* Agriculture and Arboriculture in Mainland Greece at the Beginning of the First Millennium B. C. // *Pallas: revue d'études antiques*. 2000. No. 52.
- N. F. Miller, D. Enneking.* Bitter Vetch (*Vicia ervilia*). Ancient Medicinal crop and Farmers' Favorite for Feeding Livestock // *P. E. Minnis (ed.)*. New Lives for Ancient and Extinct crops. Tucson, Arizona, The University of Arizona Press, 2014.
- D. Mylona.* Fish // *R. Nadeau, J. Wilkins, (eds.)*. A Companion to Food in the Ancient World. Malden, MA and Oxford, Wiley-Blackwell, 2015.
- R. Nadeau, J. Wilkins (eds.)*. A Companion to Food in the Ancient World. Malden, MA and Oxford, Wiley-Blackwell, 2015.
- J. Peters.* Archaic Milet: daily life and religious customs from an archaeozoological perspective. // *Buitenhuis H. and Clason A. T. (eds)*. Archaeozoology of the Near East. Leiden, Universal Book Services/Dr. W. Backhuys, 1993.
- A. Sarpaki.* The Palaethnobotanical Approach. The Mediterranean Triad or Is It a Quartet? // *Agriculture in Ancient Greece: proceedings of the seventh international symposium at the Swedish Institute of Athens*. Stockholm, The Institute, 1992.
- J. Wilkins, S. Hill.* Food in the ancient world. Malden, MA and Oxford, Blackwell Publishing, 2006.

А. М. Бутягин

Кризис V в. до н. э. и феномен воинских погребений Боспора

Среди проблематикой, связанной с варварским присутствием на территории раннего Боспора, проблема погребений с оружием занимает значительное место. В настоящее время дискуссия, связанная с ними, несколько утихла, но, как представляется, проблема ещё далека от своего решения. Наиболее обстоятельно этот вопрос был рассмотрен в серии статей А. А. Завойкина и Н. И. Сударева, которые должны были стать поставить точку в обсуждаемом вопросе (Завойкин, Сударев. 2006. С. 101–151; 2006а. С. 263–304). Там же описаны основные этапы дискуссии и дана обширная библиография по вопросу (Завойкин, Сударев 2006. С. 101–106). В данном сообщении разобраны те факты, которые не укладываются в представленную авторами картину, а также сделана попытка представить иную концепцию, увязывающую погребения с оружием и обострение военной обстановки на Боспоре в V в. до н. э.

Эти факты уже рассматривались в двух докладах автора на конференциях «Слово и артефакт» и «XX Сергеевские чтения», но ещё ни разу не публиковались в развёрнутом виде.

Погребения с оружием редки для греков позднearchаического и классического времени, хотя и не являются исключительным явлением. Они зафиксированы в различных областях античного мира, периодически возникая, иногда в значительном числе. Обычно такой всплеск «воинских» погребений трактуется как свидетельство серьёзного усиления военной опасности, что и приводило к возобновлению древней традиции или к её новому появлению. Именно в этом классическом ключе и объясняется появление воинских погребений на Боспоре в вышеупомянутой серии статей (Завойкин, Сударев. 2006; 2006а).

Погребения с оружием были зафиксированы на территории Боспора с самого начала археологических раскопок на этой территории. К этому типу относятся могилы, в инвентаре которых присутствуют стрелы, наконечники и втоки копий, мечи, очень редко топоры. Фактически, погребения с оружием присутствуют на Боспоре на всём протяжении античного периода. В частности, они являются почти обязательным элементом мужских погребений крупных аристократических курганов, начиная с середины V в. до н. э. Ориентация инвентаря этих погребений на аналогичные гробницы в среде номадов легко объяснима. Значительно больший интерес вызывают простые грунтовые погребения с оружием, встречающиеся в большинстве боспорских позднearchаических и раннеклассических некрополях. Именно их интерпретация представляется проблематичной. Любопытно, что Н. И. Сударевым в число гробниц с оружием внесен и курган с конскими погребениями V в. до н. э. (Завойкин, Сударев. 2006. С. 114), что кажется ошибочным, во-первых, в связи с тем, что такие погребения соответствуют аристократическим курганам степных номадов, а, во-вторых, методически неправильно помещать их в число грунтовых погребений, явно относящихся к другой социальной группе, что не может не повлиять на статистику. В целом, грунтовые погребения с оружием трактовались исследователями то, как погребения с варварскими чертами, то, как греческие воинские погребения. Не смотря на то, что они фиксируются со второй половины VI в. до н. э. пик их числа приходится на вторую четверть – середину V в. до н. э., что должно свидетельствовать о катастрофическом ухудшении военной обстановки в этот период (Завойкин, Сударев. 2006а. С. 277–282).

В целом, последний тезис не вызывает особых сомнений. В настоящее время никто не отрицает серьёзного военного кризиса на Боспоре во второй четверти V в. до н. э., расходясь только в его причи-

нах. Большинство учёных считает этот кризис результатом нападения на греческие колонии новой волны степных номадов (Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. 2005. С. 34–37). Военизация населения колоний в такой сложный период вполне объяснима. Однако, характер погребений с оружием, а также некоторые дополнительные материалы не позволяют так однозначно относиться к рассматриваемому материалу.

Убеждение в принадлежности воинских погребений к греческому населению колоний базируется на следующей основе: погребения с оружием находятся в некрополях античных поселений, эти участки никаким образом не выделены, в боспорских городах найдены следы изготовления оружия «варварского» типа. Таким образом, авторы приходят к выводу о том, что уже со второй половины 6 в. до н. э. боспорскими греками по обеим сторонам пролива, была полностью заимствована местная система вооружения (как, видимо, и тактики), как то лук, меч, включая способ его ношения, использование в бою нескольких копий (в том числе для метания), а также, вероятно, пластинчатый доспех (Завойкин, Сударев. 2006. С. 102–106). Наличие подобных погребений рассматривается как свидетельство напряжённой военной обстановки, а их увеличение или уменьшение в абсолютном и относительном плане считается свидетельством её изменения.

Такой взгляд на изучаемый тип погребения кажется мне весьма неверным, так как он, базируется на целом ряде допущений. Наиболее важным из них является то, что, даже если признать полную принадлежность некрополей к греческому населению, нам совершенно неизвестно, каким образом могло регулироваться число захороненных с оружием и без него. Тот факт, что в греческое войско, в случае опасности, призывалось почти поголовно всё мужское население, не даёт нам возможность говорить о том, что количество погребений с оружием может говорить о большей или меньшей «рекрутированности». Увеличение или уменьшение погребений с оружием в конкретном районе может быть связано с накатом боевых действий только в том случае, если это могилы наёмников или союзников, которые оказались в «горячей точке» и умерли или погибли там. В этом случае, их число действительно должно «реагировать» на военную ситуацию.

Наиболее проблематичным мне кажется вопрос о полном принятии греками варварской системы вооружения и боя. Письменные источники по просу практически отсутствуют и относятся к более позднему периоду, но хотелось бы обратить внимание на известный пассаж Полиена, относящийся, вероятно, к периоду боспоро-гераклеийской войны, когда позади гоплитов царь приказал поставить скифских стрелков

(Polyienos, VI. 9.4). В данном разрезе для нас главным является именно противопоставление тяжёловооружённых пехотинцев стрелкам. Таким образом, в первой половине IV в. до н. э. гоплиты были представлены в войске Боспорского царства и являлись важной частью его боевой силы. В то же время, если исходить из интерпретации захоронений с оружием, как греческих, то к концу V в. до н. э. армия Боспора должна была представлять собой контингент легковооружённой пехоты и конницы при полном отсутствии гоплитов, как таковых. Учитывая, что через 100 лет гоплиты зафиксированы в регионе, можно предполагать, что этот тип войск никогда не исчезал.

Также следует обратить внимание на момент, который давно уже отмечен в научной литературе. Практически все мечи, которые найдены в воинских захоронениях Боспора относятся к варварским типам (а многие из них, к тому же носились на правом боку) (Сокольский. 1954. С. 127–130). Греческие типы в захоронениях фактически не представлены. Такой отказ от привычного для греков оружия не может ни вызывать удивления. Заметим, что хорошо знакомый грекам акинак (в первую очередь, конечно, как персидский кинжал) никогда не вызывал у них особого интереса и, похоже, не давал никаких преимуществ по сравнению с традиционными греческими мечами, удобными в ближнем бою. В частности, это доказывают упорное использование его греками в борьбе с такими вооружёнными акинаками воинами, как персы и подчинённые им скифы.

Несмотря на то, что использование самого популярного греческого меча – ксифоса в Северном Причерноморье однозначно зафиксировано в Ольвии (Черненко. 1977. С. 120–122), на Боспоре, как уже неоднократно отмечалось, был популярен другой его тип, получивший в отечественной литературе название махайра (а в зарубежной «копис») (Sekunda. 2000. P. 16–17). Находки махайр на территории Боспора зафиксированы как на азиатской, так и на Европейской стороне Боспора. Образцы этого типа оружия найдены в слоях Мирмекия, Пантикапея и поселения Вышестеблиевская (Виноградов, Горончаровский. 2008. Рис. 14, 3, 5, 6). Последней находкой, на которую хотелось бы обратить ваше внимание, является обнаружение пластин от костяной обкладки махайры в Мирмекии в слое начала V в. до н. э. (такая же находка была сделана недавно и на Березани). Думаю, что число подобных находок будет постепенно увеличиваться. Мечи варварских типов и их фрагменты также присутствуют в слоях городов. В данном контексте можно пренебречь конкретным контекстом находки, хотя, конечно, вооружение из слоёв пожаров могло быть утеряно противниками греков в ходе боя. В любом случае соотношение типов варвар-

ских и греческих типов оружия в погребениях (где их доля исчезающе мала) и одновременным им городским слоям (где фрагменты греческой амуниции если не абсолютно преобладают, то составляют больше половины находок) не может не удивлять.

Мне кажется, что с точки зрения гипотезы о тотальном переходе греков к вооружению по типу кочевников такая ситуация не может иметь логичного объяснения. В случае вооружения греческих воинов исключительно акинаками, их находки в городах должны значительно преобладать над другими типами мечей, однако картина, как видно, принципиально иная.

В этой связи я бы ещё раз хотел обратить внимание на те памятники, в которых количество погребённых с оружием явно зашкаливает. С точки зрения сторонников концепции греческой принадлежности погребений, это должны быть поселения, где всё мужское население было поставлено «под ружьё», или такая модель мужского погребения тотальной. К таковым относятся, например, некрополи у мыса Тузла (Сорокина. 1957), у пос. Пересыпь (т. н. Тирамба) (Коровина. 1987. С. 4–8), некрополь Артющенко-2 (Кашаев. 2010. С. 88–96), на котором я хочу кратко остановиться. Статистические данные показывают, что захоронения с оружием составляли почти треть от всех открытых погребений (Кашаев. 2010. Табл. 2), что весьма велико. Можно уверенно говорить о том, что всё взрослое население поселения, к которому принадлежал некрополь, придерживалось традиции воинских захоронений.

Погребения демонстрируют нам целый ряд черт, важнейшими из которых мне кажутся наиболее важными для обсуждаемого вопроса. Во-первых, среди погребений с мечами значительное количество принадлежит погребениям с креплением меча справа. Во-вторых, в погребениях часто встречается наличие заупокойной пищи, а также зафиксировано присутствие лепной керамики в качестве погребального инвентаря. Наконец, важным является наличие в одном из погребений костей жеребёнка и деталей узды, а также связанное с другим погребением захоронение коня. Набор варварского вооружения в сочетании с конским захоронением встречается на Боспоре в крупных курганах исключительно в захоронениях принадлежащим местнымномадам. Справедливо считая, что некрополь Артющенко вполне един в культурном отношении, можно предположить, что и остальные погребения некрополя также принадлежат варварскому населению.

Также, нет никаких причин гипертрофировать применение греками варварского вооружения, а, главное, масштабное принятие обряда захоронения с оружием. Большинство таких погребений следу-

ет интерпретировать, как захоронение представителей варварских воинских контингентов, тем более, что в прилежащих областях подобный тип захоронения обычен (Население архаической Синдики. 2010. С. 204–238). В таком варианте картина военного дела Боспора в VI–V вв. до н. э. будет выглядеть несколько иной. Количество воинских погребений будет маркировать присутствие союзных варварских контингентов, а не вооружённость местных греков. Несомненно, что некоторое взаимопроникновение вооружения не могло ни произойти, но оно, видимо, не было столь масштабным. Кроме того, следует учитывать тот факт, что погибших на Европейской стороне Боспора вполне могли хоронить в основной зоне проживания местных племён, для чего тела погибших могли перемещаться на значительные расстояния (по воде это не так сложно). Важно, что наибольший процент погребений с оружием открыт в некрополях далеко не самых крупных городов, а, скорее, относительно небольших поселений, куда варварская инфильтрация могла быть весьма значительной, если не подавляющей. Некоторые из этих поселений могли быть полностью заселены представителями местных племён.

В то же время греческое городское население продолжало использовать традиционный набор вооружения, возможно, с некоторыми модификациями, а также практиковать обряд погребения без оружия. Исключения, конечно, возможны.

В этой связи следует обратить внимание на производство в греческих мастерских предметов варварского наступательного вооружения, чешуек для доспехов и, вероятно, узды в зверином стиле. Само по себе производство предметов варварских типов уверенно зафиксировано не только на Боспоре, но и в ольвийском регионе, так что само по себе его наличие не свидетельствует о переходе к новой системе вооружения. Массовый выпуск таких предметов на Боспоре может быть связан с активным участием союзных варваров или наёмников такого же происхождения в военных действиях в непосредственной близости от греческих городов, в связи с чем вопрос о снабжении таких отрядов вставал весьма остро.

Конечно, такой взгляд требует ответа на весьма многочисленные вопросы, например, каково было происхождение этих союзников боспорских греков? Каким образом они сосуществовали с населением городов? Какова был их дальнейшая судьба после завершения кризиса и т. д. На эти вопросы невозможно ответить в рамках небольшого сообщения, а некоторые из них требуют серьёзных новых изысканий.

Литература

- Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб., Алетейя, 2005.
- Ю. А. Виноградов, В. А. Горончаровский. Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н. э. – середина III в. н. э.). СПб., Филологический факультет СПбГУ, 2008.
- А. А. Завойкин, Н. И. Сударев. Погребения с оружием VI–V вв. до н. э. как источник по политической и военной истории Боспора. Часть I // ДБ. 2006. Вып. 9.
- А. А. Завойкин, Н. И. Сударев. Погребения с оружием VI–V вв. до н. э. как источник по политической и военной истории Боспора. Часть II // ДБ. 2006а. Вып. 10.
- С. В. Кашаев. Исследования некрополя Артющенко-2 в 2007–2008 гг. // СΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия. М. – Киев, Изд-во ИА РАН, 2010. Вып. 1.
- А. К. Коровина. Раскопки некрополя Тирамбы (1966–1970) // СГМИИ. 1987. Вып. 8.
- Население архаической Синдики. М., «Гриф и К». 2010.
- Н. И. Сокольский. Боспорские мечи // Материалы и исследования по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1954. – (МИА. № 33).
- Н. П. Сорокина. Тузлинский некрополь. М., «Советская Россия». 1957.
- Е. В. Черненко. Ножны греческого меча из Ольвии // Скифы и сарматы. Киев, «Наукова думка», 1977.
- Н. Sekunda. Greek Hoplite 480–323 BC. Oxford, Osprey publ, 2000.

А. А. Еремеева

**Портрет и античные погребальные традиции
в Северном Причерноморье (на нескольких примерах
из коллекции Государственного Эрмитажа)**

Истоки греческого портрета лежат в религиозной сфере. Первые статуи появились как погребальные памятники и votivные изваяния (Трофимова. 2017. С. 41). Возникновение портрета тесно связано с комплексом верований и социально значимых ритуалов, характеризующих отношение к смерти, представления о загробной жизни и бессмертии души. Помимо несения иератической функции, погребальный памятник призван был сохранить память об умершем, воскресить в человеке, смотрящем на него, воспоминания, связанные с покойным, на миг оживить его образ в сознании (Большаков. 2001. С. 51). Казалось бы, для этого достаточно и эпитафии, но художественные приемы усиливают эффект.

Погребальный обряд, как и другие формы материальной культуры, не был идентичен в различных регионах и в разные периоды античности. Греческие традиции нередко переплетались с региональными

обрядами и верованиями. К примеру, жители античных городов Северного Причерноморья в разное время хоронили покойников в грунтовых могилах, склепах, катакомбах и курганах.

В античном мире, начиная с архаики, был широко распространен обычай маркировать могильную насыпь расписными сосудами. С середины VII века до н. э. в этом качестве – маркирования погребения – появляются первые каменные стелы (Kurtz, Boardman. 1971. С. 80–81), а потом и статуи. К мемориально-художественному оформлению античных погребений также относятся саркофаги (деревянные и каменные), погребальные урны, используемые в этих же целях керамические сосуды, а равно – сооружение и украшение самих склепов и мавзолеев.

Портрет как жанр в греческом искусстве появляется в эпоху поздней классики, вырастая из практики индивидуализации типизированных изображений. В надгробных статуях и стелах – это несколько художественных формул, которые передавали образы зрелого мужчины, скромной жены, юноши, героического воина. В этих образах подразумевались реальные люди, но их черты были переданы символично: значение имели только статус, возраст, пол (Трофимова. 2017. С. 41–43). Прекрасной иллюстрацией этого тезиса служит представленная на экспозиции Государственного Эрмитажа надгробная стела работы афинского мастера 30-х – 20-х гг. V в. до н. э. (Давыдова. 2012. С. 9). На мраморном памятнике, по античной традиции, начертано имя покойной – Филострата. Молодая женщина изображена сидящей на кресле, служанка подносит ей шкатулку. На высокохудожественно исполненном рельефе показана отрешенная от земной суеты женская фигура, причем образ усопшей представлен идеализированно, без передачи индивидуальных особенностей лица и фигуры, но по набору типичных черт и жестов (как то: придерживаемое рукой покрывало, ниспадающее с головы) любому современнику было совершенно ясно, что оплакивается замужняя женщина (Давыдова. 2012. С. 9–10). Совокупно с именем, этих символов было достаточно для выполнения мемориальной функции надгробия.

В эпоху поздней классики, в период кризисных настроений в эллинском обществе, появляются зачатки портрета, которые развиваются в эпоху эллинизма. В этот период мы впервые видим, что в греческом искусстве усиливается интерес к внутреннему миру и переживаниям отдельно взятой личности, начинает уделяться внимание душевному состоянию человека. В эпоху эллинизма и в период господства Рима возрастает публичная функция портрета, поскольку возрастает и роль конкретной личности в жизни общества. Принципиально важные в рамках портретного жанра, персональные черты изображенного

приобретают дополнительный смысл. И все же в произведениях этого жанра создавалось лишь подобие внешности модели: гораздо важнее было отобразить характер и общественное положение портретируемого, а не добиться полного сходства (Трофимова. 2017. С. 43–44). В римском портретном искусстве особое внимание также уделялось принадлежности к определенному роду и ценности сохранения для потомков образов предков. Итальянские погребальные памятники обладали чертами портретного сходства еще в VI веке до н. э. (Власов. 2007. С. 614). Крышка канопы (этрусской погребальной урны) VI в. до н. э. в виде мужской головы из собрания Государственного Эрмитажа является тому наглядным примером. По мнению американского исследователя Ричарда Дэниела Де Пума (De Puma. 2013. Р. 119), подобные изображения можно считать портретными, хотя они не лишены некоторой идеализации и героизации.

Мы знаем об использовании портретов в оформлении погребальных памятников не только благодаря крупной и мелкой пластике. Сохранившиеся росписи погребальных камер также дают богатый материал для изучения погребального культа и представлений древних о загробной жизни. Роспись стен античных гробниц обычно выполнялась в технике фрески. В живописных сюжетах представлены и бытовые сцены, и сцены, связанные с героями и хтоническими богами, так как главная идея этих росписей – показать, какова будет загробная жизнь усопшего.

Как упоминалось выше, традиции, связанные с погребальным культом, сильно варьировались в зависимости от региона. Настенная роспись погребальных камер в гробницах Северного Причерноморья на ранних этапах своего развития, как и скульптура этого времени, являлась отражением традиций монументальной живописи греческих культурных центров Малой Азии. В первые же века новой эры местные мастера начали проявлять большую самостоятельность, частично отстранившись от греческих образцов и создав свой достаточно наивный по художественным приемам, но самобытный стиль (Ернштедт. 1955. С. 248–250).

Основной благопожелательной тематикой, читающейся в сюжетах античных погребальных памятников Северного Причерноморья с I в. н. э., была идея героизации умершего и пожелания ему наиболее удачной формы загробной жизни (Давыдова. 2012. С. 8). Хотя, конечно, эта тема была не единственной. Героизация усопших (уподобления героям), по сложившимся воззрениям, предполагала обеспечение безмятежного существования их душ в загробном мире. Герои, по античным представлениям, обретшие, благодаря своим подвигам, счастливое бессмертие

на островах блаженных или Елисейских полях (см. напр.: КБН. 1965. С. 117. № 119), принимали участие в пирах с богами и были заступниками за смертных (см. Диатроптов. 2001; Виноградов. 2017. С. 49). Эти верования нашли отражение в сюжетах рельефов надгробных стел, росписях склепов и керамики: это различные сцены загробного пира, охоты, предстояния героя перед Великой богиней. Однако некоторые изобразительные мотивы – это своего рода картины существовавших тогда жизненных реалий (Давыдова. 2012. С. 8). Кроме обилия этнографических и бытовых деталей, в изображении усопших иногда можно обнаружить индивидуальные черты.

Интересным памятником такого рода является надгробие Дафна, сына Психариона, обнаруженное на некрополе Пантикапея и хранящееся ныне в Государственном Эрмитаже (в открытом доступе, в фондохранилище РХЦ «Старая Деревня»). Из эпитафии следует, что стела посвящена управляющему царским двором. Она датируется I в. н. э. (Давыдова. 2012. С. 29, 136). На известняковом надгробии в высоком рельефе местный скульптор представил двух всадников, выступающих друг за другом вправо. Они оба одеты в кафтаны, штаны и плащи, вооружены, их кони взнузданы. Несмотря на то, что рельеф сильно поврежден, можно с уверенностью сказать, что черты лиц обоих всадников были обозначены с явным желанием передать портретное сходство.

Также заслуживает внимания происходящая из Херсонеса стела второй половины II века н. э. с эпитафией и рельефным изображением почивших супругов, стоящих в полный рост лицом к зрителю (Чубова, Колесникова, Фёдоров. 2008. С. 92). Это мраморное надгробие Феагена и Макарии, по мнению Ю. П. Калашника, было изготовлено в Афинах, а потом привезено в Херсонес, где в более грубой манере местный скульптор доработал черты лица, прически, жесты рук, и образы усопших обрели портретное сходство.

В разговоре же о живописном портрете в Северном Причерноморье нельзя обойти вниманием знаменитый склеп Деметры I в. н. э., открытый в XIX веке на Глинище в Керчи. Плафон с погрудным изображением богини Деметры является выдающимся памятником боспорской живописи. Вообще, лица персонажей в росписях склепа написаны с большим мастерством, чем фигуры. Е. В. Ернштедт связывала этот факт с тем, что портретная живопись в данном регионе была лучше развита (Ернштедт. 1955. С. 263–265), нежели другие жанры. Это проявилось и в стенных росписях.

Скорее всего, одни и те же мастерские, в штат которых входили художники и их ученики, работали и над росписью погребальных памятников, и в сфере украшения жилищ. В целом, хотя и не без ис-

ключений, погребальные картины выполнены менее качественно, чем отделка интерьера домов, что может объясняться более сложными условиями труда в темноте подземелья, а также сжатými сроками работ. К тому же, традиционно даже небогатые семьи старались обращаться к услугам художников для росписи гробниц своих покойных родственников, но были способны оплатить только не самую высококлассную работу (Blanc. 1998. С. 64–65).

Кроме более недорогой фресковой живописи, в античности была широко распространена энкаустика – техника создания картин растопленными до жидкого состояния восковыми красками. Она применялась и в станковых, и в настенных художественных работах, и в миниатюре. Настенная энкаустическая живопись дошла до нас в виде единичных памятников. Настоящим шедевром, на наш взгляд, является хранящийся в Херсонесском музее-заповеднике фрагмент портрета на каменном надгробии IV–III вв. до н. э. (Чубова, Колесникова, Фёдоров. 2008. Рис. 24). Сохранилось изображение головы и части плеча юноши в натуральную величину. Созданный художником-энкаустом высокого класса, портрет возвышен и поэтичен.

Из станковых образцов античной энкаустической живописи сохранились только фаюмские портреты, датирующиеся I–III вв. и уцелевшие благодаря сухому египетскому климату. Портреты создавались на досках и заменяли традиционные мумийные маски, что явилось своеобразным следствием эллинизации населения Египта (Дандамаева. 2007. С. 244). Они обладают высокими художественными достоинствами, присущими римскому портрету и в других видах изобразительного искусства.

Весьма интересен как источник по истории энкаустической живописи пантикапейский известняковый саркофаг, обнаруженный в 1900 году в Керчи, ныне хранящийся в Государственном Эрмитаже. Роспись саркофага и портрет юноши на надгробии из Херсонеса (см. выше) свидетельствуют о более чем трехвековой традиции энкаустического портрета в античных городах Северного Причерноморья. По характеру росписи, а также по найденным внутри него золотым украшениям, саркофаг датируется концом I – началом II в. н. э. (Ростовцев. 1914. С. 389; Nowicka. 1998. P. 66).

Снаружи саркофаг представляет собой грубо отесанный прямоугольный ящик с крышкой. Его внутренние стенки покрыты росписью хорошей сохранности, которая передает в уменьшенном виде роспись погребальной камеры (Ернштедт 1955. С. 269–270) наподобие Ашиковского склепа (Ростовцев 1914. С. 382). Крышка саркофага, символизирующая коробовый свод потолка, расписана изнутри красками без нанесения штукатурной основы. Здесь изображены две птицы на фоне

веток с плодами граната, отдельных листьев и лепестков розы. Вдоль всех четырех стенок саркофага красным цветом выделен цоколь. Для сюжетов был выбран розоватый фон с многочисленными лепестками и листьями розы, характерными для так называемого цветочного стиля росписи боспорских гробниц этого времени. Посредством подобных украшений создавался образ райских садов (Виноградов. 2017. С. 50), куда должна была перенестись душа покойного. Разделение поля росписи изображениями колонн (в данном случае – коринфского ордера) также находит аналогии в отделке современных саркофагу боспорских склепов (Ернштедт. 1955. С. 269; Nowicka. 1998. С. 66). Всего сюжетов восемь: по три на каждой длинной стенке саркофага и по одному – на узких. Сцены на саркофаге, что естественно, связаны с религиозными представлениями о загробной жизни и обрядовой стороной прощания с усопшим.

В изголовье изображена кольчатая гирлянда с красным цветком, как бы произрастающим из ее центра. По мнению исследователей, подобные гирлянды были символом возрождения усопшего к новой блаженной жизни. На противоположной стенке помещена сцена с карикатурными фигурами двух танцующих у столика с напитками пигмеев с палками в руках. Аналогию этим изображениям находим в склепе Сорака, обнаруженном в 1890 г. в Керчи (Ростовцев. 1914, С. 244–252). С одной стороны, пигмеев можно считать апотропеями погребения, с другой – символом пути души в райские сады через враждебный мир демонов, на границе с которым, по греческим воззрениям, живут пигмеи, которые спасают души в сражении с журавлями, их уносящими (Виноградов. 2017. С. 49–51).

По левую сторону от сюжета с пигмеями, на длинной стенке саркофага, в местной самобытной примитивно-реалистичной манере исполнены три фигурные композиции. Первая представляет собой сцену с восседающей на троне женщиной с ребенком на руках, который держит гроздь винограда. Одна служанка стоит позади, другая подносит яства к столику, стоящему перед троном. Иногда этот же сюжет интерпретируется как тризна, но, возможно, здесь представлена Великая Богиня, встреча с которой и является конечной целью посмертного пути человека, как мы это видим на примере росписи склепа Сорака (Виноградов. 2017, С. 52). Гроздь винограда в руках ребенка служит отсылкой к хтоническому культу бога Диониса (Ростовцев. 1914. С. 382).

В следующем интерколумнии изображены две обращенные друг к другу фигуры всадников в боспорских одеждах. Тот, что справа, заносит вверх кнут. Скорее всего, один из всадников представляет геро-

изированного усопшего, а второй – его слугу (см. выше), как мы это уже видели на примере боспорской стелы.

Третий сюжет изображает группу музыкантов: двух флейтистов и юношу с ручным органом. Можно предположить, что здесь показаны музыканты, играющие на пиру героев. Согласно другой гипотезе, сцена посвящена одному из этапов погребальной церемонии (Ростовцев. 1914. С. 384).

На противоположной длинной стенке саркофага также представлены три композиции. Слева изображен стоящий в полный рост молодой человек в боспорском костюме, который удрученно оперся о небольшую колонну. Он придерживает за удила изображенного непропорционально маленьким по отношению к нему коня. Справа на стене подвешен горит со стрелами. Данный сюжет можно интерпретировать по-разному. Есть несколько предположений, освещение которых достойно отдельного обсуждения. Остановимся на том, что, возможно, это своеобразная сцена оплакивания покойного.

Композиция с другого края стенки саркофага представляет собой загробную трапезу, изображение которой акцентирует внимание зрителя на предпочтительной форме существования покойного в потустороннем мире. Считается, что подобные сюжеты на погребальных памятниках упрочились на Боспоре в более позднее время под влиянием Византии (Давыдова. 2012. С. 27–28). На ложе напротив стола возлежит мужчина с чашей, рядом стоит виночерпий; слева восседает женщина, которой служанка подносит ларец (как и в других случаях, её статус характерно подчеркнут посредством изображения фигуры в меньшем масштабе). Схожий сюжет нередко транслируется не только в росписях склепов (к примеру, в склепе Сорака, упомянутом ранее) и в рельефах погребальных стел (Давыдова. 2012. С. 123–125, кат. 41) этого периода в Северном Причерноморье, но известны и прямые аналогии в более раннем искусстве, например, этрусков (гробница Леопардов в Тарквинии V в. до н. э.: Соколов. 1990. С. 183–184), причем часто он ассоциируется не с загробным пиром, а с тризной.

Между описанными выше двумя сюжетами представлен ещё один, наиболее нам интересный, который показывает, как выглядела мастерская художника того времени. Живописец, одетый по боспорской моде, сидя греет на жаровне каутерион (инструмент, для разглаживания мазков, нанесенных восковыми красками). Рядом на небольшой колонне-подставке стоит коробка с двадцатью отсеками для красок и с двумя дверцами. При изображении «коробки с красками» мастер-живописец поместил ее в вертикальном положении, а не горизонтально (Nowicka. 1998. Р. 68), что, скорее всего, связано с его неумением справиться с перспективой (Ростовцев. 1914. С. 379). Слева от красок

расположен подготовленный мольберт с подрамником. На стенах висят три уже готовых погрудных портрета, два из которых – в рамах.

Композиция со сценой в мастерской стала основой для гипотезы, что в саркофаге был захоронен художник (Nowicka. 1998. P. 66). В качестве аналогии этому памятнику М. Новицка приводит саркофаг, который был обнаружен в 1938 году в Визе, во Фракии. Он украшен картинами, и потому предположительно предназначался для захоронения представителя художественного ремесла (Ibid.). По мнению французского исследователя Н. Блана, изображение мастерской на стенке саркофага из Эрмитажа является одним из подтверждений высокого статуса погребенного живописца-энкауста. Как полагает автор, художника по штукатурке вряд ли бы похоронили с такими почестями и указанием на род деятельности, так как это было менее престижным занятием (Blanc. 1998. С. 60).

Еще одним, менее очевидным, чем предыдущее, предположением насчет семантики сюжета с мастерской художника может быть мнение М. И. Ростовцева о том, что данная картина относится к одному из актов погребальной обрядности. Он связывал сюжет с античной практикой помещать посмертный портрет в гроб усопшего. Есть случаи, когда в эллинистическом Египте портреты клали в саркофаг рядом с покойным, без непосредственного крепления к мумии. Изображения покойных в рамах, как на композиции с мастерской художника, встречаются при украшении римских погребальных памятников (и склепов, и саркофагов) времен Империи (Ростовцев. 1914. С. 382–383). Возможно, сцена действительно посвящена работе над посмертным портретом. Как бы художник готовится нарисовать образ усопшего на пока еще пустом листе (доске, полотне или каком-то другом материале), что вряд ли является случайной метафорой, учитывая то, что сюжет помещен на погребальном памятнике. Как показано выше, портретные изображения были востребованы в погребальной обрядности античного Северного Причерноморья и, видимо, играли важную сакральную роль. Попутно заметим, что подобная сцена могла быть близка человеку, расписавшему саркофаг. Практически все сюжеты на рассматриваемом нами саркофаге имеют неоднозначную интерпретацию. Приблизиться к пониманию семантики описанных сюжетов позволят дальнейшие исследования.

Говоря о портрете в погребальном обряде античности на примере коллекции Эрмитажа, нельзя обойти вниманием золотые маски из захоронений римского времени в Северном Причерноморье – очень редкие и чрезвычайно любопытные находки. Использование масок из драгоценных металлов зафиксировано в гробницах представителей эли-

ты Фракии, Пеонии, Сирии, Микен периода шахтовых гробниц и т. д. (Бутягин. 2009. С. 15–16). Появление традиции изготовления таких масок на Боспоре аккумулирует наследие схожих обычаев как в варварской, так и эллинской среде. Портретность подобных изображений весьма условна, тем не менее, погребальные маски изготавливались для конкретных людей из местной элиты (Калашник. 2014. С. 265). Представленная на выставке в Золотой кладовой Эрмитажа золотая маска III в. н. э., обнаруженная в XIX веке в курганном захоронении в Керчи, является одним из шедевров эрмитажной коллекции и до сих пор остается объектом многочисленных дискуссий в археологическом сообществе. Нет однозначного мнения относительно пола погребенного с маской, техники ее изготовления, назначения и происхождения (Тайна золотой маски. 2009). Интересно предположение о том, что матрицей для изготовления маски стала бронзовая портретная скульптура (Калашник. 2014. С. 262–263). Так или иначе, маска представляет собой, хоть и символический, но все же – портрет человека из круга боспорской аристократии III века.

Таким образом, через призму рассмотренных нами вещей из коллекции Государственного Эрмитажа, мы можем составить себе представление о взаимосвязи погребальных традиций античного Причерноморья с истоками портретного искусства.

Литература

- А. О. Большаков.* Человек и его двойник. СПб., Алетейя, 2001.
- А. М. Бутягин.* Вокруг маски // Тайна золотой маски. Каталог выставки. СПб., Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009.
- В. Г. Власов.* Новый энциклопедический словарь изобразительного искусства. СПб., Азбука, 2007. Т. 7.
- Ю. А. Виноградов.* Склеп Сорака // Античная декоративная живопись Боспора Киммерийского. СПб., ИИМК РАН, ЛЕМА, 2017.
- Л. И. Давыдова.* Боспорские надгробные рельефы. Каталог коллекции. СПб., Изд-во Гос. Эрмитажа, 2012.
- М. М. Дандамаева.* Мумийные портреты // Александр Великий. Путь на восток. СПб., Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007.
- П. Д. Диатроптов.* Культ героев в античном Северном Причерноморье. М., Индрик, 2001.
- Е. В. Ернштедт.* Монументальная живопись Северного Причерноморья (Общий обзор памятников живописи) // Античные города Северного Причерноморья. Очерки истории и культуры. М., Л., Изд-во АН СССР, 1955.
- Ю. П. Калашник.* Греческое золото в собрании Эрмитажа. СПб., Изд-во Гос. Эрмитажа, 2014.
- М. И. Ростовцев.* Античная декоративная живопись юга России. Описание и исследование памятников. СПб: Издание ИАК, 1914. Т. 1.

- Г. И. Соколов. Искусство этрусков. М., Изд-во «Искусство», 1990.
- Тайна золотой маски. Каталог выставки. СПб., Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009.
- А. А. Трофимова. Существовал ли портрет в античном мире? К проблеме жанра // Актуальные проблемы истории и теории искусства. СПб., СПбГУ, МГУ, 2017. Вып. 7.
- А. П. Чубова, Л. Г. Колесникова, Б. Н. Фёдоров. Архитектура и искусство Херсонеса Таврического. V в. до н. э. – IV в. н. э. М., Товарищество научных изданий КМК, 2008.
- N. Blanc. Le métier de peintre // Au royaume des ombres. La peinture funéraire antique. Paris, 1998.
- M. Nowicka. Le sarcophage de Kertch // Au royaume des ombres. La peinture funéraire antique. IV siècle avant J.-C. – IV siècle après J.-C. / Blanc N. (dir.). Musée et sites archéologiques de Saint-Romain-en-Gal-Vienne. Paris, 1998.
- D. S. Kurtz, J. Boardman. Greek Burial Customs. London, 1971.
- R. D. De Puma, Ch. Lightfoot. Etruscan Art in the Metropolitan Museum of Art. Catalogue. New York, Met Publications, 2013.

В. П. Колосов

Антропология и археология некрополей античного Боспора

Проблема греко-варварских отношений является важнейшей при изучении истории Боспорского царства. Будучи одним из государств, определяющих вектор развития региона, Боспор также являлся контактной зоной, где варварские культуры не только соприкасались, но и активно взаимодействовали со средиземноморской цивилизацией. Этот синтез отражался во всех сферах жизни: в социальной, политической, военной и во многих других. Какую роль играло местное население в государстве и насколько значимой была эта роль? Как проходил процесс эллинизации варваров и варваризации эллинов? Как проявлялся этот синкретизм в материальной и духовной культуре? Поиск ответов на эти и другие вопросы является одним из основных направлений научной работы многих поколений исследователей.

Значение погребальных памятников как наиболее информативных видов источников здесь сложно переоценить. Масштабы раскопок, большое количество данных, длительная история изучения – всё это, казалось бы, дает в руки учёных богатейший материал для выявления и фиксации процессов проникновения местного населения в среду греков-колонистов. Тем не менее, его изучение приводит исследователей к различным, иногда прямо противоположным, результатам. Это связано с целым рядом факторов. Прежде всего с тем, что погребальный

обряд Боспора характеризуется большим разнообразием. Существенно различаются типы погребальных сооружений, положение погребенных, состав инвентаря даже в пределах отдельных некрополей.

При попытке оценить состав населения, исходя из данной категории материалов, исследователь нуждается, в первую очередь, в точном определении различий между местной и греческой погребальной традицией. Такие различия можно выявить, так как и варварский, и греческий обряды должны иметь аналогии: греческий – в метрополии, варварский – на памятниках, которые исследователи уверенно связывают с местным населением. Но на практике прямые соответствия найти весьма затруднительно. Во-первых, и варварский, и греческий обряды изначально очень разнообразны. Во-вторых, погребальная традиция не является абсолютно статичной и изменяется под воздействием как внутренних, так и внешних факторов. Таким образом, задача исследователя состоит в анализе многочисленного материала, который отражает изменения погребального обряда, сформированного из сочетания разных погребальных традиций. Требуется учесть большое количество разнообразных критериев, имеющих разную степень информативности. В конечном итоге, именно в выборе признаков и оценки их значимости исследователи часто расходятся во мнениях.

В работах на эту тему обычно указывается, что для греческого обряда характерным является труположение, на спине, головой на восток. Кроме того, несомненными признаками считается: так называемый «набор палестрита», «обол Харона», детские погребения в амфорах и погребальные стелы. Какие погребения считать варварскими, единого мнения у исследователей нет. С варварами связывают целый ряд признаков, но не все они являются бесспорными. Например, такие черты обряда, как присутствие в погребении напутственной пищи, погребение с оружием или скорченная поза погребенного могут трактоваться как признаки обрядов местного населения или как варианты греческой традиции. Спектр мнений довольно широк: от признания варварского влияния практически во всех отличиях от стандартной греческой традиции до трактовки этих различий как отражения вариативности эллинского обряда¹.

Причина таких противоречий, возможно, состоит в том, что при большом количестве неизвестных, для поиска решения неизбежным является определенная степень допущений. Исследователи исходят из изначально разных предположений, следствием которых являются внутренне непротиворечивые, но диаметрально противоположные выводы.

¹ Более подробно об интерпретации обряда см. Масленников. 1981, Сударев. 2005.

Многолетняя дискуссия не позволила получить ясной картины, а скорее наоборот, привела к расширению спектра мнений. Видимо, для поиска решения этого вопроса требуется привлечение новых методов, материалов и источников. Данные генетики, физической антропологии и других естественных наук могут послужить дополнительными аргументами и способами верификации сложившихся представлений.

В последние годы возможности физической антропологии существенно расширились. Накопленные за долгие годы материалы могут быть систематизированы методами многомерной статистики, что позволяет получить новую информацию о происхождении популяций в регионе. Антропологическими исследованиями выявлены статистически значимые различия по комплексу морфологических признаков между сериями черепов из меотских, скифских и сарматских могильников, между степным и лесостепным скифским населением или между представителями ранней, средней и поздней сарматских культур (Кондукторова. 1972; Ефимова. 2000; Балабанова. 2000; Козинцев. 2000, 2007; Громов и др., 2015; Казарницкий. 2016, 2017а).

Также хорошо известна морфологическая специфика боспорских краниологических серий по сравнению со скифскими и сарматскими. В одной из основных работ на эту тему были использованы данные из ряда грунтовых некрополей таких городов как Фанагория, Гермонасса, Танаис, в меньшей степени Пантикапей, Нимфей и Мирмекий (Герасимова и др. 1987). К исследованию был привлечен, по возможности, весь доступный на тот момент антропологический материал.

Несмотря на уже проделанные исследования, наличие эмпирического материала и появления новых методов, на данный момент не существует работ, которые дали бы четкое понимание связи между погребальным обрядом и происхождением погребенных. В трудах антропологов особенностям погребального обряда не всегда отводится значительное место, тогда как в археологических исследованиях антропологический анализ часто ограничивается половозрастными характеристиками.

В данной работе демонстрируются возможности синтеза археологических и антропологических данных при дифференциации местного и греческого населения. В исследовании были рассмотрены краниологические серии из Северного Причерноморья². В результате канонического дискриминантного анализа были выявлены существенные

² Анализ данного материала был представлен в виде доклада в соавторстве с сотрудником МАЭ А. А. Казарницким «Возможности синтеза археологических и антропологических данных при дифференциации местного и греческого населения Боспора по материалам грунтовых некрополей» в г. Казань на IV авторско-читательской международной научно-образовательной конференции Поволжского антиковедческого журнала

отличия между материалами из городских некрополей Боспора и варварской периферии. Сопоставление данных с краниологическими сериями из материковой Греции и Малой Азии показало сходство боспорян и населения греческой метрополии. Это относится, как минимум, к жителям Гермонассы и городов Керченского полуострова (Рис. 1).

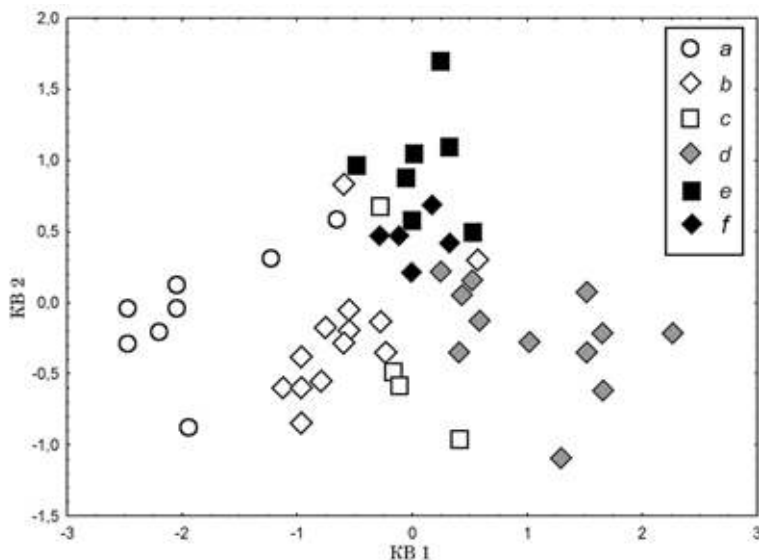

Рис. 1. Канонический дискриминантный анализ: а. – скифские серии лесостепной полосы, б. – скифские серии степной полосы, с. – скифские серии крымских некрополей, d. – серии савроматской, ранне- и среднесарматской культуры, е. – серии из боспорских некрополей, f. – серии из греческой метрополии

К сожалению, в публикациях антропологические данные часто представлены в усредненном виде. Краниологические серии, послужившие основой для данного анализа, были сгруппированы на уровне отдельных некрополей. Такой способ обобщения материала не дает широких возможностей для выявления закономерностей между происхождением погребённых и особенностями погребального обряда. Тем не менее, полученные результаты нельзя оставить без внимания. По крайней мере, можно уверенно говорить о наличии достоверных краниологических различий между потомками греков-колонистов и местным населением

Северного Причерноморья, и возможностях выявления этих различий на массовом материале.

Исходя из доказанной эффективности примененных методов, основным направлением дальнейшей работы становится расширение антропологической исследовательской базы в сочетании с более точным описанием погребального обряда. Нужно отметить, что неудовлетворительная сохранность краниологического материала не является непреодолимой проблемой. Аналогичные задачи дифференциации местного сельского и пришлого городского населения в других регионах греческой колонизации успешно решаются с помощью одонтологических данных (Rathmann et al. 2016) и исследований в области генетики (Lazaridis et al. 2017). Учитывая большой объем данных, полученных в связи с масштабными археологическими работами последних лет, нужно ожидать в этой области появления новых исследований. Для этого требуется преодоление традиционного скепсиса археологов в отношении возможностей анализа антропологических материалов. Осознание информативной ценности данной группы источников, применение современных методик и введение в научный оборот более полного спектра данных позволит открыть новые горизонты в изучении этого вопроса.

Литература

- М. А. Балабанова.* Антропология древнего населения Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. М., Наука, 2000.
- М. М. Герасимова, Н. М. Рудь, Л. Т. Яблонский.* Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. М., Наука, 1987.
- А. В. Громов, А. А. Казарницкий, М. Ю. Лунёв.* Меотские могильники: палеодемография и краниология // Записки ИИМК РАН. СПб., «Дмитрий Буланин». № 12. 2015.
- С. Г. Ефимова.* Соотношение лесостепных и степных групп населения Европейской Скифии по данным краниологии // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н. э.: палеоэкология, антропология и археология. М., Институт археологии Российской академии наук. 2000.
- А. А. Казарницкий.* Антропологическая экспертиза скелетных материалов из позднеантичного могильника Сувлу-Кая (Юго-Западный Крым) // КСИА. 2016. № 243.
- А. А. Казарницкий.* Антропологические материалы Усть-Альминского могильника (из раскопок 2002–2015 гг.) // КСИА. 2017а. № 247.
- А. А. Казарницкий.* Данные физической антропологии о формировании населения Северного Причерноморья в античное время // Крымская Скифия в системе культурных связей между Востоком и Западом (III в. до н. э. – VII в. н. э.). М., 2017б.

- А. Г. Козинцев.* Об антропологических связях и происхождении причерноморских скифов // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. № 3 (3).
- А. Г. Козинцев.* Скифы Северного Причерноморья: межгрупповые различия, внешние связи, происхождение // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. № 4 (32).
- Т. С. Кондукторова.* Антропология древнего населения Украины. М., Изд-во МГУ, 1972.
- А. А. Масленников.* Население Боспорского государства в VI–II вв. до н. э. М., Наука, 1981.
- Н. И. Сударев.* Грунтовые некрополи боспорских городов VI–II вв. до н. э. как исторический источник. Дис... к. и. н. М., 2005 г.
- I. Lazaridis, A. Mittnik, N. Patterson, S. Mallick, N. Rohland, S. Pfrenkle, A. Furtwängler, A. Peltzer, C. Posth, A. Vasilakis, P. J. P. McGeorge, E. Konsolaki-Yannopoulou, G. Korres, H. Martlew, M. Michalodimitrakis M. Özsait, N. Özsait, A. Papathanasiou, M. Richards, S. Alpaslan Roodenberg, Y. Tzedakis, R. Arnott, D. M. Fernandes, J. R. Hughey, D. M. Lotakis, P. A. Navas, Y. Maniatis, J. A. Stamatoyannopoulos, K. Stewardson, Ph. Stockhammer, R. Pinhasi, D. Reich, J. Krause, G. Stamatoyannopoulos.* Genetic origins of the Minoans and Mycenaeans // Nature. 2017.
- P. Rathmann, G. Saltini Semerari, K. Harvati.* Evidence for Migration Influx into the Ancient Greek Colony of Metaponto: A Population Genetics Approach Using Dental Nonmetric Traits // International Journal of Osteoarchaeology. 2017. Volume 27. Issue 3.

В. А. Горнчаровский

**Надгробная стела Басилида, сына Басилида
(к вопросу об использовании римского военного
снаряжения в боспорской армии первых веков н. э.)¹**

Известняковое надгробие Басилида, сына Басилида (ВКИКМЗ, инв. КЛ-106) было найдено в пантикапейском некрополе более ста лет назад, в 1903 г. (Рис. 1, 1). Издатели КБН 662 предложили датировать его по характеру письма первой половиной II в. н. э., но архитектурно-декоративное оформление стелы: профилированный фронтон с особой формы акротериями в виде пальметок, три двенадцатилепестковых розетки под ним, глубина проработки рельефа, – находит ближайшие аналогии среди памятников предшествующего столетия. Все отмеченные элементы можно рассматривать как особый почерк скульптора, ра-

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственной работы: № 0184-2018-0007 «Культура античных государств Северного Причерноморья. Субкультуры правящей элиты и рядового населения».

1

2

Рис. 1. Надгробная стела Басилида, сына Басилида, из некрополя Пантикапея
1 – Общий вид стелы; 2 – Фигура слуги со шлемом (крупный план)

ботавшего в одной из мастерских по изготовлению надгробных стел, скорее всего, во второй половине I в. н. э.

Надгробие Басилида публиковалось неоднократно (von Kieseritzky, Watzinger. 1909. S. 87, № 494, Taf. XXXV; КБН. № 662; Матковская. 2005. С. 377, 388. Рис. 10; Трейстер. 1993. С. 507. Рис. 11), но его фотографические воспроизведения были слишком мелкомасштабные и некачественные. Между тем детальное изучение рельефа этой стелы позволяет утверждать, что здесь мы имеем дело с единственным известным на Боспоре изображением римского шлема. В правой части рельефа изображен стоящий бородатый воин, опирающийся на колонку. На нем характерная для первых веков н. э. одежда: короткий кафтан, заправленные в короткие полусапожки шаровары и длинный плащ. На левом боку длинный меч с трапециевидной формы навер-

шием и бутеролью. Ножны меча имеют узкую вертикальную скобу для подвешивания. Рядом большой овальный щит с круглым умбоном, из-за которого видны два копья. Слева от него фигурка слуги. Подобная композиция представлена на целом ряде боспорских рельефов, изображающих пеших воинов, облокотившихся на колонку. Единственное отличие заключается в том, что в руках у слуги шлем с полусферическим куполом, декоративным валиком в передней части, горизонтальным назатыльником и слегка загнутыми вперед нащечниками (Рис. 1, 2). Ближе всего он к бронзовым шлемам типа Вейзенау первой половины I в. н. э., дальнейшее развитие которых привело к появлению италийских имперских шлемов типа С по Робинсону (Коннолли. 2000. С. 228; Кован. 2005. С. 46–47).

В связи с этим стоит еще раз рассмотреть вопрос об использовании римского военного снаряжения в боспорской армии первых веков н. э. Как известно, упоминание об оснащенных им боспорцах содержится у Тацита в описании войны 45–49 гг. н. э. с мятежным царем Митридатом III (VIII) (Тас. Ann., XII. 16). Другое дело насколько широко были распространены подобные поставки со стороны римлян. Проанализировать это можно на основании археологических находок и памятников изобразительного искусства.

Образцов такого характерного римского наступательного вооружения как гладиусы при раскопках боспорских укрепленных пунктов и некрополей найдено всего два. Самый ранний из них связан с упомянутым римско-боспорским конфликтом. Это меч, обнаруженный в ходе недавних раскопок цитадели на городище Артезиан (Рис. 2, 1) всего в 30 км к западу от столицы Боспора, Пантикапея. Судя по находкам большого количества монет Митридата III (VIII) и его уникального золотого статера, крепость, где оставалось много сторонников свергнутого царя, пала после непродолжительного штурма и полностью сгорела, скорее всего, осенью 47 г. н. э. (Абрамзон, Винокуров. 2016. С. 732–735). Здесь под обгоревшими останками одного из нападавших, возможно боспорца, был найден гладиус с клинком длиной 58,6 см и рукоятью длиной 14 см при ширине лезвия 5,5–7 см (Винокуров. 2009. С. 12–13). Он относится к «классическому» варианту мечей типа «Майнц», датирующемуся временем около 25 г. до н. э. – 60 г. н. э. (Miks. 2007. Vortaf. B; S. 3).

Безусловно заслуживает упоминания меч, найденный в некрополе Горгиппии (Рис. 2, 2)². Размещение его с левой стороны от погребенного не соответствует общепринятой традиции ношения такого оружия

² Погребение 1а на раскопе по ул. Терская, 84 (2002 г.). Подробнее см.: Горончаровский, Тихонова. 2005. С. 121–124; Виноградов, Горончаровский. 2009. С. 180–181.

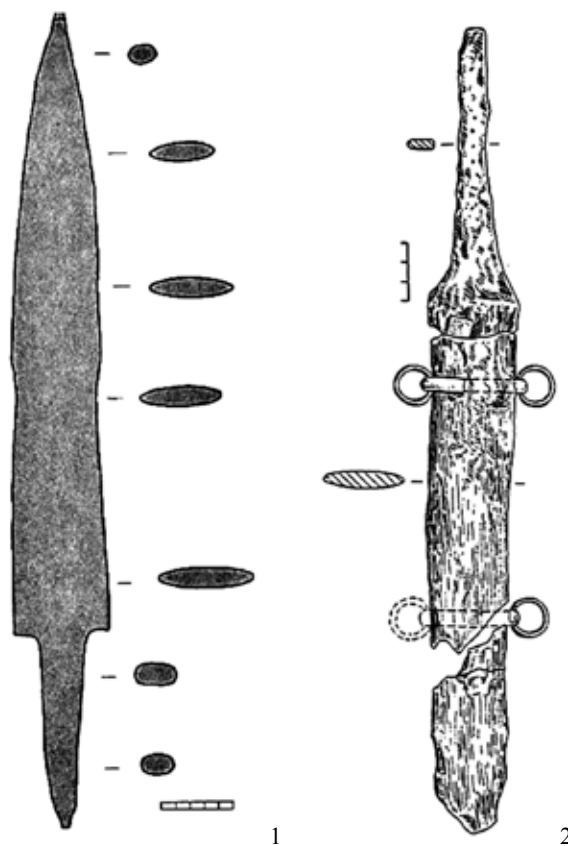

Рис. 2. Гладиусы, найденные при раскопках на территории Боспорского царства. 1 – из раскопок городища Артезиан (по Н. И. Винокурову); 2 – из некрополя Горгиппии

у римлян. В то же время отступление от нее у римских солдат зафиксировано Иосифом Флавием для периода Иудейской войны 66–70 гг.: «Пешие воины оснащены панцирями и шлемами и на каждом боку имеют по мечу, из которых более длинный³ расположен слева...» (Jos. Fl., Bell. Jud. III. 5.5).

Штырь рукояти меча из Горгиппии, постепенно расширяющийся к основанию клинка, имеет длину 13,8 см. От самой рукояти, изготовленной из дерева, остался фрагмент бронзовой оковки, зафиксировав-

³ Длинный меч – это гладиус, короткий – кинжал (пугио) с длиной клинка до 35 см.

ший ее ширину – 3 см. Сам клинок практически одинаковой ширины (4–4,4 см) при сохранившейся длине 27,8 см первоначально имел явно большие размеры, не менее 40–55 см. Об этом можно судить по положению скреплявших ножны двух гладких бронзовых скоб с кольцами для подвешивания, расположенными на расстоянии 11,2 см друг от друга. Три сохранившихся кольца имеют внешний диаметр 2,1 см и внутренний – 1,6 см. Общая длина одной из скоб, сохранившейся целиком, составляет 5,4 см, а ширина – 0,8 см. Судя по форме перехода от штыря рукоятки к клинку и фиксирующейся ширине ножен, меч относится к варианту Putensen-Vimose т. н. «помпейского» типа, датировка которого достаточно широка – около 75–225 г. н. э. (Miks. 2007. Vortaf. B; С 9).

В связи с находками гладиусов на Боспоре нельзя не упомянуть известный фрагмент росписи пантикапейского, т. н. Стасовского, sklepa 1872 г., датирующегося концом I – началом II вв. н. э. (Ростовцев. 1913. Табл. LXXXI, 2; Виноградов, Горончаровский. 2009. С. 213). Там представлен на марше небольшой отряд пехотинцев с овальными щитами, у которых короткие мечи находятся справа на манер римских гладиусов. Отметим, что это не единственная деталь, демонстрирующая римское влияние на военное дело Боспора. Обращает на себя внимание следующий момент: перед отрядом воинов шествуют командир в коническом каркасном шлеме, облаченный в длинный чешуйчатый доспех и знаменосец в таком же защитном вооружении. В руках у знаменосца вексиллум – войсковой штандарт в виде копья с прикрепленным к перекладине прямоугольным куском материи с кистями. Такие «знамена», выполнявшие две основные функции – сакральную и тактическую, – использовались в римских вспомогательных войсках в качестве знака когорты (Колобов. 2001. С. 38–44).

Присутствие на боспорской фреске воинского знака, характерного для римлян, не должно вызывать удивления. Ведь уже Митридат VI Евпатор пытался заимствовать совершенную для своего времени тактику римской пехоты, в которой такая структурная единица, как когорта (греч. *спира*) обеспечивала быстроту маневра (App. Mithr., 87). Известно, что отборную часть войска, собранного на Боспоре в 63 г. до н. э. для войны с Римом, составляли шестьдесят отрядов по 600 человек в каждом (App. Mithr., 108). Возможно, именно с этого времени спира, созданная по образцу когорты римскими перебежчиками, стала основной тактической единицей регулярных частей боспорской армии (Масленников. 1990. С. 144; Крыкин. 1993. С. 238). Для обозначения командира боспорского пехотного отряда в 600 воинов, видимо, применялся термин «спирарх», который мы знаем из пантикапейской эпиграфии некоего Гаттиана (КБН. № 263).

Как свидетельство наличия в боспорской столице отряда фракийских наемников, организованного по римскому образцу, можно рассматривать грекоязычную эпитафию Диза, сына Бифия (II в. н. э.), где сказано, что он был *κεντυρίων ὁ καὶ πρίνκιψ* фракийской спиры⁴. Скорее всего, это греческая «калька» с латинского *centurio princeps*. В римских вспомогательных войсках так именовали старшего центуриона когорты (Ле Бок. 2001. С. 64). Дополнительным указанием на принадлежность фракийской спиры к боспорской армии служит упоминание о командовании ею в одной из пантикапейских надписей в перечне этапов воинской карьеры неизвестного нам по имени крупного государственного и военного деятеля, бывшего воспитателем царя Савромата I (Сапрыкин. 2005. С. 45 сл.).

Военачальники такого уровня могли носить «мускульную» кирасу, имитирующую рельеф груди и живота, из-за чего этот доспех иногда называют «анатомическим». В римской армии он полагался командирам, под началом у которых было не менее легиона (Vermeule. 1959. Р. 49). Он состоял из двух пластин, соединявшихся сверху наплечниками – эпонидами, и дополнялся снизу передником из кожаных полосок (птериг), спускавшихся до середины бедер. Обычно поверх панциря надевался особый пояс, завязанный так называемым «геракловым узлом», как показатель высокого военного статуса.

Именно такой пояс мы видим на пантикапейском рельефе I–II вв., изображающем победоносного полководца (Ср.: Vermeule. 1968. Р. 41–42). Это облаченный в мускульную кирасу с наплечниками и птеригами бородастый воин в плаще, застегнутом на правом плече (Давыдова. 1990. С. 65–67. № 57). Одной рукой он держит копье, а другой – широкую плоскую чашу, наклонив ее над небольшим алтарем. Рядом маленькая фигурка богини победы Ники, увенчивающей его венком. О производстве в Пантикапее кирас римского образца, может свидетельствовать находка на территории Керчи бронзовой матрицы первой половины I в. н. э. для изготовления металлических накладок птериг с фронтальным изображением головы львиноголового грифона (Трейстер. 1993. С. 71–73. Рис. 7).

Таким образом, несмотря на вассальный характер отношений Боспора и Римской империи, это небольшое государство на окраине античного мира лишь в малой степени испытало влияние римской военной машины. Главным образом, это коснулось организационной структуры и тактики боспорской армии, где, скорее всего, имелось лишь одно

⁴ КБН. № 666. Отмеченная фраза переводилась составителями как «центурион и начальник отряда фракийцев».

подразделение, отчасти экипированное по римскому образцу. Отдельные образцы римского оружия, конечно, могли поступать на Боспор в период подготовки совместных военных действий с римской армией. Возможно, какую-то роль в этом отношении играли и местные уроженцы, отслужившие в римских вспомогательных войсках.

Литература

- М. Г. Абрамзон, Н. И. Винокуров.* Золотые статеры Аспурга и Митридата III и новые комплексы с монетами и ювелирными изделиями с городища Артезиан // ВДИ. 2016. № 3.
- Л. И. Давыдова.* Боспорские надгробные рельефы. Каталог выставки. Л., Изд-во Гос. Эрмитажа, 1990.
- Н. И. Винокуров.* Боспоро-римская война и первая находка гладиуса в Крымском Приазовье // ParaBellum. 2009. № 31.
- Ю. А. Виноградов, В. А. Горончаровский.* Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н. э. – середина III в. н. э.). СПб., Изд-во СПбГУ; Нестор-История, 2009.
- В. А. Горончаровский, Т. С. Тихонова.* Римский гладиус из раскопок некрополя Горгиппии // ХС. 2005. Вып. XIV.
- Р. Кован.* Римские легионеры 58 г. до н. э. – 69 г. н. э. М., АСТ; Астрель, 2005.
- А. В. Колобов.* Штандарты римской армии эпохи принципата // ПИФК. 2001. Вып. X.
- П. Коннолли.* Греция и Рим. Энциклопедия военной истории. М., Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000.
- С. М. Крыкин.* Фракийцы в античном Северном Причерноморье. М., Прометей, 1993.
- Я. Ле Бож.* Римская армия эпохи ранней империи. М., РОССПЭН, 2001.
- А. А. Масленников.* Население Боспорского государства в первых веках н. э. М., Наука, 1990.
- М. И. Ростовцев.* Античная декоративная живопись на юге России. СПб., Издание Императорской Археологической комиссии, 1913–1914.
- С. Ю. Сапрыкин.* Энкомий из Пантикапея и положение Боспорского царства в конце I – начале II в. н. э. // ВДИ. 2005. № 2.
- М. Ю. Трейстер.* Римляне в Пантикапее // ВДИ. 1993. № 2.
- P. A. Holder.* Studies in the Auxilia of the Roman Army from Augustus to Trajan // BAR. Int. Ser. 70. 1980.
- M. Mielczarek.* The Army of the Bosporan kingdom. Lodz, Oficyna Naukowa, 1999.
- C. Miks.* Studien zur römischen Schwertbewaffung in der Kaiserzeit. Katalog und Tafeln // Kölner Studien zur archäologie der Römischen Provinzen. 2007. Bd. 8.
- C. Vermeule.* Hellenistic and Roman Cuirassed Statues // Berytes. 1959. Vol. XIII.
- C. Vermeule.* Roman Imperial Art in Greece and Asia Minor. Cambridge, Belknap Press of Harvard University Press, 1968.

В. В. Масякин

Деталь ременной гарнитуры в полихромном стиле из склепа Сорака

Погребальное сооружение, получившее в литературе название «склеп Сорака», было случайно открыто при добыче камня в 1890 г. на северо-западном склоне горы Миртидат в Керчи (Кулаковский. 1896. С. 16). Ограбленная к моменту открытия подкурганная катакомба (Виноградов. 2017. С. 103. Рис. 22) содержала росписи и эпитафию Сорака, являвшегося практором – чиновником, отвечающим за исполнение судебных решений (Кулаковский. 1896. С. 16–33; Виноградов. 2017. С. 40–52). Ю. А. Кулаковский, исходя из стилистических особенностей росписи и палеографического анализа текста надписи, датировал склеп III в. н. э. (Кулаковский. 1896. С. 29). Против такой «узкой» даты высказался М. И. Ростовцев, отметивший лишь, что роспись представляет собой наиболее поздний пример «цветочного» стиля, возникшего в начале I в. н. э. (Ростовцев. 1914. С. 252). Е. В. Эрнштедт отнесла время сооружения склепа к концу II – первой половине III в. н. э. (Эрнштедт. 1955. С. 269). С этой датировкой согласен и Ю. А. Виноградов (Виноградов. 2017. С. 40). Представляется, что для уточнения времени функционирования склепа и взаимной корреляции разных категорий имеющихся источников, было бы уместно сопоставить данные искусствоведческого и палеографического анализа с археологическим контекстом. Погребальный инвентарь представлен двумя предметами: фрагментом терракотовой маски, имеющей широкую датировку (Кулаковский. 1896. С. 18. Рис. 8), и деталью ременной гарнитуры, найденной в заполнении входа в камеру при вторичном вскрытии склепа в 1892 г. (Кулаковский. 1896. С. 18. Рис. 9) (Рис. 1, 1). Ю. А. Кулаковский на основании особенностей декора отнес эту находку к категории «готских» древностей (Кулаковский. 1896. С. 18). М. И. Ростовцев, напротив, отметил, что изделие не принадлежит к числу типичных «готских» вещей и не может быть использовано для определения даты склепа (Ростовцев. 1914. С. 251). Необходимо отметить, что рассматриваемый предмет относится к редкому типу деталей ременной гарнитуры римского времени. Серебряный двухчастный наконечник ремня состоит из подвески с секировидным окончанием и прямоугольным вырезом в верхней части, соединенной с пластинчатой обоймой, имеющей закругленный верхний край. Боковые прогнутые стороны подвески и края обоймы фасетированы. Лицевая сторона обоймы украшена каплевидной вставкой из хризопраза светло-зеленого цвета, вставленного в пластинчатый каст, обрамленный пояском напаянной рубчатой проволоки (Кулаковский. 1896. С. 18. Рис. 9). Среди древностей Северного Причерноморья

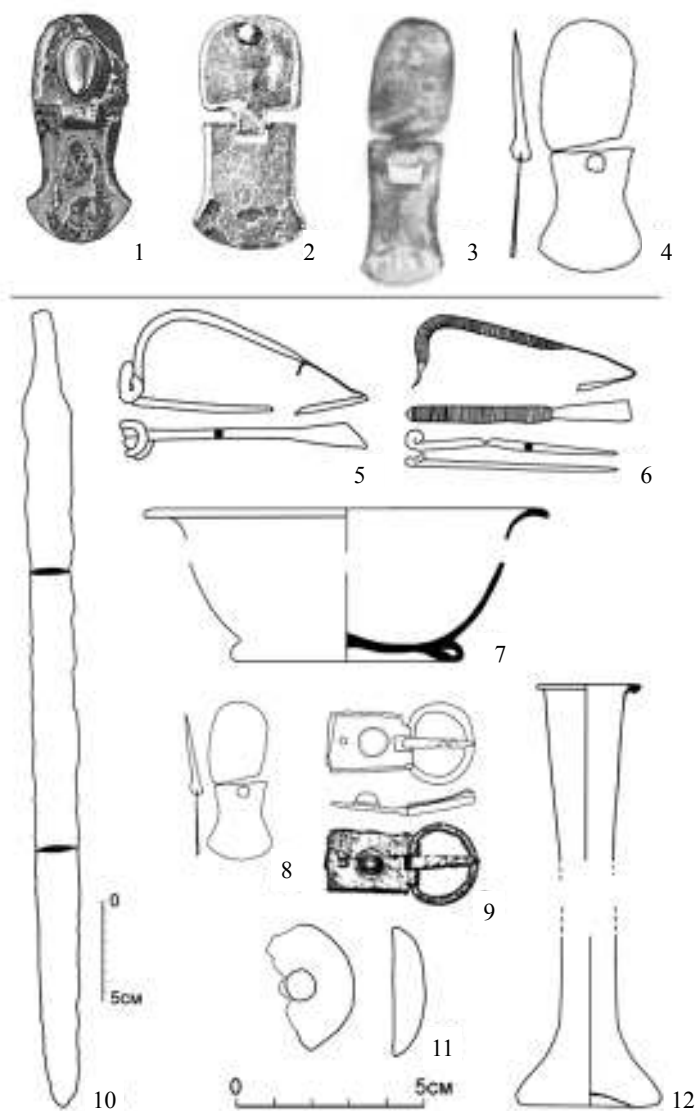

Рис. 1. Детали ременной гарнитуры и предметы хронологического контекста: 1 – Склеп Сорака; 2 – Ольвия; 3 – Танаис, погребение 267; 4–12 – Широкая Балка, погребение 95

рья удалось найти три экземпляра, обладающих близкими морфологическими признаками (Рис. 1, 2–4). Условия находки одного из них, происходящего из Ольвии (Рис. 1, 2), не известны (Posta. 1905. Abb. 226, 14). Два других предмета найдены в погребениях на территории Боспора. Наконечник из могилы 267 некрополя Танаиса обнаружен на тазу погребенного вместе с пряжкой, что позволяет отнести его к поясной гарнитуре (Арсеньева. 1977. С. 85. Рис. XL, 6) (Илл. 1, 3). В состав погребального инвентаря входили и другие детали ремней – пряжки с прогнутыми в центральной части язычками и округлыми щитками, имеющими фасетированные или отогнутые края, и наконечники ремней, украшенные длинными фасетками и треугольными вырезами в верхней части (Арсеньева. 1977. С. 85. Рис. XL, 1–5). По морфологическим и стилистическим признакам эти предметы относятся к группе Па ременных гарнитур по классификации В. Ю. Малашева, датирующейся первой половиной III в. н. э. (Малашев. 2000. Рис. 2, П2а, Н3а)¹. Еще один экземпляр происходит из погребения 95 некрополя Широкая Балка на периферии Азиатского Боспора (Дмитриев и др. 2011. Рис. 143, 8) (Рис. 1, 4, 8). В связи с тем, что следы костяка отсутствовали, авторы публикации не исключают интерпретацию этого объекта в качестве кенотафа или ритуального комплекса (Дмитриев и др. 2011. С. 153). Дата объекта определяется в рамках первой половины III в. н. э. на основании двух лучковых одночленных фибул 5-го варианта по А. К. Амброзу и пряжки типа П4 по классификации В. Ю. Малашева, также относящейся к группе Па ременных гарнитур (Мальшев. 2011. С. 285. Рис. 143, 6, 9, 10; Малашев. 2000. Рис. 2, П4) (Рис. 1, 5, 6, 9). Особого внимания заслуживает орнаментация бронзовой пряжки, прямоугольный щиток которой украшен овальной стеклянной вставкой зеленого цвета, что соответствует стилю (одиночная вставка на чистом фоне без дополнительных элементов) и цветовой гамме декора наконечника ремня из склепа Сорака (Дмитриев и др. 2011. С. 154. Рис. 143, 6) (Рис. 1, 9). Учитывая, что наконечник ремня и пряжка в комплексе из некрополя Широкая Балка обнаружены рядом, вместе с длинным мечом (Рис. 1, 10), можно предположить, что они представляют собой единый комплект и относятся к деталям пояса или португеи. Очевидно, что частью подобной гарнитуры, выполненной в полихромном стиле, но из более дорогих материалов (се-

¹ Наконечники из Ольвии и Танаиса были рассмотрены В. Ю. Малашевым и А. М. Обломским в качестве близких аналогий деталям ремней из коллекции А. С. Уварова, происходящих с территории Днепровского Левобережья (Малашев, Обломский. 2002. С. 119. Рис. 1, 3, 4; 5. 2, 3). Отметим, что изделия из названных античных центров отличаются формой зажима.

ребро с золотом вместо бронзы и хризопраз² вместо стекла) является и рассматриваемая находка из пантикапейского склепа, которую также следует отнести к первой половине III в. н. э. Стилистически декор деталей ременных гарнитур из склепа Сорака и погребения 95 некрополя Широкая балка связан с ювелирными традициями, появившимися в Северном Причерноморье ещё в эллинистическое время (Шаров. 2004. С. 408; Мордвинцева, Трейстер. 2007. С. 273, 280). Вероятно, эти находки можно рассматривать в качестве образцов прототипов двухчастных наконечников ремней с широкими секировидными подвесками и пряжек с прямоугольными щитками второй половины III–IV вв. н. э., оформленных в другом полихромном стиле, для которого характерно покрытие лицевой стороны предметов золотой или серебряной позолоченной фольгой с тиснёным орнаментом, использование вставок в красной цветовой гамме (См., например: Малашев. 2000. Рис. 2, Н7; Шаров. 2012. Рис. 19, 5, 6; Soupault-Becquelin. 1999. Fig. 1).

Таким образом, хронологическая позиция наконечника ремня позволяет заключить, что в первой половине III в. н. э. в катакомбе было совершено захоронение, отвечающее некоторым признакам (подкурганый склеп с росписью, драгоценная поясная гарнитура), маркирующим погребения элиты Боспора (Шаров. 2016. С. 124–126). Такая датировка в целом соответствует современным представлениям о времени сооружения склепа Сорака (Виноградов. 2017. С. 40).

Литература

- Т. М. Арсеньева. Некрополь Танаиса. М., Наука, 1977.
- Ю. А. Виноградов. Курганный некрополь Пантикапея // Неизвестные страницы археологии Крыма: от неандертальцев до генуэзцев. Спб., Нестор-История, 2017.
- Ю. А. Виноградов. Склеп Сорака // Античная декоративная живопись Боспора Киммерийского: от графической фиксации к фотографии. Спб., ИИМК РАН, ЛЕМА, 2017. – (Труды ИИМК РАН. Т. LI).
- А. В. Дмитриев и др. Описание погребений. Каталог // Население предгорий северо-западного Кавказа в римскую эпоху: по материалам некрополя в Широкой Балке. М., ИА РАН, 2011. – (Некрополи Черноморья. Т. IV).
- Е. В. Ернштедт. Монументальная живопись Северного Причерноморья (общий обзор памятников живописи) // Античные города Северного Причерноморья: Очерки истории и культуры. М.; Л., Издательство Академии наук СССР, 1955.

² Этот полудрагоценный камень редко использовался в декоре ювелирных изделий Северного Причерноморья. В качестве примера можно привести ожерелье с подвесками из хризопраза, также найденное в Керчи, и хранящееся в Берлине (Мордвинцева, Трейстер. 2007. С. 280. Прим. 97).

- Ю. А. Кулаковский. Древности южной России. Две керченские катакомбы с фресками // МАР. 1896. № 19.
- В. Ю. Малашев. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов-на-Дону, Терра, 2000. – (Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. 1).
- А. А. Мальшев. Погребальный инвентарь некрополя Широкая Балка // Население предгорий северо-западного Кавказа в римскую эпоху: по материалам некрополя в Широкой Балке. М., ИА РАН, 2011. – (Некрополи Черноморья. Т. IV).
- В. И. Мордвинова, М. Ю. Трейстер. Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье II в. до н. э. – II в. н. э. Симферополь; Бонн, 2007. Т. I.
- М. И. Ростовцев. Античная декоративная живопись на Юге России. Текст. СПб., 1914.
- О. В. Шаров. О полихромных стилях на Боспоре в позднеримское время // Боспорские чтения. 2004. Вып. V.
- О. В. Шаров. Пирамидальный склеп № 1 по дороге к Царскому кургану, или склеп № 1, открытый в 1841 году в кургане у дороги на Аджимушкayские каменоломни в Керчи. Историографическое исследование // Stratum plus. 2012. № 4.
- О. В. Шаров. Погребения элиты Боспора римского времени и эпохи Великого переселения народов // КСИА. 2016. Вып. 244.
- В. Posta. Archeologische Studien auf russischen Boden. Bd. 4. Zweiter Teil. Budapest; Leipzig, 1905.
- V. Soupault-Becquelin. IMITATIO IMPERII: Le cas des plaques-boucles du style polychrome (du IIIe au IVe siècle apres J.-C.) // Germania. 1999. № 77.

А. Е. Терещенко, И. Ю. Шауб

Особенности типологии пантикапейской чеканки

Следует сразу оговориться, что сюжеты, которые использовались пантикапейскими монетариями для оформления своей продукции, полностью соответствуют изобразительной традиции эллинского мира и практически ничем не отличаются от таковых на монетах других греческих центров. Другое дело – что стоит за этими образами, какой смысл вкладывали в них древние обитатели Боспора Киммерийского. Изучение данной проблемы помогает нам полнее и глубже понять мировосприятие этих людей.

С момента появления монетного дела Пантикапея (конец третьей – середина последней четверти VI в. до н. э.) облик лицевой стороны его

монет – «голова льва анфас» и «муравей»¹, присутствующий практически в каждой серии полисной эмиссии, стал отличительным знаком города, хотя, ещё раз оговоримся, характер передачи этих образов практически ничем не отличается от трактовки аналогичных изображений в чеканке других полисов. Тем не менее, длительное, более века, существование связки «муравей» (на тетартемориях) и «голова льва» (на всех остальных номиналах), позволяет предположить, что за нею скрывается какой-то религиозный феномен, символами которого выступают эти существа.

Обычно считается, что изображение львиной головы «... стоит в непосредственной связи с культом Аполлона, среди атрибутов которого был и лев» (Шелов. 1956. С. 17; см. также: Шелов. 1951). Однако лев в представлениях древних выступал существом амбивалентной природы (как солнечным, так и хтоническим), и являлся атрибутом различных божеств (и мужских, и женских: Аполлона, Диониса, Геракла, Реи-Кибелы, Артемиды; см., например: Cook. 1925. P. 299, 406, 457, 920–921, 1227, 1030; Kгарре. 1945. P. 144–154); его изображение – слишком распространённый мотив в искусстве Боспора, поэтому и семантика данного образа явно весьма неоднозначна. Н. Л. Кучеревская и Н. Ф. Федосеев утверждают, что лев чаще всего выступает атрибутом Кибелы и Геракла, «... подчёркивая их принадлежность к хтоническому миру» (Кучеревская, Федосеев. 2003. С. 164). Учитывая хтоническую доминанту боспорской религии (см. статью И. Ю. Шауба в данном издании), а также лежащую на всей культуре Боспора «печать “мертвенности”» (Виноградов. 2000. С. 121), с мнением упомянутых исследователей можно согласиться (хотя и с некоторыми оговорками, поскольку здесь не меньшей популярностью, чем Кибела и Геракл, пользовались такие связанные со львом и близкие им хтонические божества, как Артемида и Дионис; см.: Шауб. 2007. С. 339 и сл., 347 и сл.)

Гораздо сложнее выявить смысловую нагрузку образа муравья. Наиболее привлекательной выглядит версия о связи этого насекомого с существовавшим на Боспоре культом Ахилла (Шауб. 2002. С. 187) и трактовка изображения муравья на монетах как свидетельства «скрытого почитания» Ахилла на Боспоре (Лазаренко. 2013. С. 61; 2014. С. 255, 256). Необходимо отметить, что известны монеты и с изображением самого Ахилла², поэтому указание на него посредством символики

¹ Символ в античной нумизматике очень редкий, хотя и не уникальный.

² Это чеканка Лариссы (Фессалия) и царя Пирра (Эпир), относящихся к III в. до н. э., кроме того, в нумизматике известны монеты Ахиллея (Троада) с монограммой AX, датированных IV в. до н. э. (Лазаренко. 2016. С. 20).

(нигде более, кроме Пантикапея, в таком виде не применявшейся³) вполне подтверждает тезис о «скрытом почитании».

Согласно исследованиям одного из авторов данной работы, Ахилл «в своих истоках является типичным для религий восточного Средиземноморья и Ближнего Востока умирающим и воскресающим божеством – спутником многоименной Великой богини всего сущего» (Шауб. 2007. С. 190, 197, 366). Одной из ипостасей Великой богини, выступавшей в качестве паредры Ахилла, была Кибела – Мать богов и повелительница зверей, весьма почитавшаяся на Боспоре (Шауб. 2007. С. 351–353). Учитывая, что лев считался её священным животным (Шауб. 2007. С. 275), мы с большой долей вероятности можем предполагать, что, изображая львиную голову в фас, пантикапейские монетарии подразумевали именно Кибелу. Во всяком случае, именно такое объяснение сакрального значения связки «лев – муравей» и их длительное существование в качестве аверсных эмблем на монетах Пантикапея представляется наименее противоречивым.

Таким образом, принимая во внимание всё вышесказанное, а также то, что семантика образа муравья имеет в своей основе явный хтонический аспект (Терещенко. 2012. С. 123), мы можем предполагать, что и в монетной символике нашёл своё отражение тот факт, что в сознании греческих колонистов Северное Причерноморье представлялось как некое преддверие загробного царства.

На рубеже V–IV вв. до н. э. в типологии пантикапейской чеканки происходят резкие изменения, на смену прежним монетным типам приходят новые образы, связанные уже исключительно с аполлонийско-дионисийской символикой. Выразилось это в появлении таких сюжетов, как голова сатира, голова Аполлона⁴, грифон и др. По заключению Ю. А. Виноградова и И. Ю. Шауба, предпринявших подробное исследование семантики изображений на золотых пантикапейских статерах IV в. до н. э. (голова бородатого сатира / рогатый львиноголовый грифон на колосе), эти сюжеты должны ассоциироваться с Дионисом *хтоническим* и Аполлоном *Гиперборейским* (Виноградов, Шауб. 2005. С. 222).

Поскольку изображение Аполлона Гиперборейского часто встречается на погребальных пеликах, он мыслился как умирающее и воз-

³ Исключение составляют синдские и феодосийские тетартемории, также несущие изображение муравья. Однако, как представляется, их можно не учитывать, поскольку данные выпуски были одномоментными и происходили, несомненно, под влиянием успешного опыта монетного дела Пантикапея.

⁴ Правда, впервые голова Аполлона в качестве аверсной эмблемы появляется во второй половине V в. до н. э. на монетах, выпускавшихся с 438/437 по 429/428 гг. до н. э., при Спартоке I (Терещенко. 2017. С. 342).

рождающееся божество, о чём свидетельствует его периодическое пребывание в загробной стране гипербореев. Эта черта роднит его с Дионисом и является, вероятно, ещё одной причиной, которой было обусловлено сочетание символов обоих богов на пантикапейских монетах IV в. до н. э. (Терещенко, Шауб. 2017. С. 165).

Грифон же у греков был издавна связан с представлениями о загробном мире. Видимо, из-за того, что эти чудовища обитали в потусторонней области гипербореев, которая считалась священной страной Аполлона, мифотворческая фантазия греков связала грифонов с Аполлоном (Терещенко, Шауб. 2017. С. 163).

Что же касается изображений бородатых голов, то ещё Д. Б. Шелов, рассматривая аверсные сюжеты пантикапейских золотых статеров IV в. до н. э., пришёл к выводу, что здесь представлен отнюдь не Пан, как до сих пор считают многие исследователи, в том числе и крупнейшие западные (например: Крау. 1976. Р. 252), а сатир, в изображении которого нужно видеть местное божество плодородия, связанное с культом змееногой богини. Этот вывод и заключение о том, что в изображениях на пантикапейских золотых монетах «можно усмотреть результат сложного скрещения и взаимодействия греческих и местных культов, проявлявшихся во всех областях культурной жизни классического Боспора» (Шелов. 1950. С. 69), представляются неоспоримыми (подробнее об изображениях подобных персонажей в пантикапейской нумизматике и об их хтоническом характере см.: Шауб. 2011. С. 291, 292).

Как видим, традиция изображений персонажей и символов хтонического мира, которая сохранялась в пантикапейской чеканке и в IV в. до н. э., является одной из главных отличительных черт монетного дела Боспора.

Ещё одной особенностью пантикапейской монетной типологии стало использование различных вариантов образа грифона. На данный момент их насчитывается четыре разновидности: *рогатый львиноголовый грифон* (золотые статеры), *крылатый лев* (золотые гемистатеры), *орлиноголовый грифон* (медные тетрагалки) и *копытный орлиноголовый грифон* (серебряные оболы). Нигде в греческом мире нет такого разнообразия. Более того, если «рогатый львиноголовый грифон» и «крылатый лев» хотя и чрезвычайно редко, но всё-таки встречаются в эллинской чеканке⁵, то *копытный орлиноголовый грифон* присутствует только на монетах Пантикапея. Единственные прямые аналогии именно этой разновидности мы встречаем на золотых нашив-

⁵ Орлиноголовый грифон – широко распространённый монетный сюжет в Древней Греции.

ных бляшек в скифских курганах Нижнего Поднепровья (Терещенко, Шауб. 2017. С. 158–159), что однозначно свидетельствует о культурном и религиозном взаимопроникновении греческого и скифского миров.

Можно предположить, что выбор грифона как одного из официальных монетных символов имел, помимо сугубо религиозных, веские причины внешнеполитического характера, обусловленные особыми отношениями Боспора с Великой Скифией. Например, когда в конце IV в. до н. э. сарматская экспансия привела к общему ослаблению влияния последней и постепенному ее угасанию, грифон оказался практически полностью исключён⁶ из набора символов, используемых пантикапейскими монетариями, хотя по-прежнему оставался весьма популярным персонажем боспорского искусства (Терещенко, Шауб. 2017. С. 160).

Необходимо добавить, что декларируемые выше «особые отношения с Великой Скифией», как представляется, имеют ещё одно весомое подтверждение: речь идёт о монетах с изображением головы барана на реверсе. Этот рисунок присутствует исключительно на монетах периода соправления Селевка и Сатира I, в чеканке Сатира I и в двух первых сериях эмиссии Левкона I (т. е., с 429/428 г. до н. э. по начало 70-х гг. IV в. до н. э.), после чего бесследно исчезает из монетной типологии Боспора.

Надо сказать, что данный символ сам по себе (т. е. без указания на какое-либо божество) был достаточно широко востребован в греческом монетном деле уже с VI в. до н. э. Тем не менее, если взглянуть на карту, то легко заметить, что изображение барана на монетах появлялось, как правило, в тех краях, которые или граничили с ареалом обитания иранских и балканских племён, или непосредственно находились на их территории (Терещенко. 2012. С. 119). В иранском же мире баран был одним из главных воплощений фарна – «эманации солнца, небесного огня, светящейся жизненной силы, передающейся человеку, многогранной божественной благодати, тесно связанной с идеологией сакральной царской власти» (Шауб. 2007. С. 123).

Чрезвычайно показателен выпуск Левконом I двух типов монет с головой барана в сочетании с изображением головы сатира на аверсе. По заключению А. Н. Зографа, рисунок лицевой стороны представлял собой «говорящую эмблему правителя» (Зограф. 1951. С. 172). Следовательно, данные сюжеты мы можем интерпретировать как сакрализацию ушедшего в мир иной владыки, чему способствует как ассоциация с местным сатиropодобным божеством, так и мощный пласт понятий о богоизбранности, олицетворением чего выступает образ барана.

⁶ Исключение составляют серебряные пентболы конца III в. до н. э.

Таким образом, реверсный рисунок «голова барана» на монетах пантикапейской чеканки, как отмечал В. А. Анохин, должен ассоциироваться исключительно с фигурой Сатира I (Анохин. 1999. С. 40). Возможно, это личная эмблема, подчеркивающая близкие связи царя со скифской элитой, поскольку этот символ являлся одним из базовых в религиозной концепции скифов (Терещенко. 2017. С. 347).

Приведённые примеры наглядно характеризуют специфичность пантикапейской чеканки, которая отражала как сакральные, так и политические аспекты жизни Боспора Киммерийского в VI–IV вв. до н. э.

Очень любопытен и тот факт, что все «экзотические» образы ранней пантикапейской нумизматики – муравьи, грифоны, сатиры – фигурируют в легендах (причём все они явно негреческие), о которых упоминает Геродот. Так, в «Талии» он вначале подробно рассказывает, как индийцы отнимают золото у гигантских муравьёв (Hdt. III, 102, 104–105), а затем вскользь упоминает о том, как на севере Европы его похищают у грифонов одноглазые аримаспы (Hdt. III, 116); на несомненную связь обеих легенд неоднократно обращалось внимание (см.: Доватур, Каллистов, Шишова. 1982. Комм. 250). И, наконец, в «Скифском» логосе Геродот сообщает о том, что где-то в горах по соседству со скифами якобы обитают «козлоногие мужи» (Hdt. IV, 25), т. е. сатиры⁷. Отмеченное совпадение здесь объяснять не берёмся, но вряд ли оно случайно.

Конечно, все рассмотренные выше персонажи неоднократно встречаются на монетах и других греческих полисах, но порознь; подобное их сочетание и концентрация присущи только пантикапейской чеканке.

Литература

- В. А. Анохин. История Боспора Киммерийского. Киев, Одигитрия, 1999.
- Ю. А. Виноградов Феномен Боспорского государства в отечественной литературе // *Stratum plus*. Кишинёв, Университет «Высшая антропологическая школа», 2000. № 3.
- Ю. А. Виноградов, И. Ю. Шауб. О семантике изображений на золотых статерах Пантикапея // *АВ*. 2005. № 12.
- А. И. Доватур, Д. П. Каллистов, И. А. Шишова. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., «Наука», 1982.
- А. Н. Зограф. Античные монеты. М., Л., 1956 – (МИА. № 16).
- Н. Л. Кучеревская, Н. Ф. Федосеев. Лев в искусстве древнего Боспора Киммерийского // *БЧ*. IV. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь, Благотворительный фонд «Деметра», 2003.

⁷ В связи с этим стоит вспомнить местный боспорский миф об Афродите Апатуре и Геракле, ее спасителе от гигантов, которые могли в ряде аспектов походить на сатиров (Шауб. 1999. С. 216).

- В. Г. Лазаренко.* Культ Ахилла как отражение процессов формирования индоевропейской общности в Северном Причерноморье // Аркасівські читання. Матеріали Міжнародної науково-практичної конференції. Миколаїв, МНУ ім. В. О. Сухолинського, 2013.
- В. Г. Лазаренко.* Культ Ахилла, «Старая Скифия» Геродота и Боспор // БЧ. XV. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь, Благотворительный фонд «Деметра», 2014.
- В. Г. Лазаренко.* Отражение культа Ахилла в нумизматических памятниках // Єднaкo / Емінак. Науковий щоквартальник. Миколаїв, Науково-дослідний центр «Лукомор'є», 2016. Т. 4. № 3 (15).
- А. Е. Терещенко.* Аполлонийско-дионисийские мотивы в сюжетах монет пантикапейской чеканки домитридатовской эпохи // Stratum plus. Кишинёв, Университет «Высшая антропологическая школа», 2012. № 6.
- А. Е. Терещенко.* О новом монетном типе и пантикапейской чеканке второй половины V в. до н. э. // ПИФК. М., Магнитогорск, 2017. № 3.
- А. Е. Терещенко, И. Ю. Шауб.* Грифон на боспорских монетах: хронология, особенности, семантика образа // Новый Гермес. Вестник античной истории, археологии и классической филологии. Свято-Алексиевская Пустынь – СПб., 2017. Вып. IX.
- И. Ю. Шауб.* Культ Великой богини у местного населения Северного Причерноморья // Stratum plus. Кишинёв, Университет «Высшая антропологическая школа», 1999. № 3.
- И. Ю. Шауб.* Ахилл на Боспоре // БФ: погребальные памятники и святилища. СПб, Государственный Эрмитаж, 2002. Ч. I.
- И. Ю. Шауб.* Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье VII–IV вв. до н. э. СПб., Санкт-Петербургский университет, 2007.
- И. Ю. Шауб.* Эллинские традиции и варварские влияния в религиозной жизни греческих колоний Северного Причерноморья (VI–IV вв. до н. э.). Saarbrücken, Lambert Academic Publishing, 2011.
- Д. Б. Шелов.* К вопросу о взаимодействии греческих и местных культов в Северном Причерноморье // КСИИМК, 1950. Вып. 34.
- Д. Б. Шелов.* К вопросу об изображении львиной головы на ранних боспорских монетах // КСИИМК РАН. 1951. Вып. 39.
- Д. Б. Шелов.* Монетное дело Боспора VI–II вв. до н. э. М., Академия наук СССР, 1956.
- A. B. Cook.* Zeus: A Study in Ancient Religion. Cambridge, 1925. Vol. II.
- C. M. Kraay.* Archaic and Classical Greek Coins. Los Angeles, Berkeley, 1976.
- A. Krappe.* The Anatolian Lion God // Journal of the American Oriental Society. 1945. Vol. 65. Pt. 3.

В. В. Панченко

О золотой и серебряной монетной чеканке Рескупорида IV (242–276 гг. н. э.)

На протяжении I–IV вв. н. э. основу денежного обращения на Боспоре составлял золотой статер. Изучение метрологии боспорских статеров показало, что за три столетия средний вес статеров почти не изменился. В III в. н. э. вес большинства статеров придерживается нормы от 7,60 до 7,50 г. Одновременно происходит постоянное и неуклонное снижение содержания золота. Если в статерах Рескупорида II (68/69–93 гг.) содержалось от 84 до 75% золота, то у Рескупорида III (211–226 гг.) – 50–15%. В статерах Рескупорида V (242–276 гг.) золото отсутствует, основу монетного сплава составляют серебро и медь, в отдельные годы чеканятся статеры из меди (Фролова. 1997. С. 145–149). В 560 г. б. э. (263/264 г. н. э.) на общем фоне уменьшения содержания золота и серебра в статерах произошло уникальное для монетного дела Боспора III в. явление – эмиссия золотой монеты высокой пробы. В этом же году наряду с золотом выпускаются небольшие монеты, чеканенные из серебра высокой пробы. В 561 г. б. э. эмиссия серебряных монет была продолжена, золотых монет этого года неизвестно (Фролова. 1997. С. 57). Эмиссия золотых и серебряных монет была осуществлена царем Тиберием Юлием Рескупоридом.

Описание монет (по: Фролова. 1997. С. 49, 264–266).

Золотая монета 560 г. б. э. (263/264 г. н. э.):

Л. с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΔΟΣ. Бюст Рескупорида вправо, перед ним трезубец. Точечный ободок.

О. с. Погрудные изображения двух императоров друг против друга. Между ними дифферент – шар/точка, внизу дата ΞΦ. Точечный ободок.

Серебряные монеты 560 г. б. э. (263/264 г. н. э.):

Л. с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΔΟΣ. Бюст царя вправо, перед ним трезубец. Точечный ободок.

О. с. Бюсты двух императоров друг против друга, между ними шар/точка, внизу дата ΞΦ. Точечный ободок.

Серебряные монеты 561 г. б. э. (264/265 г. н. э.):

Л. с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙ [ΔΟΣ]. Бюст царя вправо, перед ним трезубец. Точечный ободок.

О. с. Бюсты двух императоров друг против друга, между ними шар/точка, внизу дата ΑΞΦ. Точечный ободок.

В сводном труде, посвященном нумизматике Боспора, Н. А. Фроловой были учтены 1 золотая и 7 серебряных монет. Золотая монета является уникальной и имеет вес 2,62 г и диаметр 16 мм. Шесть серебряных монет 560 г. б. э. имеют следующие физические параметры (вес,

диаметр): 1) 2,12 г, 16 мм; 2) 2,33 г, 16 мм; 3) 2,31 г, 16 мм; 4) 2,99 г, 16 мм; 5) 1,48 г, 16 мм; 6) 1,76 г, 16 мм. Наибольший вес – 2,99 г, наименьший – 1,48 г, соответственно диапазон значений по весу составляет 102%. Серебряная монета 561 г. б. э. является уникальной, имеет вес 2,38 г, 16 мм (Фролова. 1997. С. 264–266). Содержание серебра в серебряных монетах – 92,5% (Фролова. 1997. С. 58).

За время, прошедшее с момента публикации этой работы, добавилось еще несколько монет. В частности, в электронном каталоге-архиве «Монеты Боспора» приведены описания 7 серебряных монет выпуска 560 г. б. э. и 4 монеты выпуска 561 г. б. э. Серебряные статеры 560 г. б. э. (263/264 г. н. э.): 1) 3,00 г, неизвестен; 2) неизвестен, неизвестен; 3) 2,51 г, 17 мм; 4) 1,72 г, 15 мм; 5) 2,23 г, 15,5 мм; 6) 2,19 г, неизвестен; 7) 2,49 г, 16,5 мм (<https://bosporan-kingdom.com/709-4166/>). Серебряные статеры 561 г. б. э. (264/265 г. н. э.): 1) 2,48 г, 16 мм; 2) неизвестен, неизвестен; 3) 1,89 г, 15 мм; 4) 1,80 г, 15 мм (<https://bosporan-kingdom.com/711-4520/>).

Таким образом, с учетом опубликованных электронным каталогом-архивом «Монеты Боспора» монет общее количество серебряных монет 560 г. б. э. составляет 13 экземпляров, серебряных монет 561 г. б. э. – 5 экземпляров. Диапазон значений по весу монет 560 г. б. э. изменился незначительно – вырос до 103%, диапазон значений по весу монет 561 г. б. э. составил 38%.

А. Н. Зограф относил эмиссии золотой и серебряных монет к числу «эфемерных, но более серьёзных попыток» Рескупорида упорядочить денежное обращение (Зограф. 1951. С. 210). Н. А. Фролова связывала чеканку серебряных монет с реформой денежного обращения. Она отметила, что вес серебряных монет был втрое меньше веса статеров (1,5–3 г против примерно 7,5 г), но содержание серебра в них вполне могло быть приравнено к содержанию серебра в статерах (содержание серебра в статерах прежних и последующих лет составляло от 15 до 50%, т. е. до 3,85–4 г) (Фролова. 1997. С. 58). В. А. Анохин относит золотую и серебряную чеканку к первым двум этапам преобразований в денежной системе Боспора, имевшим место в 560–562 гг. б. э. Золотую монету он с большой вероятностью считает золотым семисом Галлиена. Отмечая широкий диапазон веса серебряных монет, В. А. Анохин определяет их весовую норму в пределах около 3 г. Нумизмат согласен с мнением Н. А. Фроловой, что мелкие серебряные монеты эквивалентны по стоимости статерам. Учитывая соотношение стоимости золота и серебра и весовые нормы монет, в 560 г. б. э. золотой семис равнялся 10 серебряным монетам или 10 биллоновым статерам (Анохин. 1986. С. 125–126). К идее о том, что продолжающийся финансовый кризис заставил Рескупорида провести денежную реформу в 263–265 гг. склоняются М. Г. Абрамзон

и В. Д. Кузнецов (Абрамзон, Кузнецов. 2014. С. 62). Д. Р. Уолкер пришёл к выводу, что реформа Рескупорида была вызвана исключительными обстоятельствами – желанием сохранить за собой возможность контролировать торговые пути (Walker. 1978. P. 137–138). М. М. Чореф предположил, что золотые и серебряные монеты Рескупорида IV по аналогии с золотыми монетами Галлиена и Постума не служили средствами обращения, а являлись донативами для раздачи войскам (Чореф. 2012. С. 190–191).

Анализ золотой и серебряной чеканки Рескупорида IV, а также посвященной ей историографии позволяет выделить несколько существенных особенностей. Эмиссии являлись краткосрочными: в случае серебряных монет эмиссии продолжались два года, в случае золотых монет эмиссия была совершена в течение одного года. Монеты имели нехарактерный для боспорской чеканки III в. химический состав – высокое содержание золота и серебра. Монеты имели нетипичные для монетного дела Боспора I–IV вв. физические параметры – вес и диаметр. При этом серебряные монеты демонстрируют исключительно широкий диапазон значений по весу. Совокупность этих особенностей позволяет сделать предварительный вывод о том, что чеканка золотых и серебряных монет, вероятно, имела экстраординарный характер.

На Боспоре в это время продолжалось длительное правление представителя законной династии Тибериев Юлиев Рескупорида IV (242–276 гг.). В первые годы правления царь проводил традиционную для государства проримскую политику (Зубарь, Зинько. 2006. С. 158). Однако с середины III века ситуация кардинальным образом изменилась. Боспор оказался на пути миграций многочисленных варварских племен, ведущих войны с Римом. В начале 50-х гг. III в. подверглись нападению Танаис (251 или 254 гг.), Патрей (251 г.) и Гермонасса (252 г.) (Зубарев. 2006. С. 187–188). О напряженном состоянии экономики в эти годы говорят чрезвычайно обильные выпуски статеров и одновременное ухудшение качества их металла (Фролова. 1997. С. 56–57).

К этому смутному времени относится появление на боспорском престоле Фарсанза, который чеканил свою монету в 253 и 254 (?) гг. (Фролова. 1997. С. 51–56; Зубарь, Зинько. 2006. С. 162). Согласно Зосиму, к власти вместо царей, законно наследовавших власть, пришли «недостойные и презренные люди», прекратились «дружба с римлянами, правильно организованные торговые сношения и ежегодно выплачиваемые императорами дары» (Zos. I. 31). Более того, для варварских племен Боспор превратился в своеобразный плацдарм для вторжения в провинции Римской империи. В 255 или 256 г. состоялся первый морской поход боранов через территорию царства. При этом Боспор откупился от варваров предоставлением кораблей (Zos. I. 31). В 257 г.

бораны повторили поход в Малую Азию и снова воспользовались боспорскими кораблями (Zos. I. 32–33) (Хайрединова. 1994. С. 518–520; Зубарь, Зинько. 2006. С. 162–163; Ярцев, Зубарев, Бутовский. 2015. С. 84–89; Айбабин, Хайрединова. 2017. С. 29). В 256–257 гг. эмиссии статеров резко уменьшаются (Фролова. 1997. С. 48), содержание серебра продолжает падать (Абрамзон, Гунчина. 2016. С. 289–291).

Следствием морских походов варваров 255–256 и 257 гг. стал трехлетний перерыв в боспорской чеканке с 258 по 260 гг. В 261 г. чеканка статеров возобновилась. В 262 г. её объёмы выросли более чем в три раза. В последующие годы рост был продолжен (Фролова. 1997. С. 48–50; Абрамзон, Кузнецов. 2017. С. 36–38). Беспрецедентное увеличение эмиссий статеров свидетельствует о постоянно растущей нужде в средствах денежного обращения в условиях военной угрозы (Абрамзон, Кузнецов. 2017. С. 38).

В 264 г. состоялся очередной поход варваров на территорию Малой Азии. В отличие от предыдущих походов 255/256 и 257 гг. варвары не ограничились разграблением приморских городов и их окрестностей. Они вторглись в Каппадокию, затем опустошили Галатию и Вифинию. Существует мнение, что инициаторами похода являлись те или иные племена Меотиды (Ременников. 1954. С. 108–110; Ярцев, Зубарев, Бутовский. 2015, С. 92; Панченко. 2016. С. 61–64). Маршрут вторжения проходил через территорию Боспора и далее вдоль Кавказского побережья. Поход знаменует собой переход племён Меотиды от тактики грабежа отдельных городов к сухопутным вторжениям вглубь римских владений (Ременников. 1954. С. 110; Панченко. 2016. С. 64). Примечательно, что, судя по всему, Боспору удалось избежать вооруженного противостояния с варварами. Во всяком случае, на данный момент на территории Боспора неизвестны клады монет, относящиеся к 264 г. (Абрамзон, Кузнецов. 2017. С. 11). Также не существует реальных свидетельств о новых разрушениях на территории Боспора вплоть до событий 267–268 гг. Возможно, за это мирное сосуществование пришлось заплатить довольно дорогую цену – вплоть до вынужденного союза с варварами (Зубарев. 2006. С. 188).

Несмотря на давление варваров, утрату ряда пограничных территорий, ослабление связей с Римом и ухудшение экономической ситуации, Рескупорид IV сохранил власть. Видимо, правитель Боспора смог тем или иным образом приспособиться к новой ситуации и каким-то образом договориться с варварами. Во всяком случае, предыдущие и последующие морские походы племен Меотиды проходили через пролив Боспор Киммерийский (Ременников. 1954. С. 92–112; Панченко. 2016. С. 64; Панченко. 2017. С. 58). Варвары неоднократно исполь-

зовали боспорские корабли для своих походов, засвидетельствованы случаи участия боспорян в качестве членов экипажей этих кораблей (Zos., I. 31–33). На определенном этапе этих сложных взаимоотношений варвары могли потребовать у Рескупорида IV не только прохода через пролив и предоставления кораблей, но и выплаты денег. В рамках политики «вынужденных уступок» с целью смягчения давления со стороны варваров царь Боспора мог согласиться. Представляется, что золотые и серебряные монеты, чеканка которых была предпринята на протяжении двух лет в преддверии и во время масштабного похода 264 г., предназначались для выплат варварам.

Практика откупа от воинственных соседей известна, по крайней мере, с эпохи эллинизма. Она была характерна для некоторых полисов и государств, находившихся на периферии «цивилизованного мира». Например, у галатов требование выплаты денег в обмен на относительную безопасность было стандартным элементом взаимоотношений с теми государствами, которые оказывались у них на пути во время походов на Балканы и в Малой Азии. Откупаться от них были вынуждены Иллирия, возможно, Пеония и Дардания, а также Пергам при Эвмене I. Особенное распространение эта практика получила среди городов побережья Понта Эвксинского, вынужденных практически постоянно выплачивать значительные денежные суммы и подносить дорогие дары соседним варварам за оказываемую ими (реальную или видимую) защиту от внешней опасности. Эта система весьма напоминала современный рэкет (Ханиотис. 2013. С. 190. Прим. 6).

Выплаты могли носить разовый или регулярный характер в зависимости от конкретной ситуации. Насколько известно из эпиграфических источников рубежа III–II вв. до н. э., Истрия была вынуждена откупаться золотом от постоянных набегов фракийцев под руководством Золта. Один раз полис заплатил целых пять талантов, чтобы купить ненадежный союз с этим фракийским вождем, который тот тут же нарушил. После того, как не помогли ни задабривание, ни военное сопротивление, истрийцы обратились за помощью к своему сюзерену – некоему царю Ремаксу. Тот в ответ потребовал уплатить задолженность по дани и только после этого прислал небольшой отряд (Виноградов. 1989. С. 199–201). Ольвия платила дань Сайтафарну. Возможно, требование дани царем саиев имело под собой не просто обещание не разорять страну, но и предусматривало известные гарантии военной помощи в случае разбойничьих варварских набегов на Ольвию. Аналогичные договорные отношения сложились в ту же эпоху и у Византия с галатами: византийцы откупались от варваров ежегодными дарами в три, пять, десять тысяч золотых, а конце кон-

цов выплатили 80 талантов форося в год (Виноградов. 1989. С. 202–204). Херсонес на протяжении столетий испытывал давление со стороны соседних варваров (в данном случае – скифов). Известно, что с 47 по 134 гг. н. э. полис с перерывами чеканил золотые статеры. В. А. Сидоренко предположил, что эпизодический выпуск статеров предназначался для выплат варварам (скифам), осуществлявшихся Херсонесом в качестве откупа при невозможности оказать военный отпор (Сидоренко. 2001. С. 437–442, 446).

Практика выплат варварам получила распространение в Римской империи по мере усиления давления на ее границы, особенно в III в. н. э. В частности, Петр Патриций сообщает о посольстве карпов к легату Нижней Мёзии Менофилу. Карпы потребовали денег на том основании, что римляне готам деньги платят, а им (карпам), которые не слабее готам, не платят (FHG IV. Fr. 8; Циркин. 2015. С. 101). В 251 г. после разгрома римской армии при Абритте новый император Требониан Галл заключил с готами мир на тяжёлых условиях. Помимо прочего Требониан обязался платить готам ежегодную твёрдо установленную сумму денег (Zos. I. 24; Циркин. 2015. С. 170–171).

По мнению Н. А. Фроловой, в течение второй половины II – первой трети III в. н. э. боспорские цари получали от Рима нерегулярные субсидии, предназначенные для создания оборонительных рубежей. Эти субсидии использовались преимущественно для оплаты наёмных войск из среды соседних варварских племён или для подкупа племенной верхушки опасных соседей Боспора. Кризис Римской империи и упадок Боспора положили конец субсидиям (Фролова. 1982. С. 60–61). Возможно, Рескупорид IV накануне очередной волны варварских походов вернулся к этой практике. При этом представляется маловероятным, чтобы варвары могли удовлетвориться денежными взносами в виде отчеканенных Боспором биллонных статеров с уменьшенным содержанием серебра. Они наверняка предпочитали драгоценные металлы: золото и серебро. Соответственно, можно предположить, что Рескупорид IV отчеканил «нестандартные» золотые и серебряные монеты для выплат варварам с целью предотвращения вторжения.

Литература

- М. Г. Абрамзон, О. Л. Гунчина. Содержание серебра в статерах Рескупорида V в 242/243–257/258 гг. н. э.: исследование методом рентгеновской флуоресцентной спектроскопии (XRF) // ПИФК. 2016. № 4.
- М. Г. Абрамзон, В. Д. Кузнецов. Клад боспорских статеров 3–4 вв. н. э. из Фанагории (2011 год) // ВДИ. 2014. № 4.

- М. Г. Абрамзон, В. Д. Кузнецов.* Клад позднебоспорских статеров из Фанагории // Фанагория. Результаты археологических исследований. М., Институт археологии РАН, 2017. Т. 5.
- А. И. Айбабин, Э. А. Хайрединова.* Крымские готы страны Дори (середина III–VII в.). Симферополь, Антиква, 2017.
- В. А. Анохин.* Монетное дело Боспора. К., Наукова думка, 1986.
- Ю. Г. Виноградов.* Политическая история Ольвийского полиса VII–I вв. до н. э. М., Наука, 1989.
- А. Н. Зограф.* Античные монеты. М., Л., 1956. – (МИА. № 16).
- В. Г. Зубарев.* Из истории Боспорского царства во второй половине III – начале V вв. н. э. // БИ. 2006. Вып. XI.
- В. М. Зубарь, В. Н. Зинько.* Боспор Киммерийский в античную эпоху. Очерки социально-экономической истории // БИ. 2006. Вып. XII.
- Монеты Боспора. URL: <https://bosporan-kingdom.com/> (дата обращения: 03.04.2018).
- В. В. Панченко.* Морской поход племен Северного Причерноморья 264 г. н. э. на территорию Малой Азии и ситуация на Боспоре // Причерноморье. История, политика, культура. 2016. Вып. XIX (VI). Серия А. Античность и Средневековье.
- В. В. Панченко.* Морской поход племен Северного Причерноморья 266 г. н. э. на Гераклею и ситуация в Боспорском царстве // Причерноморье. История, политика, культура. 2017. Вып. XXII (VII). Серия А. Античность и Средневековье.
- А. М. Ременников.* Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III веке. М., Изд-во АН СССР, 1954.
- В. А. Сидоренко.* Золотая монетная чеканка Херсонеса I–II вв. н. э. // МАИ-ЭТ. 2001. Вып. VIII.
- Н. А. Фролова.* О римско-боспорских отношениях в I – середине III в. н. э. по нумизматическим данным // Нумизматика античного Причерноморья. К., Наукова думка, 1982.
- Н. А. Фролова.* Монетное дело Боспора (середина I в. до н. э. – середина IV в. н. э.). Ч. II. Монетное дело Боспора 211–341/342 гг. н. э. М., Эдиториал УРСС, 1997.
- Э. А. Хайрединова.* Боспор и морские походы варваров второй половины III в. н. э. // МАИЭТ. 1994. Вып. IV.
- А. Ханиотис.* Война в эллинистическом мире. Социальная и культурная история. СПб., Нестор-История, 2013.
- Ю. Б. Циркин.* «Военная анархия» в Римской империи. СПб., Нестор-История, 2015.
- М. М. Чореф.* «Non multa, sed multum», или дифференцы на монетах Боспорского царства периода «скифских войн» как исторический источник // Stratum plus. 2012. № 4.
- С. В. Ярцев, В. Г. Зубарев, А. Ю. Бутковский.* Греко-варварский Крым в период поздней античности (III–IV вв. н. э.: от морских походов до битвы при Адрианополе). Тула, ГГПУ им. Л. Н. Толстого, 2015.
- D. R. Walker.* Metrology of the Roman Silver Coinage. Part III. From Pertinax to Uranius Antoninus // British Archaeological Report. Supplementary Series. 1978. Vol. 40.

М. М. Чореф

К вопросу о причинах появления звездвидных надчеканок на боспорских оболах III–I вв. до н. э.

Продолжая начатое ранее исследование (Чореф. 2015. С. 279–299), хотелось бы перейти к изучению монеты, изображение (Монеты Боспора. Паспорт монеты: 124-3352-1) которой приведено на Рис. 1, 1. Это боспорский бронзовый обол. На его лицевой стороне выбит бюст безбородого сатира влево. Голова изображенного увенчана венком из плюща. Примечателен разрез его глаз. Дело в том, что у большинства сатиров, изображенных на оболах этой разновидности, их уголки опущены, а на изучаемой монете – приподняты. Но это не дает оснований считать изучаемую монету фальшивой. Дело в том, что весьма схожий портрет сатира известен на безусловно подлинных оболах боспорского чекана (Монеты Боспора. Паспорт монеты: 124-3007-50) (Рис. 1, 2). В нижней части поля аверса различима контрамарка. Она представляет собой композицию «✱» – восьмиконечную звезду, между лучами которой просматривается знак «▲». На оборотной стороне монеты отчеканена голова быка влево. Левее её различим символ «П»¹. Похоже, что это фрагмент буквосочетания «ПАН» – эмиссионной метки монетного двора Пантикапея, использовавшейся в эпоху правления Археанактидов и Спартокидов (Анохин. 1986. С. 25, 27–28, 31–71). Поверх морды быка оттиснута та же контрамарка.

Следует обратить внимание на следующее обстоятельство. Штемпели, с помощью которых накладывали надчеканки «✱», не были сопряжены. Такой вывод можно сделать на основании того, что их оттиски отстоят на разных расстояниях от края монетного поля² (Рис. 1, 1). Это довольно странно. Дело в том, что с помощью сопряженных штемпелей накладывать контрамарки было бы проще – одним ударом. Изучаемый же обол надчеканивали в два удара. Учитывая это обстоятельство, можно допустить, что операцию контрамаркирования проводили не на официальном монетном дворе, а во временной мастерской, персонал которой не имел навыков, необходимых для её проведения. Вполне возможно, что это предприятие находилось за пределами какого-либо значимого ремесленного центра. Однако штампы контрамарок выполнены по всем правилам. Они явно подлинные. Следовательно,

¹ Отверстие было проделано на том участке поля реверса, на котором была отчеканена буква «А». Символ «N» был сглажен в результате наложения надчеканки «✱» на аверс.

² На аверсе надчеканку оттиснули как положено – у края, а на реверсе – почти по середине поля. В результате изображение сатира на лицевой стороне сильно расплющено.

мастерская, в которой была надчеканена интересующая меня монета, получила оборудование, необходимое для проведения этой операции³.

Далее, монета пробита. Причем таким образом, что отверстие проделано в верхней части головы сатира и над мордой быка (Рис. 1, 1). Это говорит о том, что монету ценили не столько за металл, но и за оттиснутые на ней изображения. Вполне возможно, что она служила амулетом.

Рис. 1. К вопросу о составе денежного обращения на Боспоре к концу правления Асандра: 1, 2 – оболы Спартока III с надчеканкой «*» (1) и без нее (2); 3–6 – оболы понтийского периода с надчеканкой «*»: Митридата VI Евпатора Диониса (3), общины Пантикапея времен царствований Фарнака II (4) и Асандра (6), а также периода архонтата Асандра (5)

Этот артефакт получил сакральные функции после выпадения из обращения и в течение довольно долгого времени использовался в качестве амулета. Этот вывод можно сделать, поскольку, во-первых, отверстие, пробитое в нём, не было деформировано в результате наложения надчеканки на реверс, и, во-вторых, его края значительно

³ Нахожу это обстоятельство очень важным и обращусь к его истолкованию несколько ниже.

расширены и потерты, что свидетельствует о длительном ношении на каком-то тонком и гибком, податливом носителе, вернее всего – на тонкой полоске кожи или бечёвке.

Но отнюдь не последние обстоятельства привлекли мое внимание к этой монете. Ведь оболы с изображением безбородого сатира и быка хорошо известны. Установлено, что такие монеты выпускали при Спартоке III (304/303–284/283 гг. до н. э.), а, точнее, в 294–284 гг. до н. э. (Анохин. 1986. С. 141. № 124. Табл. 4, 124; Анохин. 1999. С. 75. Рис. 17, 8; Анохин. 2011. С. 153–154. № 1038). Изучаемый обол интересен самим фактом наложения на него надчеканок «*».

Обол с надчеканкой * примечателен прежде всего тем, что хотя контрамарка «*» на боспорских монетах нередка и хорошо известна, до настоящего времени ее находили только на меди I в. до н. э. Было принято считать, что эту надчеканку накладывали на оболы I в. до н. э. (Монеты Боспора. Паспорт монеты: 212-3035-6; Монеты Боспора. Паспорт монеты: 000-4754-1; Монеты Боспора. Паспорт монеты: 224-3094-3; Монеты Боспора. Паспорт монеты: 226-4141-1): анонимные времен правления Митридата VI Евпатора Диониса (121–63 гг. до н. э.) (Рис. 1, 3), выпущенные в период царствований Фарнака II (63–47 гг. до н. э.) и Асандра (48/47–19/18 гг. до н. э.) от имени общины Пантикапея (рис. 1, 4, 6), а также на эмитированные за четыре года архонтата последнего из перечисленных государей (Рис. 1, 5). Т. е. контрамарка «*» до недавнего времени была известна только на монетах понтийского периода (Чореф. 2015. С. 283–284. Рис. 1). Но как уже было сказано выше, публикуемая мною бронза значительно древнее. Сам факт наличия на её аверсе и реверсе контрамарки «*» говорит о том, что она находилась в денежном обращении на момент смерти Асандра, то есть когда в обращении все еще находились вышеперечисленные разновидности разменной монеты понтийского периода.

Этот факт объяснить довольно трудно. Дело в том, что со времени выпуска привлекшего мое внимание обولا до момента его контрамаркирования прошло более 250 лет. За это время Боспор пережил финансовый кризис III в. до н. э., в результате которого состав денежного обращения неоднократно менялся (Анохин. 1986. С. 48–60). Так что факт столь длительного использования обولا Спартока III весьма примечателен. Определенно, он заслуживает объяснения.

Начну с того, что дать ответ на этот вопрос можно лишь в том случае, если удастся учесть и истолковать все выявленные факты. Во-первых, обол с безбородым сатиром и быком использовался как платежное средство значительно дольше периода обращения однотипной монеты. Во-вторых, его надчеканили не на основном, а на вспомога-

тельном денежном дворе, который не располагался в значимом ремесленном центре и использовал переданное ему для работы оборудование. И, в-третьих, после выпадения из обращения изучаемая монета служила амулетом.

К счастью, все они неплохо увязываются. Дело в том, что надчеканку «✱» накладывали в восточной части Боспорского государства (Чореф. 2015. С. 285–287), то есть на территории, неподконтрольной Полеону I (14/13 гг. до н. э. – 9/10 гг. н. э.) (Сапрыкин. 2002. С. 128). Далее, этот правитель не единожды менял стопу боспорской меди (Анохин. 1986. С. 82, 148–149. № 256–258, 270–283. Табл. 10, 256–258, 270–275, 11, 276–283; Анохин. 1999. Рис. 31, 2–14; Анохин. 2011. С. 192–195. № 1346–1359; Фролова. 1997. С. 182–192). Так что нет оснований ожидать от него проведения контрамаркирования всех прежних выпусков с целью упорядочивания состава денежного обращения. Следовательно, надчеканка прошла в период царствования Полемона I, но не от его имени. В таком случае, её могли санкционировать только Митридатиды на Северном Кавказе. Допускаю, что они могли инициировать проведение контрамаркирования на подконтрольной им территории. Основываясь на этом выводе, можно заключить, что наложение на оболы контрамарки «✱» произошло в 12 г. до н. э.

Замечу, что в знаке «▲» есть все основания видеть эмиссионный символ монетного двора, находившегося на территории племени аспургиан (Чореф. 2012. С. 51–53. Рис. 4, 2). Оно поддерживало Митридатидов в борьбе с Полемоном I (Чореф. 2015. С. 287).

Это позволяет прояснить причину надчеканки. Допускаю, что с помощью этой операции Митридатиды пытались решить финансовые проблемы. Они узаконили обращение меди и бронзы крупнейшего номинала, подтвердив её достоинство нанесением контрамарок. Можно полагать, что проведение этой операции следует увязывать с поступлением в обращение первой серии монет с монограммой «» на реверсе⁴.

В таком случае становится понятной спешность проведения надчеканки. Митридатиды должны были одновременно узаконить курс медных и бронзовых монет крупнейшего номинала, обращавшихся в регионе. Эта задача была крайне сложна. Дело в том, что слабое экономическое развитие племенной территории аспургиан и сопредельных с ними племенных образований привело к использованию местными жителями разновременных монет, так что денежная масса в регионе была крайне разношерстной. Монеты ходили не только в силу своей

⁴ Принимаю их классификацию, предложенную Н. А. Фроловой (Фролова. 1997. С. 182–192).

металлической стоимости или распоряжений правительства, а также и потому, что на них были отчеканены популярные и, по-видимому, сакральные для местных жителей изображения (Чореф. 2017. С. 128–149; Шауб. 2017. С. 24–47), в нашем случае – фигуры сатира и быка. Так что не стоит удивляться тому, что контрамарка «*» известна не только на медных, но и на бронзовых облогах.

Полагаю, что сам факт публикации облога III в. до н. э. с надчеканкой I в. до н. э. увеличит интерес к нумизматике Боспора. Надеюсь, что в музейных собраниях Северо-Восточного Причерноморья и Крыма будут выявлены не менее интересные нумизматические артефакты, что, в свою очередь, позволит продолжить настоящее исследование.

Литература

- В. А. Анохин.* Монетное дело Боспора. Киев, Наукова думка, 1986.
- В. А. Анохин.* История Боспора Киммерийского. Киев, Одигитрия, 1999.
- В. А. Анохин.* Античные монеты Северного Причерноморья. Киев, Стилос, 2011.
- Монеты Боспора. Паспорт монеты: 000-4754-1. URL: <https://bosporan-kingdom.com/000-4754/1.html> (дата обращения: 08.01.2017).
- Монеты Боспора. Паспорт монеты: 124-3007-50. URL: <https://bosporan-kingdom.com/124-3007/50.html> (дата обращения: 08.01.2017).
- Монеты Боспора. Паспорт монеты: 124-3352-1. URL: <https://bosporan-kingdom.com/124-3352/1.html> (дата обращения: 08.01.2017).
- Монеты Боспора. Паспорт монеты: 212-3035-6. URL: <https://bosporan-kingdom.com/212-3035/6.html> (дата обращения: 08.01.2017).
- Монеты Боспора. Паспорт монеты: 224-3094-3. URL: <https://bosporan-kingdom.com/224-3094/3.html> (дата обращения: 08.01.2017).
- Монеты Боспора. Паспорт монеты: 226-4141-1. URL: <https://bosporan-kingdom.com/226-4141/1.html> (дата обращения: 08.01.2017).
- С. Ю. Сапрыкин.* Боспорское царство на рубеже двух эпох. М., Наука, 2002.
- Н. А. Фролова.* Монетное дело Боспора (середина I в. до н. э. – середина IV в. н. э.). Монетное дело Боспора 49/48 гг. до н. э. – 210/211 гг. н. э. М., Эдиториал УРСС, 1997. Ч. I.
- М. М. Чореф.* «Calamitas virtutis occasio», или к истории последних лет царствования Фарнака II // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2012. Вып. 22. № 7 (126).
- М. М. Чореф.* Надчеканки на медных монетах боспорского ахонта Асандра // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Севастополь, Филиал МГУ им. М. В. Ломоносова в г. Севастополе; Тюмень, Институт истории и политических наук Тюменского государственного университета; Нижневартовск, Нижневартовский государственный университет, 2015. Вып. 7.
- М. М. Чореф.* Изображения на ранних боспорских серебряных монетах: атрибуция и причины появления // Новое прошлое. 2017. № 4.
- И. Ю. Шауб.* Монстры в культуре скифов // Новое прошлое. 2017. № 4.

Д. В. Бейлин, И. В. Рукавишникова

Могильник римского времени «Александровские скалы 1» близ г. Керчь

Могильники римского времени укрепленных поселений и городищ первых веков нашей эры, расположенных на территории Европейского Боспора, хорошо известны исследователям, а результаты раскопок отдельных участков некоторых из них известны по публикациям и монографиям (Арсеньева. 1963; 1970; Кругликова. 1969; Масленников. 1990; Винокуров, 2014 и др.). Некрополи и могильники подвергались разграблению еще в древности, о чем упоминали Платон, Аристотель, Страбон, Элиан. Не исключением были и боспорские погребальные памятники как классического и эллинистического, так и римского времен. С 90-х гг. XX столетия и по настоящее время тотальному разграблению подверглись практически все могильники и некрополи античных поселений Керченского полуострова. Так, практически полностью разграблены некрополи поселений римского времени Осовины I, Туркмен, Михайловского городища, городища Артезиан, Кезы, Багерово-Северное, Андреевка Южная, Белинское, Илурат и многих других памятников.

В 2017 году были проведены охранные археологические раскопки курганов 1, 2 курганной группы «Александровские скалы 1», расположенной в 10–10,4 км к юго-западу от г. Керчи вблизи укрепленного поселения римского времени «Городище 11 км».

Курган 1 представлял собой невысокую, разрушенную полотном и кюветом асфальтированной дороги Керчь – Феодосия земляную насыпь, которая, вероятно, являлась частью курганной насыпи, возведенной над погребениями эпохи бронзы, совершенных в катакомбах. Исследованные четыре катакомбы были сооружены в слое мергеля и в плотном песчанике. Положение скелетов и их пространственная ориентация были различны, однако, практически все скелеты имели на костях следы охры.

Курган 2 представлял собой скалистый массив, на вершине которого при расчистке дернового слоя был зачищен развал каменной конструкции, сложенной из необработанных известняковых камней. Под ним в центре была выявлена частично сохранившаяся могильная яма овальных очертаний размерами 1,4×1,0 м, где были зачищены фрагменты скелета человека в виде костей нижних конечностей, черепа и таза. Погребальный инвентарь отсутствовал. Комплекс был практически уничтожен при сооружении триангуляционного знака, а в дальнейшем земляными работами, связанными с посадкой лесонасаждения и разграблен в 90-х годах XX столетия. Обнаруженные в грабитель-

ских земляных отвалах и при расчистке вершины скального массива фрагменты гераклейских и хиосских амфор, могут относиться к этому погребению, которое, в этом случае, следует датировать IV в. до н. э.

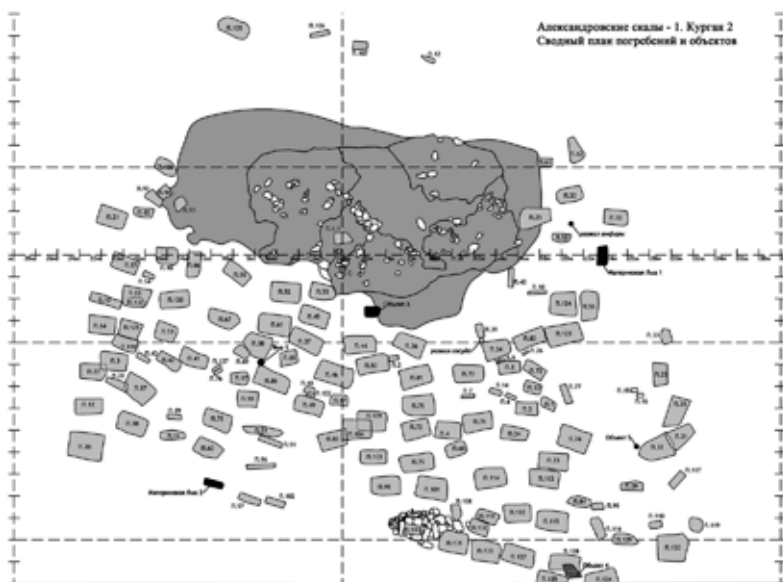
В процессе археологического изучения курганов и их прикурганного пространства было открыто два участка некрополя римского времени (I–II вв. н. э.), где был выявлен и исследован 251 археологический комплекс представленный погребениями и тризнами, связанными с ними. В сохранившейся части насыпи кургана 1 и в её прикурганном пространстве было исследовано 107 археологических комплексов, среди которых два погребения в керамических сосудах (кремации), два погребения лошадей и отдельные комплексы тризн (Илл. 1). Массив погребений центральной части сохранившейся насыпи имеет три уровня залегания могил, зафиксированных от современной дневной поверхности. При исследовании прикурганного пространства кургана 2 было выявлено 137 погребений, расположенных в основном в южной поле (Илл. 2).

Илл. 1. Сводный план погребений и комплексов, исследованных в границах кургана 1

Погребальные комплексы изученных участков некрополя близки по типам могил и по набору погребального инвентаря. Как на одном, так и на втором участке некрополя наблюдается некое центральное ядро, где фиксируется наибольшая концентрация могил, прослеживается их рядность, а также периферия участка, где могилы расположены на большем удалении друг от друга. Иногда это связано со сменой плотности материкового суглинка и выходами рыхлых песчаников.

В основном, погребения совершены в грунтовых могилах с каменным плитовым перекрытием, уложенным на заплечики. Часть погребений не имеет плит перекрытий и совершены в простых грунтовых ямах, вырытых, зачастую, в слое гумусированного грунта и в верхней части свиты материковых суглинков. Особый интерес представляет каменный склеп прямоугольной в плане формы, сложенный из хорошо обработанных плит, где было расчищено коллективное захоронение. Склеп был пристроен к выходу скального коржа и ориентирован длинной осью в направлении запад-восток дромосом на запад. Дромос склепа был заложен одной массивной плитой и мелким известняковым бутом.

Илл. 2. Сводный план погребений и комплексов, исследованных в границах кургана 2

Подавляющее большинство могил длинной осью ориентированы в направлении запад-восток, иногда с небольшим отклонением к северу или югу. Однако, следует отметить, целый ряд погребений как с перекрытием, так и без него, ориентированных по линии север-юг, либо в смежных направлениях. За единичным исключением погребенные были уложены в вытянутом положении на спине. У многих погребенных ноги скрещены в области берцовых костей. Пространственная ориентация скелетов также различна, но больший процент ориентирован черепами на восток.

Практически все погребения содержат достаточно стандартный набор погребального инвентаря, который представлен различными предметами быта из металла, глины и кости, глиняной и стеклянной посудой, светильниками, терракотами, украшениями, орудиями труда, оружием, монетами.

Керамика в погребальных комплексах представлена простыми красноглиняными, сероглиняными и краснолаковыми мисками, тарелками, чашками, кружками, кубками и кувшинами, как местного боспорского производства, так и малоазийских (Пергам) и южнопонтийских центров производства I–II вв. н. э. В детских погребениях не редки красноглиняные гуттусы различных форм, в том числе и фигурные. К этой же категории можно отнести сероглиняные, красноглиняные и краснолаковые однорожковые закрытые светильники, щитки которых нередко украшены рельефными изображениями. Среди погребального инвентаря встречаются терракотовые статуэтки и протомы. Отдельную группу керамики составляют немногочисленные погребальные урны для праха.

Отдельную группу находок составляют изделия из стекла. К первой категории относится посуда: кувшины, стаканы, миски. Ко второй категории можно отнести сосуды специального назначения: бальзамарии и флаконы различных форм, гуттусы, которые обнаружены лишь в детских погребениях. К третьей категории находок можно отнести украшения в виде стеклянных бус и подвесок. Особый интерес представляет собой стеклянный рельефный обклад.

Не редки и находки туалетных принадлежностей, косметических средств и средств личной гигиены: костяными и бронзовыми палочками и ложечками, бронзовыми пинцетами, копоушками, бронзовыми зеркалами, костяными пиксидами зачастую с кусочками пудры.

Украшения являются одной из наиболее представительных и многочисленных групп находок. Это – бусы из стекла, янтаря, гипса, фаянса, поделочных камней (минералов), подвески, лунницы, пряжки, фибулы, серьги, перстни, кольца, браслеты, пронизи, изготовленные из железа, бронзы, редко белого и желтого металла, нашивки в виде трехчастных лепестков из желтого металла.

Орудия труда и быта не многочисленны и не разнообразны. В основном это бронзовые иглы, шила и наперстки. Единичны железные тесла, долото, мотыжки.

Отдельной категорией находок можно считать многочисленные железные ножи, большая часть из которых, все же является столовыми приборами.

Оружие было найдено всего в нескольких погребениях. В одном из погребений кургана 1 (погребение воина) был найден железный

длинный меч и длинный боевой кинжал. Обращает на себя внимание находка железного наконечника дротика в погребении ребенка (около 10 лет) (курган 2).

Во многих могилах прослеживается одинаковый погребальный обряд с близким набором погребального инвентаря, который включает в себя простые и краснолаковые кувшины, краснолаковые миски, в которые, зачастую уложена часть конечности мелкого рогатого скота (барана) и железный короткий нож. Погребальный инвентарь преимущественно уложен в ногах погребенных. В детских погребениях преобладают глиняные и стеклянные гуттусы, стеклянные бальзамарии и флаконы, глиняные кувшины, терракотовые статуэтки, бусы, светильники.

В некоторых могильных ямах сохранились остатки досок от деревянных гробов, представляющих собой простые ящики прямоугольной в плане формы, скрепленные железными гвоздями и скобами. Не исключение составляют, парные и тройные погребения, совершенные в одной могильной яме. Здесь, в большинстве случаев, пространственная ориентация погребенных одинакова, однако, встречается и разнонаправленная.

Среди исследованных комплексов участков могильника следует особо отметить кремационную яму антропоморфных очертаний, могилу с остатками деревянного саркофага, стенки которого были украшены гипсовыми рельефными налестками в виде розеток, цветков, женских фигурок и рыб. Интересным сооружением на участке могильника является колодец, выкопанный в плотной глине глубиной более 8 м, в придонной части которого были обнаружены фрагменты амфор I в. н. э., а сверху, у его устья, было совершено погребение синхронное общей массе исследованных могил.

Обращает на себя внимание вершинный участок могильника кургана 1. Здесь можно выделить ряд погребений, совершенных в подбойных могилах, впущенных в слой гумусированного грунта, практически с уровня подошвы дернового слоя. Эти могилы были закрыты известняковыми плитами, часть из которых представляет собой надгробные плиты в виде антропоморфных изваяний различных форм и стилей. В процессе исследований участка некрополя было обнаружено около 9 антропоморфных и рельефных надгробных плит во вторичном использовании в качестве плит заклада и лишь несколько непосредственно возле могил (Волошинов, Рукавишникова, Бейлин. 2018).

В настоящее время мы располагаем половозрастными определениями по 316 погребениям могильника «Александровские скалы 1». Это позволяет судить о некоторых демографических особенностях. Так, для кургана 1 характерны паритетная представленность обоих полов,

высокий процент младенческой смертности и другие черты, характеризующие, как правило, палеопопуляцию, а не искусственно составленную выборку. Для кургана 2 определены иные демографические параметры: численное преобладание мужчин, сложная траектория возрастной кривой мужской смертности, выраженный пик женской смертности в возрасте 15–19 лет, более низкая детская и, в особенности, младенческая, смертность. Эти особенности, во-первых, отличают «социальный статус» этого участка некрополя от предыдущего (курган 1), а во-вторых, указывают на некие культурные факторы, которые избирательно формировали погребения на территории участка могильника кургана 2.

Таблица. Половозрастная характеристика погребенных исследованных участков могильника

Могильник «Александровские скалы-1». Курган 1.										
Возраст (год)	0–1	1–3	3–10	10–15	18–25	25–35	35–45	45–50	50–	%
Мужчины				2	3	8	19	14	8	40
Женщины				2	5	13	12	9	7	35,5
Дети	7	6	10	1						17,7
неопределенный пол								9		6,66
Мужчины	54			Всего 135						
Женщины	48									
Дети	24									

Могильник «Александровские скалы-1». Курган 2.										
Возраст (год)	0–1	1–3	3–10	10–15	18–25	25–35	35–45	45–50	50–60	%
Мужчины				1	5	8	24	38	13	52,04
Женщины				4	5	2	10	8	9	22,22
Дети	8	4	21	2						20,46
неопределенный пол					9					5,26
Мужчины	89									

Весьма интересные выводы были сделаны М. В. Добровольской в процессе изучения антропологического материала. Скелетные материалы, а в особенности сопоставление полученных результатов с результатами исследования могильников других боспорских поселений римского времени этого же времени позволят получить представление об антропологическом своеобразии населения Европейского Боспора в это время. Можно заметить, что среди погребенных встречаются крупные индивиды. Фиксируется очень сильное выступание носа, значительная его высота и ширина, иногда передней носовой остью,

ориентированной книзу («орлиный нос»). В контексте умеренной и значительной горизонтальной профилировки лица, можно судить о ярко выраженных европеоидных особенностях внешности населения. В качестве гипотетического вектора происхождения некоторых индивидов, можно предположить восточное и юго-восточное направление (Кавказ и Закавказье) и предварительно отнести их к кавкасионскому или арменоидному антропологическому типу, являющихся вариантами балкано-кавказкой расы.

Исследованные погребения, за исключением подкурганых погребений эпохи бронзы (курган 1) и погребения совершенного на вершине скального массива кургана 2, могут быть датированы I–II вв. н. э. Участки могильника относятся к укрепленному поселению I в. до н. э. – III в. н. э. «Городище 11 км», расположенному в 500–700 м западнее и является частью более обширного некрополя этого поселения. Исследованные участки могильника формировались вокруг существующих погребальных сооружений предыдущих эпох.

Следует особо отметить, что ни одно из исследованных погребений не подверглось ограблению в предыдущие эпохи. Это само по себе уже является не только большой удачей для исследователей, но и представляет особый интерес для изучения погребального обряда в контексте ранее исследованных комплексов могильников первых веков нашей эры как сельской территории Европейского Боспора, так и городских некрополей.

Литература

- Т. М. Арсеньева.* Некрополь римского времени у дер. Ново-Отрадное // СА. 1963. № 1.
- Т. М. Арсеньева.* Могильник у деревни Ново-Отрадное // Поселения и могильники Керченского полуострова начала н. э. М., Наука, 1970. – (МИА. № 155).
- Д. В. Бейлин, А. А. Волошинов, И. В. Рукавишников.* Надгробная скульптура некрополя «Александровские скалы 1» // Боспорский феномен: общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. СПб., 2018.
- Д. В. Журавлёв.* Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма I–III вв. н. э. (по материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины) // МА-ИЭТ. Supplementum. 2010. Вып. 9.
- И. Т. Кругликова.* Некрополь поселения у дер. Семёновки // СА. 1969. № 1.

Д. В. Бейлин, А. А. Волошинов, И. В. Рукавишников
**Надгробная скульптура некрополя
«Александровские скалы»¹**

Могильник «Александровские скалы» расположен в 4 км к юго-западу от г. Керчь. Представлял собой две небольшие курганоподобные насыпи, которые при постановке на учет в 2016 г., получили условные наименования «курган 1» и «курган 2». В 2017 г., в связи со строительством трассы «Таврида», отрядом Крымской новостроечной археологической экспедиции под руководством И. В. Рукавишниковой, под этими насыпями, расположенными на расстоянии 250 м, было исследовано 240 погребальных сооружений I–II вв. н. э. с погребальным обрядом и инвентарём, характерным для боспорских некрополей этого периода.

В ходе археологических исследований было найдено 11 стел и одно основание-база для установки стелы. Все они выполнены из мшанкового известняка и ракушечника. Памятники представлены рельефами (№ 1, 3, 5, 6) и антропоморфными надгробиями (№ 2, 4, 7–11). Большинство изваяний имеют многочисленные сколы, борозды и царапины, нанесенные землеройной техникой. Отдельные стелы были повреждены в древности и сохранились фрагментарно (№ 1, 2, 4, 6, 10, 11). Некоторые изваяния использовались вторично, в качестве отметки над могилой (№ 4) и в конструкции могил, среди плит перекрытия (№ 1, 2, 6, 8–11 и основание-база) и закладов (№ 5, 7), одна (№ 3) найдена рядом с погребением. По времени функционирования некрополя все найденные памятники могут быть датированы I–II вв. н. э.

В традициях боспорской скульптуры изготовлен рельеф № 1, два фрагмента которого были использованы в составе плит перекрытия могил № 15, 20 «кургана 1» (Рис. 1, 1)². Оба фрагмента были положены горизонтально изображением вверх. В древности частично утрачена часть плиты с третьей фигурой и нижняя часть памятника, сильно повреждены розетки, преднамеренно сбиты лица сохранившихся фигур.

Рельеф с изображением многофигурной композиции. На основной плоскости плиты, под гладким низким карнизом, с применением низкого рельефа высечен фронтон с тремя уплощенными антропоморф-

¹ Текст написан в рамках выполнения плановых тем, утверждённых государственным заданием отделу археологии раннего железного века – «Археологические памятники варварского населения Крыма в III в. до н. э. – VI в. н. э.» (№ 0832-2015-0003) и отделу античной археологии – «Кросскультурные связи населения греческих городов Северо-Западного и Восточного Крыма, Причерноморья и Средиземноморья и их варварской периферии» (№ 1005-2015-0004) Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт археологии Крыма РАН».

² Рельеф изготовлен из мшанкового известняка, его высота – 51 см, наибольшая ширина – 46,5 см, толщина – 10,3–10,8 см.

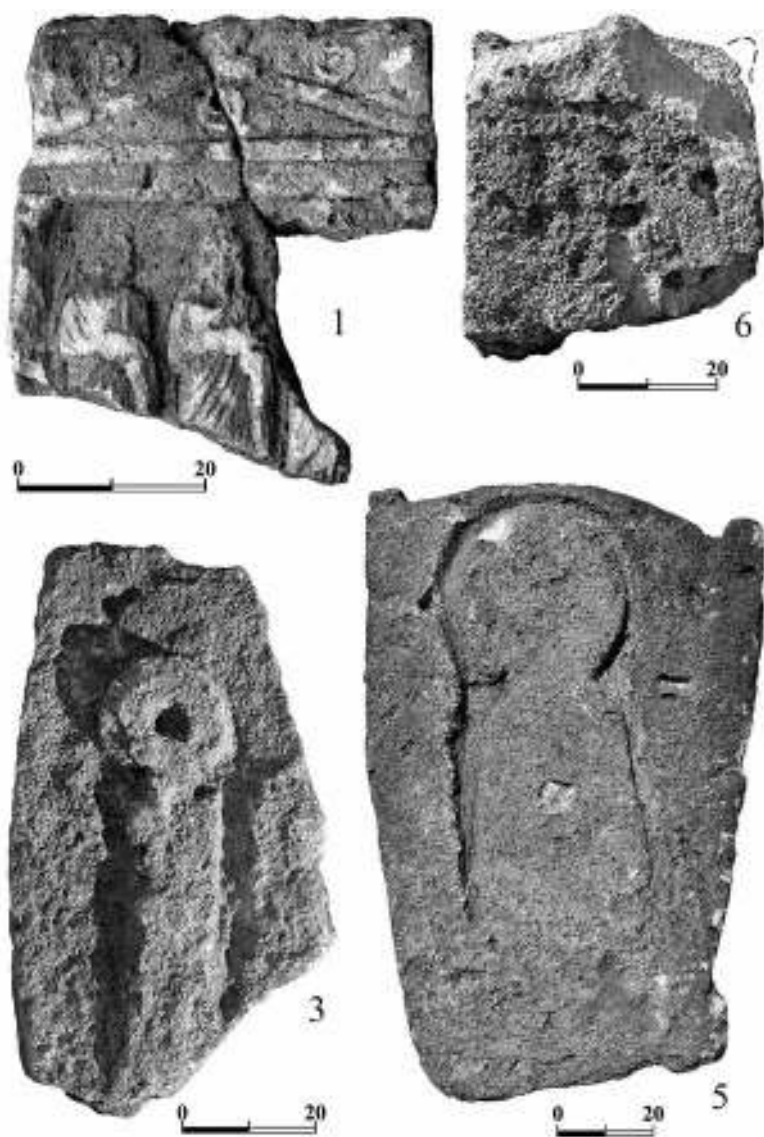

Рис.1. Рельефы из раскопок кургана 1 могильника «Александровские скалы».

ными акротериями – центральным и двумя половинчатыми боковыми (угловыми). Тимпан украшен рельефной розеткой, две аналогичные розетки расположены симметрично над фронтоном, по обе стороны от центрального акротерия. Заглубленное поле ниши с обеих сторон обрамлено колоннами, переданными с применением плоского рельефа. Под фронтоном, в прямоугольной, заглубленной нише-эдикуле, изображены две фронтально стоящие, не связанные рукопожатием фигуры, одетые в хитон. Накидка на голову, указывает на то, что центральная из них принадлежит женщине. По правую руку от нее, возможно, изображена мужская фигура³, однако многочисленные сколы не позволяют говорить об этом определенно. Правая рука каждого из персонажей придерживает складки хитона. Левая рука согнута в локте, ее пальцы сложены в кулак, выдвинутый вперед. В нем зажат край одежды, свисающий по левому бедру. Фигура третьего персонажа сохранилась частично – видны только складки одежды.

Несмотря на утрату третьей фигуры, общая иконографическая схема может быть реконструирована по памятникам боспорской скульптуры. На рельефе могла быть изображена широко распространенная в античном мире сцена «прощания» (Давыдова. 1990. С. 13; Матковская. 1983. С. 118–121). Другой возможный вариант реконструкции – фигуры на стеле из «кургана 1» Александровских скал были автономными, как на стеле Битона, сына Гелия (CIRB. 879; КБН. С. 482, 483), датирующейся I в. н. э., стеле Стратона, сына Дама (Матковская и др. 2009. С. 132–133, 406, кат. № 78) или тиритакской стеле Пофиины, ее дочери Хрисион и сына Клеона, датируемой первой половиной II в. н. э. (КБН. № 909. С. 501, 502)⁴.

Детали архитектурного оформления, масштабно переданные персонажи, трактовка одежд позволяет поставить рельеф из могильника Александровские скалы в один ряд с рельефами I в. н. э., например, Эротиды и Сабион (CIRB. 407; КБН. С. 266), Елены, дочери Инаха (CIRB. 397; КБН. С. 262). Таким образом, стилистически близкими являются памятники, выполненные в I в. н. э. – первой половине II в. н. э. в мастерской «аттической традиции» (Матковская. 2000. С. 59–63). Однако в виду значительного повреждения стелы, уточнить ее при-

³ Очень похожая по позе и трактовке одежды мужская фигура изображена на ряде рельефов I в. н. э., например, Елены, дочери Инаха (CIRB. 397; КБН. С. 262), Фанна, сына Фанна (CIRB. 525; КБН. С. 322), Микалиона, сына Микалиона (CIRB. 472; КБН. С. 297). На последнем так же, как и на рельефе № 1, сбиты лица персонажей.

⁴ Ю. Ю. Марти на основании стиля надписи и техники рельефного рисунка отнес это надгробие к середине I в. н. э. (Марти. 1941. С. 201, 202. № VI).

надлежность к какой-либо из школ боспорского надгробного рельефа не представляется возможным.

Несомненно, в боспорских традициях выполнен и рельеф № 6, найденный среди плит заклада могилы № 9 «кургана 1» (Рис. 1, 6)⁵. На лицевой плоскости плиты, под низким карнизом, с применением низкого рельефа высечен фронтон с тремя уплощенными антропоморфными акротериями: центральным – трапециевидным и двумя подтреугольными боковыми (угловыми). Под фронтоном расположена плоская ниша-эдикюла без изображений и архитектурного обрамления.

Подобная архитектоника с рельефно выступающими акротериями, свойственна некоторым боспорским надгробиям I–II в. н. э., например, стелам Дионисия, сына Никандра (Матковская и др. 2009, № 66. С. 116–118, 397), Агафуса, его жены Никарион и их сыновей (Матковская и др. 2009, № 134. С. 214, 215, 447), Гелиодора, сына Гелия (CIRB. 134, КБН. С. 132–133), Перисала, сына Саврофа (CIRB. 698; КБН. С. 403, 404), стеле со сценой прощания (Матковская и др. 2009, № 124. С. 199, 439) и др. Впрочем, отсутствие каких-либо изображений под фронтоном позволяет рассмотреть и другие аналогии. Ряд более ранних боспорских стел IV–II вв. до н. э., имея подобное архитектурное оформление, содержит высеченные под фронтоном надписи, в том числе имена погребенных, например, Афинаиды (CIRB. 155; КБН. С. 151), Фагуса и Бласта (CIRB. 185; КБН. С. 164), Клео (CIRB. 196; КБН. С. 169–170), Кратеи (CIRB. 198; КБН. С. 170), Метробия (CIRB. 205; КБН. С. 173), Сосия (CIRB. 1068; КБН. С. 624) и др. Подобные памятники дополнялись раскраской.

Боспорские традиции в архитектонике и морфологии изображенной фигуры заметны и рельефе № 5 (Рис. 1, 5), найденном на кургане 1. Он был установлен на ребро боковой стороной и, таким образом, использован в качестве плиты заклада подбойной могилы № 63⁶.

Плита имеет трапециевидные в плане очертания. Верхний край плиты оформлен в виде фронтона с полуциркульным завершением и двумя уплощенными боковыми (угловыми) выступами-акротериями, имеющими подпрямоугольную форму. В нижнем правом углу плиты высечен небольшой трапециевидный выступ, выделенный засечками. На лицевой поверхности памятника, под «фронтоном», с применением плоского рельефа изображена антропоморфная фигура с округлой

⁵ Памятник изготовлен из ракушечника, его высота – 50 см; наибольшая ширина – 38,5 см; толщина – 18–20 см. Нижняя часть отломана в древности, поврежден тимпан, утрачены розетки и правый боковой акротерий.

⁶ Изготовлен из ракушечника, высота – 120 см; наибольшая ширина – 77 см, толщина – 14 см.

головой, короткими покатыми плечами без выделения шеи и трапециевидным, вытянутым по вертикали туловищем без ног. Контур фигуры передан врезной канавкой шириной 3–8 см.

Нижний край фигуры не обозначен, сливаясь с общей плоскостью плиты. В свободном пространстве между трапециевидным выступом и фигурой расположено углубление, напоминающее по очертаниям греческую λ – лямбду. На тыльной стороне памятника, в нижней половине плиты, высечено чашевидное углубление глубиной около 10 см, которое в нижней части имеет форму квадрата.

В форме плиты заметно нарушение геометрии, без соблюдения симметрии по отношению к плоскости плиты расположена и сама фигура. Прямых аналогий памятнику нет, однако в стилистически близкой технике изготовлены, например, рельефы из Нимфея (Молева. 2012. С. 60, табл. II, 23; Молева. Кучеревская. 2016. С. 129, кат. № 102), Опука (Молева. 2012. С. 60, табл. V, 5; Молева. Кучеревская. 2016. С. 193, кат. № 166), Китея (Молева. 2012, табл. II, 78; Молева. Кучеревская. 2016. С. 173, 175, кат. № 146, 148), Кызаульского некрополя (Молева. 2012, табл. II, 80, 81; Молева. Кучеревская. 2016. С. 190, 191, кат. № 163, 164). Все они являются случайными находками, либо найдены в насыпи и не связаны с конкретными погребениями. Для этой группы памятников свойственно нарушение геометрии в форме плит, на некоторых верхняя грань имела полукруглые очертания, однако без попыток выделения акротериев. В целом же полуциркулярное завершение не свойственно боспорским рельефам и встречается в единичных случаях, например, на стеле Феофилиски, сына Феофила, датирующейся концом I – началом II в. н. э. (CIRB. 611; КБН. С. 360) и стеле 227 г. н. э. (CIRB. 147; КБН. С. 146, 147). Согласно классификации Н. В. Молевой, памятник следует отнести к стелам с рельефными изображениями антропоморфных изваяний и датировать по форме головы IV–II вв. до н. э.⁷

К этой же группе, вероятно, относится и верхняя часть рельефа № 3, найденная на кургане 1, в 1,5 м от могилы № 58⁸. На лицевой поверхности подтрапециевидной в плане плиты, в плоском рельефе, с помощью канавки шириной 5 см, изображена вытянутая по вертикали

⁷ Из этой группы памятников единственной аналогией по оформлению верхней части рельефа в виде фронтона с акротериями, является стела неизвестного происхождения, поступившая в Керченский заповедник в 1977 г. (Молева, Кучеревская, 2016. С. 134, кат. № 107). В подобном обрамлении изображались и антропоморфные фигуры на надгробиях Херсонеса (Стоянов, 2010, рис. 1,4).

⁸ Памятник изготовлен из мшанкового известняка. Его высота – 95 см, ширина – 50 см, толщина плиты – 12–33 см.

фигура. Она имеет подпрямоугольные очертания и увенчана плоским округлым выступом с круглым углублением в центре. Шея прямая, короткая, в ее сторону наклонены короткие плечи. Слева над округлым выступом высечено волнообразное углубление, переданное канавкой.

В виду крайней схематичности изображения, однозначно определить сюжет не представляется возможным. Наиболее предпочтительным является антропоморфный его характер, на что указывает отрицательный уклон «плеч», характерный для стел с антропоморфными изображениями из некрополя Нимфея (Молева. 1999. С. 324, 325, кат. 21, 23, Молева. 2012. С. 60, табл. II, 22, табл. V, 5, табл. II, 25; Молева, Кучеревская, 2016. С. 128, 131, 193, кат. № 101, 104). В подобном стиле и пропорциях изображены фигуры на рельефе, найденном в 1910 г. на горе Опук (Иванова. 1950. С. 247, рис. 10; Молева. 2012. С. 60, табл. V, 44; Молева, Кучеревская. 2016. С. 193, кат. № 166).

Наиболее многочисленную группу представляет ряд антропоморфных стел, найденных на «кургане 1» (№ 4, 7–11) и «кургане 2» (№ 2). Все они изготовлены из ракушечника, за исключением стелы № 4, выполненной из мшанкового известняка. Три из них – № 7–9 (Рис. 2, 7–9), сохранившиеся полностью, объединяют сходные размеры и техника изготовления⁹. Стелы № 7, 8 (Рис. 2, 7, 8) представляют собой тщательно отесанные плиты антропоморфных очертаний с четко обозначенной головой, выделенной на ширину подпрямоугольного туловища и прямыми короткими плечами. Голова имеет округлые очертания, сужаясь к подбородку, и имеет несколько спрямленные боковые грани¹⁰. По классификации Н. В. Молевой, подобные изваяния могут быть отнесены к типу 14, варианту «а» и датированы III в. до н. э. (Молева, 2012.

⁹ Стелы № 7–9, помимо размеров и техники изготовления объединяет еще один важный признак – нижняя грань плит гладко отесана, т. е. стелы изначально не имели шипов для установки, при этом один из нижних углов плиты имеет скошенную поверхность. При высоте в 1,0 м это непременно привело бы к постепенному смещению памятников с первоначального места установки. Нижний край некоторых боспорских памятников даже закруглен, например, стела Эрога, сына Зенона (K-W, s. 138, Taf. LVI, № 760; КБН. С. 416, № 721). Следовательно, либо такие изваяния вкапывались достаточно глубоко в заполнение могилы (не менее чем на треть, на что указывает небольшой выступ на боковой грани стелы № 7), либо использовались иначе, например, в виде жертвенных (поминальных) плит (столиков), т. е. они могли быть изначально не предназначены для вертикальной установки. Косвенным подтверждением этому являются обстоятельства находки стелы № 8, найденной в горизонтальном положении, поверх плит перекрытия могилы № 78.

¹⁰ Такая, несколько уплощенная форма головы может объясняться технологией изготовления памятников. Мастеру для выделения головы и плеч, фактически требовалось только высечь на боковых гранях подпрямоугольной заготовки два симметричных треугольника и слегка закруглить верхнюю торцевую грань.

С. 38, 39, 48). К этой группе, вероятно, относится и фрагмент стелы № 11 (Рис. 2, 11). Стела № 9 (Рис. 2, 9) отличается морфологически – более округлой головой, наличием длинной и толстой шеи, покатыми плечами, что позволяет отнести изваяние к 19-му типу и датировать в рамках I в. до н. э. (Молева. 2012. С. 44). Визуальное сопоставление этих четырех изваяний позволяет предположить, что они могли быть изготовлены одним мастером, на что указывают не только близкие параметры¹¹, но и такой стилистический прием как фасетированные грани головы и шеи. Подобные фасетки известны на стелах из Мирмекия (Иванова. 1950, с. 245, рис. 8, 9; Молева, Кучеревская, 2016. С. 229, кат. № 40–42, 45, 201; Молева, 1977. С. 110–111; рис. 4, 5, 6 а, б; Молева, 2012, табл. II, 31, 36, 39; IV, 4а). Аналогичный прием применен и для моделировки головы стелы № 4 (Рис. 2, 4). Памятник имеет овальную голову, вытянутую горизонтально и покатые плечи, обозначенные без выделения шеи, что позволяет его отнести к 18-му типу боспорских антропоморфных изваяний, датируемому II–I вв. до н. э. (Молева. 2012. С. 43, 49)¹². Стела № 10¹³ (Рис. 2, 10) представляет собой вытянутую по вертикали трапецевидную плиту, у основания которой выделен подпрямоугольный выступ-шип (13×11 см) для установки в базу. В верхней части надгробия выделена овальная в сечении шея и прямые плечи, голова отломана в древности. Морфологические особенности памятника позволяют отнести его к 16-му типу боспорских антропоморфных изваяний, датированному III в. до н. э. Близкими аналогиями этому памятнику являются изваяния из некрополя Китея и «Белинского» (Молева. Кучеревская. 2016. С. 177, 178, 212, № 150, 151, 185). Здесь же, на «кургане 1» была обнаружена и подпрямоугольная база для установки надгробия (Рис. 2, 12)¹⁴, в центральной части которой вырублен прямоугольный паз (28×17 см) глубиной 20 см.

На «кургане 2» могильника «Александровские скалы» найдена только одна стела – № 2 (Рис. 2, 2)¹⁵, при том, что было исследовано 140 погребений. В верхней, более широкой части, расположен подтрапецевидный выступ-голова, от которого отходят короткие прямые плечи. Голова отделена от нижней части плиты горизонтальной

¹¹ № 7 – высота – 95 см; ширина – 34–35 см, толщина – 10–14 см; № 8 – высота – 106 см; ширина 33–38,5 см, толщина – 16–17 см; № 9 – высота – 105 см; ширина – 31–32,5 см, толщина – 14 см.

¹² Высота – 69 см, наибольшая ширина – 45 см, толщина – 16 см.

¹³ Высота – 52 см; ширина туловища – 29–34 см, толщина – 9–10 см.

¹⁴ Изготовлена из известняка-ракушечника. Длина – 96 см; ширина – 51 см, толщина – 22 см.

¹⁵ Высота – 32,7 см, наибольшая ширина – 24,5 см, толщина плиты – 9–10,5 см.

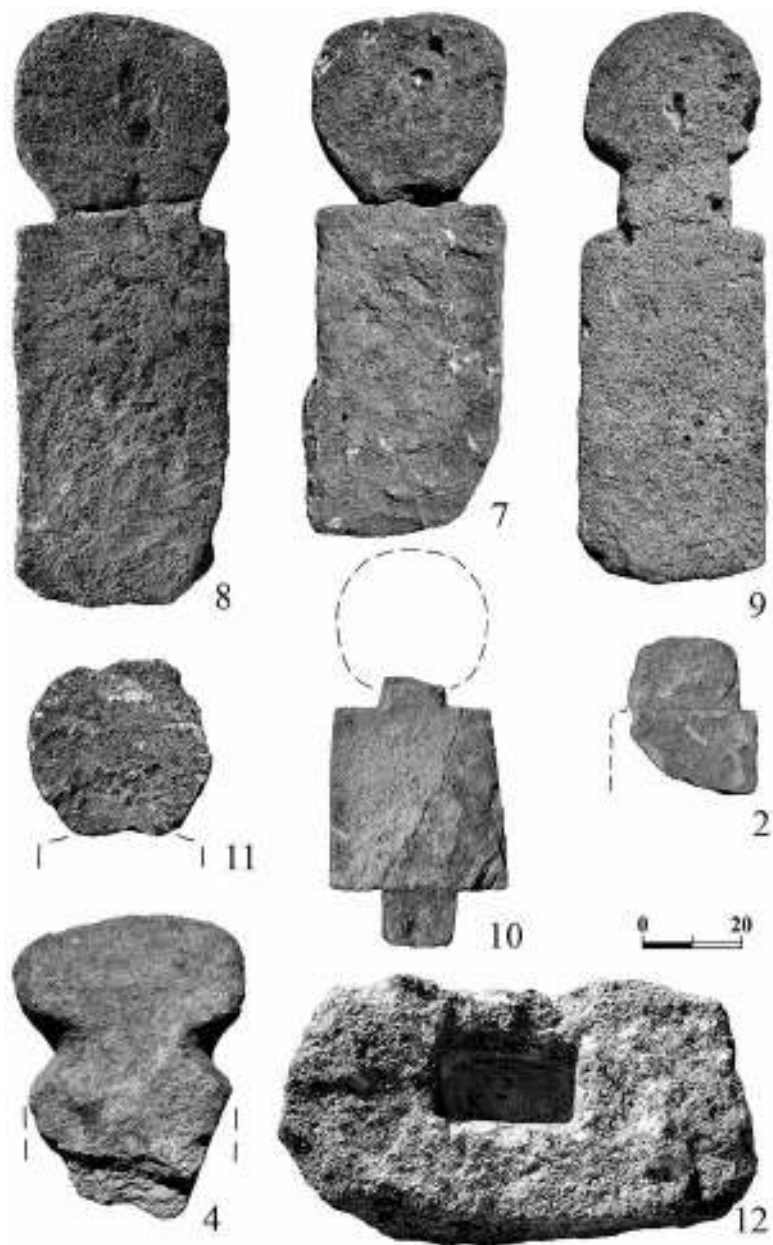

Рис. 2. Антропоморфные стелы и база из раскопок кургана 1 и 2 могильника «Александровские скалы»

врезной линией. Стела может быть отнесена к 5-му типу боспорских антропоморфных изваяний, датируемому III вв. до н. э. (Молева. 2012. С. 32, 33, 46).

Находки антропоморфной скульптуры на Боспоре всегда вызывают определенный интерес у исследователей, так как, несмотря на общую простоту в морфологии, эти памятники оставляют значительное количество вопросов. Это, прежде всего, касается их датировки и семантики, происхождения, причин вторичного (повторного) использования и т. д.

Считается, что антропоморфные изваяния, как новый вид памятников, появились на Боспоре, равно как и в других некрополях греческих городов Северного Причерноморья в IV в. до н. э. (Молева. 2012. С. 20, 72). Подобные стелы получили широкое распространение на греческих и варварских некрополях не только Северного Причерноморья, но и Средиземноморья и Анатолии в IV–II вв. до н. э. (Буйских. Зубар. 2006. С. 21; Молева, 2012. С. 18, 20, 21; Стоянов, 2010. С. 36). Н. В. Молева, анализируя особенности использования антропоморфных изваяний в погребальном обряде, пришла к выводу о том, что пиком их популярности на Боспоре следует считать III–II вв. до н. э. (Молева. 2012. С. 59). И если исходить из принятых датировок этой группы памятников, то именно к этому периоду следует отнести основную часть стел, найденных на Александровских скалах, несмотря на то, что более ранних погребений здесь обнаружено не было.

Впрочем, датировка отдельных типов боспорских надгробий гораздо шире, чем те хронологические рамки их существования, приведенные в известной типологической таблице (Молева. 2012. С. 45–49; Молева. Кучеревская, 2016. С. 21–26). Выделенные типы зачастую представлены антропоморфными изваяниями, относящимися к первым векам н. э., а более ранняя датировка каждого из них обоснована лишь морфологическими признаками (например, формой выступа-головы), либо вторичным использованием памятников (Молева. 2012. С. 26). Таким образом, каждый из типов антропоморфных надгробий, представленных находками с Александровских скал, имеет и другие основания для датировки. Так, стелы 5-го типа использовались до II в. до н. э., 14-го типа – до I в. н. э. (Молева. 2012. С. 38–39), 18-го и 19-го типов – до II в. н. э. (Молева, 2012. С. 43–44), а 16-го – до III в. н. э. (Молева. 2012. С. 40–41; Хршановский. 2014. С. 433).

Поскольку при раскопках могильника «Александровские скалы» не было найдено погребений более раннего периода, чем I–II вв. н. э., коллекция надгробных памятников, имеющих привязку к конкретным погребальным сооружениям, представляет важную дополняющую информацию для выяснения хронологических рамок существования от-

дельных типов боспорских антропоморфных надгробий, и не имеет археологически подтвержденных оснований для иной датировки. Еще одним интересным наблюдением является тот факт, что стелы № 7–9, несмотря на абрис выступов-голов, очень схожи по габаритам и технике изготовления, и, вероятно, изготовлены в одной мастерской (см. выше). Если этот вывод верен, то к датировке подобных памятников по морфологическим признакам следует подходить крайне осторожно. Основанием для хронологического разделения подобных стел, очевидно, может являться только конкретный археологический контекст, хоть это во множестве случаев и вызывает значительные затруднения (Молева. 2012. С. 25, 26).

Литература

- А. В. Буйських, В. М. Зубар.* До типології та інтерпретації антропоморфних надгробків Херсонеса Таврійського // Археологія, № 2. 2006.
- Л. И. Давыдова.* Боспорские надгробные рельефы V в. до н. э. – III в. н. э. Каталог выставки. Ленинград. 1990.
- А. П. Иванова.* Боспорские антропоморфные надгробия // СА. 1950. Т. XIII.
- Ю. Ю. Марти.* Неопубликованные археологические памятники Керченского Историко-археологического музея им. А. С. Пушкина // ВДИ. 1941. № 1.
- Т. А. Матковская.* Особенности композиционного решения боспорских надгробных рельефов первых веков н. э. // Население и культура Крыма в первые века н. э. Киев, 1983.
- Т. А. Матковская.* «Камень, изливающий немую скорбь» (Коллекция Керченского лапидария). Керчь, 2000.
- Т. Матковская, А. Твардецки, С. Тохтасьев, А. Бехтер.* Боспорские надгробия II в. до н. э. – III в. н. э. (Из собрания Керченского историко-культурного заповедника. Лапидарная коллекция). Киев, 2009. Т. 3. Кн. 2. Ч. I.
- Н. В. Молева.* Антропоморфные памятники из некрополя Нимфея // Н. Л. Грач. Некрополь Нимфея. СПб., 1999.
- Н. В. Молева.* Боспорские антропоморфные изваяния. Кросс-культурные и межэтнические коммуникации во времени и пространстве. Нижний Новгород, 2012.
- Н. В. Молева, Н. Л. Кучеревская.* Антропоморфные изваяния. Лапидарная коллекция. Керчь, 2016. Том V.
- Р. В. Стоянов.* Антропоморфные надгробия в погребальной практике греков и варваров // РА. 2010. № 4.

Д. В. Бейлин, И. В. Рукавишников, Н. Ф. Федосеев

**Элитный погребальный памятник Боспорского царства
курган «Госпитальный» (По материалам новейших
полевых исследований в Восточном Крыму)**

В 2017 году Крымской археологической новостроечной экспедицией Института археологии РАН был раскопан Госпитальный курган (Рис. 1), находящийся в черте города Керчь и в непосредственной близости от царских курганов Юз-Обы. Госпитальный курган – самый большой к западу в цепочке курганных насыпей, которая тянется на севере, как бы параллельно Юз-Обинской гряде. Под насыпью был открыт склеп с уступчатым сводом, покрытый изнутри двуслойной штукатуркой. Сооружение основательно разрушено грабителями и выборкой камня. Тем не менее, сохранившиеся остатки склепа поражают своей грандиозностью и совершенной чистотой линий.

Важно отметить, что уступчатые склепы, как правило, принадлежали к группе элитных погребальных сооружений боспорского общества. Госпитальный курган – самый большой в цепочке курганов, отходящих от Юз-Обинской гряды к северу и, являющийся продолжением цепочки курганов некрополя «Цементная слободка 1», частично исследованной экспедицией в 2017 году.

Раскопки курганов Юз-Обы проводились, в основном, в 1850–1860-х гг. А. Б. Ашиком, А. Е. Люценко, Н. П. Кондаковым, А. А. Бобринским. Позднее, в XX веке работы на некрополе проводили В. В. Шкорпил, Н. П. Кивокурцев, Н. Ф. Федосеев. Первая обобщающая публикация была сделана М. И. Ростовцевым. Ю. А. Виноградов опубликовал архивные материалы этих раскопок из ИИМК (Виноградов. 2014; Виноградов, Зинько, Смекалова. 2012).

Земляная насыпь кургана Госпитальный (диаметром 90 м и высотой 7,5 м) была возведена в два этапа на выровненной площадке. Её поверхность сохранила следы многочисленных проникновений (Рис. 1) отчетливо читавшихся с уровня дневной поверхности. Курган исследовался при помощи пяти стратиграфических разрезов, ориентированных по направлению запад – восток, а также вспомогательных, расположенных поперек через основные сооружения.

В процессе разбора насыпи нами выявлена последовательность её формирования на природном холме. Курган возведен над погребениями в каменных ящиках, перекрытых плитами и углубленных в материк. Эта первая насыпь имела однородный характер и состояла из коричневого суглинка с небольшими прослойками гумусированного темно-коричневого грунта.

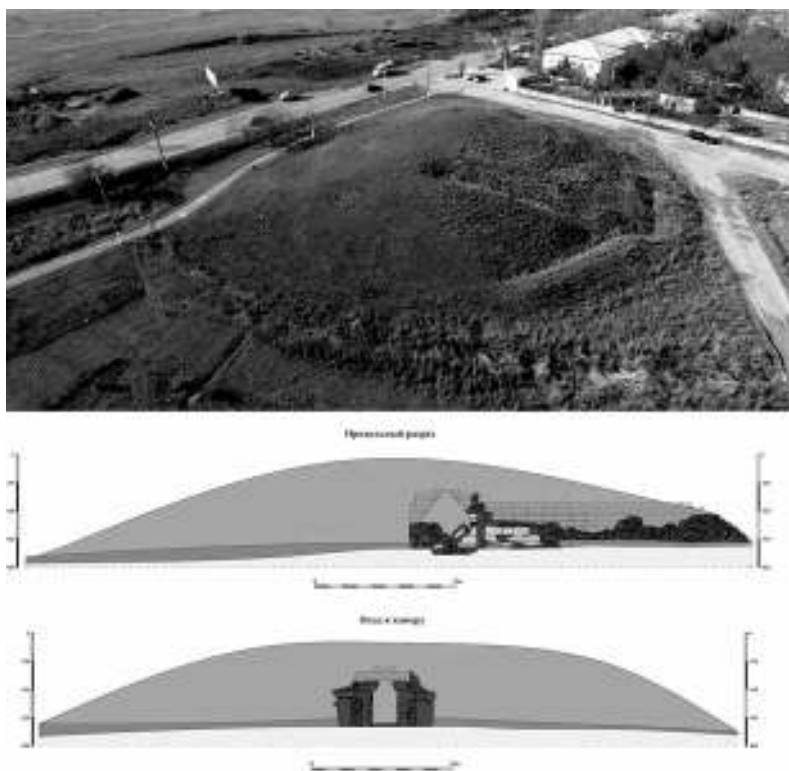

Рис. 1. Курган Госпитальный. Насыпь и реконструкция склепа под насыпью

К насыпи кургана 1, основательно подрезанной с юго-востока, пристроен комплекс сооружений – склеп с уступчатым сводом и открытым дромосом (Рис. 1). Погребальный комплекс возводился вместе с основной насыпью кургана 2, по крайней мере, до плит перекрытия свода склепа. В стратиграфии это отразилось шестью уровнями подсыпок (тырсовые утопанные прослойки) к ярусам укрепленных грунтом камней, внешней неровной кладки склепа. Тырсовые прослойки образовались в результате подтёсок блоков на месте при возведении каждого нового ряда.

Над всем комплексом сооружения возведена основная насыпь кургана 2 (Рис. 1). Основное ее тело складывалось из гумусированных выровненных слоев, к которым присыпались и уплотнялись по всей окружности слои суглинка, так, что в разрезе они выглядели симметричными крыльями трапеции, последовательно возведенной на предыдущем слое.

Таким образом, каменный склеп с длинным дромосом пристроен к первоначальной насыпи, сооруженной над двумя плитовыми могилами с каменными перекрытиями, впущенными в материк рядом друг с другом на одном уровне и ориентированными продольными сторонами по линии запад – восток.

Кроме основных, в западной поле насыпи совершены два впускных подбойных погребения, ориентированные длинной осью по линии север-юг.

При разборе насыпи были найдены многочисленные фрагменты столовых и тарных сосудов, кровельной черепицы, происходящих из переотложенного грунта грабительских мин, ям и траншей, культурного слоя, использованного в качестве грунта насыпи, и, возможно, разрушенных культовых комплексов, принадлежавших комплексу кургана 1.

При разборе насыпи кургана найдены перемещенные архитектурные детали, которые в совокупности с отделкой внутренних блоков штукатуркой, дают нам основание считать основной архитектурный объект ярко украшенным в прошлом.

Вокруг насыпи кургана 1 открыты жертвенники-алтари (эсхары), расположенные с севера, юга и запада.

На уровне погребенной поверхности вокруг малой насыпи, а также под ней зафиксированы и исследованы пятна поминальных тризн с кострищами, которые выявлены в южной, западной и северо-западной полах первой насыпи. В заполненных золой и прокалом ямах и вокруг них найдены многочисленные фрагменты сосудов: красноглиняных ойнохой, кувшинов, развалы простых чернолаковых (миски, солонки, килики, канфары) и краснофигурных расписных (ойнохой, аски, лекифы) сосудов IV в. до н. э., алабастров (в том числе расписных), терракот, игральных астрагалов и тарной керамики.

Два погребения в каменных ящиках, расположенных параллельно друг другу, длинными осями ориентированные по линии запад-восток, на одном уровне и явно сооружены в одно время.

Погребение 1 оказалось не разграбленным, но сильно поврежденным провалившимися плитами перекрытия. В каменном ящике сохранились остатки деревянного саркофага (Рис. 2, 1) с плохо сохранившимся скелетом молодого человека. Среди костей скелета и фрагментов саркофага находились многочисленные фрагменты раздавленных алабастров, в то числе и керамического (Рис. 2, 3), фрагментированный железный стригиль, 160 игральных астрагалов и краснофигурная пелика «керченского стиля» (Рис. 2, 2). Погребенный юноша, очевидно, был членом знатной семьи и его погребение было совершено в третьей четверти IV в. до н. э.

Погребение 2 оказалось ограбленным, саркофаг почти полностью разрушен, инвентарь, за исключением фрагментов алабастра, отсутствовал.

С юго-восточной стороны после сооружения первоначальной насыпи кургана возведен монументальный склеп и насыпается новая насыпь (Рис. 1). Склеп представляет собой прямоугольную в плане камеру размерами 5,20×4,80 м, с уступчатым перекрытием, начинающимся с уровня 2,60 м от пола. Он возведен на дневной поверхности путем земляных досыпок к уровням стен и ориентирован по линии юго-восток – северо-запад. Стены склепа снаружи были завалены необработанными камнями. Склеп оказался тотально разрушен и ограблен ещё в древности. Камера и вход в нее покрыты двуслойной штукатуркой белого цвета, аналогичной той, что была зафиксирована в фанагорийском склепе № 231, датированным концом IV в. до н. э. (Кузнецов. 2004).

Дромос длиной около 20 м с расширяющимися симметрично в сторону камеры стенами, открывался порталом, плотно заложённым равным камнем, оформленным наподобие ступенчатой облицовки.

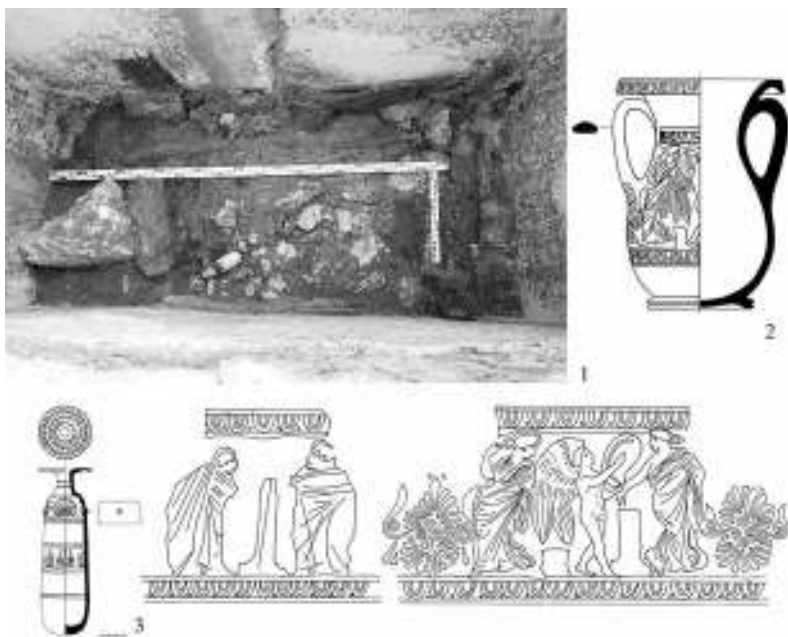

Рис. 2. Курган Госпитальный. Погребение в каменном саркофаге. 1 – Расчистка погребения. 2 – Пелика краснофигурная. 3 – Керамический алабастр из погребения

Камера склепа имела в плане квадратную форму и имела следующие основные размеры: длина стен по внутренней стене у пола – 3,65 м; высота прямых стен, сохранившаяся, от пола до 2,00 м; высота уступчатого купола составляла, по реконструкции 1,30–2,00 м; 4–7 ярусов с толщиной блоков 0,32–0,27 м.

При входе в склеп на штукатурке обнаружены интересные рисунки и граффити: батальные сцены с изображениями кораблей и всадников, оставленные в более позднее время, возможно, в III–V вв. н. э. Стиль этих примитивных изображений напоминает рисунки из склепа Сабазиастов в Керчи (Ростовцев. 1914. Табл. 101).

Всего зафиксировано 4 композиции и несколько отдельных изображений, найденных среди обломков в засыпи дромоса. Условно «варварские» рисунки несут этнографическую информацию об оставшемся их народе.

На данный момент исследования, мы можем датировать рисунки широко, начиная со II по V вв. н. э. Датировки связаны, как с изображенными сарматскими элементами в вооружении (рогатые стрелы) и стилистическими деталями парадного убранства знамен, так и с существующими аналогиями в датировках изображенных кораблей в других античных склепах. Возможно, что они были нанесены в разное время на разных плоскостях.

В заполнение Госпитального склепа не было найдено практически никакого инвентаря, оставшегося от погребения, за исключением лишь немногочисленных фрагментов керамики конца IV в. до н. э.

Внутри дромоса, в заполнении разрушенного коридора, зафиксированы остатки средневекового укрытия-жилища. В салтовское время тут сооружен очаг и пристенки, сложенные из распиленных блоков склепа. Такие случаи устройства жилищ в склепах характерны для Кыз-Аульского (Федосеев. 2006) и Илуратского некрополей (Кубланов. 1976).

Несмотря на практически полное отсутствие археологического материала, напрямую связанного со склепом с уступчатым перекрытием и его дромосом в курганной насыпи 2, удалось проследить перемещение материала по зафиксированным грабительским прокопам.

Наиболее многочисленный керамический материал из раскопок насыпи кургана «Госпитальный» представлен более чем 4000 фрагментами профильных частей и обломками стенок транспортной тары.

Основной массив относится непосредственно ко времени сооружения кургана 1 и 2 и обнаружен в слоях и прослойках насыпи, а также в грабительских ямах и прокопах (минах). Отдельной категорией могут выступать фрагменты транспортной тары из закрытых комплексов, таких как тризны и погребальные костры, связанные в основной

своей массе с курганной насыпью № 1 с двумя подкурганными погребениями в каменных (плитовых ящиках).

Анализ общей массы фрагментов амфорной тары (Менда, Милет, Хиос, Пепарет, Фасос, Гераклея Понтийская, Синопа, юго-восточный Понт (Трапезунд?), Книд) позволяет сделать некоторые предварительные выводы о хронологии открытых в кургане погребальных комплексов. Практически все амфоры могут быть датированы в пределах 60–40-х гг. – последней четверти IV в. до н. э. Эта дата подтверждается анализом амфорных клейм, обнаруженных в напластованиях и грабительских перекопах насыпей.

Несмотря на значительные разрушения он является образцом архитектуры, принадлежащей самой высшей верхушке боспорской власти второй половины IV в. до н. э.

Литература

- Ю. А. Виноградов. Острый или Десятый курган некрополя Юз-Оба // БИ. 2014. Вып. XXX.
- Ю. А. Виноградов, В. Н. Зинько, Т. Н. Смекалова. История изучения и топография // Юз-Оба – курганный некрополь аристократии Боспора. Симферополь – Керчь, Мастер книг, 2012. Т. 1. – (БИ. Supplementum 9).
- М. М. Кюбланов. Новые памятники некрополя Илурата // КСИА. 1976. Вып. 145.
- В. Д. Кузнецов. Фанагорийский склеп с уступчатым перекрытием // ПИФК. 2004. Вып. XIV.
- М. И. Ростовцев. Античная декоративная живопись на юге России. Санкт-Петербург, Изд. ИАК, 1914. Т. 1.
- Н. Ф. Федосеев. Οἶκος среди могил // VII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Οἶκος. Керчь, 2006.

В. Ф. Санжаровец

К вопросу о происхождении отдельных древних и современных топонимов, связанных с историей и археологией Европейского Боспора

К данной теме, в той или иной мере, автор обращался неоднократно на протяжении ряда лет в контексте разработки других вопросов в области топонимии Крыма и Керчи (Санжаровец. 2003; 2004; 2005; 2006; 2011а; 2011б; 2015; Санжаровец, Стародубцев, 2006). Это касалось, прежде всего, этимологии ойконимов античного времени: Пантикапея, Мирмекия, Нимфея, Гермисия, Ахиллеона, Порфмия, Парфе-

ния, истории происхождения таких общеизвестных названий, как гора Митридат, Царский и Мелек-Чесменский курганы, менее знакомых – Змеиный городок, Узук-Калеси. Однако по-прежнему сохраняется потребность не только в изучении ранее не затронутых топонимов из ряда вышеназванных, но и желание вернуться вновь к некоторым из числа изученных, с учётом появившихся идей и открытых для себя сведений.

Особое место среди археологических объектов Керченского полуострова занимают курганы. У них преимущественно тюркские наименования и им, при желании, можно посвятить отдельную работу, но пока обратим внимание на некоторые из них, имеющих русские по форме названия.

Баксинский курган, размещавшийся на вершине горы Хрони и раскопанный в 1882–1883 гг. Н. П. Кондаковым, получил свое название по близлежащему населённому пункту, известному со времён присоединения Керчи и Еникале к России по условиям Кючук-Кайнарджийского мира 1774 года под именем Баксы. Топоним этот тюрколог В. А. Бушаков переводит с ногайского *baqsı* или киргизского *baqşı* как *шаман, гадатель, знахарь* (Бушаков. 2003. С. 85). Очевидно, это гено-ойконим, и в таком случае и гора, у подножия которой и расположен этот населённый пункт, могла носить идентичное название. Однако оно не дошло до нас, и подобный факт не единичен. Достаточно обратить внимание на то, что остаётся неизвестным тюркское название горы в центре Керчи, ведь топонимы, относящиеся к этому орографическому объекту и несущие в себе имя «Митридат», рождаются только в конце XVIII века уже в среде греческих переселенцев (Санжаровец. 2005. С. 276). Объяснение этому надо, очевидно, искать в том, что местное татарское население, покинувшее в 1771 г. вслед за турецкими гарнизонами обе крепости и окрестную (в определенных границах) территорию, «унесло» с собой многие из существовавших названий. Поэтому на русских картах или в описаниях земель в окрестностях Керчи того времени они не были зафиксированы. Следует также заметить относительно ойконима «Баксы», что у него был, вероятней всего, предшественник в форме «Черкез», судя по «Книге путешествий» Евлия Челеби, что может свидетельствовать определённым образом о национальном составе этого селения, в котором ещё и в XVIII в. жили преимущественно черкесы (Санжаровец, 2003. С. 152–153). Интересно, известны ли археологические находки, подтверждающие это?

Гора Хрони, на которой стоял Баксинский курган, названием своим обязана, очевидно, Хруньим хуторам, основанным семейством Хрони из числа архипелажских греков, появившихся здесь после 1775 года. Хотя населённое место фиксируется впервые на карте, изданной

в 1842 году как «Хутора Хруньи (Баксы)» (в ойкониме присутствует и тюркское название), надо полагать, что основаны они были гораздо раньше, поскольку раскопанный в 1831–1832 гг. Д. В. Карейшей в районе Еникале курган получил название «Хрониевский». Дело в том, что «Хроновая гора» с параллельным названием «Еникальская» известна нам только со середины XIX века (Сухомлин. 1854. С. 21), а вышеназванный населённый пункт к тому времени назывался однозначно: «Баксы» (Смоленский. 1840. С. 291). Название горы близкое современному в форме «г. Хронева¹» появляется на карте-верстовке 1897 г., оно же сохраняется и на военных картах (Санжаровец. 2011. С. 494).

В главном труде П. Дюбрюкса есть топонимы, привязанные к открытым им археологическим памятникам. Один из них: Куурдак, именуемый в современной научной литературе как Андреевка Северная. Первое название, несомненно, тюркского происхождения. Очевидно, является антропонимом, произошедшим от клички первопоселенца. Куурдак (кирг. куурдак «*зажарка, жаркое*») – блюдо из жареного мяса с добавлением лука и других овощей в кухне среднеазиатских народов. Отсюда русское кавардак (*беспорядок, неразбериха, суматоха*)². Второе название связано с новым именем села, известного прежде как Джанкой-Джанакбат. «Джанкоев» в Крыму было много, потому такие топонимы часто сопровождалось вторым компонентом. Первую часть ойконима можно перевести с крымскотатарского как «*новая деревня, новосёлровка*», а вторая, возможно, происходит от слов джанык «*горелый*» и бет «*сторона*» (Санжаровец. 2006. С. 128–136; 2011б. С. 406), либо бат – это искажённое оба, и тогда речь идёт о «*кургане, холме*». Ойконим «Андреевка» – продукт довоенной советской эпохи. Деревня носила, вероятно, имя А. А. Андреева (1895–1971), видного государственного и партийного деятеля. Исключена из учётных данных в 1984 г.

Заслуживает особого внимания топоним, о котором уже упоминалось в наших исследованиях. Речь идет о тюркском названии городища Илурат (Санжаровец. 2013. С. 749), ставшим известным нам благодаря П. Дюбрюксу. В первом издании его труда, помещённом в ЗООИДе, топоним транскрибирован, на наш взгляд, то ли просто не корректно, то ли по правилам того времени и выглядит это как

¹ Название это породило один анекдотический случай, рассказанный в своё время автору археологом О. Д. Чевелёвым (1952–2011) и произошедший с его матерью-фронтовичкой... Конец 1943 года. В ходе боев десантниками захвачен Керченский плацдарм. Девушка-связист направляется в сторону передовой. Пытаясь правильно сориентироваться, обращается к встречному офицеру: «Товарищ лейтенант, где здесь *гора Хроне́вая?*»

² Такое же переносное значение имеют и некоторые другие блюда: винегрет, каша и т. п.

«Керменджик» или «Кермедкеледжик» (Дюбрюкс. 1858. С. 50, 54, 61–63, 67). При новом переводе «Планов и описаний...», он приобрёл другой, общепринятый для крымской топонимии вид: «Кермечик (Керменчик)». Вместе с тем и здесь топоним представлен единично в несколько странной форме: «Кермиш-Келечик». А в статье, посвящённой царскому дворцу, речь идёт о «примечательных развалинах», которые татары именуют «Кермечи Келеджик» (Дюбрюкс. 2010. С. 304, 306, 310–312, 314, 386). Дело в том, что «Керменчик» – довольно распространённый и совершенно прозрачный топоним и слово это происходит от крымскотатарского *kermen* «крепость» и аффикса *çik*, образующего уменьшительную форму и переводится он как «крепостца, крепостёнка, маленькая, небольшая, невысокая крепость». А что значит «Кермиш-Келечик», «Кермеш-Келечик» или «Кермечи Келеджик»? Судя по авторским аннотациям к планам П. Дюбрюкса, выполненным в связи с изучением акрополя и в целом городища Илурат, в одних случаях употребляется просто «Кермечик» (Дюбрюкс. 2010. Т. II. Рис. 509, 516), в других речь идёт об акрополе «в Кермеш-Келечике» или «Кермеш-Келечика» (Дюбрюкс. 2010. Т. II. Рис. 508, 510). Есть и третий вариант, когда развалины акрополя и в целом «города» автор располагает «у деревни Кермеш-Келечик» (Дюбрюкс. 2010. Т. II. Рис. 506, 507). Если появление этого двухформантного топонима ещё можно объяснить искажением, произошедшем в результате неправильного усвоения прозвучавшего на неродном языке слова, то «основание» деревни, которая никогда не существовала под таким названием и на этом месте, объяснить гораздо сложнее. Ни на картах, ни в списках населённых пунктов Керченского полуострова деревня Кермеш-Келечик в ходе наших многолетних топонимических поисков не была обнаружена. Поэтому, ошибочными надо признать и сведения о существовании в прошлом н. п. под таким названием в районе современного с. Ленинского (Дюбрюкс. 2010. С. 344. Комм. 106). Прежнее название села Ивановки, ближайшего к Илурату, отнюдь, не Кермеш-Келечик, как считают некоторые исследователи (Дюбрюкс. 2010. С. 348. Комм. 160), а Джапар. Появляется этот населённый пункт в качестве хутора семейства Олив в конце XIX века. В лучшем случае на его месте во времена Дюбрюкса могла быть кошара для овец (Ковыркин, Санжаровец. 2014. С. 468). Каким образом «деревня» оказалась в текстах аннотаций – остается загадкой.

Да и во всём Крыму именно такой топоним – Кермеш-Келечик – неизвестен. В крымской топонимии есть нечто подобное, но звучит

оно как Кармыш-Келечи³ (*karmiş podr. roda u kirgizov*, а *keleşi pl. no-gaişev*). Какое в таком случае отношение это родоплеменное название будет иметь к древним развалинам? А ведь именно они и воспринимались татарами как «керменчик». Топоним «Керменчик» встречается на всем пространстве бывшего Крымского ханства от Приазовья до Кубани. Более всего – в Крыму, в горной и предгорной части на юго-западе полуострова. Это – название остатков небольшой крепости времен княжества Феодоро на одноимённой горе (выс. 765 м) у села Высокое (быв. Керменчик). В этом же районе есть ещё одна небольшая, куполообразная, высотой 205 м гора, расположенная на левобережье Качи, а ближе к её устью имеется урочище того же имени. Левым притоком Качи является река Керменчик, а в устье Альмы находится мыс Керменчик, названный так по древнему городищу, известному ныне как Усть-Альминское. Такое же позднескифское городище – Неаполь Скифский – тоже было известно как Керменчик (Суперанская, Исаева, Исхакова. 1997. С. 304, 339; Керменчик, гора; Пуздровский; Храпунов).

И на территории бывшего Боспора, помимо дюбрюксовского Керменчика есть ещё некоторые: к северу от Китея в искажённой форме –

³ Это название встречается в тексте книги Ф. Дюбуа и его атласе под соответствующим рисунком. Описывая развалины Илурата, он сообщает, что на рукописной карте И. А. Стемповского то место, которое археолог ошибочно считал Тиритакой, значит: «Карми-Калесси». Путешественник добавляет при этом, что деревня под таким названием находится в 13 верстах от Керчи, близ «Акосова вала», у двух холмов, на одном из которых якобы имеется «руина» этого города (Дюбуа де Монпере. 2009. С. 66). О чём идёт речь, здесь явная путаница. На указанном расстоянии расположены руины Илурата, которые Дюбуа называет на карте, приложенной к его изданию: «Kermiche Kelechik (Кермичи Келечик)» (Корпус. 2004. Прилож. Ша), а на его же рисунке, выполненном 9 июля 1832 г., вопреки названию («Кермеш-Келечик»), помещённому в собрании сочинений «отца археологии», изображена, судя по авторским надписям, не мифическая, а действительно существовавшая татарская деревня «Кармушкелеси» (*Karmouchkelesi*) или «Кармушкелесик» (*Karmouchkelesik*). Имеется *Karmoush-Kelesi* и на схеме поездки Монпере из названной деревни на Опук (Дюбрюкс. 2010. Т. II. Рис. 517, 569). Это и есть Кармыш-Келечи (на карте Мухина 1817 г. – Кармуш келечи, 21 двор, возле почтовой дороги, к северу от неё, на перегоне Султановка-Аргин, примерно в 10 верстах к западу от древнего вала) (Ковыркин, Санжаровец. 2014. С. 472). На рисунке крестьянские дома с хозяйственными постройками на фоне двух невысоких холмов, разрезанных балкою, на переднем плане два зольных холма («куль-оба»), справа выставлены для просушки крупные пласти «кирпича» – овечьего навоза вперемешку с подстилкой, употреблявшегося в качестве топлива (Рис. 1). Место это легко узнаваемо и сегодня, когда деревни уже давно нет, но сохраняются старинный пруд, питаемый родниковой водой, и сменившие жилые дома животноводческие помещения бывшей овцефермы. Рядом – одинокая усадьба нового владельца этого хозяйства (Рис. 2, 3). В ходе строительства автотрассы «Таврида» у бывшей деревни были исследованы в 2017 г. памятники античного и средневекового времени, выявленные, однако, на равнинной части, а не на прилегающих возвышенностях.

Рис. 1. Деревня Кармыш-Келечи: 1 – Вид на деревню Кармыш-Келечи (Кармыш-Келечи). 9 июля 1832 г. С рис. Ф. Дюбуа де Монпере; 2 – Современный вид места бывшей деревни Кармыш-Келечи. 10 августа 2017 г. Фотография С. А. Шестакова; 3 – Современный вид места бывшей деревни Кармыш-Келечи. 18 апреля 2018 г. Фотография К. К. Ковыркина

ур. Кременчуг (называвшееся татарами «Керменчик» и фактически относящееся и к самому городищу), а в северной части Узунларского вала – г. Керменчик (92,8 м) и развалины соимённой деревни, бывшей Ак-Шеих (Ковыркин, Санжаровец. 2014. С. 451, 523, 538).

Наконец, известно об урочище Керменчик в устье Лабы, где в 1783 г. А. В. Суворов разбил войска ногайцев, и селе Малый Керменчик в Донецкой области (Помни Керменчик)

Если понятие «керменчик» прямо или косвенно было связано с существованием неких развалин, остатков древних крепостных сооружений, почему бы относительно территории современной Керчи не предположить следующее. В дороссийский период, от которого, по уже названным нами причинам, не сохранилось отдельных топонимов, представляющих интерес в рамках нашего исследования, нынешняя гора Митридат, на которой виднелись следы акрополя и самого Пантикапея, могла восприниматься как Кермен-Оба (кт. *oba* «холм, возвышение»), Кермен-Кая (кт. *кауа* «скала») или Кермен-Хыр (Кермен-Кыр) (кт. *qir* «гора, возвышенность, поверхность возвышенности»). Наши предположения, надеемся, не беспочвенны, поскольку развалины Херсонеса, к примеру, воспринимались как «Сары-Кермен» («Желтая крепость»), а в окрестностях Симферополя известна гора с городищем наверху под названием «Кермен-Кыр», где находилась позднескифская крепость III–II вв. до н. э. – III в. н. э. В границах Большой Ялты есть гора Кермен-Кая с остатками средневекового замка XIII–XIV вв. Среди крымских оронимов имеется и гора Кермен-Оба (Бушаков. 2003. С. 110; Исар Кермен-Кая; Кермен-Кыр). Не исключено также, что «Змеиный городок» татары называли по традиции «Керменчик» (ср. укр. городок «*древнее земляное укрепление*»). И в названии городища Узук-Калеси (кт. *uzaq* и *qale* «крепость (на) отдалённой местности») (Бушаков. 2003. С. 125, 155), дошедшего до нас благодаря С. Палласу и принимаемого П. Дюбрюксом за остатки Порфмия, обнаруживаем хотя и другое слово (кале), но тоже означающее «крепость», что может свидетельствовать в пользу наших предположений.

Таким образом, проведённое исследование позволило выяснить происхождение некоторых «археологических» топонимов, высказать соображения по поводу названий городища Илурат, введённых в научный оборот П. Дюбрюксом, и предложить свои гипотезы относительно наименования знакового места Керчи – горы Митридат и городища Мирмекий в дороссийский период истории города.

Литература

- В. А. Бушаков.* Лексичний склад історичної топонімії Криму. Київ, 2003.
- П. Дюбрюкс.* Описание развалин и следов древних городов и укреплений, некогда существовавших на европейском берегу Босфора Киммерийского, от входа в пролив близ Еникальского маяка до горы Опук включительно, при Черном море. ЗООИД. 1958. Т. IV. С. 3–84.
- П. Дюбрюкс.* Собрание сочинений. СПб., 2010. Т. I. Тексты.
- П. Дюбрюкс.* Собрание сочинений. СПб., 2010. Т. II. Иллюстрации.
- Ф. Дюбуа де Монпере.* Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и в Крым. В 6 томах. Париж, 1843. Т. 5, 6. Симферополь, Бизнес-Информ, 2009.
- К. К. Ковыркин, В. Ф. Санжаровец.* Керченский полуостров. Географический словарь // Научный сборник Керченского заповедника. Симферополь, Бизнес-Информ, 2014. С. 443–585.
- Исар Кермен-Кая. URL: <http://isar.org.ua/malenkaya-krepost/isar-kermen-kaya.html> (дата обращения: 30.03.2018)
- Кермен-кыр – позднескифское городище в селе Мирное под Симферополем. URL: http://mirnoe.com/istoriya_sel/534-kermen-kyr-pozdneskifskoe-gorodische-v-sele-mirnoe-pod-simferopolem.html (дата обращения: 30.03.2018)
- Керменчик, гора. URL: <http://jalita.com/guidebook/sevastopol/kermenchik.shtml> (дата обращения: 2.04.2018).
- Корпус боспорских надписей: Альбом иллюстраций (КБН-Альбом). СПб., 2004. [А. Сухомлин]. Лоция Азовского моря и Керчь-Еникальского пролива. Николаев, 1854.
- В. Ф. Санжаровец.* Современная и историческая топонимия Аджимушкая // Крымфронт. Аджимушкой / Военно-исторические чтения. Керчь, 2003. Вып. 1. С. 147–175.
- Помни Керменчик! URL: <https://bozkurt-turan.livejournal.com/22522.html> (дата обращения: 2.04.2018).
- А. Е. Пуздровский.* Усть-Альминское скифское городище. URL: <http://www.mangupa.net/1858.htm> (дата обращения: 2.04.2018).
- В. Ф. Санжаровец.* Историческая и современная топонимия северо-восточных и южных окраин города Керчи // На Керченском плацдарме / Военно-исторические чтения. Керчь, 2004. Вып. 2. С. 184–215.
- В. Ф. Санжаровец.* Имя Митридата VI Евпатора в топонимии Крыма и Керчи // Боспорские исследования. Сб. / Ред.-сост. А. И. Айбабин, В. Н. Зинько. Симферополь, Керчь, 2005. С. 269–294.
- В. Ф. Санжаровец.* Ойконим «Джанкой» в топонимии Крыма XVIII–XX вв. // VI Таврические научные чтения, г. Симферополь, 27 мая 2005 г. Сборник научных статей. Симферополь, 2006. С. 128–136.
- В. Ф. Санжаровец, В. М. Стародубцев.* Топонимы крепости Керчь и её окрестностей // Научный сборник Керченского заповедника. Керчь, 2006. С. 297–323.
- В. Ф. Санжаровец.* Вдоль Босфора Киммерийского. Из истории происхождения топонимов крымского берега и акватории Керченского пролива // Топонимика Крыма 2011: Сб. статей / Сост. Ю. А. Беляев. Симферополь, Универсум, 2011а. С. 445–500.

- В. Ф. Санжаровец. Антропонимы Керченского полуострова: происхождение некоторых исторических и современных ойконимов (опыт историко-топонимического исследования) // Научный сборник Керченского заповедника. Симферополь, Бизнес-Информ, 2011б. С. 388–411.
- В. Ф. Санжаровец. Некоторые замечания, рассуждения и уточнения, касающиеся текстов статей и комментариев к «Собранию сочинений» Поля Дюбрюкса // Боспорский феномен. Греки и варвары на евразийском перекрестке. Материалы международной научной конференции. СПб., Нестор-История, 2013. С. 744–750.
- В. Ф. Санжаровец. Рафаил Скасси и Скассиев Фонтан // Керченская старина. Сб. статей. Ред.-сост. Н. В. Быковская, Н. В. Небожаева, В. Ф. Санжаровец. Симферополь, Бизнес-Информ, 2015. Вып. I. С. 253–285.
- А. Смоленский. Статистическое описание Керчь-Еникальского градоначальства // Новороссийский календарь на 1841 год, издаваемый от Ришельевского лицея. Одесса, 1840. С. 278–302.
- А. В. Суперанская, З. Г. Исаева, Х. Ф. Исхакова. Топонимия Крыма. М., 1997. Т. I.
- Н. И. Храпунов. Керменчик. URL: http://www.chersonesos.org/?p=out_ant_kermench (дата обращения: 7.04. 2018).

Н. И. Винокуров

Проблемы фортификации античного городища Артезиан: гипотезы и реалии

Ранняя цитадель городища Артезиан, возникшая на рубеже нашей эры. В 44/45–46/47 гг., т. е. в начальный период боспоро-римской войны 44/45–49 гг.¹, когда Боспор вновь оказался втянутым в противостояние с Римом, подверглась штурму, по крайней мере, дважды (Винокуров, Крыкин. 2016. С. 64–73; 2017. С. 170–194). Во время первого из них были сожжены посадки, но акрополь устоял, а во время второго сгорел и он. Дата первого события, маркированная слоем *пожара 2*, выявленного за пределами крепостных стен, находится в пределах 45–46 г. Второе событие относится к осени 46 г. н. э. или к концу лета – осени 47 г. н. э. (Абрамзон, Винокуров, Трейстер. 2012. С. 127–128; Абрамзон, Винокуров. 2016. С. 712–743). Взятие крепости войсками римлян и узурпатора Котиса I во второй год боевых действий боспоро-римской войны (46/47 г.) отмечено мощным слоем *пожара 1* внутри и за преде-

¹ Об этой войне подробнее см.: Тацит (Тас. Ann. XII. 15–21); Дьяков. 1940. С. 71–88; Кадеев. 1979. С. 55–76; Горончаровский. 2002. С. 197–206; 2003. С. 161–170; Винокуров. 2004. С. 78–88; 2009. С. 9–16; 2005. С. 50–60; 2008. С. 67–77; 2009. С. 9–16; 2010а. С. 38–44; 2010б. С. 46–65; 2012; 2013. С. 30–40; 2014. С. 98–105; Abramzon, Treister, Vinokurov. 2012. С. 207–278; Сапрыкин, Винокуров, Белоусов. 2014. С. 134–162.

лами акрополя. При этом сторонники Митридата III и члены их семей, которые обороняли крепость, погибли.

Артезианской археологической экспедицией фортификация и планировка цитадели исследуется в центральной части городища непрерывно с 2003 г. (Винокуров. 2005. С. 50–60; 2008. С. 67–77; 2009. С. 9–16; 2010а. С. 38–44; 2010б, 46–65; 2012; 2013. С. 30–40; 2014. С. 98–105). Какое-то время казалось, что конструкция крепости достаточно хорошо изучена, но на финальной стадии работ, как нередко случается в археологии, произошли важные открытия, которые заставили пересмотреть уже вполне устоявшееся мнение о крепостных сооружениях ранней цитадели. Она была почти квадратной формы с мощными высокими стенами и чёткой внутренней планировкой (Рис. 1). Её десять внутренних помещений были заключены в пространство между тремя параллельными стенами, внешняя из которых – собственно крепостная. Толщина стен позволяет вполне обосновано говорить о наличии нескольких этажей застройки. Здание цитадели ориентировано по сторонам света, с небольшим смещением к ССЗ-ЮЮВ. Ширина крепости снаружи: с запада на восток не превышала 27,50 м, с севера на юг – 27,78 м; внутри: с запада на восток – 22,55 м, с севера на юг – 21,39 м. Каменные кладки внешних стен выбраны, но их направление

Рис. 1. План ранней цитадели городища Артезиан

фиксировалось траншеями выборок и остатками фундаментов. Как было установлено раскопками 2013–2017 гг., фундаменты крепостных стен, сложенные впереплёт, представляли собой монументальные кладки, выстроенные уступами, нижние ряды шире верхних, по трёхслойной двухлицевой двухрядной постелистой тычково-ложковой системе, с элементами сложной орфостатной кладки (в третьем вертикальном ряду). Ширина цоколя стен не более 2,40 м, при ширине фундамента 2,80 м. Исходя из глубины и ширины фундаментов, высота куртин внешних стен была не менее шести метров, но, учитывая уклон внутреннего ската рва, они должны были быть не менее 12–18 м.

В научной литературе устоялось представление, что подобные укрепления не имели башен, выдвинутых за линию стен, хотя предполагалось, что башни могли возвышаться по углам (Винокуров. 2012; 2013. С. 30–40; 2014. С. 98–105).

После открытия в 2015 г. полукруглого бастиона, выдвинутого за линию южной крепостной стены, стало понятным, что артезианская фортеция в ряду уже известных боспорских крепостей является в этом отношении исключением. Он имел диаметр около пяти метров. Бастион был пристроен с внешней стороны к южной крепостной стене 175. Внутри него сохранилось несколько хорошо обработанных плит, по-видимому, от нижних ступеней лестницы. Когда потребовалось укрепить основание, по внешнему периметру бастиона был выстроен дополнительный пояс бутовой кладки из массивных ожелезненных плит и блоков, скрепленных серо-жёлтой глиной. Вероятно, этот пояс выполнял антисейсмические и противотаранные функции. При этом оказался включенным внутрь кладки пояса ранний прямоугольный алтарь, стоявший восточнее от бастиона. С восточной стороны от алтаря, внутри дополнительного пояса, уцелел *in situ* небольшой по площади (немного меньше квадратного метра, мощностью до 0,65 м) участок слоя *пожара 2*, поверх которого собственно и был возведён дополнительный каменный пояс усиления. Бастион был построен сразу после первого неудачного штурма для усиления южной крепостной линии. Он служил для дозорных и оборонительных целей и мог обеспечивать удобные секторы прострела «мёртвых» зон вдоль куртины южной стены, так как располагался по её центру.

В 2017 г. во время исследования строительных конструкций северной оборонительной стены 194 ранней цитадели были открыты подошвы фундаментов двух башен, находившихся по её створу: *северо-восточной башни 1* и *северной центральной (проездной) башни 2*, а также – фундамента третьей северо-западной башни (Рис. 1), единственной, выступавшей за внешнюю линию стены. Все фундаменты

заглублены ниже уровня подошвы крепостных стен на два уровня квадров и установлены на отсыпку из крупного щебня с пластичной тёмно-коричневой глиной. Строители учитывали более значительный вес каменной конструкции башен по сравнению с давлением на грунт, которое оказывал массив кладки крепостных стен, что привело к необходимости усиления фундамента под башнями. При этом они использовали антисейсмические строительные приёмы, так как хорошо знали характер неустойчивых материковых песчано-глинистых грунтов и опасность их просадок во время землетрясений, нередких для района Крымского Приазовья.

Северо-восточная башня 1 инкорпорирована в кладку крепостной стены 194, которая в восточной части сохранилась в длину до 9 м (Рис. 2). Её ширина достигала 2,70 м, высота – до 3,35 м (6 вертикальных рядов квадров жёлтого и белого ракушечника). Для перевязки горизонтальных слоев квадратной кладки использовались орфостатно установленные плиты, высеченные из плотного серого и белого известняка. В фундаменте стены применялись отдельные крупные квадры, длиной до 1,64 м. Фундамент сложен уступами, расширяясь кверху, при этом верхний ряд был шире нижнего. Его размер в плане: 3,55/3,86×2,80 м. Нижний ярус квадров был положен на крупный и средний бутовый камень, пролитый тёмно-коричневой глиной с гумусными прослойками и отдельными фрагментами соленов и калиптеров местного производства. Подошва кладки раскопана на 1,30–1,40 м ниже дна строительных траншей под крепостные стены, на 3,30 м ниже поверхности вымостки внутренних помещений ранней цитадели. Таким образом, *северо-восточная башня 1*, если принимать во внимание размер её фундамента, была в плане не менее 3,55×2,80 м.

Квадры самого нижнего ряда фундамента *башни 1* были установлены на слой бута с тёмно-коричневой вязкой глиной. Его толщина – до 0,14–0,16 м. Именно в этом ряду использовались самые большие квадры, длиной до 1,60 м. Неровности между первым и вторым рядом кладки сглаживались буютом и глиной. Второй ряд кладки уложен необычным антисейсмическим «замковым» способом, при котором квадры немного разворачивались по своей оси по отношению к общему направлению кладки, при этом получалось, что они углами немного выдвигались за линию фасада. Это позволяло повысить эластичность кладки и добиться перераспределения нагрузки на фундамент со стороны всего массива кладки башни.

Западнее *северо-восточной башни 1* на 10,90 м располагалась *центральная (северная) башня 2*, каменный фундамент которой был выявлен в 2016 г. От останца кладки 194 он отстоял на 7,95 м (Рис. 1).

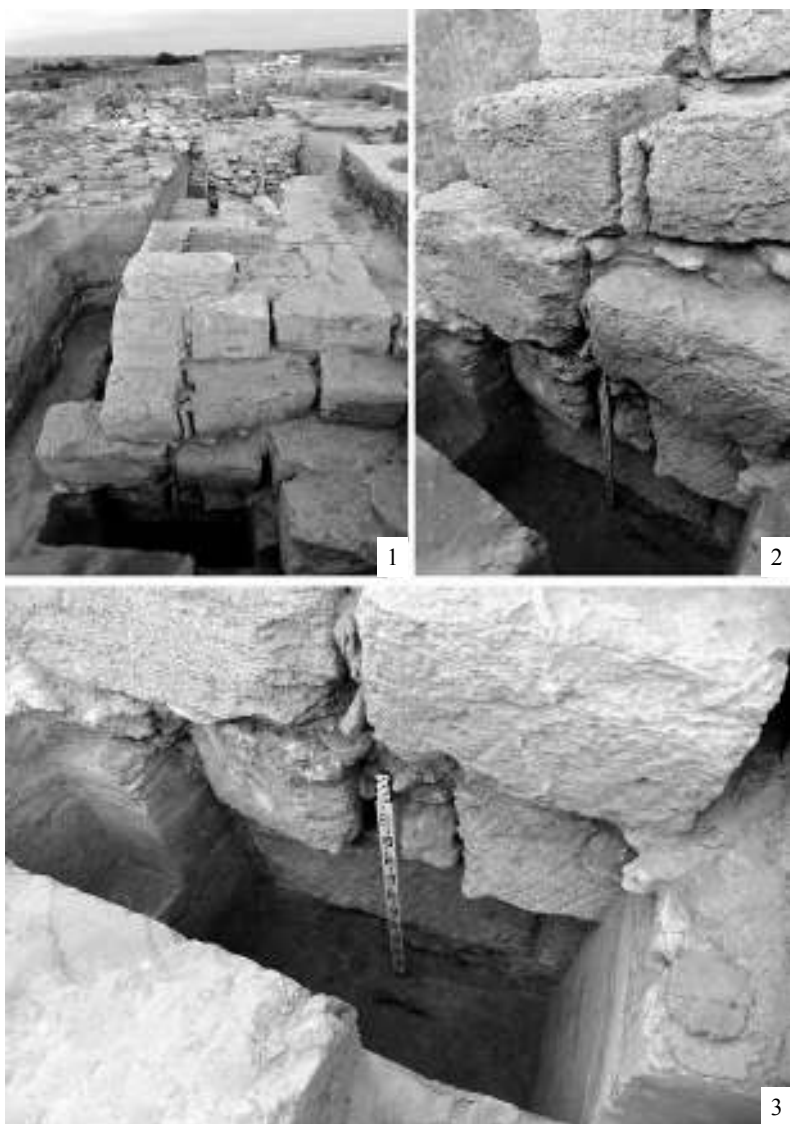

Рис. 2. Фундамент северо-западной башни 1. 1 – Слева – технологическая выборка по внутреннему углу между восточной крепостной стеной 186 и северной крепостной стеной 194. Вид с востока; 2–3 – Северная прирезка раскопа III. Вид с востока

Фундамент *башни 2* представлял собой горизонтальную площадку, выложенную из двух рядом квадров, ниже уровня подошвы фундамента стены 194, в специальном прямоугольном котловане. Размер фундамента: 4,40×2,75 м, площадь 12,1 м². Платформа фундамента занимала всю ширину строительной траншеи стены 194 и конструктивно напоминала её кладку. Под квадратом нижнего ряда фундамента выявлена в 2017 г. забутовка из средних и мелких камней с использованием серо-коричневой, плотной вязкой глины, на 3,04 м (на отметке –5,81) ниже вымостки северного помещения 9 ранней цитадели. При этом камни забутовки выступали на 0,08–0,15 м за линию западного фасада квадров фундамента.

Первоначальное предположение о том, что данный фундамент из квадров служил для установки подъёмного устройства был пересмотрен, так как крановым устройством внутри траншеи манипулировать было крайне затруднительно. По-видимому, мощная квадратная платформа, сложенная на два квадра ниже подошвы крепостных стен, аналогичная по конструкции фундаменту северо-восточной башни, была специально сооружена по створу стены под *башню 2*. Она препятствовала просадке грунта и усиливала прочность возведённых над нею строительных конструкций башни.

Фундамент следующей, *северо-западной башни 3* был обнаружен в ходе выборки заполнения ТВ-194. *Башня 3* отстояла от центральной северной *башни 2* на 3,62 м (Рис. 1). Она не выходила за пределы западного фасада крепости, но выступала, по меньшей мере, на три метра за северную куртину 194. Скорее всего, она закрывала вход в цитадель с наиболее опасного направления – со стороны моста через ров. По этой причине *башня 3* выходила за линию северной куртины. Полностью её контуры выявить не удалось, так как она была перекрыта более поздним полуподвалом 5 первого века нашей эры. Размер *башни 3* был, по-видимому, в пределах 3,16×3,20 м. Мощность её составила 2,12 м (три-четыре вертикальных ряда кладки). Квадры в кладке подстилала антисейсмическая подушка: забутовка на глине из средних и мелких камней. Южный борт котлована башни расширялся книзу, западный и восточный были прямыми. Глубина котлована от дна ТВ-194 составляла 1,40 м. Фундамент сложен по постелистой тычково-ложковой системе с элементами мозаичной кладки. Выше него после середины I в. н. э. отложился тёмно-коричневый слой с мелким бутом и прослойками гумуса, перекрытый мощным слоем известкового отёса, общей толщиной до 0,94 м, который образовался в результате разборки фундамента *башни 3* (отметки – 3,12–4,06).

Таким образом, работы 2017 г. кардинальным образом изменили представление о фортификации ранней цитадели. В настоящий мо-

мент установлено, что цитадель не только имела полукруглый бастион с южной стороны, но ещё и три прямоугольных башни с севера. Северо-западная *башня 3* выступала за линию стены, две других, *центральная 2* и *северо-восточная 1*, находились по створу северной крепостной стены. Северо-западная и центральная башни, расположенные близко друг другу, могли контролировать основной проезд в крепость с севера. Находка фундаментов трёх прямоугольных башен на севере цитадели и полукруглого бастиона, примыкавшего к её южной стене, позволяет говорить о некоторых конструктивных особенностях фортификации ранней цитадели. В этой связи проблемным является вопрос: можно ли продолжать считать Артезианскую раннюю цитадель типовой, подобной другим укреплениям Боспора или же её конструкция является достаточно оригинальной? Полагаю, будущие раскопки памятников Боспора позволят решить эту проблему.

Литература

- М. Г. Абрамзон, Н. И. Винокуров.* Золотые статоры Аспурга и Митридата III и новые комплексы с монетами и ювелирными изделиями с городища Артезиан // ВДИ. 2016. № 3.
- М. Г. Абрамзон, Н. И. Винокуров, М. Ю. Трейстер.* Два клада монет и ювелирных изделий времени римско-боспорской войны 45–49 гг. с городища Артезиан // ВДИ. 2012. № 3.
- Н. И. Винокуров.* Гибель ранней «Цитадели» городища Артезиан // БЧ. VI. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизации и катастроф. Керчь, 2005.
- Н. И. Винокуров.* Война, пожар или природная катастрофа: археологические критерии оценок последствий катастроф на памятниках античной археологии в Крымском Приазовье // БЧ. IX. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Militaria. Керчь, 2008.
- Н. И. Винокуров.* Боспоро-римская война 44/45–49 гг. и первая находка гладиуса в Крымском Приазовье // PARA BELLUM. 2009. № 31. СПб.
- Н. И. Винокуров.* Боспоро-римская война 44/45–49 гг. и гибель ранней цитадели городища Артезиан (по материалам раскопок 2004–2008 гг.) // СΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие открытия и находки. 2010. Вып. I. Москва – Киев: Сити-Принт.
- Н. И. Винокуров.* Новые находки времени начала боспоро-римской войны на городище Артезиан в Крымском Приазовье в 2009 году // ДБ. 2010. Т. 14.
- Н. И. Винокуров.* Археологические памятники в Крымском Приазовье (по материалам ААЭ 1988–2011). Тюбинген, Lap Lambert academic publishing, 2012.
- Н. И. Винокуров.* Городище Артезиан во второй половине I в. до н. э. – первой половине I в. н. э. // Российский научный журнал. 2013. № 1 (32).
- Н. И. Винокуров.* Раскопки помещения 10 (2009, 2011, 2013 гг.) ранней цитадели городища Артезиан // Таврические студии. Исторические науки. 2014. № 6. Симферополь

- Н. И. Винокуров, С. М. Крыкин.* Рим, Боспор и Фракия в середине I в. н. э. // Вестник Московского Городского Педагогического Университета. 2016. № 2 (22).
- Н. И. Винокуров, С. М. Крыкин.* Римская политика в Северном и Северо-Западном Причерноморье в середине I в. н. э. // ПИФК. 2017. № 4 (58).
- В. А. Горончаровский.* Боспор и Рим в правление Митридата VIII // Античное государство: политические отношения и государственные формы в античном мире. СПб., Изд-во СПбГУ, 2002.
- В. А. Горончаровский.* Римско-боспорский конфликт 40-х годов I в. н. э. // ВДИ. 2003. № 3.
- В. Н. Дьяков.* Пути римского проникновения в Северное Причерноморье: Понт и Мезия // ВДИ. 1940. № 3–4.
- В. И. Кадеев.* Херсонес, Боспор и Рим в I в. до н. э. – III в. н. э. // ВДИ. 1979. № 2.
- С. Ю. Сапрыкин, Н. И. Винокуров, А. В. Белоусов.* Городище Артезиан в Восточном Крыму (Его жители и культы) // ВДИ. 2014. № 3.
- M. G. Abramzon, M. Y. Treister, N. I. Vinokurov.* Two Hoards of Coins and Jewellery Items from the Time of the Roman-Bosporan War of AD 45–49 from the Site of Artezian // ACSS. 2012. Vol. 18.2.

В. Г. Зубарев, В. В. Майко, С. В. Ярцев

Керамический комплекс средневекового времени городища Белинское¹

Городище «Белинское» расположенное на скальном плато вблизи северного участка Узунларского вала, по результатам многолетних раскопок, датируется началом II – серединой V веков нашей эры. Однако на территории бывшего античного городища в его восточной и северной части довольно определенно фиксируются и раннесредневековые слои, относящиеся к крымскому варианту салтово-маяцкой культуры, что является традиционным для Керченского полуострова.

Наиболее выражены они в восточной части городища на обрывистом углу плато (раскоп «Восточный»). Общая площадь раскопа «Восточный» составляет 570 м². Раскопки проводились в 2008 и в 2013–2017 гг. большими площадями с фиксацией синхронных строительных остатков каждого строительного периода. С салтовским временем связаны остатки фундаментов 3 помещений, 2 каменных круга неясного назначения и 10 хозяйственных ям. Кроме того, некоторые фундаменты стен античного времени были частично восстановлены и использовались в этот период. Мощность

¹ Работа выполнена в рамках задания Минобрнауки РФ № 33.6496.2017/8.9 «Археологические и геофизические изыскания на археологических памятниках Аджизльской балки для проверки гипотез о характере антропогенного воздействия в период голоцена».

культурного слоя здесь составляет 0,2–1,4 м. Средневековые горизонты, представляющие собой рыхлую тёмно-серую супесь с большим количеством золы, мелких камней, раковин мидий и виноградной улитки, прослеживается только на некоторых участках раскопа и наиболее ярко в его западной части. Верхняя граница слоя темно-серой супеси 0,1–0,2 м от дневной поверхности, нижняя 0,2–0,5 м. Мощность слоя 0,1–0,4 м.

Немногочисленные материалы салтовского времени были получены и на площади раскопа «Северный». Комплексы салтовского времени представлены здесь только небольшим количеством хозяйственных ям, вероятнее всего связанных с выборкой строительного камня.

В целом, к настоящему времени накоплен значительный керамический материал средневекового времени, позволяющий сделать первые предварительные выводы.

Тарную керамику образуют три традиционные группы. Амфоры представлены сосудами т. н. причерноморского типа местного производства. Печи по их изготовлению на территории полуострова достаточно хорошо изучены и опубликованы. В последнее время они обнаружены и на территории Таманского полуострова. Сразу оговоримся, что задачей этого сюжета не является историографический анализ существующих типологий крымских амфор причерноморского типа. Очевидно, для каждого конкретного региона Таврики они будут иметь локальные отличия. Исходя из предложенной для юго-восточного Крыма типологии (Баранов, Майко. 2000. С. 83–100; Майко. 2004. С. 180–185), средневековые амфоры городища Белинское можно разделить на следующие типы и варианты. Критериями для такого членения выступали как морфологические, так и технологические признаки.

Основная масса обнаруженных на городище Белинское амфор относится к подтипу 1 представленному сосудами небольших размеров с ручками, прилепленными непосредственно под валикообразным венчиком (Рис. 1, 4, 6–9) или, что фиксируется реже, в средней части горла (Рис. 1, 5). В нижней части амфоры, судя по экземпляру из хозяйственной ямы 116 (Рис. 1, 1), имеют слабовыраженный перехват, а на плечиках достаточно глубокое плавное рифление, менее заметное в нижней части тулова. В этому же варианту относится и еще один целый экземпляр с туловом близким по форме к яйцевидному, происходящий из слоя у северо-западного фаса стены 71 помещения 33 раскопа «Северный» (Рис. 1, 12). Фрагмент верхней части тулова (Рис. 1, 3) можно отнести к варианту небольших сосудов с обильными примесями шамота и извести и регулярным глубоким рифлением типа «набегающей волны». Несомненный интерес представляет еще одна целая амфора из хозяйственной ямы 116 (Рис. 1, 2). Это сосуд с вытянутым горлом и венчиком, приближающимся к импортным

Рис. 1. Тарная керамика из средневековых горизонтов и объектов городища Белинское: 1, 2 – хозяйственная яма 116; 3, 4, 6–9, 11 – вымостка улицы в северо-западной части раскопа «Восточный»; 5 – заполнение пифоса на раскопе «Восточный»; 10 – хозяйственная яма 120; 12 – слой у северо-западного фаса стены 71 помещения 33 раскопа «Северный»

византийским грушевидным амфорам с венчиком в виде так называемого «отложного воротничка». На основании материалов из подводных исследований возле мыса Мальчин на территории порта средневекового городища Тепсень (Майко. 2004. С. 113. Рис. 64, 5, 7) было высказано

предположение о существовании подобного наиболее позднего типа причерноморских амфор. Не исключено, что по форме венчика они подражают вышеназванным византийским, которые не ранее второй четверти X в. начинают поступать в юго-восточный Крым. При таком подходе, данный вариант амфор причерноморского типа можно считать своеобразным хронологическим репером. Еще одним основанием для поздней датировки известного в настоящий момент керамического комплекса городища Белинское является практически полное отсутствие причерноморских амфор с МЗР, представленных единичными мелкими фрагментами стенок.

Вопрос о хронологических рамках существования рассматриваемых амфор причерноморского типа дискусионен. Можно считать установленным, что позже середины X в. в восточном и юго-восточном Крыму они не существуют. В то же время, в салтовских комплексах Судакского городища второй половины VIII они практически неизвестны, в объектах первой половины IX вв. – малочисленны и значительно уступают причерноморским амфорам с МЗР. В комплексах второй половины IX – первой половины X вв. наблюдается обратная картина.

Вторую традиционную категорию тарной керамики составляют т. н. высокогорлые кувшины с ленточными ручками. Помимо верхних частей сосудов (Рис. 1, 11) встречены и фрагменты ручек, в том числе орнаментированные наколами, образующими, подчас, орнаментальные мотивы. Традиционно считается, что на полуострове они появляются в середине IX в. и существуют, по крайней мере, до второй половины XI в. Предпринимавшиеся в литературе попытки произвести их морфологическую и хронологическую типологию (Сазанов. 2001. С. 232–239), не дали положительных результатов. Большинство исследователей согласно с тем, что центр их производства в салтовское время находился на Тамани (Плетнева. 1959. С. 249). Однозначно и то, что в салтовских комплексах Таврики данная категория тарной керамики значительно уступает амфорной, что справедливо и для материалов Белинского городища.

Такой же небольшой процент тарной керамики городища Белинское составляют и фляги (Рис. 1, 10), обжигавшиеся в одних печах с причерноморскими амфорами. Это достаточно хорошо изученная категория сосудов. Как и в случае с высокогорлыми кувшинами, разнообразие морфологических форм, технологии изготовления и орнаментальных мотивов на сегодняшний день не позволяет произвести универсальное типологическое членение. Судя по стратиграфическим наблюдениям на памятниках восточного Крыма, они более характерны для комплексов второй половины VIII – первой половины IX вв., что подтверждается их малочисленностью в материалах городища Белинское.

Столовая керамика представлена малочисленными фрагментами ойнахой местного производства, типология которых хорошо известна (Веймарн, Айбабин. 1993. С. 190–193). Все обнаруженные на городище фрагменты относятся к наиболее распространенному типу одноручных сосудов с яйцевидным туловом, часто украшенному линейно-волнистым орнаментом, нанесенным белым ангобом. Несомненный интерес представляет фрагмент стенки из материалов раскопа «Восточный», украшенный полосой наколов, разделяющей линейный орнамент на шейке и линейно-волнистый на плечиках. На сегодняшний день можно констатировать, что данная категория керамики не является хронологическим индикатором. При этом в наиболее поздних салтовских комплексах она встречается в виде мелких фрагментов, что характерно и для материалов городища Белинское.

Отдельную категорию столовой посуды городища Белинское составляет редкая для полуострова, но разнообразная серо-глиняная лощеная керамика. Вся она представлена мелкими единичными фрагментами верхних частей крупных кувшинов с высоким горлом и удлиненным носиком слива, петлевидными ручками корчаг и мелкими фрагментами стенок т. н. «салтовских пифосов» украшенных прорезным линейно-волнистым орнаментом. В литературе отмечалось увеличение процента лощеной керамики в керамических комплексах объектов, расположенных в направлении Боспора и Тамани. Вместе с тем не исключено, что она не сразу вытесняется провинциально-византийской более качественной керамикой, а в небольших количествах продолжает использоваться на всем протяжении существования салтовской культуры Крыма.

Кухонная керамика рассматриваемого городища наиболее многочисленна. В настоящее время существует несколько типологий кухонной керамики крымского варианта салтово-маяцкой культуры (Баранов. 1990. С. 89–101; Пономарев. 2003. С. 217; Майко 2004. С. 196–205), которые, все же, не до конца отражают все многообразие морфологических и технологических форм. Были прослежены морфологические и технологические отличия сосудов второй половины VIII – первой половины IX вв. и второй половины IX – рубежа IX – X вв. В частности, для второго хронологического периода отмечено полное преобладание сероглиняных горшков, практически без шейки, с яйцевидным туловом, изготовленных на ручном гончарном круге. Отличительной их особенностью является ярко выраженная стандартизация форм, безусловно, связанная с общей византизацией поздних салтовских памятников восточного Крыма. Она проявилась не только в высоком качестве изготовления сосудов, но и в основных морфологических показателях, прежде всего, в однотипности профилировки каплевидного отогнутого венчи-

ка. Орнамент так же не отличается особым разнообразием. В основном это неглубокий линейный орнамент на тулове. В этой связи интересно отметить, что в материалах городища Белинское совершенно отсутствует сочетание линейного орнамента и многорядной волны (Рис. 2, 1–3, 5–11, 14, 16, 19). Реже встречены неорнаментированные экземпляры с уплощенным отогнутым венчиком (Рис. 2, 4, 12, 13, 15, 17, 18). Выде-

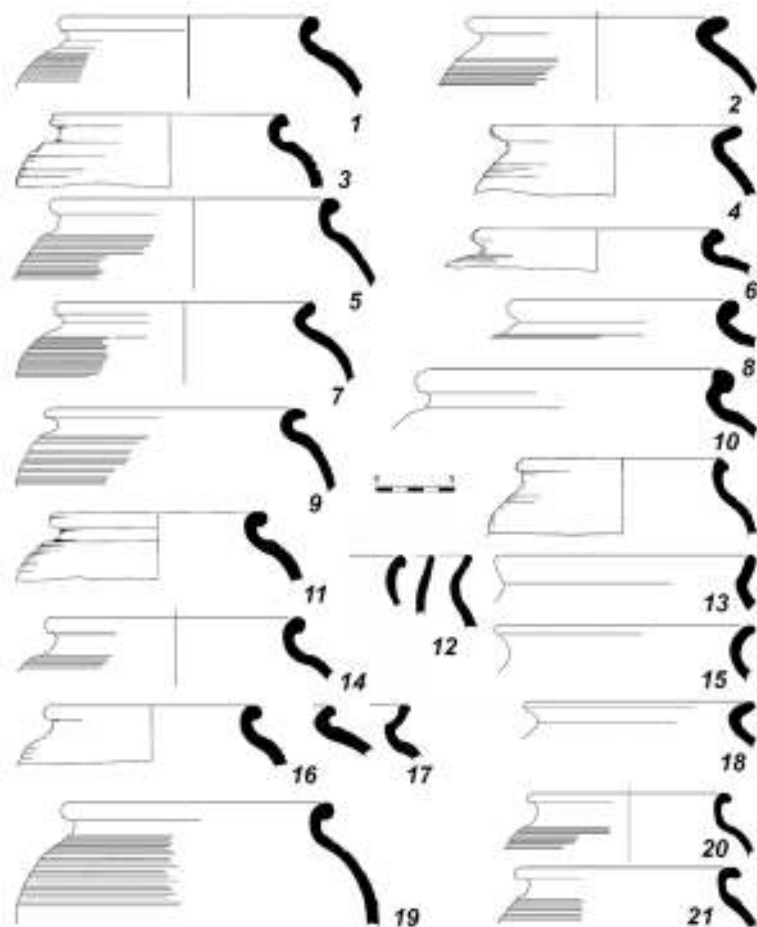

Рис. 2. Кухонная керамика из средневековых горизонтов и объектов городища Белинское: 1, 2, 5, 7–10, 14, 15, 18, 20 – вымостка улицы в северо-западной части раскопа «Восточный»; 3, 4, 6, 17, 21 – из поздних перекопов на участке 2 раскопа «Северный»; 11–13 – из слоя гумусированной супеси на участке 2 раскопа «Северный»; 16, 19 – хозяйственная яма 57 на участке 2 раскопа «Северный»

ляются категория горшков морфологически схожих с основной массой кухонных сосудов, но технологически более совершенных (Рис. 2, 20, 21). Для них характерны признаки не только хорошо развитых операций заглаживания и обтачивания при помощи гончарного круга, но и достаточно освоенной операции профилирования. Следы, характерные для нее отмечены как на венчике, так и на всей верхней части тулова сосуда. Именно они могут являться своеобразным хронологическим индикатором наиболее поздних салтово-маяцких памятников полуострова.

В имеющихся материалах полностью отсутствует поливная импортная белоглиняная керамика, что типично для сельских салтовских памятников Керченского полуострова.

Таким образом, анализ керамического комплекса восточной части средневекового городища Белинское позволяет достаточно уверенно отнести его к наиболее позднему периоду крымского варианта салтово-маяцкой культуры второй половины IX – рубежа IX–X вв. Основанием для этого является, во-первых, присутствие наиболее поздних вариантов амфор причерноморского типа и практически полное отсутствие причерноморских амфор с МЗР, во-вторых, единичность высокогорлых кувшинов с ленточными ручками, фляг и красноглиняных ойнохой, в-третьих, стандартизация кухонных сосудов и присутствие технологически наиболее совершенных горшков. На основании имеющихся, пока, материалов можно предположить, что восточная часть средневекового поселения Белинское существовала непродолжительное время в рамках второй половины IX – рубежа IX – X вв.

Литература

- И. А. Баранов.* Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). Киев, Наукова думка, 1990.
- И. А. Баранов, В. В. Майко.* Праболгарские горизонты Судакского городища середины VIII – первой половины X вв. // БСП. 2000. Т. VII.
- Е. В. Веймарн, А. И. Айбабин.* Скалистинский могильник. Киев, Наукова думка, 1993.
- В. В. Майко.* Средневековое городище на плато Тепсень в юго-восточном Крыму. Киев, Академперіодика, 2004.
- С. А. Плетнева.* Керамика Саркела – Белой Вежи // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. М., Л., 1959. Т. II. – (МИА. № 75).
- Л. Ю. Пономарев.* К характеристике салтовского керамического комплекса поселений Керченского полуострова // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Материалы IV Боспорских чтений. Керчь, 2003.
- А. В. Сазанов.* Керамический комплекс начала XI в. из Херсонеса (амфоры, пифосы, простая гончарная керамика) // БИАС. 2001. Вып. 2.

О. Ю. Соколова

Архитектурный комплекс на южном склоне нимфейского плато

В 1972 г., в связи с планируемым строительством санатория-профилактория завода «Залив» на берегу к югу от городища Нимфей, были начаты исследования на южном склоне нимфейского плато. В результате многолетних работ удалось выявить монументальный архитектурный ансамбль, расположенный на террасах южного склона плато, которому нет аналогов в боспорском градостроительстве (Рис. 1). В центре всего сооружения – высокий цоколь, оформленный кладкой из рустованных блоков, по сторонам которого идут лестницы, соединяющие между собой террасы. Восточная лестница ведёт с нижней террасы вдоль каменного цоколя наверх. У её подножия расположена площадка, сложенная из тщательно обработанных монументальных плит известняка, на которую можно подняться по ступеням, окружающим её с трёх сторон. Возможно, здесь находился алтарь (Грач 1989. С. 68; Grach. 1987. S. 88–89, Taff. 26, 1).

В разных частях сооружения помещались алтари, что свидетельствует о его культовом назначении (Грач. 1985. С. 337; Грач. 1989. С. 68).

В западной части террасы находится здание, ориентированное по линии север – юг и состоящее из ряда помещений, расположенных в двух уровнях, которые соединяются двумя лестничными маршами. Помещения, расположенные на первом этаже здания, соединяются между собой дверными проёмами. Различный характер кладки отдельных участков стен позволяет говорить о неоднократных перестройках, которым подвергались эти помещения. Следует отметить, что для построек, относящихся ко времени сооружения этого здания, характерно использование штучного камня. В дальнейшем, в кладке стен активно применяется камень разных размеров и качества обработки.

Центральное помещение, пол которого был вымощен крупными, тщательно пригнанными друг к другу плитами, располагалось на верхней террасе. Вход в это помещение находился, по-видимому, с северной стороны, о чём свидетельствуют сохранившиеся плиты порога (Грач. 1984. С. 81–82).

В плите, расположенной в северо-восточном углу помещения, вырезано круглое отверстие, оказавшееся устьем цистерны (Соколова. 2004. С. 175–176. Илл. 1–2). Диаметр устья – 0,44 м, глубина цистерны – 3,0 м. С южной стороны к устью вёл вытесанный в плите жёлоб Г-образной формы. Под горловиной, высота которой 0,4 м, расположено аккуратно выдолбленное отверстие переливной трубы, диаметром 0,16–0,18 м. Она имеет направление на северо-восток, а затем на расстоянии 2,0 м делает поворот на северо-запад, в сторону ещё одной

Рис. 1 – Нимфей. Ортофотоплан участка «М». Масштаб 1:500. Аэрофото-съемка, фотограмметрия и создание модели – К. Ходаковский. Составление ЦММ и чертежа – А. Пигин

цистерны. Цистерна II отличается более крупными размерами. Устье её имеет диаметр 0,53 м, глубина – 5,55 м. Следует отметить наличие дополнительной полости, увеличившей объём цистерны, который составляет около 27000 м³. Под горловиной находится отверстие переливной трубы, ориентированной с северо-запада на юго-восток.

Обе цистерны имеют грушевидную форму, с небольшим углублением-отстойником на дне. Поверхность стен покрыта плотным известковым раствором белого цвета. Над устьем цистерны II сохранился фрагмент каменной обкладки, явившийся составной частью восточной стены здания.

Таким образом, обе цистерны, построенные по схеме сообщающихся сосудов, представляют собой единый комплекс, обеспечивавший это сооружение водой. При этом цистерна I служила приёмником, а цистерна II – основным резервуаром для запасов воды (Грач. 1988. С. 61).

Центральное помещение имело продолжение в южной части здания, где находилось, по всей видимости, ещё одно помещение, стены которого были покрыты штукатуркой. Фрагменты её обнаружены

в помещении первого этажа, куда она обвалилась со стен в результате какой-то катастрофы. В развале штукатурки было найдено большое количество фрагментов черепицы от перекрытия крыши, а также фрагмент мраморного алтаря, который датируется концом IV в. до н. э. (Grach. 1987. S. 90, Taff. 33; Древний город. 1999. С. 24).

В результате реставрационных работ удалось восстановить оштукатуренную поверхность двух стен помещения, площадью около 18 м². Ширина этого помещения равна 3,2 м, длина его составляла не менее 3,2 м, высота – не менее 2,8 м. В стене, под потолком, находилось световое окно, о чём свидетельствует контур верхнего края штукатурки, имеющий форму полукруга, а также следы потёков на поверхности красочного слоя под ним. Поверхность штукатурки расписана горизонтальными полосами жёлтого и красного цвета, разделённые орнаментальными поясами. Вертикальные желобки прорезают поверхность штукатурки, имитируя квадратную кладку.

Значительная часть поверхности стены испещрена разнообразными рисунками и надписями. Особого внимания среди многочисленных изображений заслуживает рисунок большого корабля – триеры, выполненный в технике сграффито. На носу корабля вырезано его название – ISIS, имя особо почитавшейся в Египте богини Изиды. По мнению Н. Л. Грач, «именно изобразительный комплекс и надписи позволили интерпретировать» весь строительный ансамбль как морское святилище, связанное с Афродитой в её ипостаси покровительницы моряков, а появление изображения корабля на штукатурке – с фактом стоянки этого судна в гавани Нимфея (Грач. 1984. С. 82, 84, 86; Grach. 1987).

К северу и востоку от здания святилища строительные остатки очень фрагментарны, что связано с позднейшими перестройками на этом участке.

К югу и западу от святилища, на уровне второй террасы расположен большой двор, куда можно было спуститься с верхней террасы по парадной лестнице, шириной 2,25 м (Соколова. 1995. С. 11–12). С севера двор ограничен подпорными стенами, которые располагаются вдоль древнего естественного склона плато, при этом вглубь террасы было врезано помещение, разделённое стеной с дверным проемом на две части. Функциональное назначение данного сооружения пока не определено. Следует отметить, что второе помещение прекращает свое существование и было засыпано около середины IV в. до н. э. (Соколова. 2000. С. 18–19; Соколова, Чистов. 2002. С. 15–16).

С запада двор ограничен древним естественным склоном плато, представляющим собой массив жёлтой материковой глины, который был подрубен, а затем при помощи насыпного грунта приспособлен

под ряды сидений (театрон). Находки керамики в этих напластованиях немногочисленны. Они позволяют отнести возведение этого сооружения к рубежу V–IV вв. до н. э. или первой четверти IV в. до н. э. В северо-западной части этого комплекса были зафиксированы стены из бутового камня, впущенные в насыпь искусственной террасы, которые предназначались для её внутреннего армирования, чтобы предохранить террасу от разрушения (Чистов. 2001; Соколова, Чистов. 2002).

В настоящее время выявлено 4 ряда сидений, которые открыты частично и уходят в западный борт раскопа. Ширина сидений 0,5–0,6 м, высота 0,35–0,4 м, расстояние между рядами – в среднем 0,45 м. Ряды соединяются узкими лесенками-проходами. На плитах двух средних рядов выбиты буквы AGW (Соколова, Буйских. 2011. С. 313–314). По центру выявлено 4 ступени лестницы, уходящей в западный борт участка, которая делит всё сооружение театра на две половины. Следует отметить, что радиус нижнего ряда сидений составляет 12,7 м, четвертого ряда – 15,3 м. При этом линия верхнего уровня подрубки слоя материковой глины зафиксирована на 6 м выше нижнего ряда сидений, а его радиус составляет 31,9 м.

Вдоль нижнего ряда театра выявлен слой щебёночной вымостки, а далее к востоку расположена площадка, ограниченная с севера и юга параллельными стенами и двумя парадными входами – пропилями. Между щебёночной вымосткой и площадью, на которой расположены пропилеи, зафиксирована стена, длиной 22,5 м. Сохранившаяся её часть представляет собой развал бутового камня. Возможно, внешний, западный, фас стены был когда-то облицован плитами. Но в настоящее время плиты, стоящие на ребре, оформляют только южный и северный её концы.

В 1996–2000 гг. в северной части участка был найден комплекс архитектурных деталей, в котором представлены фактически все элементы вертикального членения ионического ордера: капитель, базы и барабаны колонн с каннелюрами, капитель и базы пилонов, детали карнизов, симы, фрагменты тимпана – всего более 50 целых деталей и их фрагментов, что позволяет достаточно точно реконструировать внешний облик сооружения. Все элементы, выполненные из местного камня – известняка, являются изделиями местных камнеобрабатывающих мастерских и свидетельствуют о высоком уровне мастерства их изготовителей. Поверхность большинства деталей покрыта специальным известковым раствором с добавлением мраморной крошки и тщательно отшлифована, создавая впечатление того, что они изготовлены из мрамора, а часть их была ярко раскрашена (Соколова. 1997; 1998). Прекрасно сохранившаяся надпись на архитраве, найденном

в 2000 г., позволила высказать предположение о принадлежности всего комплекса архитектурных деталей парадному входу – пропилеям:

«Геопротид сын Мегакла (сей) вход посвятил Дионису, будучи агонифетом, при Левконе архонте Боспора и Феодосии, и всей Синдики, и торетов, и дандариев, и пессосов». Палеографические особенности, а также упоминание в тексте имени и титулатуры боспорского царя Левкона, сына Сагира I, позволяют датировать надпись рубежом первой и второй четверти IV в. до н. э. (Соколова, Павличенко. 2002).

Комплекс архитектурных деталей в совокупности с зафиксированными *in situ* деталями позволили дать реконструкцию данного сооружения. Основание представлено двумя парами баз пилонов и колонн, расположенных по оси друг к другу, которые оформляют небольшой проём в стене, длиной 5,5 м. Анализ планировочной ситуации вокруг сооружения свидетельствует о том, что наиболее вероятная композиция главного фасада пропилона, определяемая положением двух его колонн, это двухколонный портик. Особенностью композиции является отсутствие общего стереобата здания. Анализ стратиграфии участка свидетельствует о том, что проход между основаниями колонн и пилонов был грунтовый, с использованием щебёнки (Долинская. 1999).

Размеры портика: ширина портика в осях составляет 3,05 м. Общая высота пропилона от уровня вымостки до конька составляла 5,8 м.

На расстоянии 18,75 м к югу от северных пропилей в 1986 г. выявлены детали ещё одного сооружения. От него сохранились основания двух пилонов и колонны, а также найден один из облицовочных блоков пилона. А в кладке одной из стен эллинистического святилища был обнаружен фрагмент плиты, интерпретированный Е. В. Власовой как часть церемониального алтаря. В средней части этой плиты сохранилась часть надписи, представляющая собой окончание титулатуры Левкона I: ...δαν] δαριῶν καὶ ψεεσσο [v] (Власова. 1994/1995. С. 135; Древний город. 1999. С. 23, № 10). Сопоставление размеров и профилировки данной плиты с найденным архитравом, позволяет прийти к выводу о том, что данный фрагмент является частью другого архитрава, который, вероятно, украшал фасад вторых пропилей.

За линией южных пропилей выявлен мощный водосток, который пересекает территорию двора по направлению с юго-запада на северо-восток. Северо-восточный конец водостока упирается в подпорную стену террасы, а продолжением его является жёлоб, который пронизывает кладку стены, толщиной 2,5 м. Подпорная стена террасы в более позднее время неоднократно подвергалась реконструкции и использовалась как оборонительная.

Таким образом, следует отметить, что в IV в. до н. э. на южном склоне нимфейского плато проводятся грандиозные инженерные работы,

идёт создание монументального архитектурного ансамбля, оформлявшего вход в город со стороны гавани. Без сомнения, строители ансамбля, расположенного на террасах склона, предусмотрели эффектный обзор с моря (Грач. 1989. С. 68). Используется крутой естественный склон, при этом осуществляется специальная подрубка материковой глины, а затем поверхность склона выравнивается при помощи насыпного грунта. Для предохранения террасы от разрушения используются подпорные стены и её внутренние конструкции в виде стен из бутового камня с сырцовыми надстройками.

Литература

- Е. В. Власова.* Фрагмент посвяжительной надписи из Нимфея // *Nureborgeus.* СПб., 1994/1995. Vol. I. Fasc. 2.
- Н. Л. Грач.* Открытие нового исторического источника в Нимфее (предварительное сообщение) // ВДИ. 1984. № 1.
- Н. Л. Грач.* Нимфей в конце IV–I вв. до н. э. (Особенности развития) // Причерноморье в эпоху эллинизма. Материалы III Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Цхалтубо, 1982. Тбилиси, 1985.
- Н. Л. Грач.* Полевой сезон 1985–1986 гг. Нимфейская экспедиция // СГЭ. 1988. Вып. LIII.
- Н. Л. Грач.* Нимфейская археологическая экспедиция (основные итоги исследований за 1973–1987 гг.) // Итоги работ археологических экспедиций Государственного Эрмитажа. Л., 1989.
- Н. В. Долинская.* К вопросу об интерпретации одного из участков Нимфейского комплекса // Труды молодых учёных СПбГАСУ. СПб., 1999. Ч. III. Древний город Нимфей. Каталог выставки. СПб., Изд. ГЭ, 1999.
- О. Ю. Соколова.* Исследования Нимфея в 1994 году // Отчётная Археологическая Сессия Государственного Эрмитажа. Июнь. 1995 г. ТД. СПб., Изд. ГЭ, 1995.
- О. Ю. Соколова.* Новые находки из Нимфея // Боспор и античный мир. Нижний Новгород, 1997.
- О. Ю. Соколова.* К вопросу о памятниках ионийского ордера из Нимфея // Эрмитажные чтения памяти Б. Б. Пиотровского. ТД. СПб., Изд. ГЭ, 1998.
- О. Ю. Соколова.* Исследования Нимфея в 1999 году // Отчётная Археологическая Сессия Государственного Эрмитажа за 1999 г. ТД. СПб., Изд. ГЭ, 2000.
- О. Ю. Соколова.* Комплекс находок эллинистического времени из Нимфея (раскопки 1984 года) // Эллинистические штудии в Эрмитаже. Сб. статей. К шестидесятилетию М. Б. Пиотровского. СПб., Изд. ГЭ, 2004.
- О. Ю. Соколова, А. В. Буйских.* Исследования Нимфея // Археологічні дослідження в Україні – 2010. Київ, Полтава, ІА НАН України. 2011.
- О. Ю. Соколова, Н. А. Павличенко.* Новая посвяжительная надпись из Нимфея // *Nureborgeus.* СПб., 2002. Vol. 8. Fasc. 1.
- О. Ю. Соколова, Д. Е. Чистов.* Нимфейская экспедиция в 2000 г. // Отчётная Археологическая Сессия Государственного Эрмитажа за 2000 г. ТД. СПб., изд. ГЭ, 2001.

- О. Ю. Соколова, Д. Е. Чистов. Исследования Нимфея в 2001 г. // Отчётная Археологическая Сессия Государственного Эрмитажа за 2001 г. ТД. СПб., 2002.
- Д. Е. Чистов. Система искусственных террас на южном склоне Нимфейского плато // Боспорский феномен: Колонизация региона. Формирование полисов. Образование государства. Материалы международной научной конференции. СПб., Изд. ГЭ, 2001. Ч. I.
- N. Grach. Das Neul en tdeckes Fresce aus Hellenistischer zeit in Nymphaeum on dei Kertsch // Scythika. Munchen. 1987.

Н. А. Гаврилюк

Новый уступчатый склеп в западной части хоры Нимфея

К срочным археологическим работам на кургане 3 и исследованию содержащегося в нем погребального сооружения (как оказалось – склепа уступчатого типа¹) привела реальная угроза полной утраты памятника вследствие активной адресной деятельности грабителей. К началу наших охранных раскопок (август 2009 года) грабители успели частично разрушить курган, проломить отверстие в своде и через него проникнуть внутрь. За время между первым обследованием в декабре 2008 г. А. Л. Ермолиным и началом раскопок в августе 2009 года, были зафиксированы деформации плит перекрытия, а возможность обрушения склепа стала очевидной. Был также риск похищения («под заказ») архитектурных деталей сооружения, в том числе с росписью (Ермолин. 2009. С. 213–217; 2010. С. 63–69). После анализа ситуации с учетом мнений большого числа специалистов было принято решение о полно-

¹ . Досадно, что первым публикациям о склепе предшествовал вброс информации о нём от людей, не имевших прямого отношения к раскопкам и не являющихся правообладателям авторских прав на результаты раскопок. В недавно вышедшей статье, посвящённой реставрации представляемого здесь склепа, дается подробное описание погребения, заимствованное из копии моего с соавторами отчета (Гаврилюк, Ермолин, Синенко. 2009/5). В свое время один из неофициальных экземпляров текста отчета был оставлен в Керченском историко-археологическом музее (КИАМ) – для облегчения научной реконструкции склепа, который мы, авторы раскопок, разобрав в соответствии с методикой, перевезли туда. Без нашего исследования памятника, фиксации его росписи в поле сколько-нибудь полноценная реконструкция склепа в Лапидарии КИАМ не возможна. Разрешения на публикацию текста упомянутого отчета я, как держатель Открытого листа на памятник и руководитель экспедиции 2009–2010 гг. (а не верстальщик отчета – Кучеревская. 2017. С. 104), не давала. В публикациях из списка литературы автором упомянутой статьи, описания склепа нет (памятник А. Е. Ермолиным открыт, но склеп ещё не раскопан). Безрадостная картина публикации без участия авторов результатом их исследований усугубляется рядом недостоверных сведений, содержащихся в статье, на которые будет указано позже в специальной работе.

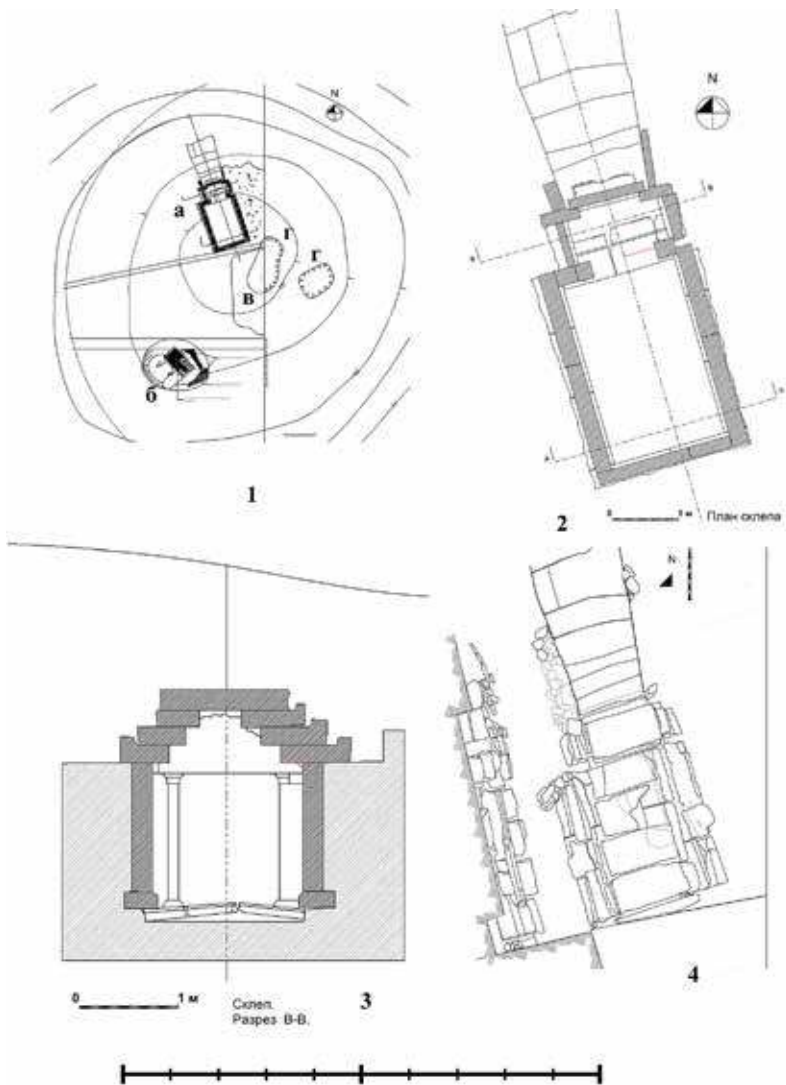

Рис. 1. Склеп на хоре Нимфея: 1 – план кургана (а – склеп; б – жертвенник; в – остатки раннего погребения; г – поздние перекопы); 2 – план склепа; 4 – один из разрезов погребальной камеры; 4 – крыша склепа и фасировка юго-западной стенки

масштабных раскопках вручную кургана, демонтаже и переносе склепа в Лапидарий КИАМ для последующих его реставрации и музеефикации.

Исследуемый курган (N 45,210120, E 036,400970) до начала работ имел высоту 1,36 м, диаметр 25 м и входил под № 3 в курганную группу, расположенную к востоку от с. Челябиново Ленинского р-на АРК. На момент раскопок группа состояла из четырех курганов, хотя по документам ранее в ней числилось 12 насыпей.

Погребальное сооружение располагалось в северо-западном секторе кургана (Рис. 1, 1). Оно было впущено в котлован глубиной 3,30 м, устроенный в насыпи более раннего кургана. Погребальное сооружение представляло собой уступчатый склеп, состоявший из прямоугольной погребальной камеры с двусторонним перекрытием, небольшого крытого преддверия и земляного дромоса. Длина сооружения 4,44 м, ширина 1,84 м, высота 2,36–2,70 м (Рис. 1, 2; 2, 1). Модуль погребальной камеры (соотношение высоты и наибольшей длины) – 0,93.

Исследованию боспорских склепов посвящено ряд работ, в которых предложены различные их классификации (Блаватский. 1955; Гайдукевич 1981). Мы используем классификацию уступчатых склепов, разработанную Е. А. Савостиной, и относим данный склеп к склепам с дромосом и преддверием – тип III (Савостина. 1986. С. 47–48).

Прямоугольной в плане дромос (лестница) длиной 3,5 м, шириной 1,5–1,3 м с вертикальными бортами располагался с северо-запада. Он имел вид пологого спуска с пятью ступенями, вырезанными в материке. Глубина входной ямы 2 м от уровня погребенного чернозема, 3,20 м – от вершины кургана.

Западная сторона входной ямы укреплена подпорной стенкой высотой 1,5–1,7 м, сложенной из каменных блоков разного размера и небольших обломков архитектурных деталей. Среди небольших камней западной стенки найдена стенка лепного сосуда (Рис. 2, 2). Сосуд идентифицирован как лепная кастрюля с горизонтальными ручками. Аналогия ей найдена в материалах Нимфея (Гаврилюк, Соколова. 2007. С. 274. Рис. 4, 4). Такие сосуды являются подражаниями античной гончарной керамике (Harlat. 2002. P. 280. Fig. 5, e). Восточная стенка входной ямы была укреплена ненарушенной кладкой из архитектурных деталей и небольших каменных блоков (Рис. 1, 4). Части архитектурных деталей, найденные в западной стенке дромоса склепа, представлены небольшими фрагментами карнизов с полихромной росписью (геометрический орнамент). Все фрагменты карнизов изготовлены из местного известняка, а в конструкции склепа использованы вторично.

Фасад преддверия (prothamos) сложен из блоков известняка. Высота входа 2,35 м, ширина – 1,4 м. Входной проем был закрыт закладной

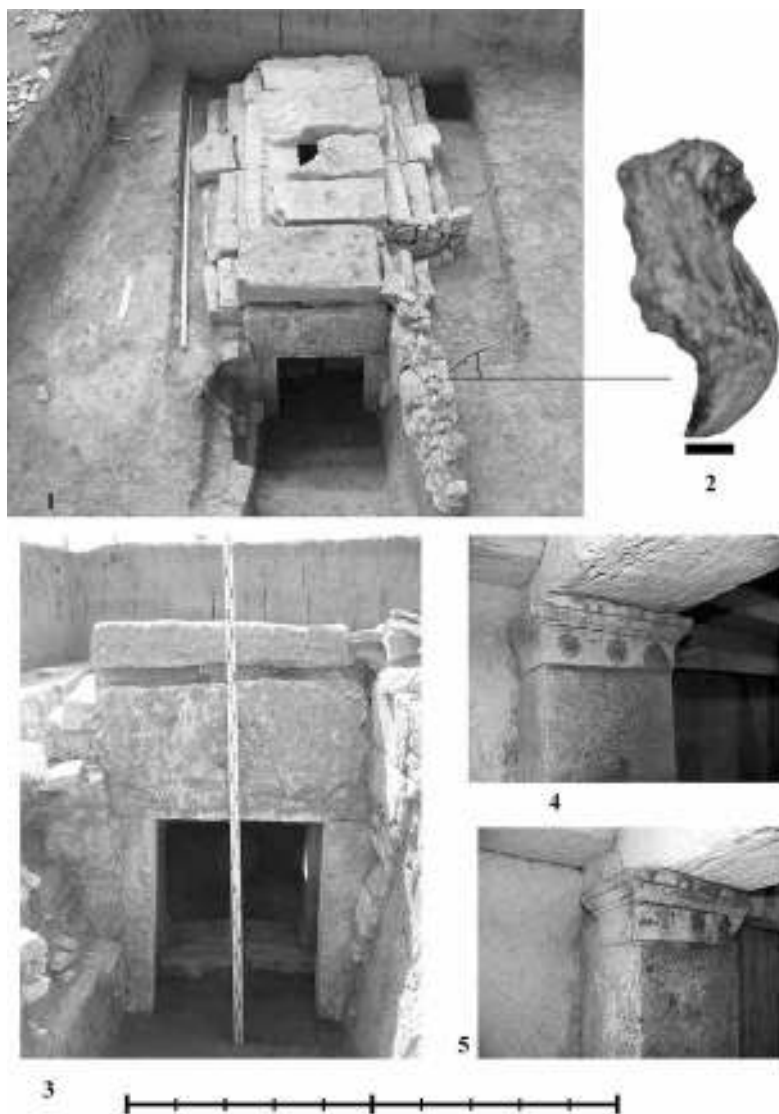

Рис. 2. Склеп на хоре Нимфея: 1 – общий вид; 2 – стенка лепной кастрюли; 3 – вход в склеп; 4, 5 – анты с росписью

известняковой плитой ($1,0 \times 0,65$ м) со сквозным округлым отверстием. Эта плита является фрагментом профилированного карниза. На его фасадной горизонтальной симе сохранился орнамент в виде пальметт, чередующихся на двух двояко вогнутых валютах. Полка карниза расписана орнаментом в виде сложного меандра (Ермолин. 2010. С. 68. Рис. 7, 1).

Входной проем преддверия был перекрыт архитравом в виде плиты известняка. Плита узкой гранью опирается на стенки проема и всей плоскостью закрывает перекрытие дромоса, при этом ее плоскость выходит за пределы абриса плит перекрытия (Рис. 2, 3). Как известно, камень положенный на ребро, может выдержать значительно большую нагрузку, чем камень, положенный «на постель» (Шуази. 2009. С. 128). Входной проем ведет в прямоугольное в плане преддверие склепа длиной 0,66–0,70 м, шириной 1,54 м, высотой 2,1 м. Оно не развито по длине, ограничено двумя фронтальными плитами (Рис. 1, 2). Преддверие было перекрыто уступчатым двускатным трехрядным сводом.

Входной проем в погребальную камеру (*thalamus*) расположен на одной оси со входом в дромос. Относительно пространства склепа он слегка смещен от продольной оси погребальной камеры. Это позволяет отнести склеп из кургана 3 к склепам группы А (склепам со смещенной осью и преддверием уже ширины погребальной камеры (Савостина. 1986. С. 48–49). Вход в погребальную камеру обрамлен антами одинаковых размеров – $1,355 \times 0,34 \times 0,30$ м. На них опирается фронтальная плита – архитрав входного проема в погребальную камеру и фронтальная плита с пазами для крепления свода (Рис. 1, 3). Оба анта установлены слегка с наклоном к центру проема. Они имеют профилированные базы, гладкий квадратный в поперечном разрезе ствол с капителью дорического ордера. Анты изготовлены из плотного мраморовидного известняка коренных пород. На обеих капителях сохранилась полихромная роспись (Рис. 2, 4, 5). Здесь наблюдается эффект, отмеченный еще Огюстом Шуази «мрамор, как таковой, оставался неокрашенным и только умеренно положенные пятна краски выделялись на фоне его прозрачной белизны» (Шуази. 2009. С. 141). В нашем случае речь идет о мраморовидном известняке, который после полировки приобретает кремовый цвет. Важно отметить, что полихромная орнаментация нанесена только на обращенные к входному проему поверхности полуколонн. Эту особенность можно объяснить и тем, что роспись либо наносилась (подновлялась: красная краска нижних поясков на теле колонн более яркая, чем на других частях капителей) уже с учетом использования полуколонн в склепе. В любом случае, благодаря наличию полихромной росписи антов, склеп из кургана 3 относится к склепам с росписью.

При разборке склепа были прослежены способы крепления антов к стенам погребальной камеры и фронтальной плите свода с помощью фигурных пазов и свинца. На входе в погребальную камеру в основание антов были подведены карнизные плиты. Они уложены горизонтально и фасадной стороной развернуты ко входу в погребальную камеру. Частично сохранилась полихромная роспись на лицевой поверхности плиты (Ермолин. 2010. Рис. 7, 4). При разборке склепа установлено, что это карнизные плиты с частично сохранившейся полихромной росписью на поверхности полочек фрагментированных карнизов. Рельефный профиль карниза сохранился с большими утратами. По характеру сколов можно сказать, что при укладке плит выступающие части грубо отбивались или стесывались.

Погребальная камера в плане прямоугольная (внутренние углы строго по 90°) и ориентирована на северо-запад – юго-восток (2,89×1,84 м). Высота сооружения от дна до верхней плиты – 2,70 м (Рис. 1, 3). Свод погребальной камеры – двусторонний уступчатый, опирающийся на прямоугольное основание стен камеры (нижний ряд) и на уступчатые вырезы, пропиленные под плиты перекрытия с двух сторон во фронтальной и такой же торцевой плитах свода для каждой из плит второго и третьего ряда. Плиты свода надвигаются друг на друга в три уступа. Четвертый слой состоял из четырех плит, которые замыкали свод и образовали крышу погребальной камеры. Высота свода 0,93 м. Пространство между плитами заполнено сухой смесью из извести, толченого мелкого камня и известняка. Для создания герметичности внутреннего пространства склепа смесь плотно набита и утрамбована во всех швах между плитами. С внутренней стороны склепа плиты перекрытия тщательно и плотно уложены на стены погребальной камеры. На восточной, южной и западной стенах сохранились следы ремонта, выполненные еще при строительстве. Для перекрытия склепа использовали плиты от стен ранее существовавшего сооружения (Ермолин. 2009. С. 206–219; Ермолин. 2010. С. 68).

Стены склепа сложены из вертикально стоящих большеразмерных плит известняка. Внутренние поверхности склепа гладко обработаны. На верхней плоскости четырех стеновых блоков сохранились пазы под пироны трапециевидной формы («ласточкин хвост»). Пазы свинцом не заполнены, это говорит о вторичном использовании плит или о поспешности сооружения. Все вертикальные стены склепа в погребальной камере и дромосе установлены на горизонтально лежащие плоские плиты. Пол погребальной камеры, как и преддверия, земляной. Следы погребения не зафиксированы.

Кроме того, под насыпью кургана, в юго-западной ее части, обнаружены остатки жертвенника в виде каменного прямоугольного в плане

ящика. Сооружение находилось в центре кострища. Находки керамики (фрагменты каннелированной чернолаковой пелики и фрагменты краснофигурной леканы) позволяют датировать это сооружение второй половиной IV в. до н. э. Такие жертвенники, как правило, сопровождают уступчатые склепы (Кастанаян. 1950).

Таким образом, склеп, открытый на хоре Нимфея, относится к уступчатым склепам с прямоугольным основанием, двухскатным перекрытием в три ряда и с широтной ориентацией, характерной для склепов европейского Боспора. По данным Е. А. Савостиной на 1986 г. из 70 боспорских склепов 40 принадлежали к категории уступчатых склепов (Савостина. 1986. С. 10). По ее классификации, это уступчатые склепы с открытым дромосом, преддверием и прямоугольной камерой (тип III), группа А, у которых ширина преддверия меньше ширины погребальной камеры (Савостина. 1986. С. 48–49). Ближайшей аналогией являются склеп из кургана 2 группы Тарасовых курганов 1883 г. Оформление портала антами отмечено в курганах Большая Близница 2, Мелек-Чесменский и группы Тарасовых курганов (Ростовцев. 1914. С. 22, 23, 111).

Исследованный склеп можно только условно назвать расписным, более правильно – это склеп, сооруженный с использованием архитектурных деталей с полихромной росписью. Можно согласиться с А. Л. Ермолиным, что склеп в кургане 3 в значительной степени сооружен из архитектурных деталей и строительных материалов вторичного использования. Некоторые из них имели полихромную роспись, аналогичную росписи на штукатурке, найденной в руинах древних домов на горе Митридат в 1896–1899 гг. (Ростовцев. 1913. Альбом. Табл. 41, 1). При этом М. И. Ростовцев осторожен в датировке полихромной росписи на штукатурке зданий на северном склоне горы Митридат, относя орнаментацию богатого дома (общественного здания?) не ранее III в. до н. э. (Ростовцев. 1914. С. 111). Поскольку такая роспись зафиксирована на архитектурных деталях вторичного использования, к росписи склепа она не имела отношения. А вот орнамент на капителях антов, в котором, кроме геометрических элементов, уже появляются розетки, можно связывать с росписью самого склепа. Е. В. Ернштедт прослежена эволюция полихромного стиля на Боспоре. Его появление в Пантикапее она связывает с приходом греческих мастеров во второй половине IV в. до н. э. и распространяет его как разновидность геометрического орнамента, на жилища и на склепы – дома мертвых. Е. В. Ернштедт выделяет три периода распространения полихромного стиля росписи склепов на Боспоре: вторая половина IV–III вв. до н. э. – (геометрический стиль); II в. до н. э. – I в. н. э. – (цветочный стиль);

со II в. н. э. – (комбинация цветочного и инкрустационного стилей) (Ернштадт. 1955).

Если орнаментацию архитектурных деталей и сами детали, использованные в построении склепа можно отнести к первой половине III в. до н. э., то сам склеп, украшенный антами с полихромной орнаментацией, в которой использован и геометрический и цветочный стили, датируется более поздним временем, возможно, второй половиной III – началом II в. до н. э. Этой дате не противоречит период распространения на Боспоре лепных приземистых кастрюль с горизонтальной ручкой.

Учитываются также особенности, выявленные Ю. А. Виноградовым, который на примере кургана Юз-Оба и других боспорских погребальных памятников, с привлечением новейших методов исследования и реконструкции таких памятников, относит уступчатые склепы к сооружениям македонского типа – для которых характерно замена дромоса лестницей, разделение камеры на две части (Виноградов. 2014. С. 80–81; 2014а. С. 171–189; 2017. С. 182–196) и считает, что они появились на Боспоре с рубежа V–IV вв. до н. э. во время правления династии Спартокидов.

Таким образом, склеп, обнаруженный в западной части хоры Нимфея, дополняет группу уступчатых склепов македонского типа и может быть датирован второй половиной III – началом II в. до н. э.

Литература

- В. Д. Блаватский.* О происхождении боспорских склепов с уступчатыми перекрытиями // СА. 1955. Т. XXIV
- Ю. А. Виноградов.* О склепах македонского типа на Боспоре // БИ. 2014. Вып. 30.
- Ю. А. Виноградов.* Культура боспорской элиты при Спартокидах // Элита Боспора Киммерийского: традиции и инновации в аристократической культуре доримского времени. Керчь, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, 2017. – (БИ. Вып. 34).
- Ю. А. Виноградов, В. Н. Зинько, Т. Н. Смекалова.* История изучения и топография // Юз-Оба – курганный некрополь аристократии Боспора. Симферополь-Керчь, Майстер Книг, 2012. Т. 1. – (БИ. Supplementum 9).
- В. Ф. Гайдукевич.* Боспорские погребальные склепы V–IV вв. до н. э. с уступчатым покрытием // Боспорские города (Уступчатые склепы. Эллинистическая усадьба. Илурат). Л., Наука, 1981.
- Н. А. Гаврилюк, О. Ю. Соколова.* Лепная керамика Нимфея // Античный мир и варвары на юге Украины и России. Скифия. Ольвия. Боспор. Москва-Киев-Запорожье, Дикое поле, 2007.
- А. Л. Ермолин.* Десять лет работы Керченской охранно-археологической экспедиции // Фортеця: збірник заповідника «Густань» на пошану Михайла Рожка. Львів, Камула, 2009. Кн. 1.

- А. Л. Ермолин.* К 10-летию работы Керченской охранно-археологической экспедиции // СΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья: Новейшие открытия и находки. М.; Киев, 2010. Вып. 1.
- Е. В. Ернштадт.* Монументальная живопись Северного Причерноморья // Античные города Северного Причерноморья. Л., Издательство АН СССР, 1955. Т. I.
- Е. Г. Кастанаян.* Обряд тризны в Боспорских курганах // СА. 1950. Т. XIV.
- Н. Л. Кучеревская.* Комплекс архитектурных деталей склепа с росписью из некрополя Нимфея: исследования и реставрация // Таврические студии. 2017. № 12.
- М. Ростовец.* Античная декоративная живопись на юге России. СПб., Изд. Императорской Археологической комиссии. 1914. Альбом. СПб., 1913.
- Е. А. Савостина.* Типология и периодизация уступчатых склепов Боспора // СА. 1986. № 2.
- О. Шуази.* Всеобщая история архитектуры. М., 2009.
- C. Harlat.* Productions ceramiques Egyptiennes D'Alexandrie l'epoque Ptolemaïque. (Evolution des formes at des fabriques: Traditions locales et innovations) // Ceramiques hellenistiques et romanies Productions et diffusion en Mediterranee oriental (Сурпус, Egypte et syro-palestinienne). Lyon-Paris. 2002.

А. С. Намойлик

К вопросу о практике нанесения граффити

Феномен граффити, имевший место в эпоху античности, не характерен для наших дней. Современный исследователь античной материальной культуры сталкивается с вопросом о том, какие мотивы побуждали древних греков процарапывать надписи на предметах керамической утвари. Если причины появления меток торгово-хозяйственного содержания вполне понятны, то в других случаях они не так очевидны. В ходе работы над материалами эрмитажной коллекции граффити из раскопок Нимфея¹ (Намойлик. 2004. С. 86–94) удалось сделать ряд наблюдений, касающихся причин и обстоятельств появления, а также характерных особенностей некоторых типов граффити.

Среди надписей на керамических изделиях, обнаруженных на территории Древней Греции и её колоний, самую большую группу составляют метки владельцев. Чаще всего встречаются сокращения из одной или двух букв, обычно расположенные на внешней стороне дна (Lang. 1976. P. 27; Vanhove. 2006. № 21–120; Яйленко. 1980. С. 76; Емец. 2005.

¹ © Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2018. Выражаю глубокую признательность старшему научному сотруднику Отдела античного мира Государственного Эрмитажа, начальнику Нимфейской археологической экспедиции Ольге Юрьевне Соколовой за предоставление материалов и помощь в работе.

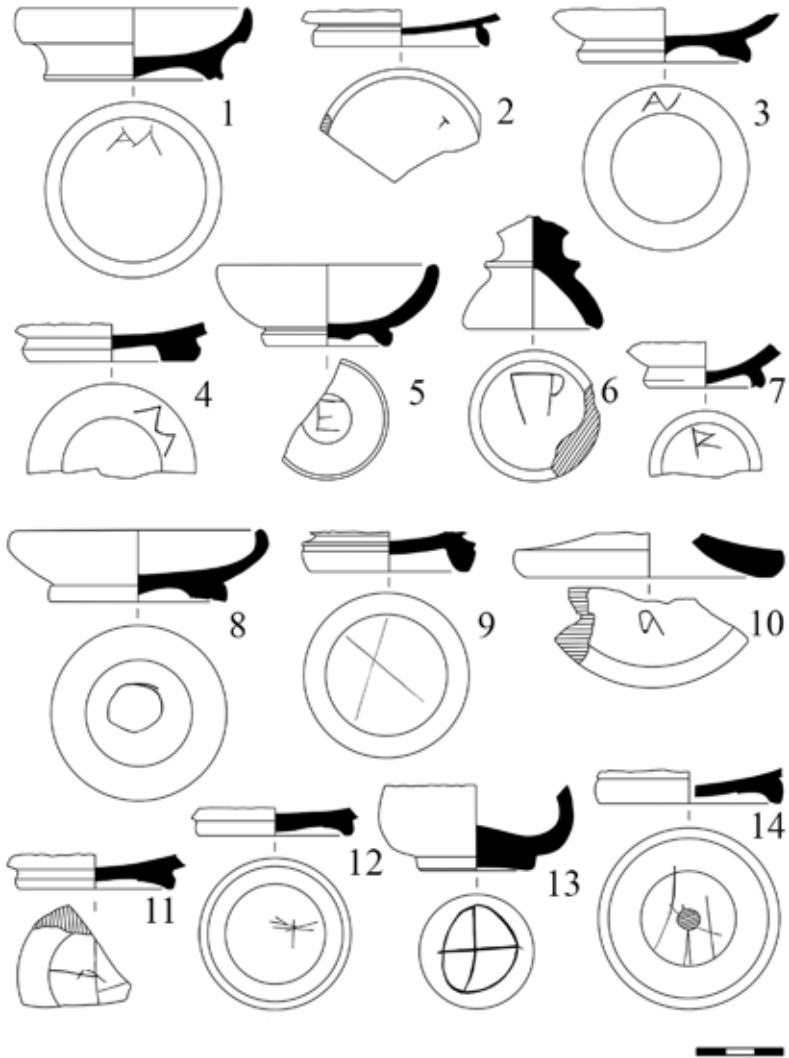

Рис. 1. Метки владельцев на чернолаковых сосудах из раскопок Нимфея: 1 – НФ. 70.50, 2 – НФ. 73.489, 3 – НФ. 70.49, 4 – НФ. 73.471, 5 – НФ. 73.486, 6 – НФ. 66.234, 7 – НФ. 86.77; 8 – НФ. 70.29, 9 – НФ. 53.107, 10 – НФ. 88.196, 11 – НФ. 74.79, 12 – НФ. 54.272, 13 – НФ. 85.191, 14 – НФ. 72.494

С. 15; Сапрыкин, Масленников. 2007. С. 228; Русяева. 2010. С. 205). Граффити из боспорского города Нимфея не являются исключением: количество аббревиаций в категории меток владельцев достигает 68%² (Рис. 1)³. Этот процент должен быть ещё выше, поскольку в числе плохо сохранившихся надписей, скорее всего, также имелись сокращения.

Какие функции выполняли столь многозначные надписи? Напомним, что у греков существовала традиция давать детям имена предков либо созвучные им, и под одной крышей могло проживать несколько носителей имён с именами, начинающимися с одного и того же сочетания букв. В Северном Причерноморье этот обычай хорошо прослеживается по раннеэллинистическим эпитафиям Херсонеса Таврического (Posamentir. 2011. P. 386–391). Большинство аббревиаций нимфейской коллекции происходит с участков жилой застройки. Таким образом, посуда с граффити – сокращениями личных имён использовалась в домашнем обиходе, внутри семьи. Высокий процент аббревиаций свидетельствует о том, что даже метки из одной и двух букв успешно выполняли своё предназначение. Как считает А. С. Русяева, чаще всего помечали столовую посуду главы семьи с той целью, чтобы ею не пользовались другие домочадцы (Русяева. 2010. С. 205). Однако, в материалах Нимфея не наблюдается скоплений одинаковых меток в жилых комплексах. Вероятно, свои имена в сокращённом виде писали на своих вещах разные люди.

Альтернативным вариантом обозначения собственности, широко распространённым в античном мире, являлись метки небуквенного характера, такие, как кресты, комбинации из хаотически или регулярно пересекающихся линий, круги, многоугольники, различного рода знаки (Рис. 1, 8–14). К подобному способу маркировки могли прибегать люди, не владевшие греческой грамотой, в том числе не греки. Знаки типа крестов, кругов, линий относятся к тому набору элементарных символов, который знаком каждому человеку, поэтому они менее индивидуальны, чем буквенные надписи (Roller. 1987. P. 8–9, 15; Vanhove. 2006. P. 4).

Что же побуждало греков так старательно ставить метки на обычных предметах домашнего обихода? По-видимому, объяснение заключается в представлении о существовании особой связи между человеком и вещами, находящимися в его личном владении. Сходную функцию выполняли граффити, назначение которых состояло в предотвращении

² 104 однобуквенных и 118 двухбуквенных граффити, всего 293 аббревиаций из общего количества меток владельцев – 432 и общего количества надписей коллекции – 820.

³ Все граффити, представленные на Рис. 1, публикуются впервые. В подписях под иллюстрациями указаны инвентарные номера изделий с граффити.

попыток воровства сосудов: Παρμένοντός ἐμὶ καὶ Στρίνπιονος. ἐμὲ μεδὲς ἀνκλῆτέτο – «Я принадлежу Парменонту и Стринпону. Пусть меня никто не украдёт!» (Guarducci. 2005. P. 364: Кампания, 520–510 гг. до н. э., на подставке аттической чернофигурной чаши), Σκότα ἐμὶ, με θίγεις – «Я принадлежу Скиту, не прикасайся!» (Guarducci. 2005. P. 364: Сицилия, начало V в. до н. э., на подставке килика), Ἰκεσίω μ' ἔκλεψε – «Он украл меня у Гикесия» (Толстой. 1953. № 151: Пантикапей, V в. до н. э., на дне чернолакового сосуда), [ὁ θεῖνα ἔ] γραψε τὸν λίν [ακα] – «Такой-то подписал эту тарелку» (Граффити античного Херсонеса. № 1676: Херсонес, IV в. до н. э., на поддоне чернолаковой тарелки) и др. В сущности, звеном той же цепи является одна из надписей Герeya на чернолаковой тарелке рубежа IV и III вв. до н. э. из Мирмекия: οὐχ Ἦροφανῆτος ἄν Ἦραίου – «Ни в коем случае не Герофана, а Герeya» (Гайдукевич. 1966. С. 70–76). Этот текст расположен под именем прежнего владельца сосуда. Вместо того, чтобы уничтожить (зачеркнуть, соскоблить) ненужную метку, Герей не поленился вырезать целую фразу. Для него было важно обозначить факт перехода тарелки в его собственность. Примечательно, что надписи такого рода наносили на обыкновенные, пусть и парадные, сосуды, не имевшие особой материальной ценности.

Греку представлялось необходимым маркировать свои вещи, и часто в тех случаях, когда современному человеку не пришлось бы в голову это сделать. Данное явление отражает определённую особенность ментальности людей эпохи античности. Очевидно, в повседневной жизни эта черта проявлялась в единоличном использовании посуды со знаками собственности и существовании некоего табу на использование её другими. О ещё одном отличии в восприятии окружающей действительности свидетельствуют надписи, сделанные от лица сосудов (см. вышеприведённые примеры, а также Толстой. 1953. № 7, 76, 107, 108, и многие другие). Надеясь предметы даром слова, греки как бы одушевляли их (Гаспаров. 2000. С. 258–259; Guarducci. 2005. P. 256, 361). Вероятно, здесь следует усматривать отголоски древнего анимистического мировоззрения (Тайлор. 1989. С. 240–241).

Меткам владельцев по своей сути очень близки граффити с указанием имён дедикантов, которые прочерчивали на сосудах – вотивных дарах в святилища и храмы. Большинство таких граффити состояло только из имён посвяtitелей в сокращённом варианте. Нимфейцы, приносившие дары в святилище Деметры, чаще всего писали свои имена в виде одно- или двухбуквенных аббревиаций на внешней стороне дна вотивных сосудов (Намойлик. 2007. С. 317). Отсутствие полных имён дедикантов отмечается как типичная черта граффити из зольника друтого боспорского города – Китея (Семичева. 1997. С. 138). Материалы

из Западного теменоса Ольвии демонстрируют ту же картину: оттуда происходит множество надписей на донцах сосудов, состоящих из одной или двух букв, причём последние часто имеют форму монограмм (Русяева. 2010. С. 78–82, 87–89, 91–96).

Граффити – аббревиации личных имён обнаруживают не только в жилых и сакральных комплексах, но и на территориях с общественной застройкой некультового характера. Вопрос об интерпретации подобных находок подняла М. Лэнг, изучавшая материалы из раскопок агоры в Афинах. Она пришла к заключению, что группы людей, в которых имело смысл использовать сокращения из одной, двух, трёх, четырёх и даже пяти букв, должны были быть небольшими, и высказала предположение о существовании неких объединений по интересам (англ. «clubs») (Lang. 1976. P. 27). Анализ нимфейских граффити позволяет говорить о функционировании в городе по крайней мере одного такого «клуба», который располагался в «здании с апсидой» (Намойлик. 2013. С. 98–100). Надписи на предметах столовой посуды, в первую очередь, чашах для питья, свидетельствуют о том, что здесь устраивались симпозиосы с ограниченным и довольно постоянным составом участников.

Таким образом, рассмотрение общих особенностей и закономерностей нанесения граффити даёт возможность заметить некоторые черты, присущие менталитету древних греков, в том числе жителей северо-причерноморских колоний. Кроме того, памятники малой эпиграфики могут выступать в качестве источника для социологических наблюдений. Однако, обязательным условием успешного использования этого материала является учёт и осмысление всех, даже, казалось бы, незначительных экземпляров граффити.

Литература

- В. Ф. Гайдукевич.* Вотив Герая из Мирмекия // Культура античного мира. Сборник статей. М., Наука, 1966.
- М. Л. Гаспаров.* Об античной поэзии: поэты, поэтика, риторика. СПб., Азбука, 2000.
- Граффити античного Херсонеса – *Ю. А. Бабинов, С. И. Курганова, Г. И. Николаенко, Э. И. Соломоник, И. А. Лисовой, А. В. Шевченко*; отв. ред. *Э. И. Соломоник.* Граффити античного Херсонеса (на чернолаковых сосудах). Киев, Наукова думка, 1978.
- И. А. Емец.* Граффити и дипинти из античных городов и поселений Боспора Киммерийского (типология и методика исследования). М., Компания Спутник+, 2005.
- А. С. Намойлик.* Граффити из раскопок Нимфея (1939–1991 гг.) в собрании Государственного Эрмитажа // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре: материалы II Судакской международной научной конференции. Киев, Судак, Академперіодика, 2004. Ч. 1.

- А. С. Намойлик.* Граффити на чернолаковой керамике из святилища Деметры в Нимфее // БФ. Материалы международной научной конференции. СПб., Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007. Ч. 2.
- А. С. Намойлик.* Граффити из раскопок «здания с апсидой» в Нимфее // Актуальная археология: археологические открытия и современные методы исследования. Тезисы научной конференции молодых учёных Санкт-Петербурга. СПб., Изд-во ИИМК РАН, 2013.
- А. С. Русяева.* Граффити Ольвии Понтийской. Симферополь, 2010. – (МАИЭТ. Suppl. 8).
- С. Ю. Сапрыкин, А. А. Масленников.* Граффити и дипинти хоры античного Боспора. Симферополь, Керчь, 2007. – (БИ. Suppl. 1).
- Е. А. Семичева.* Граффити Китейского святилища // Боспор и античный мир. Сборник научных трудов в честь проф. Е. А. Молева. Нижний Новгород, Изд-во ННГУ, 1997.
- Э. Б. Тайлор.* Первобытная культура / Перевод с англ. Д. А. Коропчевского. М., Изд-во политической литературы, 1989.
- И. И. Толстой.* Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М., Л., Изд-во АН СССР, 1953.
- В. П. Яйленко.* Граффити Левки, Березани и Ольвии // ВДИ. 1980. № 2.
- M. Guarducci.* L'epigrafia greca dalle origini al tardo impero. Roma, Istituto Poligrafico dello Stato, 2005.
- M. Lang.* Graffiti and Dipinti. Princeton, New Jersey, The American School of Classical Studies at Athens, 1976. – (The Athenian Agora. Vol. XXI).
- R. Posamentir.* The Polychrome Grave Stelai from the Early Hellenistic Necropolis. Austin, University of Texas Press, 2011. – (Chersonesan Studies 1).
- L. E. Roller.* Nonverbal Graffiti, Dipinti, and Stamps. Philadelphia, The University Museum, University of Pennsylvania, 1987. – (Gordian Special Studies. Vol. I).
- D. Vanhove.* Thorikos: Graffiti – Dipinti – Stamps. Paris, Leuven, Dudley, Peeters, 2006.

И. Б. Образцов

**Краснолаковая керамика
из раскопок некрополя Нимфея
(1966, 1973–1978 гг.). Характеристика и хронология**

Краснолаковая керамика I–III вв. н. э. из раскопок некрополя Нимфея была опубликована в монографии Н. Л. Грач (Грач. 1999). В силу специфики публикации характеристика материала дана в ней довольно кратко. Исследования краснолаковой керамики, проводившиеся в последние десятилетия, позволяют по-новому взглянуть на эту категорию материала.

Таким образом, нашей главной задачей было дать более подробную характеристику краснолаковым сосудам, найденным на территории некрополя, определить их хронологию и на основании их датировок там, где это возможно, скорректировать (сузить) хронологические

рамки погребений. В основу классификации сосудов легла типология Д. В. Журавлёва (Журавлёв. 2010).

Среди находок из раскопок Нимфея 1966, 1973–1978 гг. можно выделить 25 целых форм и фрагменты из группы краснолаковых сосудов. В том числе отметим 17 сосудов открытых форм, представленные тарелками, чашами, миской, кубком и канфаром. Шесть изделий было найдено в грунтовых погребениях А – 2, А – 20 и А – 140 и одиннадцать – в погребениях из катакомб № 6, 8, 17, 26.

К тарелкам *формы 4.2* относятся два сосуда (Рис. 1, 1): один (ГЭ, инв. № ННФ. 74.323) из катакомбы № 8, которую Н. Л. Грач датировала второй половиной I – концом II вв. н. э. (Грач. 1999. С. 129), второй (ГЭ, инв. № ННФ. 74.100) – из катакомбы № 17, которая датируется I в. – шестидесятыми годами III в. н. э. (Грач. 1999. С. 148). Для этой формы характерны большая глубина сосуда, тулово усечено-конической формы. Край тарелок вертикальный, закругленный, дно вогнутое, приподнято по центру, на кольцевом поддоне. Глина светло-красная, без видимых включений. Лак светло-красный, плотный, с внешней стороны сосудов имеются подтеки лака. Д. В. Журавлёв датирует тарелки формы 4.2 концом I – серединой – концом II в. н. э. (Журавлёв, Ломтадзе. 1999. С. 104; Журавлёв. 2010. С. 60). Аналогиями нимфейских изделиям могут служить сосуды из раскопок могильника Заветное (Зайцев. 2007. С. 251) и из могил 10226 и 912 Усть-Альминского некрополя (Пуздровский, Труфанов. 2016. С. 226. Рис. 108, 3; Пуздровский, Труфанов. 2017. С. 269. Рис. 139, 2).

К тарелкам *формы 2.2* (Рис. 1, 2) можно предположительно отнести единственный фрагмент сосуда (ГЭ, инв. № ННФ. 74.321) из катакомбы 17, которая датируется I – шестидесятыми годами III вв. н. э. (Грач. 1999. С. 148). В целом для этой формы характерно: слегка вогнутый внутрь край, высота края чуть больше, чем глубина тарелки, но в некоторых случаях равна ей. Дно тарелки почти плоское. Глина светло-коричневая с видимыми добавками слюды. Лак светло-красный, неплотный. Эту форму датируют последней четвертью I – началом II в. н. э. (Журавлёв. 2010. С. 43). В качестве аналогии тарелкам данной формы можно привести сосуд из могилы 207 Усть-Альминского некрополя, (Пуздровский, Труфанов. 2017. С. 197. Рис. 3).

Форма тарелок 1.2 (Рис. 1, 3) представлена в данной коллекции одним экземпляром (ГЭ, инв. № ННФ. 74.324) из катакомбы № 17, которая датируется I – шестидесятыми годами III в. н. э. (Грач. 1999. С. 148). Для данной формы характерны вертикальный бортик, низкое вместилище, плоское дно на кольцевом поддоне. Глина темно-красная, с видимыми добавками слюды и извести. Неплотный буро-красный лак полностью покрывает сосуд, за исключением внутренней части дна. Следы копоти зафиксированы

на 2/3 внутренней части сосуда. Обращает на себя внимание отсутствие клейм, в частности клейма *Planta Pedis*, что свидетельствует о поздней датировке тарелки – первой четвертью II в. н. э. (Журавлёв. 2010. С. 42). Аналогичные сосуды были найдены в Пантикапее (Журавлёв. 2002а. Рис. 1, б) и Калос-Лимене (Уженцев, Труфанов. 2004. С. 270. Рис. 3, 34).

В коллекции краснолаковой посуды из раскопок нимфейского некрополя можно отметить 7 экземпляров чаш, представленных формами 30.2 и 24.1-24.2.

Чаша формы 30.2 (Рис. 1, 4) представлены тремя целыми сосудами и тремя фрагментами. Они были найдены в грунтовых погребениях А – 2, которое датируется второй половиной I в. н. э. (ГЭ, инв. № ННФ. 73.117 – Грач. 1999. С. 35), и А – 20, которое Н. Л. Грач отнесла ко II в. н. э. (Грач. 1999. С. 40), а также в катакомбе № 6, датируемой второй половиной I–II в. н. э. (Грач. 1999. С. 138), в катакомбе № 17, датируемой I – шестидесятыми годами III в. н. э. (Грач. 1999. С. 148) и в катакомбе № 26, погребения в которой датируются последней четвертью I–II вв. н. э. (ГЭ, инв. № ННФ. 74.505 – Грач. 1999. С. 165). (ГЭ, инв. № ННФ. 74.10; ГЭ, инв. № ННФ. 74.71; ГЭ, инв. № ННФ. 74.322; ГЭ, инв. № ННФ. 74.326). Для этой формы характерны следующие признаки: край слегка отогнутый внутрь, на бортике нанесена кольцевая нарезка; место перехода от бортика к тулову подчеркнуто ребром. Тулово усечено-конической формы, с орнаментом в виде двух рядов насечек в его верхней части У подавляющего большинства чаш имеется кольцевой поддон, часть чаш плоскодонные. Глина светло-коричневая с видимыми включениями слюды. Лак буро-красный, плотный. Данная форма сосудов датируется первой половиной I – второй-третьей четвертью II в. н. э. (Журавлёв. 2010. С. 145). Аналогичные сосуды встречаются в могильнике Заветное (Зайцев. 2007. Рис. 4, 11) и в Усть-Альминском некрополе (Пуздровский, Труфанов. 2017. С. 256. Рис. 3, 4).

К чашам форм 24.1–24.2 (Рис. 1, 5) относится один фрагмент (ГЭ, инв. № ННФ. 74.366). Этот фрагмент был найден в катакомбе № 20, которая датируется первой половиной I в. – второй-третьей четвертью II в. н. э. (Грач. 1999. С. 40) Основные характерные признаки формы: край отогнут почти под прямым углом по отношению к тулову, тулово полусферической формы, имеет кольцевой поддон. Глина светло-коричневая, без видимых включений. Лак светло-красный, неплотный. Подобные чаши датируются последней четвертью I – началом II в. н. э. (Журавлёв. 2010. С. 57–58). Аналогиями нимфейской чаши могут служить два сосуда из склепа № 830 Усть-Альминского некрополя (Пуздровский, Труфанов. 2017. С. 139. Рис. 9, 3).

Рис. 1 – Краснолаковые сосуды из раскопок некрополя Нимфея в 1966, 1973–1978 гг.: 1 – тарелка (ГЭ, инв. № ННФ. 74.100); 2 – тарелка (ГЭ, инв. № ННФ. 74.321); 3 – фрагмент тарелки (ГЭ, инв. № ННФ. 74.324); 4 – чаша (ГЭ, инв. № ННФ. 74.326); 5 – фрагмент чаши (ГЭ, инв. № ННФ. 73.115); 6 – миска (ГЭ, инв. № ННФ. 74. 67); 7 – кубок (ГЭ, инв. № ННФ. 73. 121); 8 – канфар (ГЭ, Инв.№ ННФ. 76.170); 9 – фрагменты кувшина (ГЭ, инв. № ННФ. 74.506); 10 – кувшин (ГЭ, инв. № ННФ. 77.73)

Миска формы 17.1.2 (Рис. 1, 6) представлена единственным экземпляром (ГЭ, инв. № ННФ. 74.67), который находился в катакомбе № 6, которая датируется второй половиной I в. – II в. н. э. (Грач. 1999. С. 138). Для сосудов этой формы характерны: небольшой размер, загнутый внутрь край, тонкие стенки, усечено-коническая форма тулова и выпуклое с внутренней стороны дно. Глина светло-коричневая, без видимых включений. Лак буро-красный, плотный, имеются подтеки у дна с внутренней стороны. Эту форму относят к концу I – началу II в. н. э. (Журавлев. 2010. С. 142). Сосуды, аналогичные миске из Нимфея, встречаются в Херсонесе (Зубарь. 1982. С. 66. Рис. 40, 2) и Усть-Альминском некрополе (Пуздровский, Труфанов. 2016. С. 306. Рис. 188, 2).

В коллекции представлен единственный экземпляр кубка формы 31 (ГЭ, инв. № ННФ. 73.121 – Илл. 1, 7), который найден в катакомбе № 20, погребения в которой датируются второй половиной I в. – II в. н. э. (Грач. 1999. С. 153). Для этой формы характерны следующие признаки: отогнутый наружу край, тулово округлой формы, на кольцевом поддоне, в верхней части тулова кольцевая нарезка, две вертикальные, овальные в сечении ручки. Глина светло-коричневая, без видимых включений. Лак буро-красный, неплотный, в некоторых местах лак более темного оттенка. В нижней части тулова имеются подтеки лака. Сосуды этой формы датируются первой половиной II в. н. э. (Журавлев. 2010. С. 61). Аналогией нимфейскому кубку может служить сосуд, найденный при раскопках Усть-Альминского городища (Дашевская. 1991. Табл. 57, 6).

Канфар формы 34.1 (Рис. 1, 8) среди краснолаковых сосудов из раскопок нимфейского некрополя представлен одним экземпляром (ГЭ, инв. № ННФ. 76.170) из грунтового погребения А – 104, которое датируется I в. до н. э. – I в. н. э. (Грач. 1999. С. 63). Данная форма сосудов характеризуется прямым венчиком, туловом конической формы, которое расширяется книзу, на невысоком кольцевом поддоне. Нижняя часть тулова закруглена, на овальных в сечении ручках сохранился рудиментарный, прямоугольный налп. На бортах тулова с внешней стороны имеется рельефный растительный орнамент типа «барботин». Глина светло-коричневая, без заметных включений. Лак покрывает сосуд не полностью, имеются подтеки в нижней части тулова. По мнению Д. В. Журавлёва сосуды этой формы датируются первой половиной II в. н. э. (Журавлев. 2010. С. 61). Однако такие сосуды были распространены в течение длительного времени, от рубежа эр и вплоть до III в. н. э. (АГСП. 1984. С. 231. Табл. CXLVII. 2, 3). Аналогией нимфейскому сосуду может служить канфар из могилы № 1030 Усть-Альминского некрополя (Пуздровский, Труфанов. 2017. С. 242. Рис. 24, 9).

К закрытым формам в нимфейской коллекции относятся четыре экземпляра кувшинов.

Кувшины формы 28 (Рис. 1, 9) представлены одним целым сосудом (ГЭ, инв. № ННФ. 74.506) из катакомбы № 26, которая датируется второй половиной I в. – II вв. н. э. (Грач. 1999. С. 165), и несколькими фрагментами (ГЭ, инв. № ННФ. 76.257) из катакомбы № 27, которая датируется второй половиной I – первой половиной II вв. н. э. (Грач. 1999. С. 171). Для этой формы характерны следующие признаки: венчик несколько отогнут наружу и нависает над прямым горлом, верхняя часть тулова вогнута внутрь, а нижняя часть – округлой формы. Дно сосуда слегка вогнуто, на высоком кольцевом поддоне. Глина светло-коричневая, без видимых включений. Лак темно-красный, неплотный, покрывает только внешнюю поверхность сосуда до середины тулова. На нижней части тулова есть подтеки лака. Данную форму традиционно датируют концом I – началом II вв. н. э. (Журавлёв. 2010. С. 88). Аналогичный нимфейским кувшинам сосуд найден в могиле № 848 Усть-Альминского некрополя (Пуздровский, Труфанов. 2017. С. 171. Рис. 41).

Кувшины формы 9.1 (Рис. 1, 10) представлены сосудом (ГЭ, инв. № ННФ. 74.536) из катакомбы № 26, которая датируется второй половиной I–II в. н. э. (Грач. 1999. С. 165) и сосудом (ГЭ, инв. № ННФ. 77.73) из грунтового погребения А – 197, которое датируется I в. н. э. (Грач. 1999. С. 81). Для изделий данной формы характерны: загнутый внутрь венчик, слегка нависающий над горлом, тулово яйцевидной формы, массивный кольцевой поддон. Глина красно-коричневая, с видимыми включениями слюды. Лак частично стерт. Д. В. Журавлёв датирует такие кувшины последней четвертью I – началом II вв. н. э. (Журавлёв. 2010. С. 78).

Определив хронологические рамки отдельных сосудов, мы можем предложить датировку конкретных погребений. Погребение № 2 из катакомбы № 26 можно отнести к первой половине I в. – второй-третьей четверти II в. н. э. Погребение № 3 из катакомбы 27 мы относим ко II в. н. э. Для погребения А – 2 мы предлагаем датировку по аналогии с датировкой сосуда, то есть не позже первой половины II в. н. э. Для погребения А – 20 мы можем предложить следующую дату: первая половина I в. – вторая-третья четверть II в. н. э. Погребение А – 197, которое мы можем отнести к периоду не раньше второй половины I в. и не позже II в. н. э.

Нам удалось определить типологию и хронологические рамки конкретных краснолаковых сосудов. А так же скорректировать датировки отдельных погребений, но несмотря на это, об окончательном уточнении датировок погребений пока говорить нельзя, так как необходимо провести анализ и других находок.

Литература

- Н. Л. Грач.* Некрополь Нимфея. Санкт-Петербург, Наука, 1999.
- О. Д. Дашевская.* Поздние скифы в Крыму. Москва, Наука, 1991.
- Д. В. Журавлёв.* Керамический комплекс римского времени с акрополя Пантикапея // БИ. Вып. II, 2002.
- Д. В. Журавлёв.* Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма I–III вв. н. э. (по материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины). Симферополь, Деметра, 2010.
- Д. В. Журавлёв, Г. А. Ломтадзе.* Керамический комплекс II века н. э. с акрополя Пантикапея // ДБ. Т. 1, 1999.
- Ю. П. Зайцев, А. А. Волошинов, Э. Кюнельт, В. В. Масыкин, В. И. Мордвинцева, К. Б. Фирсов, Ф. Флесс.* Позднескифский некрополь Заветное (Алма-Кермен) 1–3 вв. н. э. в Юго-Западном Крыму. Раскопки 2004 г. // Древняя Таврика. Симферополь, Универсум, 2007.
- В. М. Зубарь.* Некрополь Херсонеса Таврического в I–IV вв. н. э. Киев, Наукова Думка, 1982.
- А. Е. Пуздоровский, А. А. Труфанов.* Полевые исследования Усть-Альминского некрополя. Симферополь, Москва. ИП Бровко А. А. 2016.
- А. Е. Пуздоровский, А. А. Труфанов.* Полевые исследования Усть-Альминского некрополя. Симферополь, Москва. ИП Бровко А. А. 2017.
- В. Б. Уженцев, А. А. Труфанов.* Краснолаковая керамика из Калос Лимена // Хсб. 2004. Т. 1. Вып. 13.

А. К. Каспаров

**Лесной кот на поселении Порфмий.
Мигрант с востока или коренной житель Тавриды?**

Кости мелких кошачьих никогда не бывают многочисленны среди остеологических остатков. Кошка определяется в археозоологических коллекциях из поселений крайне редко. На территории современного Восточного Крыма единичные остатки кошек обнаруживались в разное время в слоях античного периода в Илурате (Гайдукевич. 1958), на некрополе Илурата (Захаренков, Хршановский, Трейстер. 2004), на Нимфее, на Тиритаке, на городище и некрополе Китея, на памятниках Заветное и Золотое Восточное. Относительно большое количество костей кошек обнаружено в разные сезоны на Мирмекии – суммарно около 120 штук. Однако практически во всех этих случаях эти обломки были небольшого размера и вероятнее всего являлись остатками домашних или, во всяком случае, одомашненных кошек.

Тем более удивительной представляется находка в слоях памятника Порфмий в 2008 году на северном участке раскопа В, в слоях III–II вв. до н. э., единовременно 121 фрагмента костей кошек минимально

от 7 взрослых и одной молодой особи. Часть из них была невыразительна и достоверно определить размер остатков в силу их фрагментарности было затруднительно. Но 22 кости сохранились достаточно хорошо и по своим размерам очевидно принадлежали к дикой форме *Felis silvestris* Schreb. 1777 – лесному коту. Это 4 целых плечевых кости, одна целая нижняя челюсть и несколько обломков ее, 5 целых пяточных костей, 2 целых больших берцовых кости, 3 целых бедренных кости и некоторые другие обломки.

Остатки принадлежат минимально трем взрослым и одной молодой особи. Основные размеры плечевых, больших берцовых и бедренных костей приведены в таблицах 1 и 2. Длины целых пяточных костей от очевидно трех особей следующие (в мм): 34,0; 36,0; 33,0. Размеры единственной найденной целой нижней челюсти такие (в мм): общая длина от суставного мыщелка – 61,3; длина ряда щечных зубов по альвеолам – 20,8; высота челюсти за M_1 – 12,3.

Таблица 1. Некоторые размеры большой берцовой и бедренной костей современных диких кошачьих и находок из Порфмия

Страна тела Промеры	П			Л			П		
	Общая длина	136,4	141,2	135,2	160,8	140,5	129,0	131,1	136,9
Ширина проксимального эпифиза	22,3	24,2	22,9	26,0	26,2		24,0	26,0	27,8
Передне-задний диаметр проксимального эпифиза	21,9	22,8	21,0	25,6	12,6	11,3	12,0	12,0	13,0
Ширина диафиза	9,0	9,5	9,0	10,5	10,9	9,9	9,6	9,9	11,2
Ширина дистального эпифиза	15,9	16,5	15,5	17,7	23,0	20,8	23,0	23,8	24,1
Передне-задний диаметр дистального эпифиза	10,5	10,9	10,6	11,7	23,1	20,9	21,1	23,6	24,2
АНАТОМИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ	БОЛЬШАЯ БЕРЦОВАЯ КОСТЬ				БЕДРЕННАЯ КОСТЬ				
ВИД	Экземпляры из Порфмия		Современный лесной кот	Современный камышовый кот	Экземпляры из Порфмия			Современный лесной кот	Современный камышовый кот

Здесь и далее для сравнения использовались: Скелет камышового кота *Felis chaus* Quid. 17776 самец, колл. ЗИН РАН № 26955; скелет лесного кота *Felis silvestris* Schreb. 1777 самец, колл. ЗИН РАН № 28197

В таблицах 1 и 2 для сравнения приведены так же размеры аналогичных костей современных камышового и лесного кота из коллекции Зоологического Института РАН в Санкт-Петербурге. К сожалению, количество скелетов этих видов в коллекции ЗИН было невелико и потому мы использовали для сравнения лишь один экземпляр в каждом случае. Результаты, тем не менее достаточно наглядны. Из таблицы видно, что по своим размерам остатки кошек из Порфмия заметно уступают камышовому коту и практически соответствуют коту лесному. Кости домашних кошек оказываются гораздо меньше (Рис. 1). Гораздо меньше оказываются и весьма многочисленные кости домашних кошек, например, из средневекового Новгорода (Зиновьев. 2018). Хотя автор статьи и замечает, что средневековая домашняя кошка была довольно мелкой (Зиновьев. 2018. С. 205).

Таблица 2. Некоторые размеры плечевых костей современных диких кошачьих и находок из Порфмия

Промеры \ Сторона тела	П				
	П	П	П	П	П
Общая длина	127,4	114,8	118,7	122,2	141,1
Ширина проксимального эпифиза	21,3	18,4	19,3	21,5	22,2
Ширина диафиза	9,5	8,9	8,0	8,4	9,5
Ширина дистального эпифиза	23,4	21,1	22,0	23,7	23,0
Ширина дистального блока	16,5	14,5	15,2	15,4	16,5
Высота срединного сужения блока	7,3	7,2	6,9	7,0	7,0
Максимальная высота дистального блока	13,0	11,5	12,0	13,0	14,4
В И Д	Экземпляры из Порфмия		Современный лесной кот	Современный камышовый кот	

Возможность того, что остатки принадлежат какому-то еще виду не крупных диких кошачьих, например, степному или барханному коту нами не рассматривалась, поскольку в настоящее время, как и в обозримом доисторическом прошлом, их ареал не простирается западнее Каспийского моря и биотопическая приуроченность этих видов абсолютно другая. Камышовый же кот в настоящее время обитает и по западному берегу Каспийского моря, и потому в прежние времена теоретически

Рис. 1. Плечевые кости кошки, обнаруженные на Порфмии и аналогичные кости современных камышового и лесного котов и домашней кошки. А – современный камышовый кот, Б – ископаемые кости кошки из Порфмия, В – современный лесной кот. Г – современная домашняя кошка

мог бы достигать Восточного Причерноморья и даже появляться в Крыму. Тем более, что густые камышовые и тростниковые заросли и сейчас встречающиеся по берегам мелких таманских лиманов и в устьях рек, вполне соответствуют его стациальным предпочтениям. Однако, тем не менее, размерные характеристики костей достоверно показывают, что на Порфмии обнаружены остатки именно лесного кота, вполне обычного для юга Европейской части бывшего СССР, Кубани и Предкавказья.

Однако по тем же фаунистическим сводкам дикий лесной кот в настоящее время в Крыму не обитает (см., например: Аристов, Барышников. 2001). На западе его ареал сейчас практически не заходит даже на Таманский полуостров (Флинт, Чугунов, Смирин. 1965). Однако на некоторых таманских античных памятниках встречаются остатки кошек и в ряде случаев довольно крупные, хотя и не поддающиеся более точному определению из-за своей фрагментарности. Это памятники, например, Волна 1, Ильичевка, Артющенко 1. Е. В. Добровольская (2010, 2013) упоминает об остатках именно дикой кошки из античной Фанагории и расположенного восточнее памятника Мысхако 1. Специальной аргументации в пользу такого определения, однако, не приводит.

Можно предполагать, что лесной кот мог в первом тысячелетии до н. э. проходить через Керченский пролив и на Крымский полуостров. Керченский пролив, даже сейчас относительно мелководен, а в античное время, по мнению некоторых авторов, представлял из себя сеть неглубоких протоков, между низкими островами, возможно заросшими камышом (см., например: Ермолин, Федосеев. 2011; Журавлев, Шлот-

цаэр. 2011; Федосеев. 1999). Вероятнее всего, это было одним из мест переправы через Керченский пролив, которая исчезла здесь к середине I в. до н. э. и вместе с нею прекратил свое существование и Порфмий (Вахтина, Артюхин. 2015).

Являлся ли лесной кот исконным обитателем Крыма или это позднейший интродуцент, освоивший эту новую для себя территорию уже в историческое время, когда препятствие в виде морского пролива почти исчезло? В фундаментальной палеофаунистической и систематической сводке по млекопитающим СССР указывается, что европейская лесная кошка в ископаемом состоянии обнаруживается в Крыму уже в позднем плейстоцене (Барышников, Гарутт, Громов и др. 1981. С. 284). Н. К. Верещагин и Г. Ф. Барышников в своей работе «Млекопитающие предгорного Крыма в эпоху палеолита (по кухонным остаткам из пещер Чокурча, Староселье, Мамат-Коба)» (1980) не определяют дикого кота ни в одном из этих крупных палеолитических памятников. Однако в общем систематическом списке млекопитающих предгорного Крыма в эпоху палеолита и в наши дни по материалам всех стоянок (Верещагин, Барышников. 1980. С. 46) приводят дикого кота, определяя его как *Felis libyca* Forst. 1780 – степную кошку. При этом указывают, что присутствие этого зверя в Крыму закончилось в позднем палеолите. Возможно, авторы считали два этих вида – лесного и степного кота синонимичными, хотя в более поздних систематических сводках уже указывается, что объединение их в один вид не оправдано (Барышников, Гарутт, Громов и др. 1981. С. 285). К сожалению, место обнаружения остатков дикой кошки в работе не указывается.

На таких известных памятниках крымского палеолита, как Сюрень, Кабази 2 и 5 или Староселье и некоторых других остатков кошек так же не встречено (Burke. 1999a; 1999b; Masse, Patou-Mathis. 2009, 2012; Seregin, Pean, Laznickova-Galetova. 2014) Однако в слоях пещер Замиль-Коба и Таш-Аир единичные кости кошки (без более точного определения) отмечены в слоях не только финального палеолита, но и развитого неолита (Дмитриева. 1961). А. Г. А. Бачинский и В. Н. Дублянский (1963) упоминают об остатках лесных котов в пещере Ени-Сала 1 из святилища древних тавров.

Вероятнее всего в позднепалеолитическое время в Крыму обитала лесная дикая кошка, которая в позднем плейстоцене, как и большинство видов, была крупнее, чем ее собратья в последующие эпохи, что и позволило авторам определять ее как степную, более крупную форму. Вероятно, в то время этот вид был весьма редок.

По-видимому, и остальные кости кошек, найденные на Порфмий в 2008 году, принадлежат дикому виду, хотя неопровержимо доказать

это не представляется возможным. Сомнительно, что в одном и том же месте могли оказаться столь многочисленные остатки диких и домашних кошек одновременно. Таким образом, можно говорить о целенаправленной пушной охоте на поселении, поскольку такое количество остатков (121 экземпляр от восьми особей), найденное в одном месте, говорит о том, что лесной кот не мог являться случайной добычей. В пищу же котов не употребляли. Дикие коты, как уже говорилось, вполне могли перебираться с Таманского полуострова в Крым, где они и становились добычей обитателей Порфмия, которые активно охотились в прибрежных камышах. О такой активной охоте говорит тот факт, что в слоях этого поселения встречено большое количество костей птиц, причем главным образом водоплавающих, которые обитают и гнездятся в прибрежных зарослях. Процент птичьих костей здесь составляет 3,4% (Каспаров. 2006). На прочих поселениях этот показатель, как правило, не превышает полутора процентов. Такая же ситуация имеет место лишь на Мирмекии, где процент костей пернатых 3,5. В период существования Мирмекии рядом с ним было устье небольшой речки, вероятно заросшее тростником и камышом, где так же обитали многочисленные водоплавающие, на которых активно охотилось местное население.

Впоследствии из-за общей аридизации Крыма в послеантичное время, значительного остепнения ландшафтов и почти полного исчезновения лесов, лесной кот в Крыму вновь исчез, покинув даже Тамань, где природные условия в настоящее время не сильно отличаются от таковых на Керченском полуострове.

Литература

- А. А. Аристов, Г. Ф. Барышников.* Млекопитающие фауны России и сопредельных территорий. Хищные и ластоногие // В серии: Определители по фауне России, издаваемые Зоологическим институтом РАН. СПб., Изд. ЗИН РАН, 2001. № 169.
- Г. Ф. Барышников, В. Е. Гарутт, И. М. Громов, А. А. Гуреев, И. Е. Кузьмина, А. С. Соколов, П. П. Стрелков, А. В. Година, В. И. Жегалло.* Каталог млекопитающих СССР (плиоцен-современность). Л., Наука, 1981.
- Г. А. Бачинский, В. Н. Дублянский.* Новые данные о захоронениях ископаемых позвоночных в карстовых полостях горного Крыма // Труды комплексной Карстовой экспедиции АН УССР. Киев, 1963. № 1.
- М. Ю. Вахтина, Ю. В. Артюхин.* Порфмий в контексте эволюции рельефа побережья в античную эпоху // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Географическая среда и социум. Боспорские чтения. Керчь, Центр Арх. Иссл. «Деметра», 2015. № 16.

- Н. К. Верещагин, Г. Ф. Барышников.* Млекопитающие предгорного Крыма в эпоху палеолита (по кухонным остаткам из пещер Чокурча, Староселье, Мамат-Коба) // Труды ЗИН АН СССР. 1980. Т. 93.
- В. Ф. Гайдукевич.* Илурат. Итоги археологических исследований 1948–1953 гг. // Боспорские города. Работы Боспорской экспедиции. 1946–1953 гг. М., Л., Изд-во АН СССР, 1958. – (МИА. № 85).
- Е. Л. Дмитриева.* Фауна крымских стоянок Замиль-Коба II и Таш-Аир I // Крайнов Д. А. Пещерная стоянка Таш-Аир I как основа периодизации послепалеолитических культур Крыма. М., Изд-во АН СССР, 1961. – (МИА. № 91).
- Е. В. Добровольская.* Охота и рыболовство в жизни населения Фанагории и Мысхако I // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Ремесла и промыслы. Боспорские чтения. Керчь, 2010. Вып. XI.
- Е. В. Добровольская.* Соотношение скотоводства и охоты на разных этапах эволюции человека // Фундаментальные проблемы квартера, итоги изучения и основные направления дальнейших исследований. Труды 7 Всероссийского Совета по изучению Четвертичного периода. Ростов на Дону, Изд. ЮНЦ РАН, 2013.
- А. Л. Ермолин, Н. Ф. Федосеев.* Переправа – Портмион – «традиционный Порфмий» // Боспорский Феномен. Население, языки, контакты. Материалы международной научной конференции. СПб., Нестор История, 2011.
- Д. В. Журавлёв, У. Шлотцауэр.* Греки и варвары на берегах Боспора Кубанского // Боспорский Феномен. Население, языки, контакты. Материалы международной научной конференции. СПб., Нестор-история. 2011
- Н. В. Захаренков, В. А. Христановский, М. Ю. Трейстер.* Выдающийся памятник погребальной архитектуры некрополя Илурата // Историк, археолог, литератор. К 90-летию Михаила Моисеевича Кубланова. Юбилейный сборник. СПб., «Акционер» и К-», 2004.
- А. В. Зиновьев.* Опыт изучения кошек средневековых Новгорода и Твери (X–XIV вв.). / Носов Е. Н. // Материалы 31-ой научной конференции, посвященной 85-летию археологического изучения Новгорода. В. Новгород, 25–27.01.2017. Новгород и Новгородская земля. История и Археология. СПб., Любавич, 2018. № 31.
- А. К. Каспаров.* Остеологические материалы поселения Заветное 5 из раскопок 2003–2004 гг. // С. Л. Соловьев, Л. Г. Шенко. Отчёт античной комплексной археологической экспедиции. Археологические памятники сельской округи Акры. СПб., Изд. Государственного Эрмитажа, 2006. Т. 2.
- Н. Ф. Федосеев.* Ещё раз о переправе через Боспор Киммерийский // Археология и история Боспора. Керчь, Фонд «Деметра», 1999.
- В. Е. Флинт, Ю. Д. Чугунов, В. М. Смирин.* Млекопитающие СССР. М., Мысль, 1965.
- A. Burke.* Butchering and Scavenging at the Middle Paleolithic Site of Starosele // V. Chabai, K. Monigal. The Middle Paleolithic of Western Crimea. Liege, 1999a. Vol. 2, № 87.
- A. Burke.* Kabazi 5: Faunal Exploitation at a Middle Paleolithic Rockshelter in Western Crimea // V. Chabai, K. Monigal. The middle Paleolithic of Western Crimea. Liege, 1999b. Vol. 2, № 87.

- L. Crepin, S. Pean. M. Laznickova-Galetova.* Comportements de subsistance au Paleolithique superieur en Crimée: analyse archeozoologique des couches 6–2, 6–1 et 5–2 de Buran-Kaya III // *L'Anthropologie*. 2014. Vol. 118, № 5.
- J. Masse, M. Patou-Mathis.* Siuren I: New Zooarchaeological Results // Археологический Альманах. Актуальные проблемы первобытной археологии Восточной Европы. Донецк, «Донбасс», 2009. № 20.
- J. Masse, M. Patou-Mathis.* Zooarchaeological analysis of the faunal assemblages from Suren I, Crimea (Ukraine) // Siuren i rock-shelter from late middle paleol-c and early upper paleol-c to epipaleolithicin Crimea. The paleolithic of Crimea. Liege, «Eraul 129», 2012. Vol. 4.

А. В. Зинько, В. Н. Зинько

Новые сведения о гавани Тиритаки¹

Основанные в конце VII – первой половине VI вв. до н. э. на европейском побережье Боспора Киммерийского древнегреческие колонии размещались в удобных для мореплавания и обороны местах. Это были возвышенности в устьях рек, впадавших в глубокие морские бухты. За прошедшие тысячелетия конфигурация берегов пролива сильно изменилась. Эти изменения связаны с целым комплексом причин: поднятие уровня моря (около 3,5–4 м), речными наносами, сейсмической активностью, а в более позднее время – и антропогенным воздействием. В период греческой колонизации на европейском побережье Боспора Киммерийского располагалось три больших бухты, из которых к настоящему времени частично сохранилось две: Керченская и Камыш-бурунская. В глубине Керченской бухты на холме находился Пантикапей, а на одном из мысов северного берега – Мирмекий. В глубине Камыш-бурунской бухты располагалась Тиритака, а на южной оконечности – Нимфей (Рис. 1).

Материалы по рельефу и строению отложений прибрежной низкой территории, прилегающей к коренному берегу со стороны пролива показывают, что в течении длительного времени современное Чурбашское озеро составляло часть обширного мелководного залива, отделённого от акватории пролива палео-Камыш-бурунской косой, на северном берегу которого находилась Тиритака, а на южном – Нимфей. В залив-лиман впадали несколько палеоручьёв, дренировавших

¹ Работа выполнена в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки РФ № 33.5156.2017/БЧ по теме «Византийское присутствие в Крыму: политический, экономический и культурный аспекты».

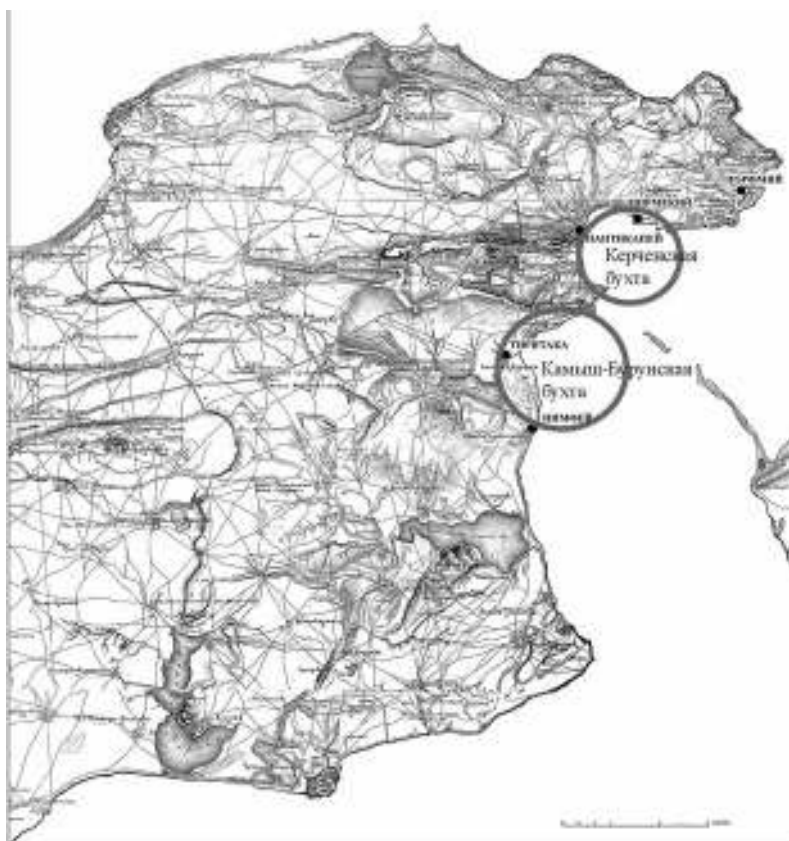

Рис. 1. Бухты европейского побережья Боспора Киммерийского

крупные овраги и балки северного склона современного Чурбашского озера, из которых наиболее крупным являлся палео-Чурбашский, истоки которого находятся сравнительно далеко на западе, в глубине Керченского полуострова (район современного с. Михайловка). Таким образом территории, прилегающие к Керченскому проливу, имеют хорошо выраженные в рельефе местности естественные границы, благодаря которым они составляли довольно обособленный в природном отношении анклав.

Использование архивных картографических и геологических материалов, а также проведённые геологические исследования показали, что современный рельеф прибрежной суши Камыш-бурунской бухты представляет собой серию древних генераций Камыш-бурунской косы,

формировавшихся в ходе последовательного выполнения палео-залива на месте устьевой зоны Чурбашского озера-лимана. Средняя ширина зоны аккумуляции и, как следствие, выдвигания береговой линии в Камыш-бурунской бухте-заливе составляет 2–2,5 км. Согласно предварительным данным, эта зона прибрежно-морской аккумуляции сложена достаточно однородной толщей раковинных песков, мощностью 3,5–4,5 м. Современная Камыш-бурунская коса представляет собой наиболее молодую генерацию береговых валов. Под молодым покровом песчаных наносов древне-береговых валов бурением был вскрыт горизонт тонких раковинных песков, вскрытых практически повсеместно в пределах прибрежной низменности, формирование которого связано с существованием обширного мелководной полу-изолированного водоёма, существовавшего на месте Чурбашского лимана. Западная граница этого палео-лимана непосредственно прилегала к коренному берегу, обрамляющему современную Камыш-бурунскую бухту-залив. Ряд радиоуглеродных датировок, полученных по раковинному материалу из лиманных песков, а также фрагменты керамики, обнаруженные при бурении вблизи южной окраины Тиритакского городища, позволяют отнести время существования этого водоёма к периоду середины II тыс. до н. э. – I тыс. н. э. Таким образом палеогеографические данные позволяют предполагать существование припортовых частей античных поселений на этом участке в пределах внутренних участков палео-Чурбашского лимана.

Геоморфологические и подводные археологические исследования, проводимые нами в Камыш-бурунской бухте, позволили установить расположение и примерные очертания гавани Тиритаки, которая в настоящее время в большей степени скрыта речными наносами. Гавань находилась в глубинной северо-западной части большой Камыш-бурунской бухты, в месте впадения в неё двух рек. В 30–70-х гг. XX в. эта подтапливаемая низменность подверглась сильному антропогенному воздействию в связи со строительством промышленных объектов. В ходе проведения комплекса научных геофизических исследований городища Тиритака и его окрестностей при помощи многопроцессорного кластера и рабочих станций были сделаны профильные разрезы. С учётом ранее полученных данных геологических бурений, построена модель реконструкция древней дневной поверхности припортовой территории древнего города.

Вход в тиритакскую гавань прикрывал небольшой островок, ставший в настоящее время каменным рифом, расположенным в 400 м к востоку от современного берега. Здесь выявлены фрагмент широкогорлой боспорской амфоры первых вв. н. э., а также окатанные фраг-

менты стенок амфор и боспорских черепиц IV–III вв. до н. э. Однако каких-либо построек выявить пока не удалось.

При исследованиях кварталов города найдено значительное количество привозной керамики. В первую очередь это амфорная тара для перевозки вина и оливкового масла, а также значительное количество разнообразной импортной столовой посуды. Также постоянно встречаются каменные якоря, которые предназначались для лодок и небольших судов.

В первые века н. э. Тиритака являлась одним из важнейших городов Боспора по добыче, переработке и торговле рыбой. Всё это было возможным только при наличии удобной гавани, которая функционировала на всём протяжении существования города. На основании раскопок, проведённых в 30–50-х гг. XX в. возле крепостных стен Тиритаки, были исследованы на значительных площадях постройки римского и ранневизантийского времени. По мнению В. Ф. Гайдукевича, Тиритака в это время представляет собою совершенно оригинальный тип боспорского города, значительная часть территории которого была занята производственно-хозяйственными постройками.

В центральной части верхнего города нами была исследована усадьба в которой находился рыбозасолочный комплекс из трёх цистерн

Рис. 2. Комплекс рыбозасолочных цистерн на раскопе XXVI

(Рис. 2). Средние размеры северной и центральной цистерн $2,8 \times 2,3$ м, а глубина 3,30 м. Южная цистерна была немного меньше и имела размеры: $2,50 \times 2,48$ м при глубине в 2,50 м. К восточной стене рыбозасолочных цистерн с юга примыкала внешняя ограда городской усадьбы, а за ней находилась улица, вымощенная фрагментами керамики. Со стороны двора эти цистерны были ограничены довольно толстой невысокой каменной стеной, в южной части которой находился проход к цистернам. При расчистке пола в северной цистерне был обнаружен слой костных остатков керченской сельди. Вероятно, эти цистерны были предназначены для производства рыбных соусов наподобие римского гарума по ферментационной технологии. При загрузке глубоких рыбозасолочных цистерн порядок укладки рыбы правильными слоями не соблюдался, давление верхних слоев на нижние неизбежно приводило к их полному сминанию. После двух-трех месяцев брожения образовавшуюся в цистернах массу требовалось извлечь и процедить, чтобы отделить от неё технологические отходы (чешую, кости). Процеживание рыбной массы производилось в самих цистернах, а не на стороне. Слой рыбных костей, зафиксированный на дне северной рыбозасолочной цистерны, представляют собой именно технологические отходы, которые по каким-то причинам не смогли удалить после полного цикла рыбообработки. Такое количество гарума явно предназначалось на вывоз, который мог осуществляться на судах из гавани Тиритаки.

Археологический материал из заполнения рыбозасолочного комплекса, среди которого следует особо отметить серебряный статер 264 г. царя Рескупорида IV, показывает, что две цистерны этого комплекса, северная и центральная, перестали функционировать во второй половине III в. Третья, южная, цистерна размерами $2,5 \times 2,48$ м и глубиной 2,50 м оказалась частично перестроенной и, судя по найденному в ней керамическому материалу, продолжала существовать вплоть до второй половины V в. Эту реконструкцию, с возведением новой стены, уменьшившей объём южной цистерны можно датировать началом IV в. н. э. В IV в. н. э. рыболовный промысел для Тиритаки оставался одним из важнейших занятий. Это было обусловлено тем, что город находился на морском берегу в центральной части Керченского пролива, являвшегося традиционным местом нагульных и нерестовых миграций промысловых рыб из Чёрного моря в Азовское и обратно. Промысел был хорошо обеспечен собственными запасами самосадочной соли из ближайших приморских лиманов.

В конце V–VI вв. объёмы засолки рыбы падают, и для ранневизантийской Тиритаки неизвестно ни одной цистерны датируемой этим временем. Вероятно, они все оказались заброшенными, хотя город жи-

вёт и даже строится новое большое сакральное здание. Так, на месте одного из комплексов рыбных цистерн в юго-восточной части города возводиться большая христианская базилика с привозными мраморными архитектурными деталями. Судя по всему, они были доставлены из Византии морем непосредственно в тиритакскую гавань.

Исследования последних лет дали первые сведения о гавани боспорского города Тиритаки, в то время как в письменных источниках, в отличие от других боспорских городов, упоминаний о ней не сохранились. Судя по материалам, гавань функционировала на протяжении всего времени существования города вплоть до ранневизантийского времени и могла принимать как крупные торговые корабли, так и обслуживать местный рыболовный суда.

Е. А. Зинько

Христианская община Тиритаки¹

Христианские общины, возникшие в Боспорском царстве во второй половине III – начале IV вв., уже к 325 г. оформились в самостоятельную епархию, и ее глава – епископ Кадм принял участие в I Вселенском соборе в Никее. Сообщения о боспорских христианах и об одном из боспорских епископах второй половины IV в. сохранились в византийских письменных хрониках (Созомен. 1948. С. 307). До Халкидонского собора 451 г. Боспорская епархия была автокефальной, а до начала VI в. она, вероятно, объединяла в церковном отношении территории всего Боспорского царства. В организационном плане Боспорская епархия входила в Понтийский округ Кесаре-Каппадокийской патриаршей кафедры. В середине V в. 12 митрополитов Понтийского диоцеза были подчинены константинопольскому патриарху. Боспорский епископ Евдоксий, возглавлявший епархию, участвовал в трех церковных соборах – в Константинополе (448, 459 гг.) и Эфесе (449 г.).

В IV в. на территории европейской части Боспорского царства, помимо столицы Пантикапея-Боспора, осталось всего два города – Китей и Тиритака. Несмотря на определенное запустение, связанное с походами варваров, в IV–VI вв. город Тиритака, судя по проведенным

¹ Работа выполнена в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки РФ № 33.5156.2017/БЧ по теме «Византийское присутствие в Крыму: политический, экономический и культурный аспекты».

раскопкам, оставалась важным центром в южной части европейского побережья Боспора Киммерийского. Кварталы, открытые В. Ф. Гайдукевичем на южной и восточной окраинах города, сохранили регулярную застройку и прежнее направление основных улиц. В центральной части верхнего города, где в последние 15 лет проводились исследования В. Н. Зинько, также выявлены жилые дома и улицы, в основе своей повторяющие городскую планировку, заложенную еще в архаическую эпоху. Постройки занимали всю городскую территорию общей площадью до 10 га, и ограниченную крепостными стенами, капитально перестроенными еще в I в. Основными занятиями жителей этого боспорского города были рыбный промысел и сельское хозяйство, а также некоторые ремесла.

На основании раскопок последних лет установлено, что своеобразной градостроительной доминантой в центральной части верхнего города, вероятно, являлось большое культовое здание. Неоднократные перестройки уничтожили большую часть культовых предметов из святилища, поэтому сложно утверждать каких языческих божеств в нем почитали. К востоку от святилища прослежена широкая городская улица, вымощенная крупными необработанными известняковыми плитами. Сооружение каменной вымостки улицы на основании находок керамики можно отнести к началу IV в. Святилище функционировало несколько столетий и было заброшено лишь во второй половине V в. Это следует связывать в первую очередь с тем, что в последней трети V в. христианство становится государственной религией Боспорского царства. Именно с этого времени появляются бесспорные материальные свидетельства присутствия христиан среди жителей боспорского города Тиритака. Хотя, следует отметить, что отдельные находки краснолаковой керамики с христианской символикой встречались и при раскопках более ранних городских построек, датируемых IV – первой половиной V вв. Возможно этим временем и следует датировать время возникновения первой малочисленной христианской общины в Тиритаке.

События, связанные с принятием боспорской правящей верхушкой христианства в лице царя Тиберия Юлия Дуптуна, коренным образом изменила публичную религиозную практику. Забрасываются старые святилища, и с помощью Византии, начинается строительство христианских базилик в боспорских городах. В тоже время в частной жизни, в той или иной степени, сохранились и прежние языческие обряды. Поэтому период второй половины V – начала VI вв. можно рассматривать как время перехода общественной культовой жизни от языческих обрядов к христианским литургиям.

ВИД С ЗАПАДА

Илл. 1. Тиритакская базилика (Реконструкция В. В. Житников, В. Н. Зинько)

Среди раннехристианских храмов Боспора лучше всего, с археологической точки зрения, сохранилась трехнефная базилика в юго-восточной части города Тиритака. Это, пожалуй, наиболее поздняя монументальная общественная постройка известная на городской территории Тиритаки. Базилика была построена в припортовой (нижней) части города, на склоне с покатостью в южном направлении, на месте разрушенного рыбозасолочного комплекса первых веков. В плане здание несколько деформировано, а фундамент вдвое превосходил по толщине наземные стены. На сновании уцелевших частей здания установлено, что базилика была трехнефная, ориентированная на восток – юго-восток (Рис. 1). Внутренние размеры базилики следующие: ширина 9 м, длина до алтарной части около 10,2 м, ширина среднего нефа 4,75 м, ширина боковых нефов 1,35 м. Тем самым по площади она была лишь немногим больше, чем заброшенное несколькими десятилетиями ранее языческое святилище в верхнем городе. Стены базилики и фундаменты сложены из местного известняка (грубо обработанные квадры или просто бута). Кладки скреплены известняковым раствором, обильно заполняющем промежутки между рядами камней. Многочисленные обломки говорят о том, что некоторые части этого здания были сложены из кирпичей – плинфы, а кровля была черепичная. Долгое время предполагалось, что алтарная часть была пристроена на отдельных фундаментах впритык к основному корпусу здания базилики. Однако при расчистке фунда-

мента постройки в 2007 г. удалось установить, что с восточной стороны находилась не пристройка, а два контрфорса, в толще же очень массивной восточной стены была устроена небольшая овальная ниша – апсида. Внутри базилики местами сохранились основания колоннад, состоявших из 4-х колонн, имевшие продольное направление через всё помещение базилики. В восточной части южного нефа находилась купель, к которой можно было подойти через боковой вход, сделанный в южной стене базилики. В основании этого входа *in situ* сохранился массивный порожный камень с квадратными основаниями для двухстворчатой двери.

Базилика представляла собой прямоугольное в плане, одноэтажное сооружение состоящее из 3-х разновысоких объемов (нефов) разделенных опорами и имеющих самостоятельное покрытие. Центральный неф был шире и выше боковых, освещался окнами второго яруса и завершался апсидой. На главном фасаде располагался центральный вход, на боковом (юго-восточном) вспомогательный. В стене близ южного бокового входа находилось четырехугольное углубление представляющего собой купель, которая была выполнена в виде ниши. Апсида располагалась в толще юго-западной стены по оси центрального нефа и представляла собой полуциркульную нишу диаметром 7,5 греческих футов (2,31 м). Продольные стены, разделяющие нефы, представляли собой трехпролетные аркады. Главный вход в базилику расположен в северо-западной стене по продольной оси центрального нефа. Уровень площадки перед главным входом расположен на 0,75 м выше пола внутреннего помещения. Это обусловило устройство внутри базилики, напротив главного входа, каменной полукруглой в плане лестницы состоящей из трех ступеней. Аркады боковых нефов представляли собой кирпичные полуциркульные арки, опирающиеся через импосты на ионические капители колонн, выполненные из проконесского мрамора. Колонны имели базы из того же материала. Конструкция крыш состояла из открытых, в интерьере, деревянных стропильных ферм и покрытия из керамической черепицы.

Тиритакскую базилику можно отнести к базиликам эллинистического типа, который характерен именно для Константинопольской архитектурной школы. В тоже время наличие апсиды, не выступающей наружу, характерно для построек Сирии. Аналогичное устройство восточной части, имели базилики Северной Африки, Малой Азии, Палестины, Закавказья, а также в Греции на островах Эгейского моря.

При исследовании базилики В. Ф. Гайдукевичем были обнаружены в большом количестве обломки мраморных архитектурных деталей. Сохранились различные мраморные ордерные детали – капители, базы и фрагменты колонн из проконесского мрамора. Особенный интерес

представляет находка капителей, одна из них – ионийская импостная, сохранившаяся полностью. Византийско-коринфская капитель представлена лишь двумя обломками, но и по ним тип капители можно достаточно полно восстановить. Круглое тело капители было снаружи опоясано двумя рядами рельефно высеченных широких листьев аканфа. Таким образом, обе капители (ионийская и византийско-коринфская) позволяют датировать открытую в Тиритаке базилику в пределах второй половины или конца V – начала VI вв. Все это дает основание выдвинуть предположение, что лишь с конца V в. начинается активная христианизация жителей Тиритаки. Причем ведущую роль в этом процессе играла Византия, на средства которой, вероятнее всего, и была построена тиритакская базилика. В этой связи интересен факт находки при раскопках в 2013 г. в доме возле западной крепостной стены золотого солида императора Юстина I (518–527 гг.). На лицевой стороне монеты – бюст императора в тиароподобном шлеме, кирасе, с копьем и щитом. Надпись по кругу DV IVSTINVS PP AVI. На оборотной стороне – ангел с крестом, справа дифферент «звезда», надпись по кругу VICTORIA AVCCCO. Внизу под чертой надпись CONOB, обозначающая место чеканки монеты – Константинополь.

В начале VI в. Византийская империя активизирует свою политику в Крыму, в том числе, и на Боспоре Киммерийском. Из сочинений Малалы, Феофана, Псевдо-Дионисия Тельмарского, Иоана Никиусского и Михаила Сирийца известно, что в первый же год правления Юстиниана I (527–565 гг.) правитель живших близ Боспора гуннов Горд, как называет его Феофан, или Грод, как называл его Малала, крестился в Константинополе. Это указывает на то, что племена Горда, переходят под контроль империи. Однако не пожелавшие принять христианство гунны убили Горда и передали власть его брату Муагерии. Гунны захватили Боспор и уничтожили византийский гарнизон. По словам Феофана, император послал морем отряд под командой комита устьев Евксинского Понта апоипата Иоана. Гунны, как только узнали о приближении византийцев, бежали из города Боспор. Феофан и Малала отнесли описанные события к 527–528 гг. (Чичуров. 1980. С. 50–51). Каких-либо свидетельств боевых действий, связанных с гуннским погромом столицы, в Тиритаке не выявлено. Наступивший после этого период политической стабильности на Боспоре Киммерийском продолжался недолго, всего лишь в течении двух царствований – Юстиниана I и Юстина II.

Материалы археологических раскопок свидетельствуют о сохранении во время Юстиниана прежней планировки и границ города Тиритака. В первой половине VI в. строительство ведется в центральной части города, где перестраиваются дома и возводятся новые про-

изводственные и хозяйственные комплексы. Однако уже не строятся большие рыбоперерабатывающие комплексы, отмечены лишь небольшие отдельно стоящие цистерны, рассчитанные для соления рыбы для личных нужд. В тоже время в одной из усадеб, рядом с засыпанными рыбными цистернами первых веков, строится комплекс из 4 неглубоких ванн для дубления кожи. Во дворах и постройках городских усадеб Тиритаки исследовано значительное количество хозяйственных ям и керамических пифосов, которые служили для хранения зерна, вина и рыбы. Особый интерес представляет биконический пифос, вкопанный внутри небольшой каменной загородки, примыкающей к двухкамерному дому. На его боку под венчиком, по сырой глине было прочерчено граффито в виде равноконечного христианского креста и надписи «ФЛЕ». Археологический материал из заполнения пифоса и из слоя перекрывавшего постройку свидетельствует о прекращении жизни в этой городской усадьбе одновременно с другими строительными комплексами в третьей четверти VI в.

Для последнего периода жизни города характерно наличие среди столовой керамики значительно большее количество краснолаковой посуды с изображением христианских символов, в первую очередь креста, а также полное исчезновение терракотовых статуэток языческих божеств. Кроме

Илл. 2. Надгробная эпитафия церковного чтеца Феодора

того, в 2012 г. при раскопках в западной части города была обнаружена на мраморной доске надгробная эпитафия церковного чтеца Феодора, которая датируется VI в. (Рис. 2). Она свидетельствует о высоком иерархическом статусе предстоятеля христианской общины Тиритаки. Это первая находка христианского надгробия для этого боспорского города.

Процесс христианизации населения боспорского города Тиритака, насколько можно судить по археологическим источникам, происходил довольно медленно (Зинько, В. Зинько. 2015). На протяжении первых веков основная масса жителей, как об этом свидетельствует материальная культура, были язычниками. Судя по археологическим и эпиграфическим источникам, подавляющее большинство населения Тиритаки в это время составляли, как и ранее, боспорские греки, в среду которых возможно с конца III в. начинает проникать христианское вероучение. Но лишь в последней трети V в., после официального принятия Боспорским царством христианства в качестве государственной религии, церковь начинает играть определяющую роль в жизни и окончательно оформляется городская христианская община. Забрасываются языческие святилища и в конце V в. строится базилика. Ведущую роль в этом процессе играла Византийская империя. Но последующая поступательная христианизация была прервана в 576 г. вторжением варварских орд, взявших и разоривших боспорские города и сельские поселения. Сильно пострадала от этого набега и Тиритака. Однако жизнь в ней продолжалась еще несколько десятилетий.

Литература

- Е. А. Зинько, В. Н. Зинько.* Процесс христианизации населения боспорского города Тиритака //: Византия в контексте мировой культуры. СПб., 2015. – (ТГЭ. Т. LXXIV).
- Созомен.* Церковная история // ВДИ. 1948. № 3.
- И. С. Чичуров.* Византийские исторические сочинения: Хронография Феофана, Бревиарий Никифора. М., Наука, 1980.

В. В. Вахонеев, С. Л. Соловьев

Боспорский город Акра в IV в. до н. э. по материалам подводных исследований

Поиски боспорского городка Акра имеют долгую историю. Начиная с конца XVIII в. и вплоть до последней четверти XX в. Акру локализовали в разных местах между мысами Малый и Такиль. Основываясь на переводе названия города, исследователи обращали своё вни-

мание в основном на расположенные в этом районе возвышенности. Лишь работы, проведенные в 1982 г. В. Н. Холодковым и 1983–1985 гг. К. К. Шиликом, практически сразу поставили точку в вопросе локализации Акры у п. Заветное Ленинского района Республики Крым, у песчаной перемычки между оз. Яныш и Керченским проливом.

За время работ ряда экспедиций на Акре было выяснено, что город занимал северо-восточную оконечность низкого мыса, образованного устьем древней безымянной реки и проливом. Занимаемая им территория имела трапециевидную форму площадью около 3,5 га, которая в настоящее время почти полностью скрыта морем, за исключением небольшого западного участка на песчаной косе. В ходе Нимфейской трансгрессии Чёрного моря, начавшейся в конце I тыс. н. э., древний город постепенно оказался на глубинах от 0 до 4 м.

В отличие от других боспорских городов, прибрежные части которых также оказались затопленными, Акра выделяется сохранностью своих культурных напластований и строительных остатков. Разрушительные действия волновых процессов уничтожили под водой лишь слои римского и позднеэллинистического времени. При этом ниже залегающие напластования раннеэллинистического и классического периода оказались нетронутыми. Этому способствовало наличие городской оборонительной стены Акры, планомерные исследования которой в 2011–2017 гг. проводились на двух участках: «Шурф № 1/2011» и «Береговой».

Участок «Шурф № 1/2011» расположен в 30 м от берега на глубине 1,50 м и бортом примыкает к внутреннему фасу оборонительной стены. Стена на данном участке сохранилась на высоту семь рядов кладки, на 1,50 м.

Участок «Береговой» был заложен в 2016 г. на трассе оборонительной стены, у уреза воды. За два года исследований методом отсечной дамбы (кессона) здесь был расчищен внешний фас оборонительной стены на высоту семь рядов, на 1,70 м. При этом нижние пять рядов кладки выполнены из сравнительно хорошо обработанных блоков с соблюдением рядности и, по-видимому, принадлежат к раннему строительному периоду, который датирован первой половиной IV в. до н. э. К этому же периоду относится нижняя часть стены, открытая в шурфе № 1/2011. Верхняя часть стены относится ко второму строительному периоду и сложена из хорошо подогнанных, но грубо обработанных камней без соблюдения рядности. Более того, кладка этого строительного периода отступает от ранней кладки стены на 0,15 м. Проведенные археологические раскопки дают основания датировать второй строительный период последней четвертью IV – началом III в. до н. э.

В 2013–2014 гг. недалеко от шурфа № 1/2011 на трассе стены в направлении моря была исследована оборонительная башня № 1, площадью 48 кв. м, которая была открыта в 1984 г., затем осмотрена экспедицией в 1990-х гг., однако ее раскопки в то время не проводились. Весенние штормы 2013 г. обнажили верх башни, в связи с чем было принято решение о ее полноценном исследовании. Как было установлено, башня была пристроена с внешней стороны к оборонительной стене Акры, фланкируя южные подступы к городу. В сезоне 2014 г. были проведены работы по расчистке внутреннего заполнения башни до её основания. Мощность культурных напластований внутри башни составила 0,40 м.

Каменные стены башни опирались на большие деревянные (дубовые) балки, сложенные в конструкцию в виде клетей. Толщина каменных стен составляла около 1 м, а длина – 7–8 м. Они сохранились на высоту 1,10 м. Стены сложены по двухлицевой одно-двухслойной постелисто-орфостатной системе кладки. В некоторых местах стыков блоков имеются пироны. Над деревянной основой первый ряд кладки был выложен из отесанных по месту прямоугольных и подквадратных известняковых блоков средних размеров. Над ними второй ряд был выложен из рустованных прямоугольных блоков, длина которых достигала 1 м. Третий ряд был сложен из плоских прямоугольных плит, часть которых также имела русты. Такой способ кладки характерен как для внешних фасадов, так и для внутренних.

Оборонительная башня была пристроена к городской оборонительной стене с внешней стороны во втором строительном периоде. Следует отметить, что башня не только примыкала стенами к оборонительной стене, но также имела четвёртую стену, превращавшую её в самостоятельное оборонительное сооружение. Более того, для постройки башни было разобрано некое сооружение, по всей видимости, общественное. При раскопках культурных напластований ниже основания башни было установлено, что она была сооружена на мощном слое со следами сильного пожара. Можно предположить, что в конце первого строительного периода Акра подверглась разрушениям с пожарами, была уничтожена часть оборонительной стены. После этого стена была восстановлена в срочном порядке и более небрежно, к ней также была пристроена оборонительная башня из блоков разобранного (разрушенного?) городского сооружения. Полученные новые данные могут быть использованы для реконструкции военно-политической ситуации на Европейском Боспоре в последней четверти IV – начале III в. до н. э.

В 2011–2017 гг. при подводных исследованиях также проходило изучение жилой застройки города. За это время под водой были выявлены остатки шести строительных комплексов.

Самый ранний из них, СК 1, исследовался в 2012 г. и представлен остатками одного помещения, обнаруженного в 14 м к северу от шурфа № 1/2011. Площадь помещения составила 25 кв. м. После расчистки части помещения на глинобитном полу был обнаружен развал гераклейской амфоры (без профильных частей), а также несколько фрагментов чернолаковой керамики, к которым относились: фрагмент нижней части рыбного блюда с фрагментом графито ΔН середины IV в. до н. э., треугольная в сечении ручка ойнохой с каннелюрами 320–310 гг. до н. э., фрагмент венчика и стенки краснофигурного кратера и другие. Помещение функционировало в середине – третьей четверти IV в. до н. э.

В 4 м к северо-востоку от этого помещения в 2015–2017 гг. исследовался СК 3, представленный, как минимум, остатками 10 кладок стен жилого квартала, две хозяйственные ямы с каменной обкладкой устьев, существовавшие в последней четверти IV в. до н. э., при фиксации которых был использован новый метод подводной фотограмметрии и 3D моделирования. Между СК 1 и СК 3 прослежен незастроенный участок, шириной до 4 м, возможно служивший городской улицей.

В 2016 г. в одном из помещений СК 3 площадью 25 м кв. были проведены археологические раскопки. Как выяснилось, пол помещения – плотно утрамбованный слой серого суглинка с многочисленными мелкими фрагментами древесного угля. При его зачистке было обнаружено 43 косточки оливы, 63 фрагментов скорлупы лесного ореха, семь плодов бобовых, а также три косточки вишни.

В юго-западной части помещения найдены остатки печи, размерами 0,90 × 0,70 м, дно, борта и свод которой были сделаны из фрагментов толстостенной керамики, обмазанных жёлтой глиной. В конструкции печи были использованы два крупных фрагмента керамических сосудов – стенки с венчиком корчаги и фрагментированной переносной цилиндрической жаровни.

При характеристике Акры IV в. до н. э. особо следует упомянуть цистерну, обнаруженную в 1983 г. на глубине 3 м в 170 м от берега. Она была обложена камнями, в кладке присутствовали деревянные детали. В её заполнении найдены фрагменты амфор, обломки чернолаковой посуды, крупного кувшина, часть свинцового якорного штока, деревянные детали, обработанные на токарном станке, куски древесины и семь целых гераклейских амфор с клеймами IV в. до н. э. К сожалению, попытки обнаружить данный объект снова пока не увенчались успехом.

В целом подводные исследования последних лет позволили расширить наши знания о боспорском городе Акра. Особо следует отметить, что за последние годы на смену визуальных разведок 1980–1990-х гг. пришли планомерные стационарные археологические раскопки. Несмо-

тря на то, что масштабы подводных археологических раскопок в силу ряда причин значительно скромнее по сравнению с наземными, тем не менее, уникальная сохранность культурных слоев и строительных остатков подводной части Акры выводит ее на одно из первых мест в изучении античных памятников подводной археологии Причерноморья и совершенствовании методики подводных исследований.

В. А. Хрищановский

Некрополи Китейской равнины

На протяжении тридцати полевых сезонов (1989–2018 гг.) археологическая экспедиция [Гос. Музея истории религии до 2008 года, Института археологии НАН Украины и ИИМК РАН (2009–2013 гг.), Института археологии РАН (2014–2018 гг.)] под руководством автора статьи вела исследования нескольких некрополей, открытых на Китейской равнине.

Китейской равнинной в ходе работ была названа территория, примыкающая с северо-востока, с севера, северо-запада и запада к городищу Китей. С юга она ограничена береговой линией, а с севера и северо-запада – скальными кряжами Джург-Оба и Чатр-Тав; на востоке установленная граница некрополей находится в 1 км от восточных кварталов городища, на западе и юго-западе тянется на 600 м к западу от крепостной стены (Рис. 1).

Первые археологические исследования Китея и прилегающей к нему территории произвела в 1927–1929 гг. экспедиция Керченского музея древностей во главе с Ю. Ю. Марти при участии В. Ф. Гайдукевича. В результате проведенных работ, за пределами города, в 1,5 км к северо-западу от северной крепостной стены Китея, у подножья горы Джурга-Оба были исследованы 6 вырубных склепов, опубликованных впоследствии В. Ф. Гайдукевичем (Гайдукевич, 1959. С. 223–238).

С 1975 по 2017 гг., на протяжении почти 40 сезонов (с небольшими перерывами), раскопками Китея руководил Е. А. Молев. Экспедиция Е. А. Молева в основном исследовала городище, но одновременно, в 70–80-х гг. XX вв., на территории ближайшего некрополя, расположенного к северу от северо-восточной части крепостной стены, были открыты около 80 погребальных комплексов (Молев, Шестаков, 1991. С. 74–101; Молев, 2014. С. 162–171). Большинство из них (45) представляли собой грунтовые могилы без перекрытия, широко датирующиеся V в. до н. э. – IV в. н. э. Меньше (13) было грунтовых могил с перекрытием, почти с той же хронологической вилкой V в. до н. э. –

Рис. 1. Китейская равнина. Вид с юго-запада

Рис. 2. Некрополи Китейской равнины. Схематическая карта

III в. н. э. Плитовых могил оказалось всего 9, и среди поддающихся датировке, были лишь могилы I–II вв. н. э. Три вырубленные в скальном массиве могилы, подкурганная яма с перекрытием, три подкурганных склепа и два впущенных в курганную насыпь погребения датировались I в. до н. э. – IV в. н. э.

С 1989 по 2018 гг. археологическая экспедиция под руководством автора статьи систематически проводила исследование нескольких участков китейского некрополя (или отдельных некрополей, расположенных в окрестностях Китея): Центрального, самого большого по площади, занимающего территорию более 0,6 кв. км (0,8 × 0,8 км), к северу от городища; Северного – в 1,1 км от северной стены Китея, у южного подножья кряжа Джург-Оба; Юго-западного – на расстоянии 50–600 м от западной стены. Крайняя западная точка, исследованная на Китейской равнине, – курган № 5 на горе (и одноименном кряже) Чатр-Тав, в 2 км от Китея и крайняя восточная – подкурганный склеп в 1 км к востоку от городища. Последние объекты находятся за границей представленного плана (Илл. 2).

В результате было исследовано (и доследовано после грабителей) более 300 погребальных и поминальных комплексов самых разных типов. Хронологически они вписываются в рамки существования Китея (V в. до н. э. – V в. н. э.).

В 1990-х – начале 2000-х годов, при расширении к северу и северо-востоку работ, начатых ранее Е. А. Молевым на Центральном участке скально-грунтового некрополя, было заложено 13 новых раскопов (XVIII–XXII, XXIV, XXVI–XXXII, XXXIV–XXXIX, XLI–XLV), доследовано после грабителей, открыто и исследовано ещё 220 погребальных сооружений и несколько поминальных комплексов. Типологию погребальных сооружений, разработанную Е. А. Молевым, дополнили несколько комплексов с трупосожжением, детские саркофаги, вырубленные из известняка, и склепы. Среди последних выделяются монументальные погребальные сооружения сложенные из блоков и плит известняка с искусственным перекрытием (плоским, полуциркульным или неустановимым); вырубные склепы с плоским перекрытием; склепы-катакомбы с пещеровидными камерами, вырубленные в скальном массиве или материковой глине; насыпные вырубные склепы без перекрытий.

Все найденные на этом участке погребальные сооружения, исследованные и доследованные после грабителей, распределились следующим образом. 36 грунтовых могил (№ 81–82, 85–87, 91, 95, 102–103, 108, 110, 111–114, 119, 125–131, 133–138, 140, 346–348, 356, 368, 370) с очень широкой хронологической вилкой от 2-й пол. V в. до н. э. (Хршановский, 2004. С. 384–385) до IV в. н. э., при том, что большинство

из датированных погребений относилось к римскому времени (I–III вв. н. э.). Плитовых могил (№ 83, 101, 116–117, 144, 147, 149–150, 233, 366–367, 371) было меньше – всего 12, и все они не выходили за рамки I–IV вв. Две трети – 144 из 220 – составили могилы, вырубленные в скальном массиве, подходящем здесь близко к дневной поверхности и прикрытым тонким (всего до 0,5 м) гумусным слоем.

подавляющее большинство могил, вырубленных в скальном массиве, представляли собой однотипные, правильные в плане прямоугольные полости, глубиной до 0,8–0,9 м, с широтной ориентацией, перекрытые (в большинстве устанавливаемых случаев) одной известняковой плитой, размером до 2×1 м. Они образуют ранний (IV в. до н. э.) участок китейского некрополя с правильными рядами могил, расположенных на одинаковом расстоянии друг от друга. Наличие системы в его организации в 90-х годах XX вв. существенно облегчило действия грабителей, в результате которых непо потревоженных могил почти не осталось.

Однако, оставшихся после грабителей материалов (фрагментов чернофигурных и краснофигурных сосудов, сетчатых лекифов, импортных амфор – в том числе с клеймами Гераклеи и Синопы, медных монет, больших зеркал, бронзового киафа с завершением в виде лебединой головки, стриглей, антропоморфных изваний) и нескольких уцелевших могил оказалось достаточно, чтобы определить время первоначального функционирования этого некрополя: конец V – начало III вв. н. э. (Хршановский, 2004. С. 385–386).

Небезынтересно, что наряду классическим и раннеэллинистическим материалом в грабительских отвалах находились фрагменты керамики и вещи римского времени – I–II вв. н. э. Подтверждением предположения о вторичном использовании значительного количества вырубных могил в первые века н. э. стало открытие в одной из них (№ 169), после переделки, урн со следами трупосожжения I в. н. э. и погребение II в. н. э. (Хршановский, 1999. С. 83–85), а в другой (№ 227) – богатого погребения военачальника, надежно датирующегося третьей четвертью II в. н. э. (Хршановский, 2007. С. 182–192; Трейстер, 2011. С. 318–319, 330–331).

Необходимо отметить, что на Центральном участке за пределами локализованного классическо-эллинистического некрополя было исследовано (и доследовано) около десятка разбросанных по всей территории без какой-либо видимой системы вырубных могил I–IV вв. н. э. (№ 90, 151–152, 257, 270, 279–283, 285, 361), вырубленных менее тщательно, не по эллинистическому «стандарту», с разной ориентацией (у самых поздних преобладает меридиональная) и перекрывавшихся (в тех случаях, когда это можно установить) не одной большой, а несколькими плитами меньшего размера.

На этом же участке были найдены 5 детских саркофагов, вырезанных из цельного куска известняка (№ 92, 104, 109, 118 и 120), два из которых (№ 102 и 120) могут условно датироваться II в. до н. э. – I в. н. э. Помимо этого было зафиксировано 5 комплексов со следами кремаций, датируемые II–I вв. до н. э. (№ 95–98) и I в. н. э. (№ 169a) (Хршановский, 1999. С. 83–85).

Кроме могил на Центральном участке были открыты 17 разграбленных склепов разных типов и разного времени. Никакой системы в их расположении обнаружить не удалось. Среди них выделяются 5 склепов (№ 84, 100, 139; 143, 263), сложенных из блоков и плит известняка с искусственным перекрытием (плоским, полуциркульным или неустановимым), и плитовая гробница без дромоса (№ 264). Самый монументальный из них склеп, сложенный из блоков и плит (№ 263), судя по найденному материалу, был повторно использован в IV в. н. э. (Хршановский, 2002. С. 313–315) Однако по архитектуре он настолько близок классическо-эллинистическим склепам, открытым на юго-западном участке (№ 141, 206, 300), что вполне может быть им синхронен. Склепы № 84 и 100 были сооружены в III–II вв. до н. э., но использовались до I в. до н. э. – I в. н. э. Монументальная плитовая гробница (№ 264) с вымощенным полом, отличающаяся от склепа лишь отсутствием дромоса, также, по всей вероятности, была сооружена в IV в. до н. э., а в последний раз использовалась в IV в. н. э. Склеп со стенами из известняковых плит, поставленных на ребра и вымосткой пола (№ 143) датируется III в. до н. э.; он использовался до рубежа эр. Второй склеп такой же конструкции (№ 139) относился к I–II вв. н. э.

Отдельную группу образуют склепы, полностью или частично вырубленные в скальном массиве. Среди них на этом участке оказалось 4 склепа с (плоским) перекрытием из плит известняка (№ 163, 169, 207–208). Первый и второй (№ 163 и 169) по найденному в них материалу могли быть сооружены в эллинистическое время и вторично использованы в римское время. Однако при этом необходимо учитывать, что в поздних погребальных комплексах могут встречаться преднамеренно использованные асинхронные (более ранние) вещи (Хршановский, 2014a. С. 433–438). Третий (№ 208) был явно переделан в склеп из вырубной эллинистической могилы во II–IV вв. н. э. Последний (№ 207) был сооружен и использован во II–III вв. н. э.

Здесь же были найдены 6 склепов-катакомб с пещеровидными камерами, вырубленные в скальном массиве или материковой глине (№ 142, 145, 186, 261, 284, 360). В трёх из них – № 142, 186 и 284 сохранился как эллинистический материал, так и материал римского времени. Вероятнее всего в этом случае время сооружения склепа-

катакомбы нужно определять по самым поздним находкам (II–IV вв. н. э.), когда склепы такого типа получают наибольшее распространение. Склепы-катакомбы № 261 и 360 по обнаруженному материал датировались II–IV вв. н. э.

Последняя из катакомб (№ 145) стоит особняком. Она была вырублена в материковой глине. От вертикальной входной ямы симметрично, в противоположные стороны (к востоку и западу), отходили две камеры. Одна из них была разграблена. Вторая, оставшаяся незамеченной и непо потревоженной, дала богатый комплекс гуннского времени первой половины V в. н. э. (Ханутина, Хршановский, 2009. С. 58–69).

Два последних склепа (№ 265 и 269) представляли собой вырубленные в скальном массиве не перекрывавшиеся, а засыпавшиеся полости, использованные для погребально-поминальных действий. Найденный в грунте заполнения материал (в том числе по последним боспорским монетам) датируется III–IV вв. н. э. (Хршановский, 2001. С. 138–141; Хршановский, 2002. С. 316–326).

На расстоянии 1,2 км к северо-западу от северной крепостной стены Китея, у подножья кряжа Джург-Оба, при доследовании грабительских шурфов был открыт ещё один – Северо-западный – китейский некрополь. И здесь погребальные сооружения оказались разновременными и разнообразными. Самыми ранними были две плитовые гробницы с вымощенными полами (№ 336 и 337), надёжно (по фрагментам хиосских, фасосских и гераклеийских амфор, чернолаковой посуды, сетчатого лекифа и пантикапейской монете 314–310) датирующиеся IV в. до н. э.

Ещё одна плитовая гробница со следами вымостки пола (№ 312) была сооружена и первоначально использована во II–I вв. до н. э., но при этом в её западном углу была обнаружена впускная вырубная могила (№ 311), относившаяся, по всей вероятности, ко вторичному использованию во II–III вв. н. э. (Хршановский, 2003. С. 169–170).

Три склепа на этом участке (№ 313–315) были вырублены в скальном массиве. Первый (№ 313) представлял собой катакомбу с пещеровидной камерой, датирующуюся II–III вв. н. э. Второй (№ 315), расположенный немного восточнее, представлял собой вырубной склеп с искусственным (полуциркульным) сводом, синхронный катакомбе. Третий (№ 314), также вырубленный в скальном массиве, превосходил предыдущие не только своими размерами, но и конструкцией. На полу погребальной камеры, перекрытой полуциркульным сводом, стояли параллельно друг другу два монументальных саркофага, вырезанных в скальном массиве. Пол и стены камеры были оштукатурены и покрашены охрой. По найденному в нем материалу, склеп также датируется II–III вв. н. э. В верхнем слое заполнения дромоса под наброской камней было открыто ориентирован-

ное на север-северо-восток погребение женщины (№ 316), относящееся к более позднему времени (IV в. н. э.?). (Хршановский, 2003. С. 170–175).

Небезынтересно, что неподалеку от этого участка находились и первые склепы, вырубленные у подножья южного склона кряжа Джургоба, открытые Ю. Ю. Марти в 1927–28 гг. и датированные им II–III вв. н. э. (Марти, 1935. С. 63). В начале 2000-х годов они были вторично исследованы А. Л. Ермолиным, который омолодил их до последней четверти III – первой половины IV вв. н. э. (Ермолин, 2002. С. 87).

К югу от этих склепов на пахотном поле в первое десятилетие XX в. А. Л. Ермолиным был открыт и исследован грунтовой некрополь, названный им по ближайшей географической точке – «некрополь Джургоба». Здесь были обнаружены около двадцати могил и сорока склепов, которые дали богатый материал, свидетельствующий о контактах погребенных боспорян с Западной Европой в V в. н. э. (Ермолин, 2009. С. 70–77). Вопрос о связи этого некрополя с Китеем, насколько мне известно, автором раскопок не ставился.

Еще раньше, в начале 90-х годов XX в., под руководством автора обзора началось исследование Юго-западного участка некрополя Китея, расположенного в прибрежной зоне, в 50–600 м к юго-западу от западной крепостной стены. За два с лишним десятилетия здесь были заложены семь раскопов (XXIII, XXV, XXXIII, XXXIII – А, XL, XLVI, XLVII). В них были открыты три больших склепа, сложенных из блоков и плит известняка, перекрытых (предположительно) полуциркульными сводами (№ 141, 206, 300) и сопутствовавшие им жертвенные ямы (№ 277, 334, 335), датировавшиеся IV – началом III в. до н. э. (Хршановский, 2013. С. 182–200).

Помимо трёх раннеэллинистических (или классических) склепов, здесь же в зоне береговой абразии были открыты и исследованы позднеантичный склеп (№ 344) (Хршановский, 2017а. С. 208–213), несколько ритуальных площадок (№ 271, 273), ритуальных сооружений со следами тризн (№ 380) и жертвенных ям (№ 377–379, 381, 383, 385, 387–391, 393) того же времени – IV в. н. э. (Хршановский, 2017б. С. 161–164). Из 47 могил подавляющее большинство – 39 грунтовые (№ 122–123, 243, 262, 272, 274, 286, 289, 301–310, 317–326, 328–330, 332–333, 340–342, 382, 384, 386), 7 – плитовые (№ 275, 276, 287, 288, 327, 339, 392) и одно погребение в известняковом саркофаге (№ 331). При этом 23 – (№ 123, 243, 274, 275, 286, 301–309, 321–322, 328, 331–332, 340–342, 392), по всей вероятности, не имели перекрытия и были просто засыпными. Проблема узкой датировки могил (и этого участка некрополя в целом) на данном этапе исследования не решена. Пока можно констатировать лишь то, что для многих найденных в могилах

(закрытых комплексах) вещей (монеты, пряжки, элементы сережек, краснолаковые чашки) нижней хронологической границей является IV в. н. э., а по некоторым из них – вторая его половина (Хршановский, 2016. С. 108–141).

Как установлено в ходе работ все погребальные сооружения и поминательные комплексы на этом участке перекрывались насыпями в форме «валов». Топографической съемкой были выявлены 24 таких «вала», идущих параллельно друг другу и вытянутых в меридиональном направлении (от берегового обрыва в сторону кряжа Джург-Оба).

Над южными оконечностями «валов» № 4 и 1, в зоне береговой абразии, в последнее десятилетие были заложены два раскопа, получившие, соответственно номера XLVI и XLVII. Открытые в первом раскопе четыре грунтовые могилы (№ 382, 384, 386 и 393) и многочисленные, сопутствующие им тризны, датировались второй половиной IV – началом V в. н. э. Есть все основания предполагать, что «валы» в древности тянулись к северу до подножья Джург-Обы, и лишь впоследствии, в ходе сельскохозяйственного освоения этой территории, они оказались распахаными. В таком случае некрополь, открытый на Юго-западном участке является южной (и, возможно, более ранней) частью позднеантичного некрополя, занимавшего когда-то площадь около 1 км².

С востока и запада исследованную часть Китейской равнины «фланкируют» курганы. Самое восточное из открытых погребальных сооружений – подкурганная плитовая могила (№ 345), датированная I–II вв. н. э. В 2 км к западу от Китея находится еще один кряж, называемый по самой высокой вершине Чатр-Тав. На его хребте еще В. Ф. Гайдукевич отметил несколько курганов (Гайдукевич, 1959. Рис. 81. С. 212). В ходе проведенных разведок и раскопок в 2015 и 2018 гг. на топографический план были нанесены 6 курганных насыпей, а под самой высокой из них № 5 (на вершине Чатр-Тав) был доследован разграбленный и частично разрушенный подкурганый склеп, сложенный из монументальных блоков и плит известняка. Склеп имел широтную ориентацию и, возможно, с запада к нему подводил засыпанный скальной крошкой дромос. Самые ранние материалы (фрагменты хиосской амфоры со следами красных полос и чернолаковых сосудов) могли датироваться последней третью V в. до н. э. Следы вторичного использования относились к римскому времени. Есть основания предполагать, что в тот же классический период возникла и вся курганная группа (Хршановский, 2016б. С. 176–179).

Таким образом, на равнине в окрестностях Китея, на площади менее 2 кв. м. оказались сосредоточены все возможные типы некрополей: грунтовые, скальные, курганные и впервые выявленный на Боспоре

некрополь в виде валов, перекрывавших погребально-поминальные комплексы (Хршановский, 2018. С. 77–80). На каждом участке (или отдельном некрополе) встречаются самые разные погребальные сооружения. Система в расположении однотипных сооружений прослеживается далеко не всегда. Скорее они имеют «чересполосный» характер, который обусловлен тем, что территория каждого некрополя использовалась неоднократно. Более ранние погребальные сооружения нередко через несколько веков «обновлялись», иногда перестраивались, и использовались для повторных погребений. В состав погребального инвентаря и поминальных тризн часто (особенно в позднеантичное время) преднамеренно включались более ранние асинхронные вещи, принадлежавшие иной культурной традиции.

Некоторое сходство организации и функционирования некрополей, расположенных возле Китея с некрополями Илуратского плато (Хршановский, 2014б. С 175–182), позволяет ставить вопрос об особенностях боспорских (прежде всего европейских) некрополей, возможно, отличающих их как от некрополей других античных городов Северного Причерноморья, так и античного мира в целом.

Литература

- В. Ф. Гайдужевич.* Некрополи некоторых боспорских городов (по материалам раскопок 1930-х) // М., Л., Изд-во АН, 1959. – (МИА. № 69).
- А. Л. Ермолин, А. Ю. Юрочкин.* Повторные исследования склепа могильника Джург-Оба // Симферополь, Ризография, 2002. – Церковная археология Южной Руси. Сб. материалов международной конференции.
- А. Л. Ермолин.* Кроваво-золотой стиль «клаузоне» в ювелирных изделиях Боспора (по материалам некрополя Джург-Оба // СПб., Изд-во «Нестор-История», 2009. – Боспорский феномен: искусство на периферии античного мира. Материалы международной научной конференции.
- Ю. Ю. Марти.* Раскопки городища Китей в 1928 г // Известия Таврического Общества истории, археологии и этнографии. Симферополь, 1929. Том 3.
- Е. А. Молев, С. А. Шестаков.* Некрополь Китея // Вопросы истории и археологии Боспора. Межвузовский сборник научных трудов. Воронеж-Белгород, 1991.
- Е. А. Молев.* Грунтовые погребения некрополя Китея (по материалам раскопок 1986–1988 гг) // Погребальная культура Боспорского царства. Материалы Круглого стола. СПб., Изд-во «Нестор-История», 2014.
- М. Ю. Трейстер.* Бронзовые и золотые пряжки и наконечники с тамгообразными знаками – феномен боспорской культуры II в. н. э. // Древности Боспора. М., Изд-во «Гриф и К», 2011. – (ДБ. Том 15).
- З. В. Ханутина, В. А. Хршановский.* Погребальный комплекс гуннского времени на некрополе Китея // Боспорский феномен: искусство на периферии античного мира. Материалы международной научной конференции. СПб., Изд-во «Нестор-История», 2009.

- В. А. Христановский.* Погребальный комплекс с трупосожжением I в. н. э. на некрополе Китея // Боспорский город Нимфей: новые исследования и материалы и вопросы изучения античных городов Северного Причерноморья. Тезисы докладов международной научной конференции. СПб., Изд-во Государственного Эрмитажа, 1999.
- В. А. Христановский.* Вырубной склеп позднеримского времени на некрополе Китея // Ольвія та античний світ. Матеріали наукових читань. Київ, 2001.
- В. А. Христановский.* Погребальные комплексы IV в. н. э. на некрополе Китея // Боспорские исследования. Симферополь, ООО «Керченская городская типография», 2002. – (БИ. Вып. I).
- В. А. Христановский.* Некоторые итоги раскопок некрополя Китея в 2001 году // Из истории античного общества. Вып. 8. Межвузовский сборник научных трудов. Нижний Новгород, Изд-во Нижегородского университета, 2003.
- В. А. Христановский.* Новые погребальные комплексы на некрополе Китея V–IV вв. до н. э. на некрополе Китея // V Боспорские чтения: Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы. Керчь, Изд-во ООО «Керченская городская типография», 2004.
- В. А. Христановский.* Погребение военачальника боспорского царя из некрополя Китея // Из истории античного общества. Нижний Новгород, Изд-во Нижегородского университета, 2007. Вып. 9–10.
- В. А. Христановский.* Элитные склепы IV–III вв. до н. э. на юго-западном участке некрополя Китея // Культурный слой. Сборник научных статей. Нижний Новгород, Изд-во Нижегородского университета, 2013. Вып. 2.
- В. А. Христановский.* Асинхронные вещи в погребально-поминальных комплексах и святилищах (по материалам некрополей Китея и Илуратского плато) // XV Боспорские чтения: Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь, ООО «Керченская городская типография», 2014а. – (БЧ. XV).
- В. А. Христановский.* Археологические исследования Илуратского плато (ретроспектива и перспектива) // Погребальная культура Боспорского царства. Материалы Круглого стола. СПб., Изд-во «Нестор-История», 2014.
- В. А. Христановский.* Грунтовые могилы на юго-западном участке некрополя Китея (по материалам раскопок 1992–2013 гг.) // Культурный слой. Сборник научных статей. Нижний Новгород, Изд-во Нижегородского университета, 2016а. Вып. 4.
- В. А. Христановский.* Разведки курганных некрополей возле Илурата и Китея // – Таврические студии Симферополь, 2016б. № 10.
- В. А. Христановский.* Между готами и гуннами. Новые материалы к истории Европейского Боспора IV в. н. э. (По результатам раскопок некрополя Китея в 2009–2016 гг.) // Боспорские исследования. Керчь, Изд-во ООО «Керченская городская типография», 2017а. Вып. XXXV.
- В. А. Христановский.* Тризны на грунтовых некрополях Боспора по материалам раскопок Илуратского плато и Китейской равнины) // Таврические студии Симферополь, 2017б. № 12.
- В. А. Христановский.* Боспорский некрополь нового типа на Китейской равнине // FORUM OLBICUM II: пам'яті В. В. Крапивиної. Матеріали міжнародної археологічної конференції. Миколаїв, 2018.

М. А. Симонова

**Пряслица и грузила
в погребально-поминальных комплексах IV в. н. э.
юго-западного участка некрополя Китея¹**

При исследовании грунтовых и скальных некрополей, расположенных к северо-востоку, северу и юго-западу от боспорского города Китея (V в. до н. э. – VI в. н. э.), возле погребальных сооружений и в межмогильных промежутках были открыты и исследованы ритуальные площадки и комплексы со следами поминальных действий.

В последнее десятилетие (с 2009 года) работы были сосредоточены в юго-западной части китейского грунтового некрополя, расположенного в зоне береговой абразии. Здесь привлекли внимание 24 «вала», расположенные на расстоянии 50–600 м от западной крепостной стены Китея, и вытянутые параллельно друг другу в меридиональном направлении (Хршановский. 2017а. С. 284–285). Для определения их функционального назначения и времени создания, над «валом» № 4 был заложен XLVI раскоп, а над «валом № 1 – ближайшем к городу – раскоп XLVII. В ходе проведённых исследований в первом раскопе под валом (насыпь из серо-жёлтого рассыпчатого суглинка), прослеживающемся к северу на 80 м, шириной более 20 м и высотой до 2 м. были обнаружены 3 грунтовые могилы (№ 382, 384, 386), впущенные в материк с уровня древнего горизонта, и ещё одна (№ 392) – над погребённым гумусом, в самой насыпи. Помимо этого, здесь были открыты и частично исследованы жертвенные ямы (№ 377–379, 381, 383, 385, 387–391 и 393) и ритуальный комплекс № 380. В самой насыпи и на уровне древней дневной поверхности повсеместно встречались следы поминальных действий: многочисленные кости животных (лошади, коровы, свиньи, овцы, козы, собаки, зайца, кабана, дельфина, птиц и рыб), фрагменты амфорной тары, кружалной керамики, лепной посуды. Хронологическая вилка датировемых вещей оказалась очень широка: IV в. до н. э. – IV – начало V в. н. э. При этом внутренняя стратификация в этом едином слое не прослеживалась.

Для проверки полученных данных помимо XLVI раскопа, в 2016 году над валом № 1 был заложен ещё один раскоп – XLVII. То, что и этот «вал» представляет собой искусственное сооружение (хотя, возможно, отличающееся по конструкции от «вала» № 4) сомнений не вызывает. Репертуар находок из этого раскопа, как и их временной разброс, в целом не отличался от того, что встречалось ранее в раскопе XLVI. Даже

¹ Автор выражает благодарность В. А. Хршановскому за предоставленные для этой публикации материалы.

при отсутствии здесь (на данном этапе) погребений можно говорить о близости (или даже тождестве) их функционального назначения – ритуальных (погребально-поминальных?) комплексов, датирующихся по самым поздним материалам второй половиной IV – началом V в. н. э.

Вещи, найденные в XLVI и XLVII раскопах, оказались сходны. Большую часть их составляли керамические остатки – стенки, ручки и венчики амфор, как импортных эллинистических (в том числе с клеймами), так и поздних узкогорлых светлоглиняных (типа Зеест 104 – Е по Шелову) и красноглиняных (типа Зеест 100 – Делакеу). Из этого же слоя происходили фрагменты расписной (краснофигурной) и чернолаковой керамики, «мегарских» чаш, буролаковых и краснолаковых сосудов, обломки кружальных красноглиняных (в том числе с росписью белой краской), светлоглиняных, сероглиняных (в том числе с лощением и орнаментом) и многочисленных лепных (в том числе орнаментированных) сосудов. Помимо керамических остатков, в этом же слое находились фрагменты терракот, расписной штукатурки, медные монеты (от III в. до н. э. до второй половины III – начала IV в. н. э.) (Хршановский. 2017б. С. 208–228), а также кремневые орудия, оселки, мел, уголь, и печина, глиняные окатыши, круглая галька, створки раковин и т. п. (Хршановский. 2017 в. С. 164) Среди всех находок, достаточно многочисленными (и на первый взгляд, неожиданными) оказались керамические и каменные пряслица и грузила.

Если исходить из того, что «валы» представляют собой искусственные сооружения с погребально-поминальными комплексами, то все найденные в ходе раскопок вещи оказались там не случайно, а были по какому-то признаку осознанно выбраны и преднамеренно туда помещены. Остается выяснить, какую же функцию и благодаря каким свойствам, могли выполнять в тризне пряслица и грузила – использованные явно не по их основному первоначальному назначению.

подавляющее большинство из них было найдено за последние 4 сезона (2015–2018 гг.) и их количество – 17 – исключает случайность присутствия в данном археологическом контексте (См. Таблицу и Рис. 1).

Необходимо отметить, что все пряслица и грузила были обнаружены в «закрытом» археологическом комплексе, под неповрежденным гумусным слоем, на разной глубине в слое серо-желтого суглинка, содержащем следы тризн и внутри ритуальных сооружений, открытых и исследованных под валом, на уровне древнего горизонта. К примеру, каменное пряслице № 5 (Рис. 1, 5) находилось на глубине 1,7–1,8 м в погребённом гумусном слое, предположительно над ритуальной площадкой. В тризне было найдено и керамическое пряслице № 3 (Рис. 1, 3). При исследовании ритуальной площадки с двумя золь-

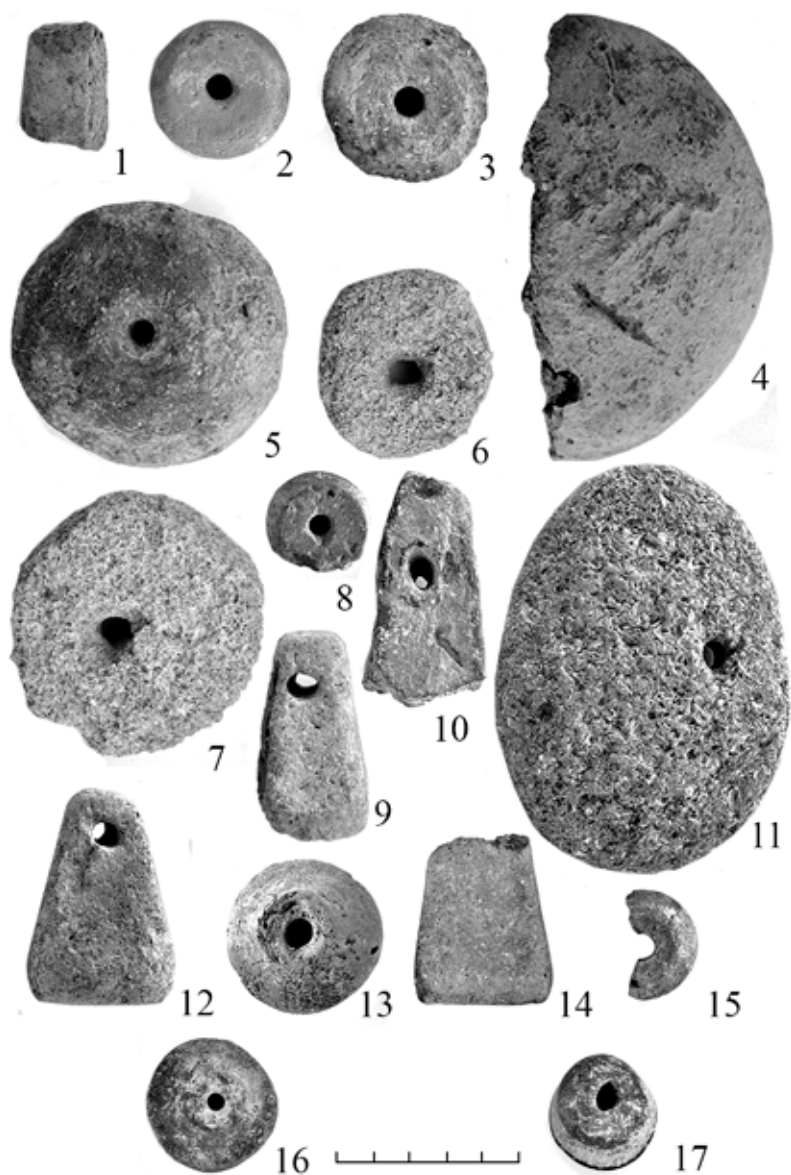

Рис. 1. Фотографии пряслиц и грузил, найденных в раскопах XLVI и XLVII в 2015–2018 гг.

Таблица пряслиц и грузил, найденных в раскопах XLVI и XLVII в 2015–2018 гг.

№	Предмет	Материал	Размер (см)	Год/ раскоп	Рис. 1:
1	Фрагмент пряслица	Глина	Выс. 2,2, диам. 3,2	2015 XLVI	1
2	Пряслице	Глина	Выс. 1,8, диам. 3,8	2016 XLVII	2
3	Пряслице	Глина	Выс. 3,5, диам. 4,5	2016 XLVII	3
4	Керамич. изделие (прясло или груз?)	Глина	Выс. 2,7, диам. 12	2016 XLVII	4
5	Пряслице	Камень	Выс. 3,5, диам. 6,5	2016 XLVI	5
6	Пряслице	Известняк	Выс. 2, диам. 5	2016 XLVI	6
7	Пряслице	Известняк	Выс. 2,5, диам. 6,5	2016 XLVI	7
8	Пряслице	Глина	Выс. 1,8, диам. 2,5	2017 XLVI	8
9	Грузило	Камень	Выс. 5,5, осн. 3,5×3	2017 XLVI	9
10	Грузило	Камень	Выс. 6, осн. 3,5×3,2	2017 XLVI	10
11	Грузило	Камень	8×11×2,5	2017 XLVI	11
12	Грузило	Камень	Выс. 6, осн. 4×4	2017 XLVI	12
13	Пряслице	Глина	Выс. 2,2, диам. 4	2017 XLVII	13
14	Грузило	Камень	4,4×3,5×3	2018 XLVI	14
15	Фрагмент пряслица	Камень	Выс. 1,6, диам. 2,8	2018 XLVII	15
16	Пряслице	Камень	3,5×2,2×1,7	2018 XLVI	16
17	Пряслице	Керамика	3×2,7×1,5	2018 XLVII	17

никами, открытой на уровне древнего горизонта – керамическое пряслице № 8 (Рис. 1, 8). Два каменных грузила № 11 и № 12 (Рис. 1, 11, 12) – на глубине 1 м. в скоплении камней, которые могли выполнять алтарную функцию. По наблюдению Е. А. Молева грузила и пряслица, найденные в Китее, встречались в слоях V в. до н. э. – VI в. н. э., то есть на протяжении всего времени его существования. Однако, наибольшее число пряслиц относится к IV–III вв. до н. э. (Молев, Молева. 2016. С. 217–218).

Таким образом, преднамеренность использования грузил и пряслиц в совершённых обрядовых действиях не вызывает сомнений. Однако небезынтересно попытаться выяснить, почему именно они были избраны и использованы, какими особыми свойствами обладали они в глазах тех, кто совершал эти обрядовые действия, какие важные для них ассоциации вызывали.

Исследователи уже обращали внимание на присутствие грузил и пряслиц в святилищах и ритуальных комплексах. Они встречались в святилище Афродиты в Нимфее в слоях V в. до н. э. (Худяк. 1962. С. 26), в Мирмекийском зольнике в слоях IV–III вв. н. э. (Гайдукевич. 1952. С. 400–401; Он же. 1987. С. 77, 93–94) и в Китейском, преимущественно в слоях V–IV и II–I вв. до н. э. (Молева. 2017. С. 61, 65). Встречались они и в ранних греческих погребениях рубежа VI–V вв. до н. э. (Грач. 1999. С. 46–47; Табл. 28. А 56, 30 А 58) и в скифских погребальных комплексах (Бессонова. 1990. С. 31–32). Как пишет Н. В. Молева «Случаи находок орудий труда, применявшихся в ткачестве, прядении и шитье не только в жилых комплексах городов, но также в культовых и погребальных комплексах, доказывают, что помимо бытовых и ремесленных качеств, такие артефакты, равно как и сами процессы изготовления ткани... обладали сакральным значением» (Молева. 2017. С. 64).

При интерпретации значения грузил и пряслиц как вотивных приношений в ритуальных комплексах классического и эллинистического периода, исследователи, исходя из греческой мифологии, связывали их с приношениями Деметре и Коре, сопричастным хтоническому миру, Афине и Афродите, имевшими отношение к ткачеству, с пряхами-мойрами – тремя богинями, определявшими срок земной жизни человека (Молева. 2017. С. 61–62). Кроме того, как отмечает Н. В. Молева, «...нить и ткань несли в себе идею преобразования природных материалов (лён, шерсть) в продукт человеческой культуры (полотно) ... Именно в процессе прядения, ткачества и шитья наглядно осуществлялся переход предмета из одного качества в другое», а значит все причастные к этому вещи могут (должны) способствовать изменению статуса вещи, содействовать переходу вообще, и, в частности, обеспечению условий, необходимых для перехода приносимого в жертву в иной мир и принятия её в том мире.

Интерпретация грузил и пряслиц, найденных в классических и эллинистических слоях святилищ боспорских городов, в рамках древнегреческих представлений и мифологии может быть вполне оправдана. Однако в данном случае речь идёт о позднеантичных комплексах второй половины IV – начала V вв. н. э., и маловероятно, чтобы их неведомые создатели, вклинившиеся на Боспор между готами и гуннами, были также искушены в греческой мифологии и по-прежнему почитали греческих богинь. Их мировоззрение по целому ряду признаков представляется гораздо более архаичным.

Почти полное совпадение репертуара находок под «валами» № 4 и 1 юго-западного участка Китейского некрополя и Китейского зольника не оставляет сомнений в том, что это ритуальные комплексы

(святилища). Во все времена, приносимые в жертву вещи (и животные) должны были достичь одной и той же цели – перейти из мира людей в мир богов: нижний – хтонический или верхний – небесный. Если исходить из того, что совершавшиеся на некрополе обряды носят погребально-поминальный характер, то, как минимум, часть приношений была адресована богам нижнего мира. В этом случае могло быть важно то, что грузила и пряслица имели прямое отношение к прядению и ткачеству – то есть к процессу преобразования природного в культурное, преобразованию/переходу вообще. Не исключено, что нить сама по себе (уже лишённая греческой мифологической «обработки») в их сознании символизировала «связь миров», в частности мира людей и нижнего, хтонического мира.

Но при этом грузила и пряслица, исходя из их производственных функций, выполняют одну и ту же роль – тянут вниз. Пряслице предназначалось для утяжеления ручного веретена, грузило для натяжения нитей, а также для утяжеления сетей в рыбной ловле. Именно это свойство выделяет их среди остальных находок и, может быть, именно оно оказывается востребовано в совершенно иной ситуации – в погребально-поминальном ритуале.

Как уже говорилось ранее, время возникновения и функционирования некрополя на юго-западном участке – IV – начало V вв. н. э. Именно в это время, как отмечают многие авторы, на Боспоре складывается весьма пёстрая этническая ситуация. Есть основания предполагать, что этот участок китейского некрополя принадлежал уже какой-то иной, негреческой этнической (или полиэтнической) группе.

Помимо некоторых знаковых вещевых находок (головки от терракотовых статуэток в данном археологическом контексте, скорее всего, были адресованы божествам верхнего мира, тогда как пряслица и грузила служили медиаторами в нижний) это подтверждает и палеозоологический анализ. Среди найденных костей животных также чаще всего встречаются именно головы (челюсти) и конечности, что также можно интерпретировать как жертвоприношения богам верхнего и нижнего миров. Именно по таким находкам можно пытаться восстановить модель мира тех обитателей позднеантичного Боспора, которые совершали эти действия.

В заключение можно предположить, что присутствие пряслиц и грузил в позднеантичных погребально-поминальных комплексах должно было содействовать переходу/переводу приносимого в жертву (и опосредованно самого погребённого) в иной мир. Однако, сложнейшая задача реконструкции религиозных воззрений и картины мира древнего человека требует максимально полного комплексного изучения всего археологического контекста и всесторонней интерпретации найденного материала.

Литература

С. С. Бессонова. Скифские погребальные комплексы как источник для реконструкции идеологических представлений // Обряды и верования древнего населения Украины. Киев, Изд-во Наукова Думка, 1990.

В. Ф. Гайдукевич. К вопросу о ткацком ремесле в боспорских поселениях // Боспорские города. М., Л., Изд-во АН, 1952. Т. I. (МИА. № 25).

В. Ф. Гайдукевич. Античные города Боспора. Мирмекий. Л, Наука, 1987.

Н. Л. Грач. Некрополь Нимфея. СПб., Изд-во Наука, 1999.

Е. А. Молев, Н. В. Молева. Боспорский город Китей. Часть II. Симферополь, Керчь, Изд-во ООО «Соло-Рич», 2016.

Н. В. Молева. Орудия ткачества, прядения и шитья как вотивные приношения в китейском святилище // Артефакты и сакральное в истории Боспора, Нижний Новгород, Изд-во Нижегородского университета, 2017.

В. А. Хриановский. Юго-западный участок некрополя Китея (Итоги исследований 1992–2013 годов // Перипл: от Борисфена до Боспора. СПб., Изд-во Гос. Эрмитажа, 2017а. (ТГЭ. LXXXVIII).

В. А. Хриановский. Между готами и гуннами // Боспорские исследования. Симферополь, Изд-во ООО «Керченская городская типография», 2017б. Вып. XXXV.

В. А. Хриановский. Тризны на грунтовых некрополях Боспора (по материалам раскопок некрополей Илурагского плато и Китейской равнины) // Таврические студии. Симферополь, 2017 в.

М. М. Худяк. Из истории Нимфея V–III вв. до н. э. М., Изд-во Наука, 1962.

С. В. Кашаев

Погребальные обряды сельских некрополей Артющенко-2 и Панское-1

В работе рассмотрим и в общих чертах сравним погребальные обряды двух сельских некрополей античного времени Артющенко-2 (Таманский полуостров) и Панское-1 (Западный Крым). Материалы, полученные в ходе раскопок обоих некрополей, позволяют сделать некоторые выводы об их особенностях, погребальном обряде и инвентаре, датировке исследованных участков. Эти памятники близки по своей сути (некрополи сельских поселений), хронологически (хронологические рамки пересекаются) и по количеству открытых комплексов. Анализ может выявить их общие черты и различия.

Поселение и грунтовый некрополь Артющенко-2 расположены в южной части Таманского полуострова – на обрывистом берегу Чёрного моря, между мысом Железный Рог и Бугазским озером, в 17 км к юго-востоку от станицы Тамань и в 4-х км к юго-востоку от посёлка Артющенко. Поселение Артющенко-2 было обнаружено в 1997 г. в ходе разведок Е. Я. Рогова (Рогов. 2000. С. 210; Рогов. 2001. С. 164; Кашаев. 2001. С. 1310). Некрополь расположен к востоку от поселения, он был

обнаружен после значительного обвала берега, который произошёл зимой-весной 2002 г. В 2003–2017 гг. Таманский отряд Боспорской экспедиции ИИМК РАН проводил раскопки этого активно разрушающегося памятника (Кашаев. 2009. С. 188–267; Кашаев. 2010. С. 88–96).

Поселение и некрополь Панское-1 находятся на небольшом полуострове между оз. Панское и Ярылгачской бухтой, в северо-западной части Крымского полуострова. В 1970-х – 1980-х годах памятник исследовался Тарханкутской экспедицией ЛОИА АН СССР под руководством А. Н. Щеглова (Щеглов. 1978. С. 46; Рогов. 2011, С. 9; Stolba, Rogov. 2012. P. 11).

В 2003–2017 гг. на некрополе Артющенко-2 была исследована площадь около 4950 кв. м, обнаружено 185 погребений, из которых 12 исследовано за грабителями. Большинство датированных погребений укладывается в промежуток примерно в сто лет, между началом V и началом IV вв. до н. э., часть комплексов относится к III–II вв. до н. э. Считаем, что некрополь укладывается в хронологический рамки V–II вв. до н. э. Самые поздние погребения (№№ 155, 156, 172) относятся к IV–V вв. н. э. Пока столь поздних захоронений немного, и нет оснований говорить, что некрополь продолжал активно функционировать до этого времени.

За время раскопок некрополя Панское-1 было открыто 144 погребальных комплекса. Самые ранние находки относятся к концу V в. до н. э., большинство захоронений датируется рубежом V–IV – первой третью III вв. до н. э. (Рогов. 2011. С. 9, 52).

В некрополе Артющенко-2 все могилы заглублены в грунт, курганных насыпей или надмогильных холмиков не зафиксировано. Предположительно, поверхность памятника распахивалась, если когда-то и были надмогильные сооружения, то они уничтожены. Удалось зафиксировать погребальные сооружения нескольких основных конструкций:

– Сырцовые гробницы (склепы, ящики), заглублённые в землю. Для их строительства выкапывали котлован, в котором из сырцовых кирпичей выкладывали стены склепов, затем делали перекрытие. Перекрытие, как представляется, могло быть двух видов. Первый – сырцовые стены перекрывали горизонтальным настилом из досок, которые должны были поддерживать выложенное поверх них сырцовое перекрытие склепа. Второй вид – это полуциркульный свод склепа сложенный из кирпичей.

Конструкции стен склепов также имеет несколько вариантов исполнения кладки. Сырцовые кирпичи в кладке могли располагаться горизонтально или вертикально. В пределах одной гробницы, в длинных и коротких стенах кладка могла быть комбинированная.

Пол склепа мог быть полностью земляным, тогда необходимые канавки (для ножек деревянного помоста) и углубления (для инвентаря) выкапывали в грунте. В некоторых случаях пол выкладывали сырцовыми кирпичами. Канавки и углубления оставались в местах, где кирпичи отсутствовали.

Одна из функций склепа является использование его в качестве семейной усыпальницы, предполагающей возможность последующего подзахоронения родственников. Это было зафиксировано в нескольких случаях (погребения №№ 21, 25, 32), причём в стене одного склепа с восточной стороны зафиксирован проём (погребение № 32), который мог быть входом.

– Грунтовые ямы с перекрытием. Такие ямы имели заплечики, на которые укладывалось перекрытие. Перекрытие, чаще всего, было из досок (дерева) и, как правило, не сохранилось. Изредка нам удавалось обнаружить следы древесного тлена или фрагменты обугленных досок, оставшихся от перекрытия. Встречено так же каменное перекрытие. В этом случае могильные ямы были перекрыты каменными плоскими плитами.

После захоронения в могилах с перекрытием имелось небольшое свободное пространство над телом. Это приводило к тому, что после разложения мягких тканей кости скелета оказывались немного смещены. Это могло происходить вследствие разных причин – деятельности грызунов и землеройных животных, процессов разложения, обрушения свода, проседания грунта.

– Грунтовые ямы с комбинированным деревянным и сырцовым перекрытием. Эта конструкция очень близка предыдущему варианту с тем отличием, что поверх деревянного перекрытия выкладывался слой сырцовых кирпичей.

– Простые грунтовые ямы без перекрытия. В таких могилах при захоронении тело сразу засыпалось грунтом. Следовательно, отсутствовало свободное пространство над телом усопшего. У таких погребений наблюдаются две особенности: это не сдвинутые со своих мест кости и слегка «подогнутое», прижатое к телу положение черепа. Зафиксированные факты свидетельствуют о том, что могильные ямы были относительно небольшого размера, и тело покойного по длине немного не помещалось в неё.

– Подбойные могилы. Подбой закладывался сырцовыми кирпичами, иногда для этого использовали плоские камни.

– Детские захоронения в амфорах.

На некрополе Панское-1 захоронения совершались как в курганах, так и в межкурганном пространстве. Диаметр курганов от 5 до 18 м,

высота от 0,3 до 2,0 м (Рогов. 2011. С. 11). На всей площади некрополя встречены разнообразные конструкции могил (Рогов. 2011. С. 10–14):

– Гробницы (склепы) из сырцовых кирпичей. Они возводились на уровне древней поверхности и перекрывались насыпью кургана. Как правило, располагались в центре кургана, реже в полах.

– Простые грунтовые ямы. Они могли располагаться в межкурганном пространстве, под курганными насыпями или быть впущены в насыпь.

– Грунтовые ямы, стены которых обложены сырцовыми кирпичами. Скорее всего, эти конструкции является вариантом предыдущей разновидности.

– Плитовые могилы типа каменных ящиков. Они являются заглублёнными в землю сооружениями, располагаются под насыпями.

– Подбойные могилы. Эти сооружения располагались под насыпями или в межкурганном пространстве.

– Земляные гробницы с дромосом и перекрытием. Зафиксирован единственный вариант такого сооружения.

– Детские захоронения в амфорах. Они были впущены в насыпи курганов или располагались в межкурганном пространстве.

В Артюшенко-2 практически во всех исследованных погребениях захоронение совершено по обряду труположения, встречен лишь один случай кремации, предположительно на стороне. В исследованных погребениях глубина от современной поверхности до дна могил составляет около 1,0–1,5 м.

Сохранность скелетов в большинстве случаев можно определить как плохую или очень плохую, в редких случаях она удовлетворительная. Наиболее часто встречается положение погребённых вытянуто на спине, руки вдоль туловища, ноги прямо. В редких случаях наблюдаются вариации – ноги распавшиеся ромбом, кисть руки на тазовых костях, рука согнута в локте.

Костяки в ранних могилах (V–IV вв. до н. э.) чаще ориентированы головой на восток или северо-восток, редко на запад. Такое сочетание погребений с восточной ориентацией и редкими случаями западной является традиционным для боспорских некрополей V–IV вв. до н. э. В поздних захоронениях (III–II вв. до н. э.) костяки чаще ориентированы головой в южный и восточный сектора.

Также имеется серия безинвентарных погребений, их точная датировка затруднительна. По сохранности костей можно предположить, что могилы с восточной ориентацией относятся к более раннему времени, а с северной – к более позднему.

На Панском-1 сохранность большинства костяков плохая. Нормой следует считать вытянутое на спине положение погребённого, с вы-

тянутым положением рук и ног. В некоторых случаях у погребённых были связаны ноги в щиколотках. Иногда ноги сгибали в коленях так, что кости распадались ромбом или падали на бок. Отклонением от традиции можно считать скорченное положение костяка, но такие случаи редки.

В подкурганных захоронениях наблюдается устойчивая ориентация головой на северо-восток, такая же ситуация и в межкурганых могилах с инвентарём. У безинвентарных погребений встречаются отклонения – ориентация в южный и западный сектора (Рогов. 2011. С. 19–20).

В некрополе Артющенко-2 при ориентации погребённого головой на восток, инвентарь располагался у южной стенки могилы (вдоль левой части тела) и в ногах. К северу от тела клали лекифы и копья. В массе погребального инвентаря можно выделить основной набор, состоявший из четырёх предметов: «сосуд для вина» (амфора, ойнохоя, кувшин), «сосуд для пищи» (миска, чаша на ножке), «сосуд для питья» (килик, скифос, канфар), «сосуд для благовоний» (лекиф, аск, амфориск, алабастр). В дополнение к основному набору в некоторых случаях имелся дополнительный элемент: «предмет вооружения» (меч, кинжал, копье, стрелы), «украшение» (кольца, перстни, серьги, бусы), бронзовые предметы (зеркала, черпаки-киафы, ситечки), лепные сосуды и др.

На некрополе Панское-1 также зафиксирован основной набор инвентаря, включавший сосуд для вина (амфора), сосуд для питья вина (килик, скифос, канфар) и сосуд для масла (лекифы, амфориски, алабастры). Дополнительными элементами инвентаря можно считать оружие, кувшины, гуттусы, лепные сосуды и др. (Рогов. 2011. С. 19–20; Щеглов. 1978. С. 49).

Кратко можно отметить, что на обоих некрополях зафиксировано наличие кенотафов (могилы, где есть инвентарь, но нет костяка), каменных алтарей (в Артющенко их гораздо меньше в силу редкости камня на Тамани, но чаще использовались алтари из амфор), тризн (скопления фрагментов амфор и других керамических сосудов).

Проведённое сравнение погребальных обрядов позволило выделить общие и индивидуальные черты каждого из некрополей, их сходство, различие и особенности. Например, сырцовые гробницы встречаются на обоих памятниках. В Артющенко-2 они заглублены в землю, на Панском-1 – наземные, перекрытые курганной насыпью. Возможно, одной из причин того, на Панском-1 гробницы не заглублены, является специфика грунта и относительно неглубокое залегание скалы.

Другие погребальные сооружения – грунтовые ямы с заплечиками, подбойные могилы и детские захоронения в амфорах присутствуют

на обоих памятниках. Каменные гробницы и сооружения характерны для Панского-1; на Артюшенко-2 они не встречаются, очевидно, в силу редкости камня на Тамани.

В обоих некрополях зафиксирован устойчивый основной набор погребального инвентаря. Эти наборы практически идентичны, разница прослеживается в деталях. В Артюшенко сосуды для вина представлены, в основном, ойнохоями (реже амфорами и кувшинами), имеется также такой элемент, как сосуд для пищи. На Панском сосуды для вина, как правило – амфоры, а сосуды для пищи не выделяются в устойчивый элемент. Имеются различия в местах расположения в могиле определённых предметов (амфор, киликов, лекифов и др.).

В то же время можно заметить, что на Тамани гораздо чаще в могилах встречаются предметы вооружения, и по сравнению с Крымом, они представлены в гораздо большем разнообразии и количестве.

Сложнее дело обстоит с надгробиями. На Панском достаточно часто встречаются антропоморфы и каменные подставки под них. В Артюшенко найдены лишь отдельные фрагменты обработанных камней, идентифицированные как части надгробий – вертикальных стел.

Подводя итог, можно сделать вывод, что погребальные обряды обоих рассмотренных некрополей довольно близки. Скорее всего, в основе обряда и в Артюшенко-2 и на Панском-1 лежали какие-то общие традиции и представления, которые могли немного меняться и трансформироваться с течением времени, а так же под действием местных условий и обычаев.

Литература

- С. В. Кашаев.* Раскопки поселения Артюшенко-2 // АО 2000. М., Наука, 2001.
- С. В. Кашаев.* Некрополь Артюшенко-2 (общая характеристика, результаты раскопок 2003–2005 гг., погребения № 1–23) // Степи Евразии и история Боспора Киммерийского. Симферополь; Керчь. 2009. – (БИ. Т. XXII).
- С. В. Кашаев.* Исследования некрополя Артюшенко-2 в 2007–2008 гг. // СΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья: Новейшие открытия и находки. М.; Киев, 2010. Вып. 1.
- Е. Я. Rogov.* Разведки на юге Таманского полуострова // АО 1998. М., Наука, 2000.
- Е. Я. Rogov.* Работы на юге Таманского полуострова // АО 1999. М., Наука, 2001.
- Е. Я. Rogov.* Некрополь Панское 1 в Северо-Западном Крыму // МАИЭТ. Suppl. 10. Симферополь. 2011.
- А. Н. Щеглов.* Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., Наука, 1978.
- Vladimir F. Stolba, Eugeny Rogov.* Panskoje I. Volume 2. The Necropolis. Aarhus university press. 2012.

Ю. А. Виноградов

**Поселение Артющенко-1 (Бугазское)
на Таманском полуострове.
Итоги археологических исследований 1998–2017 гг.¹**

Изучение сельских поселений Боспора Киммерийского имеет принципиально важное значение для понимания многих особенностей его экономического и культурно-исторического развития (см.: Крушликова. 1975; Масленников. 1998; 2010). Крупное поселение Артющенко-1 (Бугазское), расположенное на черноморском побережье Таманского полуострова, впервые было исследовано знаменитым археологом В. Д. Блаватским в 1951 г. (Блаватский. 1953. С. 150–153). Систематические раскопки Боспорской экспедиции ИИМК РАН были начаты здесь в 1998 г. Настало время подвести некоторые итоги (см. также: Виноградов. 2001. С. 17–20; 2013а. С. 233–241; Vinogradov, Lebedeva. 2005. P. 316–319; Vinogradov. 2015. P. 157–160). Несмотря на скромность сельского поселения и понятную бедность сделанных здесь находок, на нём, как представляется, лежит отблеск «боспорского феномена».

Памятник сильно разрушается береговой абразией, и нет сомнения в том, что значительная его часть уничтожена морем (Виноградов, Кашаев, 2016); по этой причине любые исторические выводы, связанные с его археологическим изучением, можно оспорить. Тем не менее, многолетние исследования позволяют считать, что поселение существовало с перерывами полторы тысячи лет. Периоды обитания, естественно, привлекают основное внимание исследователей, но научного объяснения требуют и периоды запустения. В общей сложности в истории Артющенко-1 можно выделить семь периодов функционирования: архаический, классический, эллинистический, римский, позднеримский, средневековый и нового времени. Последний охватывает конец XIX – первую четверть XX в. и для археологии особого значения не имеет.

Важной топографической особенностью памятника является то, что он разделён на две части глубокой балкой, идущей с юга (от моря) на север. Любопытно при этом, что все археологические объекты, относящиеся к времени до нашей эры, находятся восточнее балки, а объекты первых веков нашей эры – к западу от неё. Кратко охарактеризую каждый из обозначенных периодов.

¹ Публикация подготовлена в рамках программы фундаментальных научных исследований Российской Академии Наук по теме государственной работы № 0184-2018-0007 «Культура античных государств Северного Причерноморья. Субкультуры правящей элиты и рядового населения».

Период архаики (последняя треть VI – первая треть V вв. до н. э.). К этому времени относится несколько небольших полуземлянок и серия ям (Виноградов. 2002а. С. 61–66), в основном, имеющих грушевидную форму. Для всех полуземлянок характерны очень небольшие размеры и самое простое устройство. Ни одну из них нельзя признать жилищем, предназначенным для продолжительного обитания. Почти нет сомнения, что они служили для временного проживания земледельцев, приходивших сюда на период проведения полевых работ. Иными словами, поселение Артющенко-1 времени архаики следует считать сезонным. Скорей всего, оно входило в состав хоры Гермонассы.

Большое количество лепной керамики, обнаруженной во всех архаических комплексах (Виноградов. 2006. С. 69–76), заставляет считать, что крестьяне, трудившиеся на близлежащих полях, были выходцами из варварских племён Прикубанья. Несмотря на это обстоятельство, находки зерновок культурных растений, происходящие из многих хозяйственных ям, позволяют считать, что здесь, в основном, культивировались две злаковые культуры – голозёрная пшеница (*Triticum aestivum*) и плёнчатый ячмень (*Hordeum vulgare*). Выращивание этих культур было характерно для всех античных государств Северного Причерноморья, в том числе и Боспора (Пашкевич. 2016. С. 205–299).

Классический период охватывает время середины и, очевидно, всей второй половины IV в. до н. э. Археологические комплексы этого периода на памятнике немногочисленны. Тем не менее, можно считать, что Артющенко-1 оставалось сезонным земледельческим поселением с значительным включением варварского компонента в составе его обитателей.

Эллинистический период (вторая половина III–II вв. до н. э.) отличается значительным своеобразием. На памятнике функционировала мастерская по обработке (обогащению) железной руды и получению кричного железа (Виноградов. 2010). Местная руда перетиралась на специальных столах (открыты их каменные основания) с помощью больших зернотёрок, а затем промывалась. Отработанная вода удалялась за пределы поселения с помощью водостоков. К мастерской относятся ямы, содержавшие древесный уголь. Железоделательных горнов на памятнике, к сожалению, открыть не удалось, но крицы обнаружены в огромном количестве.

Культуру поселения на этом этапе следует признать, в основном, греческой, ибо среди находок в большом количестве представлены терракотовые статуэтки, боспорские бронзовые монеты (Виноградов, Терещенко, 2009) и пр., а количество лепной керамики не столь велико (Стоянов. 2009. С. 268–282).

С юга и запада с мастерской соседствовали необычные культовые комплексы (Виноградов. 2007; Vakhtina, Vinogradov, Goroncharovskiy. 2010. P. 370–373). С юга это были овальные выкладки из простых морских галек, на которых или рядом с которыми обнаружены фрагменты терракотовых статуэток, в основном, с изображением женских персонажей. С запада был открыт культовый объект, представляющий собой скопление женских терракотовых полуфигур, вместе с которыми находился обломок чернолакового сосуда с рельефным изображением силена, играющего на музыкальном инструменте типа флейты Пана (Новикова. 2007. С. 207–210; Виноградов, 2004; 2007; Vinogradov, Lebedeva. 2005. P. 318. Fig. 2; Vakhtina, Vinogradov, Goroncharovskiy, 2010, Fig. 20). Рядом с этим скоплением была вырыта огромная яма, в которой компактной группой были уложены терракоты: женская полуфигура, сидящая женщина с лирой в руках; танцующая женщина; женская фигура с пряжей и веретеном, прижатый к шее; всадник на спокойно идущем коне (Vinogradov, Lebedeva. 2005. P. 318–319. Fig. 3–6, 8; Vakhtina, Vinogradov, Goroncharovskiy. 2010. Fig. 21, 1; Fig. 22). Поблизости от этой «кучки» находилась статуэтка актёра с венком на голове и театральной маской в левой руке (см.: Vinogradov, Lebedeva. 2005. P. 319. Fig. 7; Vakhtina, Vinogradov, Goroncharovskiy. 2010. Fig. 21, 2). Любопытно, что эта яма была соединена с помощью подземного хода с другой, тоже весьма крупной ямой, но никаких культовых предметов она не содержала. Несмотря на своеобразие исследованного комплекса, его можно сопоставить с другими сельскими святилищами Боспора (Масленников. 2006; 2007).

Римский период (I – середина III вв. н. э.). Все археологические комплексы этого времени сосредоточены к западу от балки, разделяющей Аргющенко-1 на две половины. Поселение вновь стало аграрным, временным, и процент выходцев из среды варварских племён здесь вновь стал весьма высоким. К этому времени относится серия ям, а также несколько сооружений типа полуземлянок (Виноградов. 2013б). Некоторые из них имеют четырёхугольную форму, и в них земледельцы могли проживать во время полевых работ. Другие постройки отличаются аморфными очертаниями и слабой степенью заглублённости; в их структуру, как правило, входит несколько хозяйственных ям.

На западной окраине памятника, вероятнее всего, находилось весьма необычное святилище. Важной его составляющей была глинобитная площадка, ориентированная меридионально. Она имеет площадь около 130 кв. м. При исследовании этой площадки было обнаружено огромное количество обгоревших зёрен злаковых, и по этой причине поначалу предполагалось, что это сооружение было молотильным то-

ком (Виноградов. 2015; 2016; Vinogradov. 2015. P. 159). Однако, как показали определения, находки зерновок состоят почти исключительно из плёнчатой пшеницы-однозернянки – *Triticum monococcum L.* Эта культура на Боспоре, да и в других греческих государствах региона, никогда не выращивалась в сколько-нибудь больших масштабах, и в пищевом рационе боспорян не имела никакого значения. Необычность этого археологического факта требует какого-то иного объяснения. В этом отношении важное значение приобретают три крупные ямы, пробивавшие глинобитную площадку, которые содержали большое количество костных станков животных, в том числе целых скелетов (или их крупных фрагментов) собак, свиней и коров. Ещё одна такая яма располагалась недалеко от площадки, к югу от неё. По этой причине была выдвинута другая интерпретация открываемых объектов – глинобитная площадка на западной окраине Артющенко-1 являлась частью сельского святилища (Виноградов. 2017).

К этому святилищу, по всей видимости, относятся ещё две неглубокие ямы. На дне одной из них, расположенной немного восточней площадки, были найдены четыре человеческих черепа, уложенные крестом по странам света (Виноградов. 2017. С. 330. Рис. 6). Другая яма, открывая на северной границе площадки в 2017 г., содержала костяк мужчины, лежавший на правом боку головой на север. Его можно было бы интерпретировать как захоронение, отличающееся очень сильной степенью скорченности, но не все кости сохранили антропологический порядок. Есть все основания полагать, что эти комплексы тоже относятся к святилищу, в котором вряд ли стоит искать какие-либо эллинские черты.

Позднеримский период (IV в. до н. э.). К постготскому времени относятся три полуземлянки, расположенные компактной группой. Одна из них отличается очень хорошей степенью сохранности (Виноградов. 2011). Она имела четырёхугольную форму, вход был устроен в виде ступенек, кровлю поддерживали деревянные столбы. В углу находилась двухкамерная глинобитная печь. Рядом с печью зафиксирована небольшая зольная куча. При её изучении были обнаружены обгоревшие зерновки злаковых, которые вполне соответствуют классическому для Северного Причерноморья набору, о котором было сказано выше, – голозёрная пшеница и плёнчатый ячмень.

6. Средневековый период (VIII–IX вв.). В западной части памятника существовало поселение, относящееся к салтово-маяцкой культуре (Виноградов. 2002б). При его исследовании были обнаружены как заглублённые в землю строительные комплексы, так и остатки наземного здания. В составе первых выделяются структуры круглой фор-

мы с ямкой для столба в центральной части. Наземное здание изучено частично; его стены были сложены из некрупных камней «в ёлочку». Составляющей частью постройки был двор, посередине которого был врыт большой пифос.

Раскопки Артющенко-1 далеко не закончены, хотя в настоящее время этот памятник становится одним из наиболее хорошо изученных сельских поселений Таманского полуострова. Археологические исследования последних лет были, в основном, сконцентрированы на сельском святилище II–III вв. н. э., расположенном на его западной окраине. Продолжение изучения этого объекта представляется сейчас наиболее перспективным. Здесь могут быть получены новые материалы для понимания своеобразия социально-экономических и этнокультурных процессов, протекавших в южной части Таманского полуострова в первые века н. э.

Литература

- В. Д. Блаватский.* Второй год работы Синдской экспедиции // КСИА. 1953. Вып. 51.
- Ю. А. Виноградов.* Итоги археологического изучения поселения Артющенко I на Таманском полуострове // Третья кубанская археологическая конференция. Тезисы докладов. Краснодар-Анапа, 2001.
- Ю. А. Виноградов.* Архаические комплексы поселения Артющенко I // Таманская старина. СПб., 2002. Вып. 4.
- Ю. А. Виноградов.* Салтово-маяцкие комплексы поселения Артющенко I на Таманском полуострове // Записки Восточного отделения Российского археологического общества. Новая серия. 2002. Т. I (XXVI). С. 73–81.
- Ю. А. Виноградов.* Музыкант из поселения Артющенко I (Бугазское) на Таманском полуострове // Вопросы инструментоведения. СПб., 2004. Вып. 5. Ч. 2.
- Ю. А. Виноградов.* Терракотовые статуэтки поселения Артющенко I // Четвертая Кубанская археологическая конференция. Тезисы и доклады. Краснодар, 2005.
- Ю. А. Виноградов.* Лепная керамика архаического времени с поселения Артющенко I на Таманском полуострове // Записки ИИМК РАН. 2006. № 1.
- Ю. А. Виноградов.* Культурные комплексы поселения Артющенко I на Таманском полуострове // Боспорские чтения. VIII. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Святилища и сакральные объекты. Керчь, 2007.
- Ю. А. Виноградов.* Терракотовые статуэтки с изображением актёра и музыкантов с поселения Артющенко I на Таманском полуострове // Инструментальная музыка в межкультурном пространстве. Проблемы артикуляции. СПб., 2008.
- Ю. А. Виноградов.* Железодельная мастерская на поселении Артющенко I (Таманский полуостров) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Ремесла и промыслы. Боспорские чтения. Керчь, 2010. Вып. XI.

- Ю. А. Виноградов. Комплекс IV в. н. э. на поселении Артющенко I (Таманский полуостров) // Европейская Сарматия. Сборник, посвященный Марку Борисовичу Щукину. СПб., 2011.
- Ю. А. Виноградов. Основные итоги изучения поселения Артющенко I (Таманский полуостров) // Проблемы истории, филологии и культуры. 2013. № 2. С. 233–241.
- Ю. А. Виноградов. Строительные комплексы римского времени на поселении Артющенко I (Таманский полуостров) // III «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Материалы международной археологической конференции. Краснодар, 2013.
- Ю. А. Виноградов. Об открытии молотильного тока на поселении Артющенко – I (Таманский полуостров) // Таврические студии. № 7 (2015). Международная научно-практическая конференция «Археология и история Боспора». К 70-летию Боспорской экспедиции (Пантикапей). 13–14 августа 2015 г. Симферополь, 2015.
- Ю. А. Виноградов. Изучение молотильного тока на поселении Артющенко – I // Таврические студии. Серия: Искусствоведение. 2016. № 10 (24).
- Ю. А. Виноградов. Античное поселение Артющенко – I на Таманском полуострове. Особенности культурного развития в первые века н. э. // Археология и этнография Кавказа и Крыма. Научная конференция, посвященная 80-летию со дня рождения профессора А. В. Гадлю (1937–2002). Тезисы докладов. СПб., 2017.
- Ю. А. Виноградов. Молотильный ток или сельское святилище? К интерпретации объекта, открытого на поселении Артющенко – I (Таманский полуостров) // Ex Ungue Leonem. Сборник статей к 90-летию Льва Самуиловича Клейна. СПб., 2017.
- Ю. А. Виноградов, С. В. Кашаев. Античные поселения Артющенко – I и Артющенко – 2 на Таманском полуострове. К оценке масштабов природного разрушения // БИ. 2016. Вып. 33.
- Ю. А. Виноградов, А. Е. Терещенко. Монеты с поселения Артющенко I на Таманском полуострове // БИ. 2009. Вып. 22.
- И. Т. Кругликова. Сельское хозяйство Боспора. М., 1975.
- А. А. Масленников. Эллинская хора на краю Ойкумены. Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху. М., 1988.
- А. А. Масленников. Античное святилище на Меотиде. М., 2006.
- А. А. Масленников. Сельские святилища европейского Боспора. М., 2007.
- А. А. Масленников. Царская хора Боспора (по материалам раскопок в Крымском Приазовье). Т. I. Архитектурно-строительная и археологическая характеристика памятников // *Supplementum III*. М., 2010.
- А. Н. Новикова. Изображение силена из Артющенко – I // БФ: Сакральный смысл региона, памятников, находок. СПб., 2007.
- Г. А. Пашкевич. Археоботанические исследования Боспора // БИ. 2016. Вып. 32.
- Р. В. Стоянов. Лепная керамика второй половины III – первой половины II вв. до н. э. из раскопок поселения Артющенко I // БИ. 2009. Вып. 22.
- М. Yu. Vakhtina, Yu. A. Vinogradov, V. A. Goroncharovskiy. Cult complexes and objects discovered by the Bosporan expedition of the Institute for History of Material Culture, Russian Academy of Sciences (Saint-Petersburg) // *Ancient Sacral Monuments in the Black Sea*. Thessaloniki, 2010.

- Yu. A. Vinogradov. Excavations at the Settlement of Artyushchenko I (Bugazskoe) on the Taman Peninsula // *Hyperboreus*. 2015. Vol. 21. Fasc. 1.
- Yu. A. Vinogradov, E. Yu. Lebedeva. Excavations at the Classical-Period Settlement of Artyushchenko – 1 (Bugazskoye) on the Taman Peninsula // *Hyperboreus*. 2005. Vol. 11. Fasc. 2.

Я. М. Паромов

Грязевые вулканы в историческом ландшафте Таманского полуострова

Целью данной работы является рассмотрение топографии и характерных особенностей грязевых вулканов Таманского полуострова, степени их активности, соседства и связи с историческим ландшафтом. В настоящее время общий облик полуострова определяют равнины и долины синклинального происхождения и чередующиеся с ними пологие антиклинальные гряды широтного направления, включающие в себя антиклинали отдельных вулканов и вулканических цепей. Следует отметить, что некоторые из этих антиклиналей давно утратили свои характерные внешние признаки. Сегодня на Таманском полуострове известны 34 грязевых вулкана (Рис. 1, 2).

1. *Пекло Азовское (гора Блевака у мыса Пеклы)* (Рис. 1, 1; 2, 1), 2,7 км к СЗ от поселка Кучугуры, берег Азовского моря, циркообразная впадина (отм. 28,0), действующий, находился у античного и средневекового поселения, рядом с древней дорогой, известен целебной грязью (Шнюков и др. 1986. С. 79; Паромов. 1992. С. 211–214).

2. *Блевака у косы Чушка* (Рис. 1, 2; 2, 2). 3,25 км к СВ от паромной переправы, к В от косы, в плавнях, действующий, находился вблизи средневекового поселения (Шнюков и др. 1986. С. 78; Паромов. 2015. С. 141).

3. *Гора Горелая (Куку-Оба)* (Рис. 1, 3; 2, 3). 1,6 км к Ю от посёлка Береговой, 2,8 км к СЗ от поселка Гаркуша, на равнине (отм. вершины 103,8), действующий (извержение 24 февраля 1794 г. с выбросом 1 млн. куб. м сопочного ила и брекчии), находится в окружении доантичных, античных и средневековых поселений, древних дорог и земельных наделов; являлся маяком, святилищем (?) (Паллас. 1883. С. 80–84; Паромов. 1992. С. 165–173, 177–179, 180–182; 2000. С. 315–317).

4. *Фонталовский* (Рис. 1, 4; 2, 4). 1,2 км к ЮЗ от станицы Фонталовской, на пологой складке (отм. 113,7), потухший (курганы на вершине), находился около древних поселений и дорог, источника воды (Шнюков и др. 1986. С. 20. Табл. 1, 46; Паромов. 1992. С. 239–242, 253–258).

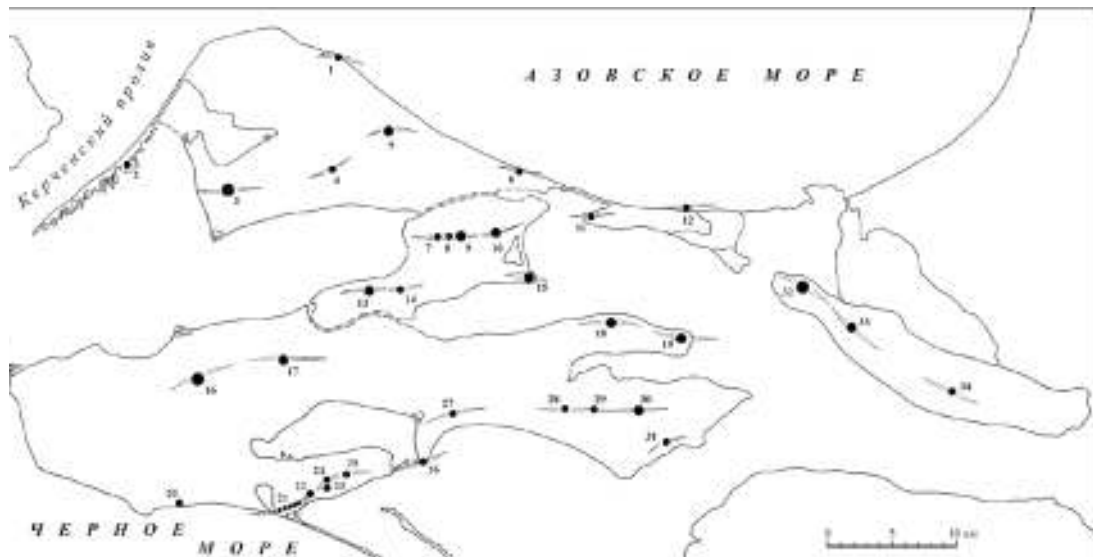

Рис. 1. Грязевые вулканы Таманского полуострова: 1 — Пекло Азовское (гора Блевака у мыса Пеклы); 2 — Блевака у косы Чушка; 3 — Гора Горелая (Куку-Оба); 4 — Фонталовский; 5 — Кучугурский; 6 — Синяя Балка (Тиздар); 7 — Западная Цымбалка (Шумукай, Пучина); 8 — Средняя Цымбалка (Гора Цымбалы); 9 — Восточная Цымбалка; 10 — Ахтанизовская Блевака; 11 — Гора Сопка; 12 — Голубицкий (подводный); 13 — Гора Шапурская (Майская); 14 — Сенной; 15 — Гора Бориса и Глеба; 16 — Караетова Гора; 17 — Гора Чиркова (Васюринская); 18 — Гора Нефтяная (северная); 19 — Дубовый Рынок; 20 — Пекло Черноморское; 21 — Бугазские Грифоны; 22 — Веселовка; 23 — Поливанова Балка (южный); 24 — Поливанова Балка (северный); 25 — Поливадина Гора; 26 — Гора Нефтянка; 27 — Вышестеблиевский; 28 — Гора Малая Нефтяная; 29 — Гора Нефтяная (южная); 30 — Гора Камышеватая; 31 — Хутор Белый; 32 — Гора Мыска; 33 — Гора Гнилая; 34 — Курчанский

5. *Кучугурский* (Рис. 1, 5; 2, 5). 1,8 км к Ю от посёлка Кучугуры, на равнине (отм. вершины 65,3), потухший: курганы эпохи бронзы и античного времени, грунтовый могильник, древняя дорога (Десятчиков, Мирошина. 1988. С. 123; Паромов. 1998. С. 216; 2016. С. 170, 171).

6. *Синяя Балка (Тиздар)* (Рис. 1, 6; 2, 6). У посёлка За Родину, в пологой ложине (отм. 13,0), действующий, находился около раннепалеолитических стоянок, античных и средневековых поселений, у древней дороги, известен целебной грязью (Паллас. 1883. С. 77, 78; Шнюков и др. 1986. С. 82; Паромов. 1992. С. 648–650; 654–656; 1998. С. 218; Кулаков и др. 2005; Сударев и др. 2010).

7. *Западная Цымбалка (Шумукай, Пучина)* (Рис. 1, 7; 2, 7). 2,0 км к В от шоссе Крымск – порт Кавказ, на первой вершине вытянутой гряды (отм. 106,9), действующий, находился у древней дороги и вереницы курганов эпохи бронзы и античного времени (Паллас. 1883. С. 76; Шнюков и др. 1986. С. 82; Паромов. 1998. С. 221).

8. *Средняя Цымбалка (Гора Цымбалы)* (Рис. 1, 8; 2, 8). 0,7 км к В от Западной Цымбалки (№ 7), на второй вершине гряды (отм. 106,2), действующий, находился у древней дороги (Паромов. 1998. С. 221).

9. *Восточная Цымбалка* (Рис. 1, 9; 2, 9). 0,8 км к В от Средней Цымбалки (№ 8), на третьей вершине гряды (отм. 114,2), действующий, находился у древней дороги, курганов и поселений античного и средневекового времени (Шнюков и др. 1986. С. 82; Паромов. 1992. С. 357–359).

10. *Ахтанизовская Блевака* (Рис. 1, 10; 2, 10). 0,45 км к З от станицы Ахтанизовской, серый конус с ровными откосами (отм. вершины 67,6), действующий, находился у античного и средневекового поселения, древней дороги и курганов (Паллас. 1883. С. 76; Паромов. 1992. С. 357–359).

11. *Гора Сопка* (Рис. 1, 11; 2, 11). 3,3 км к В от станицы Ахтанизовской, на западном мысу Голубицкого острова (отм. вершины 50,4), потухший, находился у античных и средневековых поселений, древней дороги и вереницы курганов (Паромов. 1992. С. 665–673; 1998. С. 220).

12. *Голубицкий (подводный)* (Рис. 1, 12; 2, 12). У окраины станицы Голубицкой, 0,3 км к С от Грязелечебного озера, в море, действующий, находился вблизи античного и средневекового поселения, древней дороги и курганов (Паллас. 1883. С. 79; Паромов. 1992. С. 661–665; 1998. С. 218, 219).

13. *Гора Шапурская (Майская)* (Рис. 1, 13; 2, 13). 1,8 км к ЮЗ от посёлка Сенной, на равнине (отм. вершины 59,2), действующий, находился рядом с Фанагорией, у древней дороги (Аллея Курганов), на ближней хоре, на вершине – святилище женских божеств и курган (Марченко. 1963; Паромов. 1992. С. 329–334; 394–397; 1993. С. 123–135; 1998. С. 217).

14. *Сенной* (Рис. 1, 14; 2, 14). 0,8 км к Ю от посёлка Сенной, невысокий холм с курганом на вершине (отм. 47,9), потухший, находился среди поселений, дорог и курганов эпохи бронзы и античного времени (ОАК за 1870–1871. С. XXXVIII; 1878–1879. С. XI; Шнюков и др. 1986. С. 85; Паромов. 1992. С. 312–314, 329–332, 339–344; 1998. С. 220).

15. *Гора Бориса и Глеба* (Рис. 1, 15; 2, 15). 2,7 км к ЮВ от станицы Ахтанизовской, на мысу Рахманова (отм. вершины 65,3), действующий (извержение 1818 г.), находился вблизи двух (античного и средневекового) поселений и древней дороги к храму Артемиды Агротеры на вершине; надписи Ксеноклида и Комосарии (КБН. 1014, 1015; Гёрц. 1898. С. 11–13; Кобылина. 1956. С. 59, 60; Сокольский. 1957; Паромов. 1992. С. 359, 360, 364–367; 1998. С. 221).

16. *Карабетова Гора* (Рис. 1, 16; 2, 16). 2,4 км к ЮВ от станицы Тамань, массивный холм с плоской вершиной (отм. 140,0), действующий (описано извержение 6 августа 1853 г.), находился среди античных (одно на вершине) и средневековых поселений, древних дорог и земельных наделов (верхнее поселение, вероятно, было пастушеским и маячно-сторожевым) (Паллас. 1883. С. 70–72; Гёрц. 1898. С. 101–104; Блаватский. 1955. С. 89–92; 1957. С. 119; Паромов. 1992. С. 434–436, 454–457, 515–518).

17. *Гора Чиркова (Васюринская)* (Рис. 1, 17; 2, 17). 3,5 км к СЗ от посёлка Виноградный, массивный холм с плоской вершиной (отм. 140,0), потухший, с пятью Васюринскими курганами на верхнем плато, в окружении древних поселений, занимает центральное место в ландшафте полуострова (Паллас. 1883. С. 72; Ростовцев. 1914. С. 30–69; Паромов. 1992. С. 526–528, 533–535, 538–545).

18. *Гора Нефтяная (северная)* (Рис. 1, 18; 2, 18). 1,9 км к СВ от станицы Старотитаровской, у Ахтанизовского лимана (отм. вершины 82,1), потухший, находился вблизи поселения и земельных наделов античного времени (Паромов. 1992. С. 616–619).

19. *Дубовый Рынок* (Рис. 1, 19; 2, 19). 6,2 км к В от станицы Старотитаровской, массивный холм с уплощённой вершиной (отм. 76,0), потухший, находился над поймой Кубани, на равнине, размежёванной в античное время (Паллас. 1877. С. 232; Шнюков и др. 1986. С. 21. Табл. 1, 66).

20. *Пекло Черноморское* (Рис. 1, 20; 2, 20). 2,5 км к Ю от посёлка Таманский, на берегу Чёрного моря, в обширном цирке (отм. 15,0–50,0), действующий, находится вблизи поселений эпохи бронзы, античного и средневекового времени, в окружении древних земельных наделов (Андрусов. 1903. С. 327, 332; Паромов. 1992. С. 472–475; 2000. С. 309).

21. *Бугазские Грифоны* (Рис. 1, 21; 2, 21). До 100 мелких сопок, грифонов и газирующих луж, расположенных на протяжении около

2000 м к ЮВ от посёлка Веселовка, вдоль Горького и Бугазского лиманов, у античного поселения, связанного со сбором нефти из сопочного ила (Паллас. 1877. С. 232; Паромов. 1992. С. 508–510; Паромов, Гей. 2005. С. 324–326).

22. *Веселовка* (Рис. 1, 22; 2, 22). 0,15 км к ЮВ от посёлка Веселовка, на берегу Бугазского лимана, грязевой источник (отм. 35,4), вблизи античного поселения (не опубликовано).

23. *Поливанова Балка (южный)* (Рис. 1, 23; 2, 23). 0,7 км к В от посёлка Веселовка, на западном склоне широкого оврага (отм. 48,4), грязевой источник (несколько мелких грифончиков), находился вблизи упомянутого вулкана Веселовка (№ 22), античного поселения (не опубликовано).

24. *Поливанова Балка (северный)* (Рис. 1, 24; 2, 24). 0,85 км к ВСВ от посёлка Веселовка (0,5 км к С от № 23), на восточном склоне широкого оврага (отм. 50,3), группа грифонов с высоким содержанием нефти в сопочном иле, вблизи от античного поселения, упомянутого с № 22, 23 (Шнюков и др. 1986. С. 21. Табл. 1, 68).

25. *Поливадина Гора* (Рис. 1, 25; 2, 25). 2,6 км к ВСВ от посёлка Веселовка, на берегу Кизилташского лимана, несколько источников сопочного ила на восточном склоне горы (отм. 88,8–89,1), вблизи курганов эпохи бронзы, античных и средневековых поселений, древних земельных наделов (Шнюков и др. 1986. С. 21. Табл. 1, 69; Паромов. 1992. С. 501–505; Волков. 1998. С. 52, 60).

26. *Гора Нефтянка* (Рис. 1, 26; 2, 26). 3,85 км к Ю от станицы Вышестеблиевской, на мысу между лиманами Цокур и Кизилташский (отм. 35,5), потухший, вблизи античных и средневековых поселений, курганов и древних земельных наделов (Шнюков и др. 1986. С. 21. Табл. 1, 70; Паромов. 1992. С. 575–581).

27. *Вышестеблиевский* (Рис. 1, 27; 2, 27). 2,5 км к ВЮВ от станицы Вышестеблиевской, на равнине (отм. 45,7), потухший, находился вблизи курганов эпохи бронзы, среди античных поселений, древних дорог и земельных наделов (Шнюков и др. 1986. С. 21. Табл. 1, 71; Паромов. 1992. С. 566–568; 1998. С. 222; Паромов, Гей. 2005. С. 11, 12).

28. *Гора Малая Нефтяная* (Рис. 1, 28; 2, 28). 1 км к Ю от станицы Старотитаровский, пологое возвышение с уплощённой вершиной (отм. 36,9), действующий, у древней дороги и земельных наделов (Паромов. 1998. С. 218; 2000. С. 309).

29. *Гора Нефтяная (южная)* (Рис. 1, 29; 2, 29). 1,7 км к ВЮВ от станицы Старотитаровской, обширное пологое возвышение с раздвоенной вершиной (отм. 74,2; 75,2), действующий, у древней дороги и земельных наделов (Паромов. 1998. С. 221; 2000. С. 309, 310).

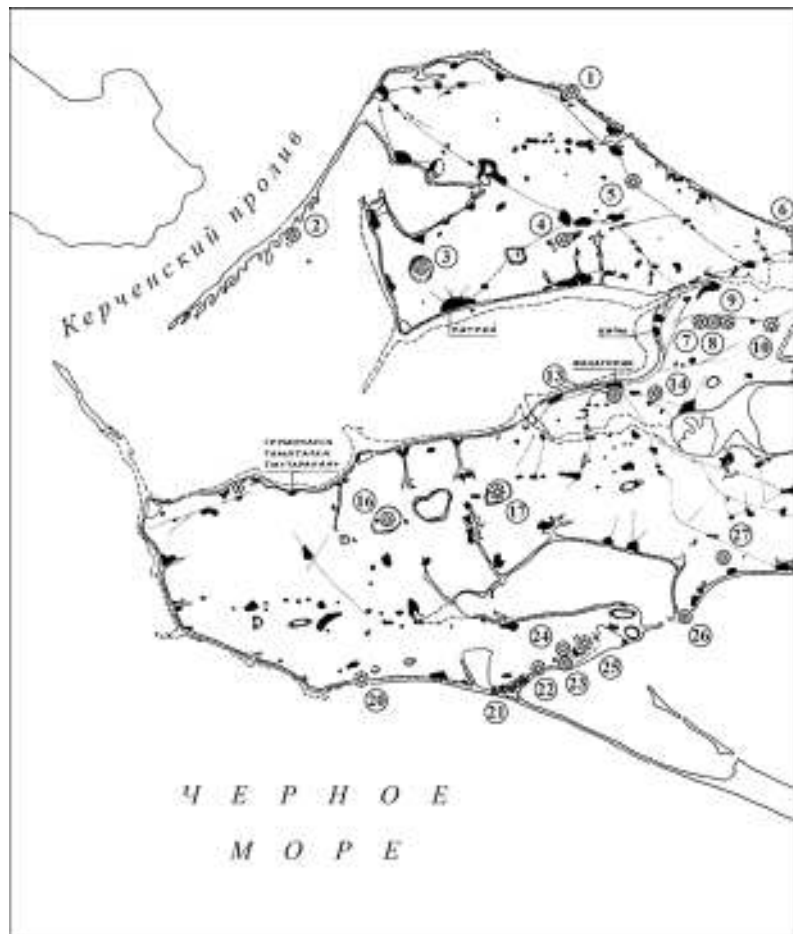

Рис. 2. Грязевые вулканы, древние поселения и дороги Таманского полуострова.
 Вулканы: 1 — Пекло Азовское (гора Блевака у мыса Пеклы); 2 — Блевака у косы Чушка; 3 — Гора Горелая (Куку-Оба); 4 — Фонталовский; 5 — Кучугурский; 6 — Синяя Балка (Тиздар); 7 — Западная Цымбалка (Шумукай, Пучина); 8 — Средняя Цымбалка (Гора Цымбалы); 9 — Восточная Цымбалка; 10 — Ахтанизовская Блевака; 11 — Гора Сопка; 12 — Голубицкий (подводный); 13 — Гора Шапурская (Майская); 14 — Сенной; 15 — Гора Бориса и Глеба; 16 — Карabetова Гора; 17 — Гора Чиркова (Васюринская);

30. *Гора Камышеватая* (Рис. 1, 30; 2, 30). 4,75 км к ВЮВ от станицы Старотитаровской (отм. вершины 116,8), потухший, находился в окружении древних дорог и земельных наделов, доминировал в ландшафте (Паромов. 1998. С. 218, 221; 2000. С. 309, 310).

18 — Гора Нефтяная (северная); 19 — Дубовый Рынок; 20 — Пекло Черноморское; 21 — Бугазские Грифоны; 22 — Веселовка; 23 — Поливанова Балка (южный); 24 — Поливанова Балка (северный); 25 — Поливадина Гора; 26 — Гора Нефтянка; 27 — Вышестеблиевский; 28 — Гора Малая Нефтяная; 29 — Гора Нефтяная (южная); 30 — Гора Камышеватая; 31 — Хутор Белый; 32 — Гора Мыска; 33 — Гора Гнилая; 34 — Курчанский. *Обозначения:* а — древние поселения; б — линия современного берега; в — линия древнего берега; г — древние дороги; д — грязевые вулканы

31. *Хутор Белый* (Рис. 1, 31; 2, 31), в районе посёлка Белый или на его территории, входит в число рассматриваемых условно, описание отсутствует, местонахождение не указано (Шнюков и др. 1986. С. 21. Табл. 1, 74).

32. *Гора Мыска* (Рис. 1, 32; 2, 32). На территории Темрюка («Военная Горка», отм. вершины 72,1), действующий, по подошве и южному склону проходила древнейшая дорога (Паромов. 1998. С. 217, 218).

33. *Гора Гнилая* (Рис. 1, 33; 2, 33). 2,5 км к ЮВ от окраины Темрюка, низкий обширный холм с плоской вершиной (отм. 33,0), действующий, находился вблизи древних дорог, «придорожных» курганов и античного поселения (Паромов. 1992. С. 681–683; 1998. С. 217, 218; Паромов, Гей. 2005. С. 326, 327).

34. *Курчанский* (Рис. 1, 34; 2, 34). 1,8 км к ЮЮЗ от станицы Курчанской, на пологой складке широтного направления (отм. 117,7), потухший, вблизи древней дороги и ряда «придорожных» курганов эпохи бронзы и античного времени (ОАК за 1880. С. VI, VII; Паромов. 1998. С. 217, 218).

Большинство таманских грязевых вулканов (22 из 34) имеют вид массивных холмов (в просторечии – гор), сложенных брекчией и сопочным илом, 22 из них относятся к категории действующих. По количеству действующих вулканов вдвое больше, чем угасших. Среди них присутствуют два типа активности: «взрывной» и «перманентный», протекающий в условиях динамического равновесия между вулканом и окружающей средой. Если среди действующих «взрывных» вулканов только шесть (№ 3, 7, 12, 15, 16, 32), то «перманентных» – девятнадцать (№ 1, 2, 6–10, 13, 16, 20–25, 28, 29, 32, 33); к той и другой группе относятся три (№ 7, 16, 32). Максимальная вулканическая активность на Таманском полуострове приходилась на период около 15–8 млн. лет назад. Затухание вулканической деятельности позволяет предположить, что за историческое время (несколько последних тысячелетий) грязевые вулканы Таманского полуострова практически не изменились. Об этом свидетельствуют курганные могильники, возникшие в эпоху бронзы на некоторых вулканах (№ 5, 7, 11, 13, 17, 34) и первые следы передвижений – ещё не дороги, но повторяющиеся пути родовых кочевий, проходившие вблизи вулканов или по их склонам и уплощенным вершинам (№ 1, 3, 9, 10, 14, 27, 30, 33).

С появлением античной системы расселения, включавшей около 10 городов, более 200 сельских поселений, сеть дорог и межевание более половины (около 60%) территории, ландшафт Таманского полуострова с полным правом может характеризоваться как антропогенный. В этих условиях вулканы как бы приблизились к сфере человеческой деятельности. Четыре вулкана (№ 1, 6, 16, 21) были связаны с античными поселениями территориально, двадцать один вулкан находился вблизи одного – двух или в окружении нескольких поселений (№ 3–5, 9–15, 17, 18, 20, 22–27, 33, 34). Древние дороги проходили по склонам или подошвам восьми действующих и потухших вулканов (№ 1, 5, 7,

13, 14, 32–34), а также вблизи двенадцати грязевых вулканов (№ 3, 6, 8–12, 16, 27–30), частично повторяя дороги эпохи бронзы, а частично являясь новыми путями, о чём свидетельствуют захоронения в «придорожных» курганах. Земельные наделы подступали вплотную или целиком окружали 28 вулканов (№ 1, 3, 5–11, 13, 14, 16–31, 33), островами возвышавшихся над возделанной равниной. Особое значение имели грязевые вулканы, связанные со святилищами и храмами (№ 3, 6, 13, 15, 17), служившие маяками и дозорными площадками (№ 3, 15, 16, 17, 19, 32), грязелечебницами (№ 1, 6, 12, 21, 33), источниками «земляного масла» и «земляной смолы» – нефти, гудрона, сопутствующих нефти материалов, моющих и других хозяйственных средств (№ 16, 18, 20–24, 26, 28, 29). Некоторые вулканы имели или исполняли не одну функцию.

Таким образом, в историческое время грязевые вулканы Таманского полуострова не представляли какой-либо угрозы для жизни и деятельности человека. Напротив – они органически входили в неё, оставаясь при этом неотъемлемой частью таманского ландшафта.

Литература

- Н. И. Андрусов.* Геологические исследования на Таманском полуострове // *Материалы для Геологии России.* СПб., 1903. Т. XXI.
- В. Д. Блаватский.* Третий год работ в Синдике // *КСИИМК.* 1955. Вып. 58.
- В. Д. Блаватский.* Четвёртый год раскопок в Синдике // *КСИИМК.* 1957. Вып. 70.
- И. В. Волков.* Таманские острова в «Книге путешествия» Эвлии Челеби // *Древности Кубани.* Краснодар, 1998. Вып. 15.
- К. К. Гёри.* Исторический обзор археологических исследований и открытий на Таманском полуострове с конца XVIII столетия до 1859 г. // *Собрание сочинений.* СПб., тип. Императорской Академии наук, 1898. Вып. 2.
- Ю. М. Десятчиков, Т. В. Мирошина.* Работы Таманской экспедиции // *АО 1986.* М., Наука, 1988.
- М. М. Кобылина.* Фанагория // *МИА.* 1956. № 57.
- С. А. Кулаков, В. Е. Щелинский, В. В. Цыбрий.* Исследование раннепалеолитической стоянки Богатыри (Таманский полуостров) // *АО 2004.* М., Наука, 2005.
- И. Д. Марченко.* Некоторые итоги раскопок на Майской горе // *КСИА.* 1963. Вып. 95.
- ОАК за 1870–1871 гг.* СПб., 1874.
- ОАК за 1878–1879 гг.* СПб., 1881.
- ОАК за 1880 г.* СПб., 1882.
- П. С. Паллас.* Разные замечания, касательные до острова Тамана // *ЗООИД.* 1877. Т. X.
- П. С. Паллас.* Поездка во внутренность Крыма, вдоль Керченского полуострова и на остров Тамань // *ЗООИД.* 1883. Т. XIII.
- Я. М. Паромов.* Археологическая карта Таманского полуострова. М., 1992 (Депонирована в ИНИОН РАН № 47103 от 1.10.1992 г.).
- Я. М. Паромов.* Археолого-топографический план Фанагории // *БС.* 1993. Вып. 2.

- Я. М. Паромов.* Главные дороги Таманского полуострова в античное время // ДБ. 1998. Т. 1.
- Я. М. Паромов.* О земельных наделах античного времени на Таманском полуострове // АВ. 2000. № 7.
- Я. М. Паромов.* Краеугольный камень Таманской палеогеографии // КСИА. 2015. Вып. 241.
- Я. М. Паромов.* Сырцовые гробницы V–IV вв. до н. э. в курганах Азиатского Боспора // Элита Боспора и Боспорская элитарная культура. Материалы международного Круглого стола (Санкт-Петербург, 22–25 ноября 2016 г.). СПб., ПАЛАЦЦО, 2016.
- Я. М. Паромов, А. Н. Гей.* Памятники эпохи камня и бронзы на Таманском полуострове // ДБ. 2005. Т. 8.
- М. И. Ростовцев.* Античная декоративная живопись на юге России. СПб., Издание Императорской Археологической комиссии, 1914. Т. 1.
- Н. И. Сокольский.* Находки на вершине горы Бориса и Глеба на Таманском полуострове // СА. 1957. № 1.
- Н. И. Сударев, В. А. Жуков, Т. Н. Бакунова.* Исследования Восточно-Боспорской археологической экспедиции ИА РАН и Фонда Археология на Таманском полуострове в 2009 г. (Предварительные данные) // СΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия. Москва — Киев, Сити-Принт, 2010. Вып. 1.
- Е. Ф. Шнюков, Ю. В. Соболевский, Г. И. Гнатенко, П. И. Науменко, В. А. Кутний.* Грязевые вулканы Керченско-Таманской области: Атлас. Киев, Наукова думка, 1986.

Hans Mommsen, Udo Schlotzhauer, Denis Zhuravlev

Determining the Provenance of Archaic Pottery Imports from the Settlement Golubitskaya 2 on the Taman' Peninsula

Within the framework of the Bosporean Archaeological Expedition on the Taman' peninsula, a Russian-German cooperation between the State Historical Museum and the Eurasia Department of the German Archaeological Institut, scientific provenance studies were carried out on selected pottery from the ancient settlement of Golubickaya 2 (some results have already been presented in previous publications, see Attula et. al. 2014; Моммзен и др. 2016.). Clay samples were analyzed with the method of neutron activation analysis¹ in the laboratory of the Helmholtz-Institut für Strahlen- und Kernphysik at the University of Bonn (URL: <http://mommsen.hiskp.uni-bonn.de/>) with the aim of detecting both imports and local productions in the North Pontus. The complete results from all

¹ . About the methods see: Mommsen, in: Akurgal et al. 2002. P. 11–24.

samples will soon be presented in a more comprehensive publication, but in the meantime the present article offers a preview of some important results.

In total, samples were taken from 60 clay pottery sherds, loom weights, roof tiles and terracotta figures as well as 4 probable wasters, all of which had been found during the excavations in Golubickaya 2, plus 1 sample from a probable clay bed on the outskirts of the settlement (on the supposed clay pit: Журавлёв, Фирсов. 2016). Results revealed that in addition to many local products there are also numerous imports among the pottery from Golubickaya 2. As might be expected, many of the archaic imports come from well-known production centers in the Eastern Aegean, especially Aeolis and Ionia (Fig. 1). Thus, the NAA results from Golubickaya 2 do not differ fundamentally from provenance analyses of material from other Greek settlements in the northeast of the Black Sea (see, for example, investigations at Berezan and Olbia: Fornasier et al. 2017. P. 48–55; Kerschner et al. 2006; Posamentir, Solovyov. 2006; Posamentir, Solovyov. 2007). However, there are some results that to our knowledge to date have not been observed anywhere else.

Import from Attica. An example of an import from Attica, so far unique in Golubickaya 2, is the fragment of a plain household lekane (Fig. 2, 2). The rim is vaguely reminiscent of East Greek lekanai or large bowls, which is why the piece was at first suspected to be an import from a pottery workshop in the Eastern Aegean. However, the scientific provenance study in the Bonn laboratory clearly attributes the piece to chemical group KrPP (Fig. 1). KrPP is a well-defined chemical group that represents workshops securely located in Athens². In terms of shape and decoration, too, the fragment can be compared with Athenian lekanai dating to around 575 to about 500 BC (Sparkes, Talcott. 1970. cat.-no. 1751 P. 212; 360 Pl. 82; cat.-no. 1783 P. 213; 361; Pl. 83). Its description matches that given for Attic examples of around 575 to 525 BC: «Inside, there is a solid but not lustrous glaze; the basin outside is carefully surfaced, often with dilute wash, and the glaze, which appears on the rim, handles and foot and for a band or bands around the wall, may have considerable sheen» (Sparkes, Talcott. 1970, P. 212). Although the shape of the rim is very close to examples dated around 520 to 480 BC (Sparkes, Talcott. 1970. cat.-no. 1786 P. 361. Pl. 83. Fig. 15, 23; cat.-no. 1787. P. 213; 361; Pl. 83. Fig. 15), the straight wall, the decoration and the fabric all indicate an earlier production.

Import from Laconia. Another fragment has the characteristic rim of a cup with everted rim (Fig. 2, 1). However, the fabric does not even remotely recall the East Aegean. It is neither a South Ionian nor any known East Doric fabric, and neither the gray clay nor the peculiar black glaze can

² On KrPP see most recently with further references: Mommsen, Bentz, Boix. 2015. P. 376–378.

Fig. 1

Fig. 1. Pottery from Golubitskaya 2. 1 – Laconian provenance; 2 – Attic provenance.

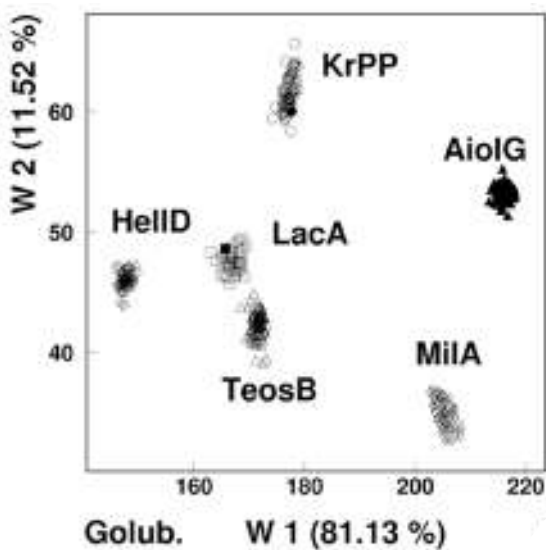

Fig. 2. Result of a discriminant analysis of 412 samples, corrected for dilution with respect to their average grouping values, assuming 6 clusters [KrPP (72 samples, Attica), AiolG (79, Aiolis), HelID (52, Hellespont workshops, Troad), LacA (46, Laconia), MilA (63, Kalabaktepe workshops, Miletos), and TeosB (96, Teos)] using 26 elements (Ca Ce Co Cr Cs Eu Fe Hf La Lu Nd Ni Rb Sb Sc Sm Ta Tb Th U Yb Ga K W Zn Zr). Plotted are the discriminant functions W1 and W2, which cover 81.1% and 11.5% of the between-group variance. The ellipses drawn are the 2σ boundaries of the groups. The 2 samples from Golubitskaya 2 are shown as filled symbols in groups LacA (Golu 56) and KrPP (Golu 40)

be compared with products from these regions. Cups with everted rim are, of course, also known from other Greek regions, such as from Attica, or as local imitations of East Greek shapes in the areas of the Hellespont or Sicily. But the cups from these production centers differ significantly in their fabric from our cup from Golubickaja 2. A scientific provenance study thus seemed to offer the best route for determining the origin of this vessel. In fact, in the Bonn database our cup could be assigned to an already known and localized chemical group, LacA (Fig. 1)³. LacA is again a chemically well-defined group with currently 46 members. Their localization in the region of Laconia in the Peloponnese could be ascertained due to samples from a local clay bed close to the Menelaion in Sparta. The well-known Lakonian black-glazed and black-figured cups with everted rim, however, can only roughly be compared with our black-glazed cup from Golubickaja 2, which is probably a «flat-based» cup (most similar among the «flat-based cups» or «cups with low base-moulding» in shape and decoration are: Stibbe. 1994. P. 67–68; 175–176 cat.-nos. E10.15–16 (575–550 BC); Boardman, Hayes. 1966. P. 89; 93 fig. 45, 1007.1016; 94 cat.-no. 1007; 95 cat.-no. 1016 pl. 69 (mid-6th century BC). Some of these cups have also been found in Menelaion in Sparta). Nevertheless, the overall morphology of the fragment from Golubickaya 2 points to the period between 570 and 530 BC.

Import routes of coarse ware and simply decorated pottery. The existence of imports of unpainted or simply decorated pottery or household goods in archaic times in a small settlement on the Cimmerian Bosphorus raises new questions. With whom and how did these objects come here, and why?

Attic and Laconian imports are not uncommon in the Northern Pontus and also in the Cimmerian Bosphorus by the second half of the 6th century BC. Attic products occasionally found their way to the Cimmerian Bosphorus already in the first half of the 6th century BC. (among the earliest Attic finds in the Cimmerian Bosphorus in Pantikapaion: Camap. 2017a. P. 165–198, esp. P. 179 cat.-n. 1.-4) Up to now, though, known examples exclusively consisted of amphoras (eg. SOS amphoras) or painted symposium ware (the earliest are from Pantikapaion: a jug by the Gorgo Painter and a bowl by the KX Painter). In the second half of the 6th century BC, the number of Athenian imports increased, first of painted black-figure pottery and later also of black-glazed wares. Lekanai of household fabric, such as our vessel from Golubickaya 2 (Fig. 2, 2), are an exception. The situation is similar regarding imports from Laconia. They appear as early as Attic imports,

³ The chemical group LacA has not yet been published with all the evidence, but see for now: Jung, Mommsen, Paciarelli. 2015. P. 458 tab. 1 no. Zamb 41; 459; 461 tab. LacA; Forsen, Mommsen, Shriner. 2017. P. 95. Sample no. 31; 98 with footnote 30.

in the first quarter of the 6th century BC, in the northern Pontus and also on the Cimmerian Bosphorus (especially cups and craters) (Самар. 2017b. P. 163 cat.-no. 1–5). In Golubickaya 2, however, our cup with everted rim (Fig. 2, 1) is the first example of a Laconian import.

It is therefore clear that the two vessels from Golubickaya 2 will most likely have followed the same routes as the other well-known imports of transport amphorae and fine symposium ware from Attic and Laconian workshops. What is new, however, is that we now know that also coarse household ware and simple Laconian black-glazed cups reached the Cimmerian Bosphorus. While Attic imports are attested in Golubickaya 2 no later than the middle of the 6th century BC, the Laconian cup represents the first evidence of an import from Sparta. The find contexts in Golubickaya 2 do not reveal whether these imports of common ware were used in a profane or sacred context, so this important question has to remain open for the time being.

However, if in future one wants to use imported ceramics as an indicator of trade, or more generally as evidence for links with pottery production places, commercial networks or patterns of local use at the point of importation, the results from Golubitskaya 2 show that one will increasingly have to consider not just easy to recognize or high quality amphorae, black-figured or black-glazed vessels, but also household goods, coarse wares and simply decorated pottery.

Литература

- Д. В. Журавлёв, К. Б. Фирсов. Котлован для добычи глины на поселении Голубицкая 2 // Древние эллины между Понтом Эвксинским и Меотидой. К 10-летию Боспорской археологической экспедиции / Сост., науч. ред. Д. В. Журавлёв, У. Шлотцауер. М., Исторический музей, 2016.
- Г. Моммзен, Д. Журавлёв, У. Шлотцауер. Археометрические исследования происхождения керамики // Древние эллины между Понтом Эвксинским и Меотидой. К 10-летию Боспорской археологической экспедиции. Сборник статей / Сост., науч. ред. Д. В. Журавлёв, У. Шлотцауер. М., Исторический музей. 2016.
- О. Ю. Самар. Аттическая расписная керамика архаического периода из раскопок Пантикапей 1945–2017 гг. // В. П. Толстиков, Н. С. Асташова, Г. А. Ломтадзе, О. Ю. Самар, О. В. Тугушева. Древнейший Пантикапей. От апойкии — к городу. М., ООО «Издательство “Перо”», 2017.
- О. Ю. Самар. Каталог лаконской и близкой к ней расписной керамики // В. П. Толстиков, Н. С. Асташова, Г. А. Ломтадзе, О. Ю. Самар, О. В. Тугушева. Древнейший Пантикапей. От апойкии — к городу. М., ООО «Издательство “Перо”», 2017.

- B. П. Толстиков, Н. С. Асташова, Г. А. Ломтадзе, О. Ю. Самар, О. В. Тугушева.* Древнейший Пантикапей. От апойкии — к городу. М., ООО «Издательство “Перо”», 2017.
- M. Akurgal, M. Kerschner, H. Mommsen, W.-D. Niemeier.* Töpferzentren der Ostägäis. Archäometrische und archäologische Untersuchungen zur mykenischen, geometrischen und archaischen Keramik aus Fundorten in Westkleinasien. Wien: Österreichisches Archäologisches Institut Wien, 2002.
- R. Attula, O. Dally, S. Huy, P. Larenok, H. Mommsen, U. Schlotzhauer, D. Zhuravlev.* Lokale Töpferwerkstätten am Nordpontos — Archäologische und archäometrische Untersuchungen zur Herkunftszuweisung der Keramikzeugnisse aus der Don-Region und am Kimmerischen Bosphoros // Phanagoreia und darüber hinaus... Festschrift für Vladimir Kuznetsov. Altertümer Phanagoreias / Hrsg. Nikolai Povalahev. Göttingen: Cuvillier Verlag, 2014. Bd. 3.
- J. Boardman, J. Hayes.* Tocra. The Archaic Deposits. 1. 1966. Oxford. Thames and Hudson.
- R. Jung, H. Mommsen, M. Paciarelli.* From West to West: Determining production regions of Mycenaean pottery of Punta di Zambrone (Calabria, Italy) // Journal Archaeological Science Reports 3. 2015.
- J. Fornasier, A. V. Bujskich, A. G. Kuz'miščev, A. Patzelt, M. Helfert, N. Kratzsch.* Vor den Toren der Stadt: Deutsch-ukrainische Forschungen in der Vorstadt von Olbia Pontike // Archäologischer Anzeiger. 2017.
- J. Forsen, H. Mommsen, C. Shriner.* Some preliminary remarks concerning a Neutron Activation Analysis (NAA) study and a fabric correlation of ceramic samples from Asea in Arcadia, Greece // Speira, a Festschrift in honor of K. Zachos and A. Douzougli, Athens: Publication of the Archaeological Resources and Discharge Fund. 2017. P. 91–108.
- M. Kerschner.* Zur Herkunftsbestimmung archaischer ostgriechischer Keramik: die Funde aus Berezan im Akademischen Kunstmuseum der Universität Bonn und im Robertinum der Universität Halle-Wittenberg // Istanbulier Mitteilungen. 56. 2006.
- H. Mommsen, M. Kerschner, R. Posamentir.* Provenance determination of 111 pottery samples from Berezan by neutron activation analysis // Istanbulier Mitteilungen 56, 2006.
- H. Mommsen, M. Bentz, A. Boix.* Provenance of red-figured pottery of the Classical period excavated at Olympia // Archaeometry 58. 2016.
- R. Posamentir, S. Solovyov.* Zur Herkunftsbestimmung archaisch — ostgriechischer Keramik: die Funde aus Berezan in der Eremitage von St. Petersburg // Istanbulier Mitteilungen 56, 2006.
- R. Posamentir, S. Solovyov.* Zur Herkunftsbestimmung archaisch-ionischer Keramik: die Funde aus Berezan in der Eremitage von St. Petersburg II // Istanbulier Mitteilungen. 57. 2007.
- B. A. Sparkes, L. Talcott.* Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th Centuries B. C. // The Athenian Agora. 1970. Vol. XII.
- C. M. Stibbe.* Laconian drinking vessels and other open shapes // Laconian Black-Glazed Pottery. Part 2. Amsterdam: Allard Pierson Museum. 1994.

Н. В. Завойкина

Список пожертвований с упоминанием Фанагора третьей четверти VI в. до н. э. из Фанагории¹

Не так давно было поставлено под сомнение существование теосца Фанагора, ойкиста-эпонима Фанагории (Суриков. 2012. С. 440–469). В частности, были высказаны сомнения в достоверности сведений Гекатея Милетского и предполагается, что имя *Φαναγόρης* принадлежит не реальному человеку, а восходит к неизвестному эпитету Аполлона. Это предположение вызвало критику и не нашло поддержки (Charalampakis. 2013. С. 180–189; Кузнецов. 2016. С. 251–252; Яйленко. 2016. С. 576–577). Можно заключить, что веским аргументом в пользу появления подобной версии послужило отсутствие каких-либо подтверждений свидетельств античных авторов среди материалов археологических раскопок и среди эпиграфических памятников. Настоящая публикация позволяет еще сильнее усомниться в ее правомерности.

В ходе археологических исследований Верхнего города Фанагории в 2004 г. была найдена стенка амфоры с двумя красными полосами, Хиос, вторая половина VI в. до н. э. (Монахов. 2003. С. 15–17, 233, табл. 3)². На внешней стороне остракона процарапано трехстрочное граффито (Рис. 1)³. Высота букв – 0,7–1,0 см; расстояние между буквами – 0,4–0,7 см. Палеография граффито близка по особенностям начертания букв надписям 3-й четверти 6 в. до н. э. из Пантикапея, прежде всего, это votивная надпись Сона, посвящение Афродите, владельческая надпись Минниды (Агафонов. 2017а. С. 206–207, № 45, 46; Агафонов. 2017б. С. 268, № 132).

В последней строке у *эты* перед концевой *сигмой* выбоина уничтожила большую часть центральной перекладины. Строки граффито расположены неровно, буквы несколько различаются по высоте и харак-

¹ Граффито хранится в фондах ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник «Фанагория», ФМ – КП 10/1 А 1500 918030. В публикации кратко излагаются результаты изучения граффито с упоминанием Фанагора. Подробный историко-филологический комментарий будет опубликован в отдельной статье.

² Фотография этого остракона с трехстрочной надписью была издана (Завойкина. 2015. С. 132–133; Завойкина. 2017. С. 209. № 48). Исторический и эпиграфический анализ надписи мной не публиковался; заметки ограничивались замечанием, что это самое раннее фанагорийское граффито с упоминанием Фанагора (Завойкина. 2016. С. 42. № 1; Завойкина 2017. С. 209. № 48). Предполагалось чтение 1 стк.: *Φαναγ<δ>ρ<α>*. В настоящей публикации предлагается иная интерпретация.

³ Вертикальная линия между 2-й и 3-й строками, в качестве продолжения левой галги *эты*, является результатом того, что «стилос» писавшего соскользнул на неровной поверхности черепка. В пользу этого говорит расположение этой черты на одной линии с вертикальной чертой 4-го знака во 2 стк. через небольшой промежуток с заметной неглубокой линией между ними.

теру начертания. Однако эти детали не дают оснований предполагать, что строки написаны разными людьми. Следует учитывать выпуклость стенки амфоры (остракон происходит из верхней части тулова сосуда, около его плеча) и, соответственно, некоторую трудность при процарапывании надписи, которая была сделана, по всей видимости, «на коленке». Необходимо принимать во внимание практически одинаковую высоту букв, близость межбуквенных интервалов, идентичность начертания *эты* и *сигмы* во 2 и 3-й строках, «хвостатой» *ро* в 1 и 3 строках. Подобные совпадения исключают предположение о разных авторах.

Граффито:

ΙΦΑΝΑΓΡ

ΕΙ<ΗΙΣΣ

ΙςΗΡΗΣ

Первая строка начинается с вертикальной черты, далее читается лексема ΦΑΝΑΓΡ. Аналогичным образом начинается и третья строка: вертикальная черта, затем небольшой полуовал, далее лексема ΗΡΗΣ. В древнегреческих надписях вертикальная черта обозначает обол или цифру 10 в алфавитной системе счета. Отправной точкой для понимания структуры и содержания нового граффито служит 3 стк. Здесь вычитывается Ἡρης, gen. sing. ионийской формы имени богини Геры (ион. Ἡρη = атт. Ἡρα). Форма Ἡρη неоднократно встречена у Гомера (II. I. 55, 195, 208, 400, 519, 523, 536; II. 15, 32, 69 etc.), в календаре жертвоприношений 525/500 гг. до н. э. из Милета (Sokolowski 1955, № 41.6), в декрете из Приены 365/335 гг. до н. э. (IPriene 139.8). Культ Геры был близок ионийцам, колонизировавшим северные берега Понта Эвксинского (Hdt. I, 142). На Боспоре культ Геры отмечается по эпиграфическим данным не ранее IV в. до н. э. (Яйленко. 1995. С. 257–259. Рис. 15, надпись П; Цветаева. 1986. С. 215. № 1). Перед Ἡρης вырезаны вертикальная черта и полуовал – Ις. Знак маленького полуовала обычно использовался в надписях для обозначения гемиобол. Можно предложить две интерпретации 3 стк.: 1) десять за гемиобол для Геры; 2) обол и гемиобол для Геры.

Принято мнение, что в ценовых граффити первая буква, как правило, обозначает количество сосудов (или штучного товара), а далее следует их цена (Johnston. 1974. P. 149; Яйленко. 1980а. С. 95. № 48), поэтому был предложен первый вариант перевода. Против интерпретации «десять за гемиобол для Геры» выступают приведенные ниже аналогии и чтение 1 и 2 строк граффито⁴.

⁴ См. ниже.

В лапидарных надписях эллинистического времени зафиксирована традиция расположения цифр ионийской системы счета после денежных знаков (IG 12, Suppl. 556; SEG 12. 473). С другой стороны, среди граффити V–IV вв. до н. э. из Пантикалея известна группа надписей, в которых ионийские цифры вырезаны перед денежными знаками (Яйленко. 2010. С. 102–103). Эти граффити поддерживают вторую версию перевода.

Итак, отдаем предпочтение переводу 3 стк.: Ις Ἦρης как «обол и гемиибол для Геры». Отмеченные номиналы не известны в денежной системе Боспора второй половины VI в. до н. э. Учитывая сакральную природу фанагорийского граффито, необходимо отметить, что любой житель полиса или приезжий мог делать приношения в любой монетной системе. Скорее всего, в граффито должны подразумеваться привозные оболы, которые были выпущены одним из полисов восточного Средиземноморья в VI до н. э., монетные системы которых базировали на серебре (Зограф 1951. С. 42–47).

В 1 стк. граффито обращает внимание, что его автор в лексеме ΦΑΝΑΓΡ использовал «хвостатую» *rho*. Она процарапана в конце 1 стк. и в середине 3 стк. Такой формы *rho* известна в архаическое время в алфавитах разных полисов. В частности, она встречается в надписях с островов Наксоса, Делоса, Пароса и колонии последнего – Фасоса (Jeffery. 1990. P. 28. Pl. 56, fig. 35; Pl. 57. Fig. 70). Учитывая структуру 3 стк., полагаем, что лексема ΦΑΝΑΓΡ является сокращенным вариантом ЛИ Φαναγόρης, в котором пропущены ударный *микрон* и падежное окончание. Отдаем предпочтение чтению ионийской форме gen. sing. Φαναγ<ό>ρ (εω⁵), поскольку в 3 стк. имя богини Геры вырезано в таком же падеже (Ἦρης). В то же время нельзя исключать и чтение Φαναγ<ό>ρ (ης), поскольку во 2 стк. эпитет Аполлона стоит в nom. sing. (см. ниже).

Пропуск ударных и безударных гласных – явление, которое нередко встречает в лапидарных надписях и граффити VI–V вв. до н. э. (Jeffery. 1990. P. 209. Pl. 40. Fig. 3; Guarducci. 1970. P. 120; Русяева. 2010. С. 47. № 10). Сокращение антропонимов в надписях на керамике и монетах явление достаточно распространенное в позднеархаическом и классическом периодах (Яйленко. 1980б. С. 97. № 106; Русяева. 2010. С. 107. № 6; Babelon. 1907. P. 1203–1210. Pl. 56; Head. 1911. P. 253; Карышковский. 1988. С. 42–48).

⁵ Об окончании -εω в gen. sing. мужских имён на -ης см., например: Thumb 1909. S. 350. Подобное явление встречено в письме Апатурия из Ольвии Понтийской конца VI в. до н. э. (1 и 9 стк.) (SEG XLVIII 102). В Фанагории оно отмечается в посвящении КБН 971, второй половины IV в. до н. э. (патронимик Φαναγόρεω) и некоторых других надписях.

Рис. 1. Граффито на стенке амфоры. Прорисовка

Перед $\Phi\alpha\nu\alpha\gamma\langle\acute{o}\rangle\rho(\epsilon\omega)$ процарапана вертикальная черта. Предположение, что она обозначает цифру 10, сталкивается с необходимостью объяснить, что подразумевает цифра 10, после которой следует личное имя. Это сделать невозможно. Кроме того, против такой версии выступает наличие денежного знака в 3-й строке граффито: после цифры в ионийской системе счета, но перед именем Геры. Такой характер расположения четко фиксирует логику построения записи в строках. Отдаем предпочтение интерпретации, что вертикальная черта в начале 1-й строки является знаком обола. Итак, получаем чтение: $\text{I } \Phi\alpha\nu\alpha\gamma\langle\acute{o}\rangle\rho(\epsilon\omega)$ ($\Phi\alpha\nu\alpha\gamma\langle\acute{o}\rangle\rho(\eta\varsigma)$), обол Фанагору (Фанагор?).

Во 2-й строке третий («острый угол» \langle) и пятый («вытянутый полуовал» C) знаки нуждаются в разъяснениях. В письме с Березани 540–535 гг. до н. э. встречается *сигма* в виде неровного угла (фрагменте А, 5-я строка: Dana 2007. P. 70. Fig. 1). *Сигма* в виде полуовала или «угла» известна в надписях из Ольвии, Березани, Пантикапея (Толстой. 1953. С. 27. № 30, № 38 С. 51. № 71; С. 53. № 75; С. 97. № 156). Однако в фанагорийском граффито этот вариант нельзя допустить, поскольку имеем образец «авторской» четырехчастной *сигмы* в конце 2 и 3-х строк. Предположение, что «угол» передает *гамму*, – принять затруднительно, поскольку образец *гаммы*, которую применял автор граффито, находим в 1-й строке. Известно, что в надписях угол

обозначает, как правило, половину (IG XII. 3, 168.7; Tod 1947. P. 26; Johnston 1974. P. 149; Яйленко. 1980а. С. 95. № 48). Перед «углом» процарапана вертикальная черта; возможно, что она является знаком обола. Нельзя исключать, что в данном случае вертикальная черта – это цифра 10 в ионийской системе счета. В фанаторийском граффито угол вырезан после предполагаемого знака обола и обозначает половину от этой денежной единицы.

В ионийской системе счета $E = 5$ и $I = 10$, поэтому $EI <$ соответствует цифре 15, 5, после которой процарапано НИСΣ. Ввиду краткости надписи нельзя исключать, что « $EI <$ » можно понимать как «5 за 1обол и половину обола» или «6 оболов и половина обола». Две последние интерпретации требуют постановки эпитета Аполлона в gen. sing. poss., тогда как в граффито этот эпитет вырезан в nom. sing. Однако мы имеем дело с краткой частной записью, своего рода памяткой о расходах, автор которой явно не стремился к грамматической стройности своих записей. Склоняемся к переводу «6 оболов и половина обола», поскольку он выглядит логичным в предлагаемой интерпретации знаков перед священными именами как обозначений денежных номиналов.

После денежной суммы во 2 стк. процарапано: НИСΣ. Учитывая структуру 1 и 3 строк, в которых вторым смысловым элементом выступают имена, полагаем, что НИСΣ является также записью имени собственного или, что нельзя исключать, прозвища. Следовательно, между *йот* и *сигмой* должен располагаться гласный звук, переданный как полуовал, чтобы соответствовать окончанию древнегреческих существительных или личных имен. Единственный подходящий вариант – *омикрон* в форме полуовала, встречается в эпихорическом алфавите Книда, надписях Родоса и Мелоса (Jeffery. 1990. P. 351. Pl. 70. № 31, 34). В ранних надписях из этих полисов *омикрон* в форме полуовала использовался для передачи краткого звука *ο*, а полный овал (или прямоугольник) – для долгого *ο*, который в ионийском алфавите передавался *омегой* (Jeffery. 1990. P. 321).

Такое прочтение находит объяснение среди многочисленных случаев смешения букв различных локальных алфавитов нередко в надписях одного конкретного полиса (Jeffery. 1990. P. 357, 32a; Wachter. 2001. S. 270–274). В итоге приходим к заключению, что после денежной суммы во 2 стк. вырезано НΙΟΣ, то есть ἥϊος. Слово ὁ ἥϊος (лучник) встречается у Гомера в качестве эпитета Аполлона (II. 15, 365; 20, 152). Отметим, что употребление эпikleзы вместо имени Аполлона находит ряд аналогий в ранних посвячительных граффити из Ольвии, Пантикапея, Патрея, которые посвящены просто *Иетру*.

Итак, во 2 стк. процарапано: EI< Ἦϊός, 5 оболов и половина (обола) Эйей. Обращает на себя внимание то, что эпитет Аполлона стоит в nom. sing. Следует учитывать тот факт, что автор граффито явно не стремился к грамматической стройности своих записей, он кратко фиксировал «на память», как кажется, свои расходы, отсюда и разноречивой в написании слов в разных строках граффито: в 1 стк. личное имя вырезано в сокращении, во 2 стк. эпитет Аполлона стоит в nom. sing, а в 3 стк. имя богини Геры вырезано в gen. sing.

В граффито использован редкий «гомеровский» эпитет Аполлона, а само божество не названо по имени. В связи с этим нельзя не упомянуть орфический оракул с Березанского поселения третьей четверти VI в. до н. э., в котором Аполлон Дидимский именуется просто τοῦσοφόρος (лучник, стрелок) (Яйленко. 2017. С. 31–37). Если принять предложенное чтение становится очевидным, что граффити с Березани и Фанагории зафиксировали две ранние, различные по происхождению, традиции в употреблении сходных по значению эпитетов Аполлона (условно говоря, «милетская» в оракуле с Березани, и «теоская» – в фанагорийском граффито), но отражающие одну и ту же функцию этого божества – он стрелок, лучник. Употребление редкого эпитета Аполлона, известного только по поэмам Гомера, одним из первых жителей Фанагории, по всей видимости, отражает архаические представления об этом грозном божестве как непревзойденном лучнике.

Итак, предлагаем следующее чтение граффито:

I Φαναγ<ό>ρ<εω>⁶

EI< Ἦϊός

Ic Ἦρῆς

Перевод: «Обол Фанаг<о>р<у>, | 5 оболов и половина (обола) Эйей, | обол и гемиобол для Геры».

Таким образом, самое раннее фанагорийское граффито представляет собой остракон с записью приношений Фанагору, Аполлону Эйю и Гере. Упоминание имени Фанагора в граффито наряду с Аполлоном Эйем и Герой ясно указывает, что здесь подразумевается не живой человек, а, скорее, личность, поставленная в один ряд с богами. Иными словами, речь, очевидно, идет о героизированном умершем. В настоящее время принято считать, что Фанагория была основана ок. 540 г. до н. э. жителями Теоса, которые бежали из родного города в период завоевания ионийских полисов персами (Кузнецов. 2001. С. 227–236; 2010. С. 432–433; 2016. С. 250–251). Сведения античных авторов о происхождении названия полиса Φαναγόρεια от имени Фанагора, его ой-

⁶ Не исключена реконструкция: Φαναγ<ό>ρ<ης>.

киста, рассматриваются как самый ранний пример такого рода в античной традиции в наименовании новых городов (Malkin. 1985. P. 121; Charalampakis. 2013. P. 182–186).

Дата написания нового граффито (3-я, возможно, начало 4-й четверти VI в. до н. э.) и время выведения апойкии под предводительством Фанагора (ок. 540 гг. до н. э.) приходится на достаточно короткий хронологический интервал (ок. 20–30 лет). И этот факт заставляет считать, что в граффито упомянут именно ойкист Фанагор, о котором сообщает Гекатей Милетский. В этот временной промежуток основатель Фанагории, как следует из контекста граффито, скончался и был героизирован. По свидетельствам Гомера и Геродота известно, что основатель колонии причислялся после смерти к рангу героев, ему приносились жертвоприношения в определенный день и устраивались поминальные игры (Hom., Od. VI. 7–11; Hdt., VI. 38, 1).

Литература

- А. А. Азафонов.* Древнейший теменос Пантикапея. Вторая половина VI в. до н. э. // Пантикапей и Фанагория. Две столицы Боспорского царства. М., ИА РАН, 2017а.
- А. А. Азафонов.* Общественный комплекс на западном плато. Последняя четверть VI – вторая четверть V вв. до н. э. // Пантикапей и Фанагория. Две столицы Боспорского царства. М., ИА РАН, 2017б.
- Н. В. Завойкина.* Малая эпиграфика // Фанагория. Альбом. М., 2015.
- Н. В. Завойкина.* Граффити на керамике позднерхаического времени из Фанагории // Азиатский Боспор и Прикубанье в доримское время. Материалы международного круглого стола 7–8 июня 2016 г. М., ГИМ, 2016.
- Н. В. Завойкина.* Основание Фанагории. Вторая половина VI в. до н. э. // Пантикапей и Фанагория. Две столицы Боспорского царства. М., ИА РАН, 2017.
- А. Н. Зограф.* Античные монеты. Москва, Ленинград. 1951. – (МИА 16).
- П. О. Карышковский.* Монеты Ольвии. Киев, Наукова думка. 1988.
- В. Д. Кузнецов.* Метрополия Фанагории // ДБ. 2001. Т. 4.
- В. Д. Кузнецов.* Фанагория – столица Азиатского Боспора // Античное наследие Кубани. М., Наука, 2010. Т. I.
- В. Д. Кузнецов.* Фанагория и Синдика: некоторые заметки // Фанагория. Т. 4. Материалы по истории и археологии Фанагории. Вып. 2. М., 2016.
- С. Ю. Монахов.* Греческие амфоры в Причерноморье. Типология. Каталог – определитель. Москва, Саратов. 2003.
- А. С. Русяева.* Граффити Ольвии Понтийской (МАИЭТ Supplementum 8). Симферополь, 2010.
- И. Е. Суриков.* Об этимологии названий Фанагория и Гермонасса (к постановке проблемы) // ДБ. 2012. Т. 16.
- И. И. Толстой.* Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. Москва, Ленинград, Наука, 1953.

- Г. А. Цветаева. Посвятительные граффити из Горгиппии IV в. до н. э. // Проблемы античной культуры. М., Наука, 1986.
- В. П. Яйленко. Граффити Левки, Березани, Ольвии // ВДИ. 1980а. № 2.
- В. П. Яйленко. Граффити Левки, Березани, Ольвии // ВДИ. 1980б. № 3.
- В. П. Яйленко. Женщины, Афродита и жрица Спартокидов в новых боспорских надписях // Женщина в античном мире. М., Наука, 1995.
- В. П. Яйленко. Псевдоэпиграфика античного Северного Причерноморья // История и культура древнего мира. М., 1996.
- В. П. Яйленко. Посвятительные граффити Пантикапея и округи // ДБ. 2006. Т. 9.
- В. П. Яйленко. Тысячелетний Боспорский рейх. М., 2010.
- В. П. Яйленко. Сказ про то, как исследователь И. Е. Суриков отправил в небытие Фанагора, Гермона, Гилона и разоблачил лжецов Демосфена да Эсхина // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования (Боспорские чтения XVII). Керчь, 2016.
- В. П. Яйленко. История и эпиграфика Ольвии, Херсонеса и Боспора в VII в. до н. э. – VII в. н. э. СПб. Нестор-история, 2017.
- E. *Babelon*. Traité de monnaies grecques et romaines. Vol. 1. Description Historique. 2^d ed. Paris. Ernest Leroux Éditeur. 1907.
- P. *Charalampakis*. Some Notes on the Name ΦΑΝΑΓΟΡΕΙΑ and ΦΑΝΑΓΟΡΗΣ // AMA. 2013. Вып. 16.
- M. *Dana*. Lettres grecques dialectales Nord-Pontiques (SAUF IGDOP 23–26) // REA 2007. Vol. 109.
- M. *Guarducci* Epigrafia Greca. Vol. I. Caratteri e storia della disciplina; la scrittura greca dalle origini all'eta Imperiale. Rome. Istituto Poligrafico della Stato. 1967.
- B. V. *Head*. Historia Numorum. 2nd ed. Oxford. University Press. 1911.
- L. H. *Jeffery*. The Local Scripts of Archaic Greece. A Study of the Origin of the Greek Alphabet and its Development from the Eight to the Fifth centuries B. C. Oxford. Clarendon Press. 1990.
- A. W. *Johnston*. Trademarks on Greek Vases 1 // Greece and Rome. 1974. Vol. 21. Iss. 2.
- I. *Malkin*. What's in a Name? The Eponymous Founder of Greek Colonies // Athenaeum. 1985.
- F. *Sokolowski*. Lois sacrées de l'Asia Mineure. Paris. 1955
- A. *Thumb*. Handbuch der griechischen Dialecte. Heidelberg. 1909.
- M. N. *Tod*. Epigraphical Notes on Greek Coinage. III. ΟΒΟΛΟΣ // The Numismatic Chronicle and Journal of the Royal Numismatic Society. 1947. Vol. 7. Iss. 1–2.
- R. *Wachter*. Non-Attic Greek Vase Inscriptions. Oxford. University Press. 2001

Марчин Матера

Об особенностях жизни в западном Танаисе после полемоновского разгрома¹

«На реке и на озере лежит одноименный город Танаис, основанный греками, владевшими Боспором. Недавно его разрушил царь Полемон за неподчинение. Это был общий торговый центр азиатских и европейских кочевников, с одной стороны, и прибывающих на кораблях в озеро с Боспора, с другой; первые привозят рабов, кожи и другие предметы, которые можно найти у кочевников, последние доставляют в обмен одежду, вино и все прочие принадлежности культурного обихода» (Strabo, XI. 2. 3). Такими словами Танаис описывает Страбон подчеркивая особую роль, которую играл этот город. История Танаиса разделена на несколько периодов катастрофами постигнувшими город и его жителей (Arsenyeva. 2003. P. 1053). Первая из них, закончившая эллинистическую историю Танаиса, связана с упомянутыми Страбоном событиями, т. е. разгромом города царем Боспора Полемоном I (Жебелев. 1934. С. 37–45; Шелов. 1969а. С. 70–75; Шелов. 1969б. С. 56–65). До недавнего времени считалось, что результатом карательной экспедиции боспорского царя являлось полное разрушение и опустошение западной части Танаиса «примерно на рубеже нашей эры» (Шелов. 1970. С. 227). Однако новые исследования, проведенные в начале XX века совместной российско-польской экспедицией в этой части памятника, позволяют откорректировать эту точку зрения.

Археологические работы на раскопе XXV ведутся с 1999 г. Участок расположен на западной линии фортификации Западного района Танаиса. К настоящему времени на раскопе XXV была открыта площадь свыше 1 200 м², обнаружены и исследованы расположенные на этой территории остатки сооружений (подробно о результатах работ: Scholl. 2014. S. 199–206 и 210–216).

Одним из самых важных открытий является вырытый в материковой глине оборонительный ров и ведущий через него к городу каменно-деревянный мост. Ширина рва по верху достигает 12 м, а его оригинальная глубина доходила до 2,50 м. Ров в разрезе был скорее всего подтрапещевидной формы, а его западный склон (контрэскарп) укрепляла подпорная стена. По дну рва проходила канава шириной и глубиной около 0,50 м. Благодаря легкому уклону рва к югу, в сторону дельты Дона, она одновременно способствовала стоку дождевой воды.

¹ Статья написана в рамках реализации проекта «Эллинистическая застройка Танаиса – фортификации и прилегающая городская территория. Продолжение исследований» профинансированного Национальным Центром Науки (National Science Centre, Poland), номер проекта: 2016/21/B/HS3/03423.

Мост, ведущий через ров, уникальной конструкции. С северной стороны его опоры составляли две отдельные каменные стены. Западная – длиной 7,50 м и шириной 1,05 м. Восточная, соответственно – 3,40 м и 1,00 м. С южной стороны моста его опоры составляли деревянные сваи. Такая конструкция моста позволяла сжечь его деревянную часть и тем самым усложнить атакующим подступ к городским воротам.

Ворота фланкированы двумя куртинами оборонительных стен: с юга куртиной I, ориентированной по линии С – Ю и с севера куртиной II, направленной по линии СЗС – ЮВЮ. Обе куртины представляют собой двухпанцирные конструкции с забутовкой состоящей из среднего и мелкого ломаного камня, утрамбованного вперемешку с глиной и мергелем.

Планировка внутренней застройки, открытой на раскопе XXV, обусловлена расположением уличной сетки. Вдоль обеих куртин крепостной стены проходит пристенная улица «b» шириной 1,50 м. Улица «a» шириной 1,75 м проходит от городских ворот в направлении на восток. Она разделяет два строительных комплекса. Расположенный к северу от улицы «a» комплекс помещений А и D и локализованный на юге комплекс помещений В, С, Е и F.

Все выше описанные архитектурные остатки относятся к эллинистическому периоду истории Танаиса. Они погибли во время карательной экспедиции Полемона, но в некоторых из помещений жизнь скоро возобновилась. Исследования последних лет, проводимые в южной части раскопа XXV, позволили обнаружить следов перестройки и использования помещений С и F в I в. н. э.

Эллинистическое помещение С примыкало с юга к одновременно помещению В, от которого было отделено общей стеной № 17 (подробнее об исследованиях помещений С и С1: Арсеньева, Ильяшенко, Шолль, Матера, Науменко. 2016. С. 127–129). С запада помещение ограничено стеной № 13, а с востока стеной № 22. Южной границей помещения являлась скорее всего стена № 25, хотя на нынешнем этапе исследований нельзя исключить, что она относится к фазе перестройки датированной I в. н. э. Помещение С, размером 6,40 м × не менее чем 5,00 м., имело прямоугольную форму. Длинной осью оно ориентировано по линии В-З. Дверной проём, шириной около 0,80 м., находился со стороны улицы «b» в стене № 13, на расстоянии около 1,85 м к югу от северо-западного угла помещения. У стены № 13 находилась также каменно-глиняная печь. В восточной части помещения в глинобитный пол была впущена грушевидная хозяйственная яма.

После событий, связанных с экспедицией Полемона, помещение С подверглось перестройке (Рис. 1). В её результате оно было разделе-

но на две части – помещения С1 и С2. Их отделяла друг от друга построенная по линии С-Ю стена № 20. Площадь вновь созданных помещений была ограничена с севера стеной № 19, возведенной по линии В-3. Вследствие этого образовался узкий переулок между ней и стеной № 17. Его ширина достигала 0,90 м, а поверхность была вымощена керамическими обломками. По всей видимости со стороны этого переулочка находились дверные проёмы ведущие к вновь созданным помещениям С1 и С2. Они не сохранились из-за мощных поздних перекопов, уничтоживших северную часть обеих помещений. Прежний вход ведущий в помещение С со стороны улицы «в» был заблокирован. Внутри помещений С1 и С2 была сделана нивелировка и положены новые глинобитные полы, толщиной 0,10–0,15 м.

Помещение С1 располагалось с западной стороны в контурах более раннего помещения С. Как и в предыдущий период, с запада помещение С1 ограничивала стена № 13. С севера границей помещения являлась поставленная поверх глиняного пола эллинистического времени новая стена № 19. С востока (также поверх более раннего пола) располагалась другая ново возведенная стена № 20. Она частично перекрывала засыпанную хозяйственную яму, находившуюся в эллинистическое время в помещении С. Южной границей помещения С возможно являлась практически несохранившаяся стена № 25. Размеры помещения: около 4,50 м (С-Ю) × 2,85 м (В-3). В северо-западном углу помещения С1 была обнаружена плохо сохранившаяся конструкция, которую возможно предварительно интерпретировать как печь или остатки переносного очага.

Помещение С2 располагалось с восточной стороны в контурах более раннего помещения С. Его западной границей являлась стена № 20. С севера оно ограничено стеной № 19 а с востока стеной № 22. Южной границей помещения С2 вероятно являлась стена № 25. Размеры помещения: около 4,50 м (С-Ю) × около 2,50 м (В-3).

Следы перестройки, проведенной уже после взятия Танаиса Полемоном, зафиксированы также в помещении F, примыкавшим с востока к помещению С и с юга к помещению Е. Также и в этом случае были обнаружены два уровня полов, из которых более поздний относился уже к I в. н. э.

В археологическом материале, найденном на уровне полов обеих помещений, преобладали обломки псевдокосских амфор, в том числе гераклейского и эгейского производства, а также красноглиняных. Встречены также фрагменты амфор типа А и В по классификации Д. Б. Шелова, типа Син V и т. н. колхидской тары. В группе столовой керамики находились примеры краснолаковых и серолощенных сосудов.

Рис. 1. Помещение С и возникшие в результате его перестройки помещения С1 и С2. Вид с севера

Рис. 2. Комплекс помещений С/С1-С2 и вторая фаза вымостки с ямой № 1/2016. Вид с юга

К описанному выше комплексу помещений с юга прилежала каменная вымостка. До сих пор зафиксированы три строительных фазы её конструкции. Все они датируются периодом после разгрома Танаиса Полемоном. Последняя фаза существования вымостки плохо сохранилась. Прослеживались лишь три не связанных друг с другом участка: один, расположенный южнее стены 25, – около 0,40 м, второй, находившийся в 0,45 к востоку, и третий в 2,60 м к юго-западу от неё. Однако они, несомненно, принадлежали одной конструкции. Вымостка состояла из средних и мелких камней, положенных на тонкий подстилающий

слой из мелкой окатанной галки и известняковой крошки. Следы этой нижней субструкции были хорошо видны между камнями юго-западного участка вымостки. Во время зачистки конструкции этой фазы вымостки обнаружена исключительно керамика римского времени. Среди массового материала преобладали фрагменты амфорной тары: гераклейских амфор с двуствольными ручками, амфор с двуствольными ручками эгейского производства, красно- и розовоглиняных боспорских, южнопонтийских оранжевоглиняных а также узкогорлых светлоглиняных амфор типов А и В по Д. Б. Шелову.

В ниже лежащем слое, перекрывавшем следующую фазу вымостки, были обнаружены фрагменты псевдокосских красноглиняных, а также амфор гераклейского и эгейского производства. Кроме этого, в слое найдены фрагменты красноглиняных и розовоглиняных боспорских, южнопонтийских оранжевоглиняных, а также узкогорлых светлоглиняных амфор типов А и В по классификации Д. Б. Шелова. Встречались также обломки краснолаковых и серолощенных сосудов.

Вторая фаза вымостки (Рис. 2) сооружена была из средних и мелких фрагментов известняка и примыкала с юга к стене № 25. Максимальные размеры открытого участка вымостки: 6,40 м (В-З) × 2,70 м (С-Ю). В западной и юго-западной части вымостка просела вниз. Её уровень был выровнен укладкой нового слоя камней на субструкции из мелкой окатанной гальки и известняковой крошки.

На расстоянии 1,0 м к западу от восточной границы вымостки и в 1,30 м к югу от стены № 25 находилась хозяйственная яма № 1/2016. Она имела округлую в плане и грушевидную разрезе формы. Изначально горловина ямы была обложена камнями, доходившими до самого края вымостки. С северо-восточной стороны они сохранились *in situ*. Диаметр горловины – 1,10–1,20 м; максимальный диаметр – 1,72 м; глубина ямы – 2,82 м. До глубины около –1,60 м яма прорезает культурные напластования. Ниже, на глубину около 0,70 м, она вырыта в материковой глине. Придонная часть ямы вырублена в скале на глубину около 0,50 м. Дно ямы неровное плавно переходит в стенки объекта. В материале, обнаруженном в заполнении ямы, зафиксированы фрагменты амфор с двуствольными ручками, гераклейского и эгейского производства. Кроме того, здесь же найдены фрагменты узкогорлых светлоглиняных амфор типов А и В, коричневоглиняных т. н. колхидских, а также оранжевоглиняных амфор неопределенного центра производства. Многочисленны также фрагменты лепной посуды, в том числе горшков, мисок и крышек.

После разборки верхней, более поздней каменной вымостки исследовался тонкий слой (от около 0,05 до 0,15 м) субструкции,

на котором она была сложена. Этот слой состоял из мелких камней, мелкой окатанной гальки, известняковой крошки и рыхлого, неоднородного грунта от темно-коричневого до темно-серого цвета. Он перекрывал конструкцию фрагментарно сохранившейся третьей фазы вымостки, прилегающей с юга к строительному комплексу помещений С/С1-С2. В слое, перекрывавшем третью фазу вымостки, обнаружены в большом количестве фрагменты амфор с двуствольными ручками гераклейского и эгейского производства. Зафиксированы также фрагменты псевдокосских красноглиняных амфор, синопских амфор I в. н. э., амфор типа Син II, красно- и оранжевоглиняных, а также узкогорлых светлоглиняных амфор типов А и В по классификации Д. Б. Шелова. В слое встречались также обломки краснолаковой посуды.

Эта вымостка, как и предыдущая её фаза, была сооружена из средних и мелких фрагментов известняка и примыкала с юга к стене № 25 и жилому комплексу помещений С1 и С2. Западная часть вымостки сложена из более крупных, плоских камней. В восточной части для сооружения вымостки были использованы более мелкие камни. Максимальные размеры открытого участка вымостки: 5,95 м (В-З) и около 3,00 м (С-Ю). В западной и юго-западной части вымостка просела вниз.

Керамический материал, обнаруженный во время исследований всех строительных фаз вымостки, примыкавшей с юга к комплексу помещений С/С1-С2, позволяет датировать их существования I в. н. э. В случае двух последних фаз возможно, что их верхней границей являлся сам конец этого столетия а даже и начало следующего. Состав амфорной тары обнаруженной в слое перекрывавшем третью фазу вымостки позволяет предположительно сузить её хронологию, и как верхнюю дату предложить 80-е года I в. н. э.

Все выше приведенные данные свидетельствуют, что Западный район Танаиса не был окончательно заброшен сразу после его разгрома Полемоном. После этого события жизнь на этой территории возродилась и продолжалась еще и в I в. н. э. Конечно, невозможно говорить о сплошной застройке и плотном заселении района. В других местах раскопа XXV следов проживания людей в этот период пока не обнаружено. Скорее всего, в I в. н. э. обитаемой была лишь часть территории Западного Танаиса. На нынешнем этапе исследований остается открытым вопрос, насколько большей она являлась. Однако, локальная деятельность населения, проживавшего там после полемоновского разгрома, сомнений не вызывает.

Литература

- Т. М. Арсеньева, С. М. Ильяшенко, Т. Шолль, М. Матера, С. А. Науменко.* Исследования в Западном городском районе Танаиса в 2012–2014 гг. // *Novensia*. 2016. № 27.
- С. А. Жебелев.* Боспорские этюды III: Был ли Танаис разрушен Полемоном? // ИГАИМК. 1934. Вып. 104.
- Д. Б. Шелов.* Полемон и Танаис // КСИА. 1969а. Вып. 116.
- Д. Б. Шелов.* Был ли Танаис разрушен Полемоном? // ВДИ. 1969б. № 2.
- Д. Б. Шелов.* Танаис и Нижний Дон в III–I вв. до н. э. М., Наука, 1970.
- T. M. Arsenyeva.* Tanais // *Ancient Greek Colonies in the Black Sea*. Thessaloniki, Archaeological Institute of Northern Greece, 2003. Vol. II.
- T. Scholl.* Miasta bosporańskie od wieku VI po połowę I wieku p. n. e. Warszawa, Instytut Archeologii UW, 2014.

P. Lech

**A Preliminary Study on Table Pottery
from Polish Excavations in Tanais (Russia)¹**

Tanais is located at the farthest north-eastern extension of the Hellenic cultural sphere. Ancient city was build up on the high bank of Mertvyj Donec river, around 8 km from the modern coast of Azov Sea. It was founded in the first quarter of the 3rd century BC, and destroyed in the middle of 3rd century AD (Matera. 2014. P. 11–19). Regular Polish excavations have taken place in ancient Tanais since 1995. They are an effect of collaboration between the Institute of Archaeology of Warsaw University, The Centre for Research on the Antiquity of South-Eastern Europe and Archaeological Museum-Reserve Tanais. In years 1996–2014 works were conducted by dr hab. T. Scholl (Scholl. 2014. P. 190–192) and since 2015 they have been conducted by dr M. Matera.

Polish excavations are run in the area of trench XXV, which is located in the western part of ancient Tanais. The aim of these works is to explore the fortifications and the residential quarter of so-called Western Tanais. Excavations have brought to light number of information's about ancient material culture and architectural constructions (this site area consist from defensive walls, ditch, bridge, several houses and streets). So far in the trench XXV a few thousands of pottery fragments have been found. They are dating back from the Hellenistic and Roman period to Late Antiquity.

¹ Archaeological excavations held by University of Warsaw in Tanais during years 2017–2019 are financed with resources provided by the Polish National Science Centre, allotted on the basis of decision number 2016/21/B/HS3/03423. A heartfelt thank you to dr Marcin Matera and dr hab. Tomasz Scholl from University of Warsaw for their support to this project.

Fig. 1. Selected examples of Hellenistic table pottery from Western Tanais. Upper line: «Megarian» bowl – T. XXV. 13.81. Lower line, from left: black – glossed foot – T. XXV. 12.17; «Megarian» bowl – T. XXV. 07.44; West Slope style cup – T. XXV. 12.53

Fig. 2. Selected examples of Roman table pottery from Western Tanais. Upper left side: Terra Sigillata Pontica cup – T. XXV. 13.47; Lower left side: Bottom of Terra Sigillata vessel – T. XXV. 17.15; Pontic Red Slip Ware dish – T. XXV. 13.23

Among pottery findings, third richest group after amphora's and handmade vessels is table pottery. The study of such finds is a subject of the PhD dissertation of the author of this article.

The majority of table ware findings were found in disturbed levels and as single findings. However, on the basis of the Hellenistic and Roman examples of table pottery that have been found in Western Tanais, an attempt of reconstruction of everyday living can be made. Also a try of building up typologies, improving chronological developments or estimating dynamics of trade and shape of roads used to it can be made. This paper, as an result of preliminary study will present couple of examples of table pottery present in Western Tanais. Ceramic presented in the article below date to the wide period from the late 3rd century till the 5th century AD. Sources of parallels are usually sites from the area of Northern Black Sea coast.

Black-glazed ware. The earliest groups of table pottery from Western Tanais are fragments of black-glazed ware. The black-glazed vessels are represented by the late 3rd and the early 2nd century fragments, which include foots of *kantharoi*, fragments of large fish plates and two examples of bowls stamped on floor with palmette within band of rouletting (T. XXV. 05.47 and T. XXV. 12.17) (Арсеньева, Шолль, Матера. 2006). Other shapes are represented by tiny fragments which identification is difficult.

Late West Slope pottery. Among pottery findings from Western Tanais there are only four fragments of vessels with painted decoration made in West Slope Style. In this group we can distinguish conical bowl decorated with white painted ivy leaves garland (T. XXV. 16.145) and a two fragments of cups with similar type of white painted, vegetal decoration (T. XXV. 12.5 and T. XXV. 12.53). This kind of bowls and cups can be found in Pantikapaion (Zhuravlev, Zhuravleva. 2014. P. 265–267), where they are defined as rather common find. This findings are also known from other Bosporan and Pontic sites – i. e. Myrmekion (Michałowski. 1958. Fig. 12). Their provenance is still unknown, but similarity of forms with Pergamene ware is visible (Rotroff. 2002. P. 97–115). Dating set by parallels is estimated for the first half of the 1st century BC.

Mould – made bowls. The so called «Megarian» bowls' findings in Western Tanais are common and quite well elaborated (Шелов. 1969; Paczyńska. 2000. P. 159–168; Paczyńska. 2005. P. 129–136). Newest studies will be soon published in journal of The Centre for Research on the Antiquity of Southeastern Europe – *Novensia*². Identification of «Megarian» bowls provenance allows us to reconstruct some trade roads that could led to Tanais.

² Paper in print: P. Lech, E. Sroczyńska. Findings of Hellenistic mouldmade bowls from Polish excavations in Tanais. Seasons 2014–2017.

Generally, import of this kind of vessels to Tanais was dominated by bowls from Asia Minor workshops over Attic or Bosporan workshops. Some of them (i. e. T. XXV. 14.92 or T. XXV. 15.46) are coming from well-known workshop of Monogramist, which is precisely dated to the third quarter of the 2nd century BC and is connected with Ephesian centers of production (Grzegorzówka. 2010. P. 26–27). So far around 30 fragments of «Megarian» bowls' from Western Tanais were identified.

Terra Sigillata Pontica. Findings of this kind of Roman red slip pottery in Western Tanais are rare. Until now only one fragment of Roman jug with barbotine decoration and couple of small handlers were found. A most representative finding (T. XXV. 13.47) belongs to group X (*forma X*) from J. W. Hayes typology (Hayes. 1985. P. 92–94, Fig. XXIII). It is a small, low cup with dark red slip and characteristic vegetal decoration made in barbotine style. This kind of table pottery is dated for the 1st century AD. Similar examples of Terra Sigillata Pontica can be found in Olbia and Tyritake (Hayes. 1985. P. 94–95).

Pontic Red Slip Ware. Vessels from this group are example of Late Roman red slip pottery. A complex study of this ware kind from Tanais was made by T. M. Arsen'eva and K. Domżalski (Arsen'eva, Domżalski. 2002). On basis of this study we can precisely identify almost all vessels from this group. Pontic Red Slip Ware was produced somewhere in area of Black Sea, probably on its southern coast (Asia Minor). This high quality vessels were spread up all around Black Sea littoral (Arsen'eva, Domżalski. 2002. P. 422). In Western Tanais we can find couple of examples of PRSW. Two of them (T. XXV. 13.13 and T. XXV. 13.23), which are the most representative belong to PRSW form 3 (fabric I). This two large dishes are fired in quite soft atmosphere, thanks to which they have characteristic orange buff colour. Another characteristic feature of this two dishes is decoration of vessel floor with waves combined in concentric shape, waves were probably made by brush. Dating of Pontic Red Slip Ware is estimated for period from the late 4th century AD till the middle of the 5th century AD (Arsen'eva, Domżalski. 2002. P. 423–428).

Presented above categories of table pottery are not the only kinds of vessels present in Western Tanais. Commonware, plain pottery, echinus bowls, colour – coated bowls and many other are present among findings. If we look at this group as a whole, we will see a plenty of pieces and an impressive multiplicity of forms. Almost all kinds of Hellenistic and Roman table pottery appear among vessels from this group. Categories selected to this paper are in general the most well-known groups of table pottery. Similar situation of distribution and presence can be observed in other ancient cities in the region of the Northern Coast of Black Sea.

Apart from the analysis of provenance I would like to emphasize the aspect of value of some kinds of table vessels for their users. Many table pottery findings have traces of repairs in the form of drilled holes. Usually holes have diameter around 0.2 centimetres. Traces of these repairs may be an evidence of prolonged period of use, which probably could have a negative impact on the ability of using this kind of pottery as a chronological indicator (Bilde, Handberg. 2012. P. 461–481; Matera. 2015. P. 423–430). Reasons of prolonged use can vary – repairs could be carried out for different causes connected with economy, esthetical aspects or sentiments. Studies of repairs and aspects connected with value of pottery (especially imported) for owners should shed a new light on material culture of ancient people living in area of the north coast of the Black Sea.

Another interesting field of table pottery researches are different marks that can appear on surface of vessels. Some of them carry *graffiti*, usually under the base. They are mainly monograms, partially preserved and hard to decipher. These marks can be signs made by owners, traders or even by manufacturers in workshops. In group from Western Tanais we can find *graffiti* mainly on red slip wares.

In order to complete the description of this group a further studies, especially physico – chemical analysis of ceramic material should be done. We need to remember that table pottery is just one of many sources used to reconstruct history of ancient economics.

Литература

- T. M. Arsenyeva, T. Shol'eva, M. Matera.* Отчёт о итогах исследований в 2005 году в Танаисе // Światowit. 2006. Vol. 6 (XLVII).
- Д. Б. Шелов.* Находки «мегарских» чаш в Танаисе // Античные древности Подонья – Приазовья. М. Наука, 1969. – (МИА. № 154).
- P. G. Bilde, S. Handberg.* Ancient Repairs on Pottery from Olbia Pontica // American Journal of Archaeology. 2012. Vol. 116.
- T. M. Arsenyeva, K. Domžalski.* Late Roman Red Slip Pottery from Tanais // Eurasia antiqua. Zeitschrift für Archäologie Eurasiens. 2002. Band 8.
- S. Grzegorzka.* “Megarian” bowls from the collection of Kerch history and culture reserve. Warszawa, National Museum in Warsaw, 2010.
- J. W. Hayes.* Sigillate Orientali // Enciclopedia dell'arte antica classica e orientale. Atlante delle forme ceramiche II. Ceramica fine romana nel bacino mediterraneo (tardo ellenismo e primo impero). Rome, Istituto della Enciclopedia italiana, 1985.
- M. Matera.* Analiza importu towarów w amforach rodyjskich na podstawie materiałów odkrytych w Tanais. Zarys kontaktów handlowych Rodos z obszarem dolnego Donu w III–I w p. n. e. Warszawa, 2014.
- M. Matera.* Using, reusing and repairing pottery: the example of two small Bosporan centres – Tanais and Tyritake (everyday life, economic status, wealth and the resourcefulness of the population) // The Danubian Lands between the Black,

- Agean and Adriatic Seas (7th Century BC – 10th Century AD) Proceedings of the Fifth International Congress on Black Sea Antiquities (Belgrade – 17–21 September 2013). Oxford, Archaeopress Archaeology, 2015.
- K. Michalowski.* Mirmeki. Wykopaliska odcinka Polskiego w r. 1956. Warszawa, Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1958.
- K. Paczyńska.* Czarki megaryjskie z Tanais // *Studia i materiały archeologiczne.* 2000. Vol. 10.
- K. Paczyńska.* Fragmenty czarek megaryjskich z polskich wykopalisk w Tanais // *Studia i materiały archeologiczne.* 2005. Vol. 12.
- S. I. Rotroff.* West Slope in the East // *Céramiques hellénistiques et romaines, productions et diffusion en Méditerranée orientale (Chypre, Égypte et côte syro-palestinienne).* Lyon, Travaux de la Maison de l'Orient méditerranéen, 2002.
- T. Scholl.* Miasta Bosporańskie od wieku VI po połowę I wieku P. N. E. Warszawa, Instytut Archeologii Uniwersytetu Warszawskiego, 2014.
- D. Zhuravlev, N. Zhuravleva.* Late Hellenistic Pottery and Lamps from Pantikapaion: Recent Finds // *Black Sea Studies.* Aarhus, Aarhus University Press, 2014. Vol. 16.

И. Ю. Шайб

О своеобразии религиозной жизни населения Боспора доримской эпохи

Свидетельства античных авторов о религиозной жизни населения Боспора крайне скудны, данные эпиграфики чересчур лаконичны, в то время как археологические памятники весьма разнообразны, хотя по большей части существенно разрознены. Однако достаточно даже поверхностного знакомства с материалами, относящимися к данной сфере, чтобы сделать вывод о её исключительном своеобразии. Это неудивительно, поскольку население Боспора было греко-варварским, причём здешние греки происходили из разных полисов, а варвары являлись представителями самых разных этносов (скифы, синды, меоты, тавры, фракийцы и др.).

Рассмотрение данных о храмах и святилищах Боспора позволяет заключить, что с самого начала существования здесь античных поселений культовые церемонии в честь божеств совершались либо в домашних божницах, либо на небольших участках без каких бы то ни было зданий культового характера; главную роль в культе играли рощи, расщелины, алтари. Только с конца VI – начала V в. до н. э. появляются культовые постройки и начинают применяться ордерные детали. В ряде святилищ Боспора наглядно прослеживаются варварские черты; особенно показательны в этом отношении зольники европейского Боспора, аналогии которым находятся в комплексах лесостепной Скифии.

При несомненно изрядном богатстве Боспора, обнаруженные на его территории святилища отличаются не только скромностью приношений, но и крайней бедностью своего архитектурного и скульптурного убранства, что невозможно объяснить только их плачевной сохранностью. Эта бедность, на наш взгляд, также обусловленная варварскими влияниями, особенно впечатляет на фоне величия боспорских курганов.

К сожалению, анализ результатов раскопок культовых комплексов редко даёт возможность сделать определённые выводы об особенностях почитания тех божеств, которые известны из боспорской эпиграфики. Сохранились и имена некоторых варварских богов, почитавшихся здесь: Астара, Санерг, Дитагойя. Однако, если греческие аналоги первым двум ясны – это Афродита и Геракл, то функции Дитагойи нам неведомы, поскольку её имя встречается только единожды (в пантикапейском посвящении дочери царя Скилура – Сенамотис).

Обращает на себя внимание значительное различие между культурами греков-колонистов на Боспоре и пантеонами их метрополий. Так, одни распространённые в Ионии божества (Зевс, Посейдон, Афина и проч.) явно не имели для боспорян аналогичного значения, а почитание других (Афродиты, Аполлона, Диониса, Геракла, Ахилла и проч.) весьма существенно отступало от греческих традиций. Этот факт, на наш взгляд, красноречиво свидетельствует о влиянии на религиозную жизнь боспорских греков варварского окружения. Характерное для эллинов стремление при адаптации к варварской окружающей среде заручиться поддержкой туземных богов привело к тому, что эти боги (под греческими именами) заняли главенствующее положение в их пантеоне. На Европейской стороне Боспора это был Аполлон, почитавшийся под отсутствующей в его культе в полисах метрополии эпиклезой Врач (судя по аналогичному культу в Ольвии, он был близок или даже аналогичен наделённому хтоническими и шаманскими чертами Аполлону Гиперборейскому), на Азиатской – местная Афродита Урания, владычица святилища с негреческим названием Апатур.

Характерно, что именно ей приписывалась ответственность за появление у скифов во время их ближневосточных походов жреческого института энареев, который играл важную роль как в религиозной, так и в социальной сфере обитателей не только Скифии, но и Боспора (Яйленко. 1995. С. 242; ср.: Шауб. 2017). В данной связи наиболее важным является свидетельство Геродота (I. 105) о том, что в сирийском городе Аскалоне скифы разграбили древнейшее святилище Афродиты Урании, за что богиня поразила грабителей и их потомков женской болезнью. Далее Геродот (IV. 67) рассказывает, что, по словам самих этих женоподобных мужчин-энареев, которые являлись наследственными

прорицателями, это искусство дала им Афродита. Псевдо-Гиппократ (*De aere*. 22) сообщает, что пораженные этой болезнью скифы [согласно Аристотелю (*Arist. Eth. Nic.* VII. 8), эта болезнь была наследственной в царских родах] одевались в женскую одежду, выполняли женскую работу, говорили женским голосом и что их почитали, вероятно, за дар прозрения. Но, сам автор, не веря в божественное происхождение болезни, объясняет её следствием повреждения половых органов при верховой езде или результатом неудачного оперативного вмешательства. Данное объяснение приняли многие учёные нового времени (см.: Доватур и др. 1982. С. 305, комм. 423), хотя из текста Геродота (I. 105; IV. 69) ясно, что энареи имели детей. Поэтому здесь, несомненно, подразумевается ритуальная перемена пола.

К. Мейли (*Meuli*. 1935. S. 130 ff.), собрав убедительные этнографические параллели, пришёл к выводу о том, что энареи были профессиональными шаманами или шаманами «превращённого пола», как называются подобные шаманы в русской этнографической литературе.

Целый ряд данных свидетельствует о том, что у многих народов, у которых существовали шаманы превращённого пола, к такой метаморфозе и вообще к шаманскому служению их побуждал или даже принуждал женский дух или богиня земли (см.: Frazer. 1907. P. 384 sq.; *Meuli*. 1935. S. 130). Изображение подобного посвящения в энареи, по мнению Мейли (*Meuli*. 1935. S. 131), можно видеть на многочисленных золотых бляшках, где представлено сидящее женское божество с зеркалом в руках, перед которой стоит скиф с ритонном.

Что касается аскалонского храма Афродиты Урании, важно отметить, что этим именем Геродот назвал богиню Деркетю, изображавшуюся полуженщиной-полурыбой (Доватур и др. 1982. С. 179). Данный образ весьма напоминает Эхидну – змееногую деву, которая стала родоначальницей скифов, вступив в брак с Гераклом. О близости или даже тождественности Эхидны и Афродиты Урании позволяет догадываться изложенный Страбоном (XI. 2. 10) миф об Афродите Апатуре (см.: Шауб. 1979 и др.). Художественным воплощением этого образа, вероятно, являются очень распространённые как на Боспоре, так и в Скифии, изображения змееногого божества (или богини с растительными побегами вместо ног), а также иконографически схожей с этим персонажем Скиллы, представленной на целом ряде боспорских памятников.

Учитывая мифологическую и культовую связь Афродиты и Геракла на Боспоре, следует отметить, что андрогинный аспект в культе Афродиты Урании на Боспоре мог существовать только благодаря наличию данного аспекта в культе местной богини, которую греки отождествили со своей Афродитой. О чрезвычайно важной роли андрогинизма

в здешнем культе Великого женского божества свидетельствует огромная популярность изображений амазонок, которые выступали в качестве её спутниц (главным образом на погребальных пеликах); одним из её зрительных воплощений, вероятно, являлось изображение головы амазонки на сосудах того же типа (Шауб. 1993 и др.).

В искусстве Боспора (особенно на предметах погребального инвентаря) обращает на себя внимание чрезвычайная распространённость мотива головы Горгоны Медузы – горгоней. В то же время он является самым частым мифологическим образом «среди греческих по происхождению изобразительных мотивов на памятниках Скифии» (Раевский. 1985. С. 173). На наш взгляд, совершенно прав Д. С. Раевский, полагающий, что, поскольку «чисто греческая семантика сама по себе не могла обеспечить такой популярности горгонейона у скифов – требовалась ещё интеграция в местную мифологию», скифы осмыслили его как изображение своей богини прародительницы (Раевский. 1985. С. 174, 175).

Тот факт, что Горгона Медуза («Владычица») первоначально сама была ипостасью Великой богини Эгеиды (Frothingham. 1911. P. 349; Christou. 1968. S. 147; Шауб. 1992; Он же. 1999. С. 214 сл. и др.) делает осмысление туземным населением Боспора изображения Горгоны как одного из образов своей Великой богини ещё более вероятным.

О специфике боспорского жречества свидетельствуют как археологические памятники, прежде всего, погребения жриц (см.: Шауб. 2017), так и данные эпиграфики. Наряду с надписями, где речь идёт об «ординарных» жреческих должностях, есть указания на то, что жреческие функции, причём в культах верховных богов Боспора (Аполлона Врача и Афродиты Урании), были прерогативой царей и цариц из правящей династии Спартокидов (КБН. 6, 25 и др.). Среди votивных надписей жриц В. П. Яйленко особо выделяет те, которые были сделаны представительницами спартокидского дома, отмечая, что все эти надписи посвящены Афродите (Яйленко. 1995. С. 230). Данный факт исследователь объясняет тем, что, по его убеждению, Спартокиды (иранская по происхождению династия из Синдики) принадлежали к высшей знати царских скифов – энареям, которые были жрецами культа Афродиты Небесной. В IV в. до н. э. на Боспоре был введён прижизненный культ царя, осуществлявшийся под эгидой Афродиты Урании Апатуры – «иранской Анахиты, подательницы царской власти (фарна) и тем самым покровительницы царской династии» (Яйленко. 1995. С. 238, 253).

По мнению В. П. Яйленко, поскольку Спартокиды являлись скифами по происхождению, на Боспоре господствовала «политическая идеология скифского царства», в частности бытовали «скифские представления о природе царской власти» (Яйленко. 1995. С. 241). Их кра-

тко сформулировал Д. С. Раевский: «Происхождение от богов, принадлежность к сословию, божественным указанием поставленному во главе общества, и бракосочетание с верховной богиней, – вот три опоры, на которых покоится представление о скифских царях как о богоизбранных, высшей волею вознесенных над остальным обществом личностях» (Раевский. 1977. С. 162).

«Первая “опора”, однако, требует уточнения, – пишет Яйленко. – У царских скифов как иранцев по происхождению имелось исконное представление о божественности царской власти (фарн), а не царей – обожествление личности царя, попросту говоря, возведение его или родословия к предку-богу, не было свойственно исконной иранской мифологии и политической идеологии, его проявления наблюдаются в тех областях персидской державы, где такие представления имелись у туземных народов – в Египте, отдельных странах Передней Азии» (Яйленко. 1995. С. 241). На наш взгляд, столь чёткое и жёсткое противопоставление представлений о божественности самой царской власти и идей, лежащих в основе обожествления личности царя, возможно лишь в абстракции.

Широко распространённое мнение об «иранстве» скифов в религиозной сфере кажется нам сильно преувеличенным¹. По своему духовному уровню они явно стояли гораздо ближе к североамериканским индейцам – охотникам за скальпами, чем к аудитории «Авесты», и, кроме того, как известно, активно вбирали в себя многочисленные инокультурные импульсы, причём далеко не всегда шедшие со стороны более цивилизованных народов. К примеру, в скифских верованиях относительно домашнего очага прослеживаются черты несомненного сходства с теми религиозными представлениями, которые ещё недавно бытовали у многих сибирских народов, что едва ли можно объяснить простой случайностью. В данной связи в высшей степени показателен тот факт, что М. И. Ростовцев, который много размышлял об «иранстве» скифов и в своей знаменитой работе 1913 года называл женское божество в сценах «инвеституры» на памятниках торевтики из боспорских курганов Анагитой (Анахитой)², вскоре стал писать о ней как о безымянной Великой богине, культ которой, в своей основе весьма далёкий от иранского (и даже шире – индоевропейского), был заимствован у покорённых ими народов (Rostovtzeff. 1921).

Почитание этой многоипостасной богини всего сущего, которая почиталась преимущественно в аспекте повелительницы душ умерших

¹ Судя по всему, даже общеиранский культ фарна (священной благодати) носил у скифов примитивно-фетишистский характер (Шауб. 2004).

² Т. е., Афродита Урания – Астарта – Анагита (Ростовцев. 1913. С. 16, 27).

под разными эллинскими именами и обличьями, но главным образом, – как Афродита (Шауб. 1999; 2007. С. 325 сл.; 2011. С. 277–286 и др.), было одной из наиболее ярких черт сложившейся на Боспоре при Спартокидах в высшей степени своеобразной греко-варварской культуры (Виноградов. 2000). Своеобразие этой культуры наглядно проявилось также в устройстве курганных погребений, чей инвентарь и представленные на его предметах изображения, несомненно, наделяли глубочайшим религиозно-мифологическим смыслом (Шауб. 2014). Аналогии (нередко полные) этим предметам являют синхронные погребальные памятники Скифии, причём сходство богато украшенных одежд некоторых покойниц с одежаниями представленного на этих вещах женского божества³ не оставляет сомнений в том, что те имитировали свою богиню и, судя по всему, исполняли жреческие обязанности в её культе. Следует особо отметить, что данная практика, хотя и была прерогативой женского пола, отнюдь не исключала из этого культа мужчин, но, вероятно, при условии их ритуального превращения в женщину (см.: Шауб. 2005).

Монументальность архитектуры боспорских курганов, пышность погребального и поминального ритуалов, чрезвычайное богатство погребального инвентаря, а также представленной на нём символики, которая красноречиво свидетельствует об исключительном разнообразии загробных верований, – всё это указывает на из ряда вон выходящее значение загробной жизни для боспорян. В античном мире оно может быть сравнимо разве только с тем значением, которое придавали своему «загробью» этруски и, вероятно, фракийцы. Характерные особенности культов боспорских божеств (Афродиты, Аполлона, Диониса, Геракла, Ахилла и др.) свидетельствуют о хтонической доминанте боспорской религии. На это же намекают и такие изображения на здешних монетах, как муравей, грифон, лев, сатир (Терещенко, Шауб. 2018).

Судя по изобразительным памятникам, на Боспоре была очень важна роль экстатических танцев, причём в первую очередь в погребальном культе. Памятники с их изображением в подавляющем большинстве найдены в гробницах (см.: Шауб. 1988). Если танец калатискос, как и ряд других, названия которых нам неизвестны, исполнялся в честь богинь плодородия (Деметры и др.), то персидский танец окласма, представленный в терракотах, на фигурных сосудах и на ювелирных изделиях, судя по всему, был связан с культом Сабазия или фракийского Диониса (резкой грани между этими божествами фракийские и малоазийские культы не делают: Шауб. 1993. С. 87. Прим. 21). Са-

³ Поразительное сходство трактовки этого образа, при крайне незначительных различиях в деталях, позволяет во всех случаях видеть здесь Великую богиню.

базий в верованиях мистов давал надежду на вечную загробную жизнь (например: Schol. Ar. Vesp. 9; Orph. h. 48), поэтому неудивительно, что изображения танцоров его культа помещались в могилы.

Однако сколь бы ни был широк круг сюжетов, запечатлённых на предметах погребального инвентаря боспорских могил, в них можно проследить выражение двух основных идей, связанных «с перипетиями жизни души после смерти тела, – путь на «тот свет» и пребывание «там» (Виноградов. 2000. С. 122), а также неотделимую от этих идей надежду на возрождение (Шауб. 2016). Ю. А. Виноградов, на наш взгляд, совершенно справедливо полагает, что пребывание в загробном мире для представителей боспорской знати прежде всего связывалось с охотой. Многочисленные этнографические параллели наводят на мысль о том, что причерноморские варвары должны были связывать успешную охоту, как на земле, так и в потустороннем мире, с Великой богиней в ипостаси Владычицы зверей (это крайне архаическое представление долго сохранялось и у греков). Встреча с Великой богиней, нашедшая яркое отражение в боспорской изобразительной традиции (Карагодеуашх, Мерджаны и др.), явно представлялась боспорянам ещё более важным событием их загробной жизни (Шауб. 2005; 2013).

Учитывая комплекс приведённых выше фактов, которые предопределили «печать “мертвенности”», лежащей на всей культуре Боспора (Виноградов. 2000. С. 121), можно уверенно говорить о «потусторонней» ориентации не только религии, но и всего менталитета боспорян.

Литература

- Ю. А. Виноградов. Феномен Боспорского государства в отечественной литературе // *Stratum plus*. 2000. № 3.
- А. И. Доватур, Д. П. Каллистов, И. А. Шишова. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., Наука, 1982.
- Д. С. Раевский. Очерки идеологии скифо-сакских племен. Опыт реконструкции скифской мифологии. М., Наука, 1977.
- Д. С. Раевский. Модель мира скифской культуры. М., Наука, 1985.
- М. И. Ростовцев. Представления о монархической власти в Скифии и на Боспоре // ИАК. 1913. Вып. 49.
- А. Е. Терещенко, И. Ю. Шауб. Особенности типологии пантикапейской чеканки // Боспорский феномен: общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. СПб., ИПЦ СПбГУПТД, 2018.
- И. Ю. Шауб. Миф об Афродите Апатуре и его местная основа // Материалы III Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья на тему «Местное население Причерноморья в эпоху Великой греческой колонизации». Цхалтубо, 1979. Тбилиси, 1979.
- И. Ю. Шауб. Культовые танцы на Боспоре // Тезисы докладов Крымской научной конференции «Проблемы античной культуры». Симферополь, 1988. Ч. 3.

- И. Ю. Шауб.* Образ Медузы Горгоны в Северном Причерноморье // Древние культуры и археологические изыскания. СПб., 1992.
- И. Ю. Шауб.* Культ Великой богини у местного населения Северного Причерноморья // *Stratum plus*. 1999. № 3.
- И. Ю. Шауб.* Культ фарна у скифов // Вестник Православного Свято-Тихоновского Богословского Института. 2004. Вып. 2.
- И. Ю. Шауб.* Причерноморско-итальянские этюды V. Ритуальное превращение в женщину у скифов и этрусков // Итальянский сборник. СПб., 2005. № 8.
- И. Ю. Шауб.* Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII–IV вв. до н. э.). СПб., Изд-во СПбГУ, 2007.
- И. Ю. Шауб.* Эллинские традиции и варварские влияния в религиозной жизни греческих колоний Северного Причерноморья (VI–IV вв. до н. э.). Saarbrücken, Lambert Academic Publishing, 2011.
- И. Ю. Шауб.* Приобщение к Великой богине как кульминация загробных упований боспорской элиты: культурно-исторические параллели // БФ: Греки и варвары на Евразийском перекрестке. СПб., Нестор-История, 2013.
- И. Ю. Шауб.* Боспорские курганы и загробные представления боспорян // БИ. 2014. Вып. 30.
- И. Ю. Шауб.* Эллинское и варварское в курганах Боспора Киммерийского (мотив растительности) // Цивилизация и варварство. Вызовы деструкции в лабиринте миграции варварства. М., Аквилон, 2016. Вып. V.
- И. Ю. Шауб.* Боспорское жречество / Элита Боспора Киммерийского: Традиции и инновации в аристократической культуре доримского времени // БИ. 2017. Вып. 34.
- В. П. Яйленко.* Женщины, Афродита и жрица Спартокидов на новых боспорских надписях // Женщина в античном мире. М., Наука, 1995.
- Ch. Christou.* Potnia Theron: eine Untersuchung über Ursprung, Erscheinungsformen und Wandlungen der Gestalt einer Gottheit. Thessalonike, 1968.
- J. G. Frazer.* Adonis, Attis, Osiris: Studies in the History of Oriental Religion. New York, The Macmillan Co., 1907.
- A. L. Frothingham.* Medusa, Apollo and the Great Mother // *AJA*, 1911. Vol. 15. № 3.
- K. Meuli.* Scythica // *Hermes*, 1935. Bd. 70.
- M. Rostovtzeff.* Le culte de la Grande Déesse dans la Russie méridionale // *Revue des études grecques*. 1921. Vol. 32.

В. Г. Лазаренко

Культ Ахилла на Боспоре и феномен мирмидонян

На наш взгляд, культ Ахилла на Боспоре невозможно рассматривать в отрыве от феномена мирмидонян. Как считает большинство исследователей, они происходят из Фессалии. Однако Н. В. Брагинская, в самом начале своего труда заявившая: «Мы беремся доказать, что мирмидонцы не этнос, и что текст эпоса не подает мирмидонцев как

этнос /.../ в тексте “Илиады” сохранились следы образа мирмидонцев как мифологических существ», блестяще сделала это (Брагинская, 1993). Действительно, ни у Гомера, ни у других ранних авторов нет страны Мирмидонии, она появляется только у Стефана Византийского в VI в. н. э. Ахилл и его отец Пелей (вожди мирмидонцев в эпосе) сами ни разу не названы мирмидонянами, а «лучшим из мирмидонцев» у Гомера (II. XVIII. 10) назван почему-то Патрокл. Все попытки археологов локализовать вокруг реки Сперхий в Фессалии гомеровские города Пелея и Ахилла оказались безуспешными (Simpson. 1959). Очевидно, не прав Флавий Филострат, заявивший (Philostr. Heroic. XXXIII. 22), что мирмидонянами являются все фессалийцы.

Анализ внутренней формы слова Μυρμιδόνες намечен еще П. Кречмером, который указал: «Μυρμιδόν относится к лат. formido (страх, ужас) так же, как μύρμηξ к лат. formica (муравей)»; с учетом глоссы Гесихия μύρμος φόβος мирмидонцы являются «народом ужасных призраков» (Kretschmer. 1913. S. 308). По мнению Н. В. Брагинской, муравьи в обсуждаемом здесь контексте «функционально выполняют роль подземных, хтонических существ – “душ” до их вселения в людей», хотя она и признает, что существует «комплекс мифов о мирмидонцах, хтонических перволюдях и муравьином племени», причем муравьи предстают в них «воинственными, то есть внушающими страх», а «хтонические перволюди подобны муравьям или мертвецам» (Брагинская. 1993. С. 242, 246). Муравьи не играли почти никакой роли в официальном греческом религиозном ритуале, но они представлялись в народной религии «одной из самых частых обителей душ усопших» (Кагаров. 2012. С. 303–304). Правда, по Клименту Александрийскому (Clim. Alex. Protr. II. 39), фессалийцы в древности поклонялись муравьям, так как верили, что Зевс, обернувшись муравьем, сочетался браком с Эвримедузой и произвел на свет Мирмидона – первопредка мирмидонцев, но это очень позднее предание. Поклонение же муравьям представляется, возможно, не чем иным, как почитанием далеких предков – «перволюдей». Заметим, в этой связи, что Прометей у Эсхила (Esch. Prom. 448–453) и Эака (отца Ахилла) у Страбона (Strabo. VIII. 6. 16) объединяет то, что оба они были для «муравьев» культурными героями, «выведа их в люди из-под земли», привив новые навыки и знания. Это предание вполне могло иметь древнее уже для греков индоевропейское происхождение.

Однако, ни П. Кречмер, ни Н. В. Брагинская при всех их достижениях в толковании образа мирмидонян, даже не ставили вопрос, где могла зародиться древняя уже даже для Гомера легенда о мирмидонянах и их предводителе Ахилле. Между тем, ответ на этот вопрос мож-

но найти, опираясь на труды церковных писателей, начиная с раннего средневековья. Известно сообщение Евсевия Кесарийского (Euseb. Hist. eccl. III. 1. 1) о том, что апостолу Андрею выпало по жребию проповедовать в Скифии. Митрополит Макарий сделал вывод, что здесь имеется в виду так называемая Малая Скифия, то есть та Скифия, «которая, начинаясь от гор Балканских, шла к устьям Дуная и простиралась за Дунаем в пределах нашего отечества» (Макарий. 1994. С. 92). В. Г. Васильевский подчеркивал: «Апокрифические сказания об апостоле Андрее также древни или даже ещё древнее, чем те краткие сведения, которые находятся у церковных писателей и в списках апостолов», а также то, что среди апокрифов выделяются «Деяния Андрея и Матфея в стране антропофагов (Хождение в страну антропофагов или мирмидонян)» (Васильевский. 1877. С. 53, 58–59, 66). С. В. Петровский указал, что в перечень географических пунктов проповеди апостола Андрея, согласно апокрифам, входят, в частности, страна антропофагов, которая ассоциируется с Таврией и которую апостол достиг морем, а также «Мирмидон». В поздней латинской и англосаксонской редакции – это «Мирмидония», «страна Мирмидонян», «Мармедоняне» и конечный пункт проповеди апостолов Андрея и Матфея – «город Мармедонян (Мирмидон, Мармедон, Мермедон)», который ассоциируется с Херсонесом Таврическим. Затем С. В. Петровский показывает, с привлечением ряда античных авторов, в том числе – Геродота и Страбона, что локализация «страны антропофагов (скифов и тавров)» и Мирмидона в Таврии вполне обоснована; более того, привлекая античные источники об Ахилле в Северном Причерноморье, он полагает рассматриваемые сведения церковных писателей вполне достоверными (Петровский. 1898. С. 3, 9–26). У Филострата Старшего (Philostr. Heroic. XIX. 18, 20) находим упоминания о девушке, «которую Ахилл терзал и разрывал на части», о людоедах-скифах и конях-людоедах Ахилла на Левке. С. В. Петровский, рассмотрев соответствующие фрагменты «Илиады» и Еврипида, пришел к выводу, что «Ахилл оказывается фигурой, наиболее тесно связанной с воспоминаниями о древнейших человеческих жертвоприношениях и людоедстве» (Петровский. 1898. С. 23). Всё это объясняет античные и средневековые представления о Таврии как «стране людоедов», где жили мирмидоняне и располагался город Мирмедон. Нигде, кроме восточной части Крымского полуострова, не было населенных пунктов с названием Мирмекий – по крайней мере, у Павсания в «Описании Эллады» данных о таких городах или поселках нет. Напротив, Страбон (Strabo. VII. 4. 5; XI. 2. 6), Помпоний Мела (Pomp. Mela. Chor. II. 3) и Плиний Старший (Plin. NH. IV. 87) говорят о городе или городке Мирмекий, локализуя его в одном

и том же месте – в районе современной Керчи. О населенном пункте Мирмекий в Крыму сообщают также Псевдо-Скилак (Ps.-Scil. 68), Элий Геродиан (El. Her. XIII. 373. 26), Арриан (Arr. PPE. 76), а о мысе Мирмекий – Птолемей (Ptol. Geogr. III 6. 3). Кроме того, Страбон (Strabo. XI. 2. 6) упоминает о лежащем на противоположном берегу Боспора Киммерийского селении Ахиллея, где находится святилище Ахилла.

Безусловно, прав И. Ю. Шауб, говоривший об удивительном своеобразии причерноморской мифологии и культа Ахилла: «Оно явно было обусловлено не только воскрешением архаических пластов образа этого бога, но и несомненным влиянием на этот образ местной варварской среды» (Шауб. 2007. С. 197–198). С ним созвучен и В. П. Яйленко: «В мифе о северо-причерноморском Ахилле соединились две традиции: греческая, привнесенная колонистами, и туземная» (Яйленко. 2013. С. 74). Это влияние, видимо, было обусловлено тем, что греки-колонисты оказались в мощной идеологической среде, сформировавшейся ещё в период формирования и распада здесь индоевропейской общности. Современные же им местные «варвары» были, во многом, представителями обширного анклава реликтовых ариев, оставшихся в Северном Причерноморье после ухода из него основной массы ариев на рубеже III–II тысячелетий до н. э. (Трубачев. 1999. С. 99–102). Кроме того, именно здесь лингвисты полагают соседство греческого и арийского языков, имеющих значительное сходство грамматического строя и обширную общую лексику, к началу II тысячелетия до н. э. (Порциг. 2003. С. 234, 238). Видимо, не просто так Квинт Смирнский указывает, что Посейдон говорит Фетиде об Ахилле: «Богом будет твой сын. И людей поколения многих, / что из различных народов, живущих окрест, происходят, / Жертвами впредь по достоинству чтить его станут, словно меня самого» (Quint Sm. Post Hom. III. 773–779). Однако только знаковые открытия на Бейкуше позволили значительно расширить представления о характере и размерах местного влияния на архаический культ Ахилла в Северном Причерноморье.

Ранее нами было представлено развернутое обоснование преемственности в Северном Причерноморье до-греческого культа змей и начального культа Ахилла и синкретического характера культа последнего на раннем этапе (конец VII – начало V вв. до н. э.) его существования (Лазаренко. 2015; 2016а; 2016б). На наш взгляд, это явствует из оригинальности святилища на Бейкуше – уникальной для Греции связи Ахилла со змеями (Яйленко. 2013. С. 82) и безусловного наличия в этом святилище «варварских» элементов отправления культа Ахилла.

Особенностью многих граффити Бейкуша является их краткость – в виде A, AX, AXI (Русяева. 1971). То же самое можно отметить и для

подобных граффити конца VII – начала V в. до н. э. на соседних Березани¹ и Большой Черноморке II, где такие граффити датируются второй половиной VI в. до н. э. (Отрешко. 1977. С. 41–42). В Херсонесе Таврическом обнаружены граффити AX и AXI, датируемые IV в. до н. э. (Граффити античного Херсонеса. 1978. С. 38–39). При раскопках Феодосии найдены граффити и дипинти A, AX и AXI, датированные V–IV вв. до н. э. (Емец, Петерс. 1993). Такие же краткие посвящения Ахиллу найдены и на хоре античного Боспора (Сапрыкин, Масленников. 2007. С. 19–20. Рис. 371, 630, 677, 771). Почитание Ахилла в Мирмекии подтверждается находками граффити в виде AX и AXI (Емец. 2005. Табл. LIII-4; CX-4,5). Подобные находки сделаны и на Тамани, где Страбон помещал селение Ахиллея со святилищем Ахилла (см. выше). Сегодня его идентифицируют с поселением Батарейка I, где найдено граффито I в. н. э. – аббревиатура AX (Емец. 2005. С. 133). Однако, святилище Ахилла могло располагаться на соседнем поселении Каменная Батарейка, где внутри помещения I в. до н. э. – I в. н. э. обнаружено несколько граффити: на внутренней стороне дна краснолаковой миски – аббревиатура AX, рядом с которой магический знак в виде неправильного пятиугольника; в этом же помещении найден фрагмент амфоры с процарапанными змеями (Емец. 2005. С. 132–133). На соседнем поселении, Батарейка II, были найдены следующие граффити: аббревиатура AX с изображением перевернутого дерева, изображением змеи в виде волнистой линии, здесь же неоднократно встречались знаки в виде зигзага (Емец. 2005. С. 146. Табл. XLVII-6; XCIV-2), что, как известно, символизирует змей. В краткости всех этих граффити – A, AX, AXI (от Бейкуша до Тамани) видится вероятность данных посвящений не Ахиллу – античному герою, но Áhi-Змею – Верховному богу и Первопредку реликтовых ариев Северного Причерноморья (возможному прообразу местного Ахилла), в том числе в Таврии и на Тамани, где греки находились буквально в окружении реликтовых ариев, соответственно – тавров и синдо-меотов, а многие поселения имели смешанный греко-варварский характер. Изображения змей, перевернутого дерева (связанного с представлениями об ином мире) и пентаграммы на приведенных граффити Тамани находят явные аналогии с граффити Бейкуша, хотя их разделяет, как минимум пять веков. Всё это, видимо, указывает на чрезвычайную стойкость характера культа Ахилла в аспекте его связи с реликтовыми ариями. В отношении нахо-

¹ Любезное сообщение В. В. Крутилова, руководителя Березанской археологической экспедиции Института археологии Национальной академии наук Украины в 2004–2018 гг.

док посвящений Ахиллу в Мирмекии очень важно, что в индоевропейстике зафиксирован семантический переход понятий «змея (червь) – муравей» (Гамкрелидзе, Иванов. 1984. С. 527). Это позволяет, вероятно, считать едиными основы представлений древних о прото-Ахилле (Змее) и Ахилле-предводителе мирмидонян – «муравьиных людей»; связь последних с названием Мирмекия совершенно верно утверждает И. Ю. Шауб (2002). Возможно, легенда о мирмидонянах имеет местные корни, как и культ Ахилла в Северном Причерноморье. Только непреходящими и древнейшими местными представлениями об *Áhi-Zmee*, Верховном божестве и Первопредке можно объяснить, на наш взгляд, как устойчивость на протяжении целого тысячелетия культа Ахилла в Северном Причерноморье и якобы внезапное появление в Ольвии при римском владычестве культа уже не героя, но бога Ахилла-Понтарха – Владыки Черного моря, удивившее в свое время западных специалистов, так и сохранение на Боспоре даже в римское время очень ранних «змеиных» традиций в отпавлении культа Ахилла.

Литература

- Н. В. Брагинская.* Кто такие мирмидонцы? // От мифа к литературе. М., Российский университет, 1993.
- В. Г. Васильевский.* Русско-византийские отрывки: Хождение апостола Андрея в стране мирмидонян // ЖМНП. 1877. Вып. 189. Ч. 2.
- Т. В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванов.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Тбилиси, Тбилисский университет, 1984.
- Граффити античного Херсонеса – *Ю. А. Бабинов, С. И. Курганова, Г. И. Николаенко, Э. И. Соломоник, И. А. Лисовой, А. В. Шевченко; отв. ред. Э. И. Соломоник.* Граффити античного Херсонеса (на чернолаковых сосудах). Киев, Наукова думка, 1978.
- И. А. Емец.* Граффити и дипинти из античных городов и поселений Боспора Киммерийского: Типология и методика исследования. М., Спутник+, 2005.
- И. А. Емец, Б. Г. Петерс.* Граффити и дипинти античной Феодосии // КСИА. 1993. Вып. 207.
- Е. Г. Кагаров.* Культ фетишей, растений и животных в Древней Греции. Изд-е 2-е. М., Либроком, 2012.
- Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский.* История Русской Церкви. Кн. 1. М., Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994.
- В. Г. Лазаренко.* Культ змей в Северном Причерноморье IV–I тысячелетий до н. э. // Вісник Національного історико-археологічного заповідника «Кам'яна Могила». Запоріжжя, Дике Поле, 2016а. Вип. I.
- В. Г. Лазаренко.* Образ Змея и архаический культ Ахилла в Северном Причерноморье // Новый Гермес. Вестник античной истории, археологии и классической филологии. СПб. 2015. Т. VII.

- В. Г. Лазаренко.* Ранний период архаического культа Ахилла в Северном Причерноморье // Новый Гермес. Вестник античной истории, археологии и классической филологии. СПб., 2016б. Т. VIII.
- С. В. Петровский.* Апокрифические сказания об апостольской проповеди по черноморскому побережью // ЗООИД. 1898. Вып. 21.
- В. М. Отрешко.* Граффити, найденные на поселении Большая Черноморка II в 1973 г. // Некоторые вопросы археологии Украины. Киев, Вища школа, 1977.
- В. Порциг.* Членение индоевропейской языковой области. Изд-е 2-е, исправл. М., Едиториал УРСС, 2003.
- А. С. Русяева.* Культурні предмети з поселення Бейкуш поблизу о-ва Березань // Археологія. 1971. № 2.
- С. Ю. Сапрыкин, А. А. Масленников.* Граффити и дипинти хоры античного Боспора. Киев, Адеф – Україна, 2007.
- О. Н. Трубачев.* Indoагіа в Северном Причерноморье. М., Наука, 1999.
- И. Ю. Шауб.* Ахилл на Боспоре // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. Материалы Международной научной конференции. СПб., Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. Ч. 1.
- И. Ю. Шауб.* Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII–IV вв. до н. э.). СПб., Санкт-Петербургский университет, 2007.
- В. П. Яйленко.* Очерки этнической, политической и культурной истории Скифии VIII–III вв. до н. э. М., Onebook.ru, 2013.
- P. Kretschmer.* Mythische Namen. I. Achill // Glotta: Zeitschrift für griechische und lateinische Sprache. Göttinnen, Vandenhoeck und Ruprecht, 1913. Bd. 4.
- R. H. Simpson.* The Kingdom of Peleus and Achilles // Antiquity. 1959. Vol. 33.

K. K. Rabadjiev

The Greek Myths about Scythian North: Heracles and Achilles in Pontus

The paper is to discuss the North in Greek imagination, the idea about its construction through ages. One of the popular interpretations concerns the inhabited earth as ‘centre-periphery’ model of relations, with Delphi in its centre, surrounded with the *poleis* of the Greeks, the aliens and barbarians, and beyond were the strange people, fantastic creatures and monsters in its periphery (Cole. 2004. P. 75). On the other hand the periphery was a place for communities of noble folks and wise men – the Hyperboreans and Ethiopians, and the gods were their usual guests, as well as the place for the divine descendants – their mortal sons in Elysion and the Blest Islands (Рабаджиев. 2017). Which was the initial idea and was there a dominant concept at all? The first could be revealed through the deeds of Heracles, the second in the destiny of Achilles after his heroic death at Troy. And this is the intrigue of the plot here.

Heracles: The Greek hero was a tireless traveller crossing the known world in all its directions. The aim of his 10th Labour was the cattle of the monstrous three-headed/ three-bodied Geryon in Erythea, the island at the sunset beyond the Pillars of Heracles and the shores of Oceanus. There he killed the herdsman Euryton and his two-headed dog Orthus, Geryon as well, and he took the herd (Apollod. 2.5.10). The myth was known since Hesiod (*Theog.* 293) and Herodotus (4.8) attempted to tell it as a history that happened somewhere in the west, close to Gadeira/Gades: on coming back from the island Heracles travelled eastward along the Oceanus, which encircled the entire earth, and he arrived in a land, now called Scythia, but a desert at his time. There he fell asleep in the wintry and frosty weather, covered with his lion's skin. But his chariot was empty when he awoke and the mares were missing. He looked all over the land until he found a demonic creature – half a maiden and half a snake, in a cave in Hylaea (Ἵλαιή – the woods). The serpent-legged maiden was the queen of the land and she returned the horses to Herakles only after a sexual intercourse, as a result of which three sons were born. Thus Scythes, the youngest one, became the first Scythian king, since he was the only to accomplish the probations imposed by Herakles (Hdt., 4.8–10).

This legend Herodotus was told by the Greeks living along the Pontus, and it combined in one the myth about Geryon with the adventure of Heracles in Scythia. In modern studies it was discussed as a Hellenised version of the Scythian royal genealogy: Heracles as Targitaus and Scythes as Colaxais, in a story told by Herodotus (4.5–7) again¹. And the Geryon's story proved to be a convenient framework for mythmaking in colonization activities, since there were a lot of incidents with the cattle on Heracles' way back home through Italy, where the most popular one happened on the place of future Rome and in the centre of his cult at *Ara Maxima* on *Forum Boarium*. There the three-bodied Cacus stole the cattle in a cave and was destroyed by the hero (Verg. *Aen.* 8.193–270). Many others happened in Italy (Diod. 4.20–24; Dion. Hal. *Antiq. Rom.* 1.34–40) (Burkert. 1979. P. 83–85), and in the land of Celts as well, where Celtine, the beautiful daughter of Bretannus, hid away the cattle for a love affair, giving them back to Heracles only after their son – Celtus, the progenitor of the Celts, was born (Parthen. 30). And in Thrace Herakles became angry with Strymon, may be the river-god had stolen some of the cows, and he filled the river up with stones (Apollod. 2.5.10).

¹ See the discussion and structural analysis done by D. Raevskiy (Раевский. 2006. С. 35–105). This interpretation was rejected by A. Rusyaeva with an idea that the two (Greek and Scythian) were independent and belonged to different chronological levels (Русяева. 1991. С. 97–99; Rusyaeva. 2007. P. 95–98).

But in Scythia the theft concerned only the horses from the harness of his chariot. And if the cattle signified wealth, the horses probably denote power. The same as we know from his VIIIth Labour for the man-eating mares of Thracian Diomedes (Eur. *Alc.* 481–506; Apollod. 2.5.8); or from his fight on Laomedon and the destruction of Troy a generation before the Great war, when he was promised the marvellous horses and was cheated by the king (Hom. *Il.* 14.250) (Rabadjiev. 2001. P. 9–12). The Greek hero was the colonizer in them all, the strong man to overcome divine or royal enemies and to conquer lands. But he was a civilizer as well, since he cleared these lands from monsters – many of his antagonists were marginal figures between human and monstrous outlook; and he founded *poleis* to replace the caves, as these were the natural habitation for daemonic creatures. Such were Geryon, Cacus, even the Scythian queen, which all inhabited distant and wild lands or were at the edge of human world. On the other hand these were barbaric kings, inhumane like Diomedes, unjust like Laomedon, or simply thievish like the Scythian queen. Her mixed nature was known since Herodotus, mentioned also in Diodorus (2.43), in Valerius Flaccus (*Arg.* 6.48–68), and she was called Echidna in an inscription with roman date, the so-called epigraphic version (Толстой. 1966. С. 234–235). The late Hellenization of her name proves that she was not a character of Greek myth, as A. Rusyaeva interpreted her, but a Scythian goddess in royal genealogical legend in the reconstruction of D. Raevskiy. This could explain the matrix of mythmaking in Scythian legend, but only the Greek part in it (!). Because the sexual intercourse with the daemonic maiden, the birth of three sons, and the designation of king, were surely part of the royal genealogical legend², which has been manipulated by the Greeks living there³. Even in his outlook Heracles is described in Herodotus (4.10) with the girdle that had a golden vessel on the end of its clasp (!), which seems too much like the images of Scythian archers.

The Geryon's story, anyhow, was much popular, and the roads in all its versions draw the map of Greek Colonization (Croon. 1952). The story of

² The marriage of Heracles with the daemonic maiden could be interpreted as a version of the dragon-fighting myths (Бессонова. 1983. С. 44–45). About her images on Scythian artefacts: Бессонова. 1983. С. 93–98.

³ A. Rusyaeva may be is right in her proposal about mythological speculations done in late VIIth century by the Greek priests, why not in the Didymaion, the Milesian sanctuary of Apollo (Русяева. 1991. С. 114). But it comes clear that in late 6th century BCE the cult was much popular as a Dorian influence in Chersonesos Taurica from its metropolis Heraclea Pontica, as well as in other Greek *apokiai* on Northern Pontus, but least of all in Milesian Olbia (Диагтропов. 2001. С. 24–30; Захарова. 2003. С. 12–13; Русяева. 2005. С. 447–459). And a more probable place concerning the myth and cult of Heracles could be the Thasian Heracleion, the most prominent place of his cult after the 7th century BCE (Rabadjiev. 2001. P. 14–16).

Herodotus had a different itinerary than the one through the land of Celts and Italy. It started from far west, beyond the Oceanus, where the Geryon's island was, and along the margin of human world, Heracles appeared in Scythia, in a cold and desert land to the north, obviously close to the Oceanus too. Thus the Scythian episode of Heracles concerned the end of the world, where Scythia was in the geographic notion of Pontic Greeks, a frosty and inhospitable place with freakish people like the men with goats' feet (Hdt. 4.25), or the one-eyed Arimaspians (Hdt. 4.27), or the amazons (Hdt. 4.110), as well as daemonic creatures in fantastic outlook (the griffins).

But unlike the similar conflicts with Diomedes in Thrace, or with Cacus in Italy, where Heracles was the Conqueror and new towns had begun after him, here his civilizing role was as a progenitor of Scythian kings in a waste land, probably an opportunity for the Greeks, living far away from home, to arrange benefits from the kinship with mighty Scythian kings (Рабаджиев. 2005. С. 59–71)?

Achilles: Although Odysseus saw his shadow in Hades (Hom. *Od.* 11.467–540; 24.15), the greatest of Homeric heroes started anew his destiny after the death at Troy, when his divine mother took him from the funeral pyre and conveyed to island *Levke*. White, according to the poem *Aethiopsis* by Arctinus, known in a late paraphrase. The island in it was not specified⁴, but another eastern Greek poet – Alcaeus from Mytilene in the end of VIIth – VIth century called Achilles ‘a king who *rulest* the land of Scythia’ (fr. 15), while Pindar, a century later, mentioned him on the island of the Blest (Pind. *Ol.* 2.80–84), and on his bright island in *Eúxeinos* sea (*Nem.* 4.48–50). Such white colour of the island looks like the ‘white rock’ (Λευκὰς πέτρῃ), at the streams of Oceanus, close to the Gates of the Sun, beyond which was the asphodelian meadow for the dead (Hom. *Od.* 24.11–14) (Rhode. 1925. P. 537, note 102; Nagy. 1990. P. 234). It seems that some imagined it somewhere beyond Pontus also, where the Cimmerians were, living in darkness and mist (Hom. *Od.* 11.14)⁵, and according to Herodotus the Scythian land previously was their home (4.11–12)⁶. There, at the northern edge of world, Achilles was sent on a white island, and it happened sometime in the 8th century BCE, or in VIIIth – VIIth, when the

⁴ This was the reason for some of the scholars to interpret the White island in *Aethiopsis* as a mythical construction which later on was specified in a real *topos* with the Milesian colonization (Rhode. 1925. P. 537, note 102; Русяева. 1975. С. 175; Диатропов. 2001. С. 11; Попова. 2012. С. 248); an opposite interpretation about a cult on the island which provoked the poet to praise it in VIIth century, see in Иванчик. 2005. С. 74–76).

⁵ But only the ethnonym was a fact of real history, according to A. Ivanchik (Иванчик. 2005. С. 56).

⁶ The Cimmerians were ‘interwoven’ into the historical narrative about the Scythians (Vassileva. 1998. P. 71).

Milesian Arctinus praised in a poem his blissful existence⁷. Later in VIIth century BCE the Milesian colonists brought their religious concept there, mainly in Olbia, and the cult of Achilles was localised on the near island.

There he lived the life of blessed heroes, some even believed they could see him there together with Ajax (the two of them) his friend Patroclus and Antilochus, and Helen was his wife (Paus. 3.19.13); also in a picturesque depiction in *Heroicus* by Flavius Philostratus (54.2–57.17) (Русяева. 2005. С. 49–52). The same as we know about the selected few in the Elysium (Hom. *Od.* 4.561–569), or the Blest islands (Hes. *Op. et dies* 166–173) (Rhode. 1925. P. 64–66; 537; Рабаджиев. 2017). But the peculiar fact about this Pontic island was that its literary notion was confirmed with the religious cult of Achilles there (Arrian. *Peripl.*, 32–34), since the VIth century BCE up to the IIIrd CE (Hedreen. 1991. P. 320; Rusaeva. 2003. P. 1–16; Русяева. 2005. С. 99–116; Ochotnikov. 2006. S. 49–87), and the second half of VIth century for the cult activity in near Olbia, as the major centre for Achillean cult on the northern coast (Hedreen. 1991. P. 315; Русяева. 1975. С. 174–185; 1990. С. 42–49; Захарова. 2003. С. 11–12). An interesting confirmation of the above idea for the presence of Achilles there, was the mention of his temple in Euripidean drama as his home (δῶμος) on the island, not a *naos* as it usually was (*Andromache*, 1260–1262). The dedicators in the sanctuary were mainly Greeks, Milesian settlers in the region of Pontus; such was the cult on the mainland, as well⁸.

In a similar manner the Lydian king Croesus was taken from the pyre by Apollo to the land of Hyperboreans for a blissful life there (Bacchyl. 3.58). Thus the mortal children of gods were transferred before death and lived a life of ease – an eternal happiness like gods, but in a closed environment like local deities; under a wise order, with a pleasant climate like the abode of gods, and exuberant harvests. All these *makarios* spaces, inhabited with heroes, Ethiopians, Hyperboreans, were at the edge where Oceanus encircles the human world and designated its end. Beyond it was the divine *cosmos* where the gods were, and mortals as well, but only as ‘shades’ (*eidolon* and

⁷ Arctinus in *Suda* (α 3960) was mentioned to flourish about the ninth Olympiad (744–741), and his early date was based on the assumption that Homer knew the text of *Aethiopsis* (Edwards. 1985. P. 224–226); the VIIth century date was synchronized with the Milesian colonization (West. 2003. P. 13). But if the island in the poem was a mythical construction only (supra), then the VIIIth – beginning of VIIth century was more probable; see the discussion in Попова. 2012. С. 247–249.

⁸ Achilles was a Greek hero like Heracles, but also a figure in local cult, thus in a presumed syncretism with some Scythian or Thracian deity (Постовцев. 1918. С. 182). This idea could not be proved in later studies and a Greek cult was reconstructed, not popular outside Olbia: Дягтропов. 2001. С. 17; Русяева. 2005. С. 459–460; Hupe. 2006. S. 235–239; A. Rusaeva even rejected any idea about a local interpretation of the cult (2007. P. 98).

psyche)⁹. And the gods visited human world in anthropo- or zoomorphic form usually, or ritually in sacred sites or sacrificial rituals, but they were all frequent guests in person at the banquets of Ethiopians.

These ideas about the arrangement of universe could be traced in the metropolis, where numerous toponyms with Achilles and Leuke were known (See Хоммель. 1981. С. 63); Arctinus himself was a Milesian and his poem seemed to be based on the opposition between North and South: Achilles and Memnon were the antagonists at Troy and the Greek hero was taken by Thetis, his mother, to the North, while the Ethiopian was carried by his mother Eos/ the Dawn, to the land of Ethiopians at the South edge of earth (Hedreen. 1991. P. 326–330)¹⁰. Thus the opposite ends of human *oecumene* could be seen as a border line with the space of gods, places with blissful existence, of wise men and divine order. This idea could be perceived in the geographic and ethnographic writings of Milesian philosophers, especially Anaximander in his study of Cosmology and the first map of the known world, also Hecataeus with his *Periēgēsis* and *Genealogia* (Romm. 1992. P. 10–11; Bichler. 2015. P. 3–4). And Milesians were most of the colonists on the western and northern Pontic coast.

The people at the periphery were considered unblamable and just, such in the gaze of Zeus were the Abioi (Hom. *Il.* 13.4–6)¹¹, also the Isedonians next to Hyperboreans (Hdt. 4.26), and the Getae – the bravest and most just of the Thracians, according to Herodotus (4.93). And we could see them much similar to all those people at the end of Earth¹²: They had their god Salmoxis/ Zalmoxis with them, and like the Ethiopians and the Hyperboreans, they

⁹ A similar idea could be traced in a hymn to Thetis, where the city of Troy gained a share of Achilles mortal nature, while Pontus possessed his immortal part from the lineage of his divine mother (Philostr. *Her.* 53.10; Хоммель. 1981. С. 74); which seemed much close to the Homeric concept about Heracles with his *eidodlon* in Hades, and the *psyche* on Olympos with the gods (Hom. *Od.* 11.601–627).

¹⁰ This concept was rejected by A. Ivanchik as an artificial speculation, even the cult on the island in Pontus was almost a century older than the world map of Anaximander (Иванчик. 2005. С. 80–82). But this could be a mythical construction, the idea could be older than the concepts of Milesian philosophers, and the religious artefacts on Leuke indicate a VIth century date. And there are not many answers left to explain the unique cult on the Pontic island (Farnell. 1921. P. 287). About the cult on the island as an Ionian idea of the North, see in Попова. 2012. С. 253.

¹¹ These were next to the Thracian horsemen, the Mysians that fight in close combat, and the noble Hyperboreans that drank the milk of mares, and the Abioi, the most righteous of men, all at the north end of the world, among the horse breeding people in the steppe region (Куклина. 1969; Иванчик. 2005. С. 49–52); the same with the *Gabioi* in Aeschylus drama (Hadas. 1935. P. 116).

¹² The discussion on ancient utopias about marvelous people at the edge of human world: Hyperboreans, Ethiopians, Phaeacians, Atlanteans, on Elysian Fields and Blest Islands, in: Рабджиев. 2017.

feasted with him, even the chief among them were his table-companions at the *symposia* in his *andreon*, and they were promised that neither he, nor his guests, nor any of their descendants should ever die, but that they should go to a place where they would live forever and have all good things (Hdt. 4.95). This could explain the belief of Getae in immortality (Hdt. 4.94), and looks much the same as the blissful existence of Greek heroes, since the ancients compared Zalmoxis to Greek Kronos – the Lord of the Blest islands¹³. Even their way of life and diet were much similar to those at the world's end (See in Вълчинова. 1991. С. 18–23), and the Leuce island was close to their land, within 50 km from the outflow of Istros. Their communion with gods was the reason for the righteous behaviour, not the belief of Strabo in the moral strength of their primitive and simple way of life (7.3.2–4); the ideas about 'noble savages' and the social utopias could hardly explain the Homeric epos.

Pontus was regarded as a kind of Oceanus itself, a place beyond the limits of inhabited world (Strab. 1.2.10), and the echo of this legend was still known in early Vth century when Pindar placed the Hyperboreans beyond Istros, where Heracles took the wild olive trees for the Olympian sanctuary of his father (*Ol.* 3.14–16; 25–34), and Apollo was the most popular god in Greek *apoikia*i on the Thracian littoral of Pontus¹⁴. Later on in the same century Herodotus was told by these very Milesian Greeks about the Getae and their Salmoxis, similar to the Hyperborean Abaris (see Plat. *Charm.* 158B). And the question is – were their strange rituals and the enigmatic god a visible reality, which they observed on their Thracian neighbours, or they just retold a century old tradition, the display of a model about people at the edge between divine and human worlds¹⁵? And in the time of Herodotus the known world extended and the belief about any people on the edge was moved beyond the Scythians, just like a rumour, too suspicious and unbelievable: 'But if there be men beyond the north wind, then there others beyond the south' (Hdt. 4.36).

¹³ The worship of Kronos as Zalmoxis by the Getae was mentioned by Mnaseas (in *Suda*); also known in *Vitae philosophorum* by Diogenes Laertius (8.2); and confirmed by Hesychius (Рабаджиев. 2011. С. 41–42).

¹⁴ The popularity of Apollonine cult was a result from the Milesian policy, but Apollo Iatros could be a manifestation of interactions with ideas from the Thracian hinterland (Ustinova. 2009. P. 245–298).

¹⁵ About a century old discussion on the homeland of Hyperboreans in Thracian lands – for a critical review of evidences and ideas see G. Macurdy (1925. P. 196–210); also about the Greco-Getae as 'mix-Hellenes', who maintained the contacts with the religious centre on Delos see C. Seltman (1928. P. 155–159); as well as the idea to incorporate Thracian lands to the itinerary of the Hyperborean offerings in an ideological construction, which A. Fol named as the 'Hyperborean diagonalis' in an area of cultural interactions (Фол. 1984. С. 78–79); but this was accepted literally to arrange the Hyperborean deities in the Thracian pantheon: Гепрова. 1987. С. 4–13; Venedikov. 1989. P. 72–89; Lazova. 1996. P. 44–46.

* * *

The arrival of Heracles and Achilles in the north of *Póntos Eúxeinos* was a result of Greek activities, since their images among the Scythian elite were not popular before the late 4th century, which clearly attested the time of their presence in the Hellenistic world of interactions (Захарова. 2003. С. 13; Rusyayeva. 2007. P. 97)¹⁶. And the two great Greek heroes stand for two different conceptions about the *oecumene*: in the first one, determined here as ethno-centric, the Greeks were in the centre, while in the periphery were barbarians with strange habits, with monstrous outlook and inhuman behaviour. And Heracles was needed to civilize this hostile world according to his Greek manners. In the second one the periphery was the border line between human reality and divine order, a place similar to heavenly abode of gods, inhabited with god-like people, full with wisdom and happiness. The first one appeared in the North through the Doric influence, while the second could be attributed to the Ionian Greeks, the Milesian philosophers, attempting to construct a new and ideal *oecumene*, similar to the efforts of Milesian Hippodamus to build the perfect town.

Литература

- Alcaeus* // *Lyra Graeca*. English translation J. M. Edmonds. LCL, 1 (1922)
- Apollodorus*. *Bibliotheca* // *Apollodorus*. The Library. English translation J. G. Frazer. – In: LCL, I–II.
- Arctinus*. *Aethiopsis* // *Greek Epic Fragments*. From the Seventh to the Fifth Centuries B. C. English translation M. L. West. LCL (2003).
- Arrian. *Periplus Ponti Euxini* // *Арриан Объезд Эвксинского Понта*. Русский перевод П. И. Прозорова. В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Часть первая. Греческие писатели (продолжение). ВДИ 1948, № 3 (25).
- Bacchylides*. *Epinikia* // *Lyra Graeca*. English translation J. M. Edmonds. LCL, Vol. III (1927).
- Diodorus Siculus*. *Bibliotheca Historica* // *The Library of History of Diodorus Siculus*. English translation C. H. Oldfather. LCL, I–XII.
- Diogenes Laertius*. *Vitae philosophorum* // *Lives of Eminent Philosophers*. English translation R. D. Hicks. LCL, II.
- Dionysius Halicarnassensis*. *Antiquitates Romanae* // *The Roman Antiquities*. English translation E. Cary. LCL, I–VII.
- Euripides*. *Andromache, Alcestis* // *Euripides*. English translation A. S. Way. LCL, I–IV.
- Herodotus*. *Historiae* // *Herodotus*. English translation A. D. Godley. LCL, I–IV.

¹⁶ In his analysis on Greek images in Scythian environment, in particular the gold decoration on some quivers with scenes from the life of Achilles, D. Raevskiy has interpreted their social function neither in adoption of Greek religious ideas by the Scythian elite, nor formation of syncretic cults, even not popularity of Greek heroes, but the use of Greek imagery to present native ideology (Раевский. 1980. С. 49–71).

- Hesiod. Theogonia, Opera et dies* // Hesiod, The Homeric Hymns and Homeric. English translation H. G. Evelyn-White. LCL (1982).
- Homer. Ilias* // The Iliad. English translation A. T. Murray. LCL I–II.
- Homer. Odyssea* // The Odyssey. English translation A. T. Murray. LCL I – II.
- Parthenius of Nicaea. Erotica* // Longus, Daphnis and Chloe. Parthenius, Love Romances. English translation J. M. Edmonds, S. Gaselee. LCL (1916).
- Philostratus. Heroicus* // Flavius Philostratus. On Heroes. English translation J. K. Berenson Maclean, E. B. Aitken. Atlanta, Society of Biblical literature, 2001.
- Pindar. Olympionikai, Nemeonikai* // The Odes of Pindar. English translation J. Sandys. LCL (1915).
- Platon. Charmides* // Plato. English translation W. R. M. Lamb; R. G. Bury. LCL, VIII (1927).
- Strabon. Geographica* // The Geography of Strabo. English translation H. L. Jones. LCL, I–VIII.
- Valerius Flaccus. Argonautica* // Argonautica. English translation J. H. Mozley. LCL (1934).
- Publius Vergilius Maro. Aeneid* // Virgil. English translation H. R. Fairclough. LCL, I–II.
- С. С. Бессонова.* Религиозные представления скифов. Киев, Наукова думка, 1983.
- Г. Вълчинова.* „Млекопийци“ и „винопийци“ в Древна Тракия (Към Страбон VII, 3.11) // Векове. 1991. 20. № 1/2.
- Д. Гергова.* За сакралния характер на находката от Рогозен // Археология. 1987. XXVIII. № 3.
- П. Д. Диатроптов.* Култът на героите в античното Северно Причерноморье. Москва, Индрик, 2001.
- Е. А. Захарова.* Култы Древнегреческих героев Ахилла и Геракла в Северном Причерноморье (VI – I вв. до н. э.). Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Москва, 2003.
- А. И. Иванчик.* Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII – VII вв. до н. э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история // Pontus Septentrionalis III. Москва – Берлин, 2005.
- И. В. Куклина.* АБИО в античной литературной традиции // ВДИ. 1969. № 3 (109).
- Р. Попова.* Левка: Конструирани на свещения топос (1) // Thracia. 2012. XX.
- К. Рабаджиев.* Херакъл в Тракия – Херакъл на скитите (съпоставителен анализ) // Тракия и околния свят. МИФ. 2005. 9.
- К. Рабаджиев.* Залмоксис, гетите и безсмъртието // Terra Antiqua Balcanica et Mediterranea. Miscellanea in honour of Alexander Minchev (В. Йотов, И. Лазаренко, съст.). Acta Musei Varnaensis. 2011. VIII-1.
- К. Рабаджиев.* Общества на края на света в елинските представи // Сборник изследвания в чест на доц. Мария Рехо. София, 2017 (под печат).
- Д. С. Раевский.* Эллинские боги в Скифии? (К семантической характеристике греко-скифского искусства) // ВДИ. 1980. № 1 (150).
- Д. С. Раевский.* Очерки идеологии скифо-сакских племён. Опыт реконструкции скифской мифологии (1977) // Мир скифской культуры. Серия: Studia historica. Москва, Языки славянских культур, 2006.
- М. И. Ростовцев.* Новая книга о Белом острове и Таврике // Известия Императорской археологической комиссии. 1918. Т. 65.

- A. С. Русяева.* Вопросы развития культа Ахилла в Северном Причерноморье // Скифский мир. Киев, Наукова думка, 1975.
- A. С. Русяева.* Идеологические представления древних греков Нижнего Побужья в период колонизации // Обряды и верования древнего населения Украины. Киев, Наукова думка, 1990.
- A. С. Русяева.* Понтийская легенда о Геракле: вымысел и реальность // Духовная культура древних обществ на территории Украины. Киев, Наукова думка, 1991.
- A. С. Русяева.* Религия Понтийских эллинов в античную эпоху. Мифы. Святилища. Культы олимпийских богов и героев. Киев, Стилоз, 2005.
- И. И. Толстой.* Черноморская легенда о Геракле и змееной деве // Статьи о фольклоре. Москва – Ленинград, Наука, 1966.
- A. Фол.* Хиперборейский диагональ // Векове. 1984. 13 № 6.
- X. Хоммель.* Ахилл-бог // ВДИ. 1981. № 1 (155).
- R. Bichler.* Persian Geography and the Ionians: Herodotus // Brill's Companion to Ancient Geography. The Inhabited World in Greek and Roman Tradition (S. Bianchetti, M. R. Cataudella, H.-J. Gehrke, Eds.). Brill, 2015.
- W Burkert.* Structure and History in Greek Mythology and Ritual. Berkeley, University of California Press, 1979.
- S. G. Cole.* Landscapes, Gender and Ritual Space. The Ancient Greek Experience. Berkeley, University of California Press, 2004.
- J. H. Croon.* The Herdsman of the Dead (Studies on some Cults, Myths, and Legends of the Greek Colonization area). Utrecht, 1952.
- A. T. Edwards.* Achilles in the Underworld: Iliad, Odyssey, and Aethiopis // Greek, Roman, and Byzantine Studies. 1985. 26. No. 3.
- L. R. Farnell.* Greek Hero Cults and Ideas of Immortality. Oxford, Clarendon Press, 1921.
- M. Hadas.* Utopian Sources in Herodotus // Classical Philology. 1935. 30 No. 2.
- G. Hedreen.* The Cult of Achilles in the Euxine // Hesperia. 1991. Vol. 60. No. 3.
- J. Hupe.* Synthese: Akkulturationsprozesse im Spiegel des Achilleus-Kult // Der Achilleus-Kult im nördlichen Schwarzmeerraum von Beginn der griechischen Kolonisation bis in die römische Kaiserzeit. Beiträge zur Akkulturationsforschung (J. Hupe, Hrsg.). Internationale Archäologie. 2006. Bd. 94
- Ts. Lazova.* The Hyperboreans. A Study in the Paleo-Balkan Tradition // Thracia Pontica Series VII. Sofia, St. Kliment Ohridski University Press, 1996.
- G. H. Macurdy.* Troy and Paeonia with Glimpses of Ancient Balkan History and Religion. New York, Columbia University Press, 1925.
- G. Nagy.* Greek Mythology and Poets. Cornell University Press, 1990.
- S. Ochotnikov.* Achilleus auf der Insel Leuke // Der Achilleus-Kult im nördlichen Schwarzmeerraum von Beginn der griechischen Kolonisation bis in die römische Kaiserzeit. Beiträge zur Akkulturationsforschung (J. Hupe, Hrsg.). Internationale Archäologie. 2006. Bd. 94.
- K. Rabadjiev.* Herakles, Diomedes and Thrace // Archaeologia Bulgarica. 2001. 5 No. 3.
- E Rohde.* Psyche. The Cult of Souls and Belief in Immortality among the Greeks. London, Routledge & Kegan Paul, (1893), 1925.
- J. S. Romm.* The Edges of the Earth in Ancient Thought: Geography, Exploration, and Fiction. Princeton, Princeton University Press, 1992.

- A. S. Rusyaeva.* The Temple of Achilles on the Island of Leuke in the Black Sea // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. An International Journal of Comparative Studies in History and Archaeology. 2003. 9. № 1–2.
- A. S. Rusyayeva.* Religious Interactions between Olbia and Scythia // Classical Olbia & the Scythian world. From the sixth century BC to the second century AD (D. Braund, S. D. Kryzhitskiy, Eds.). Proceedings of the British Academy 142, Oxford University Press, 2007.
- C. T. Seltman.* The Offerings of the Hyperboreans // The Classical Quarterly. 1928. 22 No. 3/4.
- Y. Ustinova.* Apollo Iatros: A Greek God of Pontic Origin // Die Griechen und ihre Nachbarn am Nordrand des Schwarzen Meeres (K. Stähler, G. Gudrian, Hrsg.). Beiträge des Internationalen archäologischen Kolloquiums, Münster, 2001. Eikon. 2009. 9.
- M. Vassileva.* Greek Ideas of the North and the East: Mastering the Black Sea Area // The Greek Colonisation of the Black sea Area (G. R. Tsetskhladze, Ed.). Stuttgart, 1998.
- I. Venedikov.* The Hyperboreal Deities in the Thracian Pantheon // The Rogozen Treasure. Sofia, BAS, 1989.
- M. L. West.* Iliad and Aethiopia // The Classical Quarterly. 2003. 53. № 1.

Н. Л. Кучеревская

Эпиклезы греческих божеств в лапидарной эпиграфике Боспора

Ко времени колонизации Северного Понта в античном мире сложился общегреческий пантеон Олимпийских богов. Однако, в каждом полисе особым почитанием пользовались божества – покровители общины, отвечающие за самые важные сферы её жизнедеятельности. В боспорском пантеоне также существовали культы как олимпийских, так и местных богов, сфера влияния которых ограничивалась территорией, на которой были основаны античные поселения.

Ценными источниками сведений о религиозной жизни населения античного Боспора являются памятники лапидарной эпиграфики.

Посвятительные надписи содержат информацию о почитании боспорскими греками Аполлона, верховного бога. О популярности его культа свидетельствуют многочисленные надписи. В манумиссии из Фанагории (КБН. 985) и посвящении из Танаиса (КБН. 1239) упоминается «бог Аполлон», в надписи из Гермонассы (КБН. 1039) – «Аполлон» без эпитета.

Надпись из Фанагории свидетельствует об установке памятника θεῶν Ἀπόλλωνι τῷ ἐν Διοκλείοις ἀτελεῖ, «/.../ богу Аполлону Вечному, что в Диоклеях /.../» (КБН. 975). В. П. Яйленко считает более точным

перевод В. В. Латышева – «Бесконечному» (IOSPE. II, 351), склоняясь, однако, к собственной версии толкования ἀτέλει «в качестве вторичного наречия со значением “беспощинно”, имеющего форму дат. падежа прилагательного ἀτέλης /.../» как указание на безвозмездное посвящение памятника в храм (Яйленко. 2010. С. 526–527).

Посвящение [Απόλλωνι Δελ] φινί [ωι], Аполлону Дельфинию, из Гермонассы (КБН. 1038), вероятно, указывает на пророческий дар бога. В. П. Яйленко выявил среди хранящихся в лапидарии ВКИКМЗ «беспаспортных» памятников фрагмент плиты с остатками букв четырёх строк надписи, инв. № КЛ-948 (Рис. 1), убедительно атрибутировав её как посвящение Аполлону Дельфинию (Яйленко. 2010. С. 657–659. Рис. 74).

Наиболее распространена на Боспоре эпikleза Аполлона Ἴητρος – Врач. В пантикапейских надписях (КБН. 6, 10, 25), посвящениях из Фанагории (КБН. 974) и Гермонассы (КБН. 1044) Аполлон упоминается в ипостаси Врача. Вероятно, на Боспоре образ Аполлона вобрал в себя функции, заимствованные у его сына, бога врачевания Асклепия.

Асклепий в лапидарных надписях упоминается лишь единожды: Ἀσκληπιῶ Σωτ [ἦρι] καὶ εὐεργέτη – Асклепию, Спасителю и Благодетелю, посвящён культовый стол, найденный на Темир-горе и хранящийся в Эрмитаже (КБН. 957).

Кульτ Афродиты Урании имел широкое распространение на Боспоре. Надписи IV в. до н. э. из Пантикапея (КБН. 7, 13, 17), Гермонассы (КБН. 1043) эпитеты Афродиты не называют. Имя богини без указания эпikleзы засвидетельствовано надписью фиаса из Гермонассы (КБН. 1055) во II в. н. э. Культ Ἀφροδίτη Ναυαρχίς – Афродиты Навархиды («Судоначалница») – засвидетельствован с середины I в. до н. э. надписями из Горгиппии (КБН. 1115) и – вместе с Посейдоном Сосинеем (Ποσειδῶν Σωσίνεως, «Спасителем кораблей») – из Пантикапея (КБН. 30). В первые века н. э. культ Афродиты приобрел особенно большое значение как культ богини-покровительницы государства (Бунин. 2004. С. 106–111). Посвятительные надписи первых веков н. э. в честь Ἀφροδίτη Οὐρανίη Ἀλατούρο μεδέουσα – Афродиты Урании, владычицы Апатура – происходят из азиатской части Боспора (КБН. 971, 1111); из Пантикапея известны посвящения (КБН. 31, 35) и манумиссия (КБН. 75), содержащие полную формулировку эпikleзы богини. В посвящении из Фанагории (КБН. 972) Афродита почитается в ипостаси Урания («Небесная»), без упоминания святилища Апатур; не сохранился (или отсутствовал) эпитет богини в надписи на фрагментированном постаменте (КБН. 1041). Надписью из Гермонассы засвидетельствовано посвящение [Афро] δείτη Ἀλατουριάδι, Афродите Апатуриаде, восстановленных храмовых построек (КБН. 1045).

Как покровительница победы и успеха в делах Афродита прославляется, вместе с Зевсом и Аресом, в посвянительной надписи из Танаиса (КБН. 1237). Интересно, что боспорцы причислили к богам, дарующим победу, именно Афродите, а не Афины. Возможно, и в пантикапейской надписи (КБН. 32) к божествам-воителям относится, в том числе, Афродита. Дева упоминается лишь в одной надписи из Пантикапея (КБН. 74).

В условиях варварского окружения военное дело для боспорцев имело важнейшее значение. Однако, о существовании храма Ареса в Пантикапее известно лишь из одной строительной надписи (КБН. 63). Негативная оценка роли этого воинственного божества $\text{Νομάδων} \dots \thetaοῦρος \text{Ἄρης}$ («бурный Арес номадов») содержится в метрической эпитафии Лисишаха, сына Психариона (КБН. 120).

Информацию о почитании Зевса дают надписи первых веков н. э. В посвянительной надписи Фарнака Зевс носит эпитет Γενάρης – «Генарх» (КБН. 29). В одной из метрических эпитафий (КБН. 135) к нему обращаются как к Ζεὺς ξένιος , покровителю странников.

В первой половине II в. до н. э., судя по пантикапейской надписи в честь Зевса Спасителя (КБН. 26) зарождается культ богов-спасителей, в I в. н. э. он получает дальнейшее распространение на Боспоре, в частности, в Мирмекии (КБН. 868).

Культ Зевса и Геры Спасителей, очевидно, был в особом почёте в среде высшей придворной аристократии Боспорского царства, о чём свидетельствует надпись из Пантикапея, поставленная аристократами $\thetaεοῖς \acute{\epsilon}λουραν [i] οἰς \Delta\iota \Sigma\omega\tau\eta\rho\iota \kappa\alpha\iota \text{Ἦρα} \Sigma\omega\tauεῖρα$, «богам небесным Зевсу Спасителю и Гере Спасительнице», за воинские победы и долголетие боспорского царя (КБН. 36а). В манумиссии, найденной близ станицы Запорожской, названы $\text{Ζεὺς} \kappa\alpha\iota \text{Ἦρα} \text{Κυλειδῶν}$, Зевс и Гера Килидов, покровители аристократического рода Килидов (КБН. 1021).

В манумиссии из Горгииппии, посвящённой безымянному «Богу высочайшему, вседержителю, благословенному /.../», указываются и верховные олимпийские боги – Зевс, Гея, Гелиос – выступающие покровителями вольноотпущенников (КБН. 1126). Под охраной Зевса, Геи и Гелиоса посвящена богине Ма (?) и Деве вскормленница Фаллуса в почётной надписи из Пантикапея (КБН. 74). Эти же божества выступают защитниками вольноотпущенников в текстах манумиссий из Горгииппии (КБН. 1123, 1126).

Поскольку основой экономики Боспорского царства было земледелие, культ Деметры, покровительницы хлебных злаков, играл большую роль в религиозной жизни боспорян. Деметре посвящены надписи из Пантикапея (КБН. № 8, 14). Культ $[\Delta\eta] \mu\eta\tau\eta\rho \Thetaεσμοφόρος$, Деметры

Фесмофоры, покровительницы браков, засвидетельствован надписями конца IV–III вв. до н. э. из Пантикапея (КБН. 18) и Мирмекия (Бутягин, Бехтер. 2007. С. 75–77. Рис. 5). Эллины связывали свои надежды на бессмертие с религией богини зерна и плодородия Деметры и ее дочери Персефоны – богини царства мертвых. С Персефой сравнивается Феофила, дочь Гекатея, в пантикапейской стихотворной эпитафии I в. до н. э. – I в. н. э. (КБН. 130). В этой же надписи упоминается и Мойра, «нечестивая»; в эпитафии Трифониды, жены Филетэра, Мойра названа «смертоносной» (КБН. 128); на стеле Мусы, жены Полистрата, божество олицетворяет несчастную судьбу (КБН. 139); в эпитафии Аргона и Ма старость убивает всех по воле Мойр (КБН. 132); доблестного воина Аполлония, сына Аполлония, «завертело веретено» Мойры (КБН. 119).

Культы богинь плодородия, глубоко укоренившиеся на Боспоре, подготовили благоприятную почву для поклонения Кибеле, называвшейся великой богиней, матерью природы. Кибелу боспорцы в посвященных надписях именовали *Μήτηρ Φρυγία* – Фригийской матерью или просто Матерью (КБН. 21, 23), один раз встречается редкий эпитет – *Ἄγγισσις*, Ангисса (КБН. 27).

Эпиграфические памятники говорят о распространении культа Артемиды на Боспоре. Почитание Артемиды без упоминания эпитета засвидетельствовано Пантикапее (КБН. 12), с эпиклезой «Эфесская» – в Пантикапее (КБН. 6а, 11) и на Таманском полуострове (КБН. 1040 (Гермонасса), 1114 (Горгиппия). Почиталась также *Ἄρτεμις σὺμ [βουλος]*,

Рис. 1. Фрагмент посвящения Аполлону Дельфинию (ВКИКМЗ, КЛ-948)

Артемиды Советчица (в Пантикапее (КБН. 28) и Ἄρτεμις Ἀγροτέρα, Агротера – на побережье Ахтанизовского лимана, где обнаружены развалины храма, предположительно, Артемиды (КБН. 1014).

Об установке статуй, посвящённых Дионису, говорят, дошедшие до нас надписи на постаментах: например, посвящение Дионису (КБН. 24), Διονύσω [ι] Ἀρείῳι (Дионису Арею) из Пантикапея (КБН. 15). Посвящение Дионису содержит надпись на архитравной балке пропилей из Нимфея (Соколова, Павличенко. 2002. С. 99–121).

Култ Геракла запечатлён в посвяtitельных надписях из Пантикапея (КБН. 16, 53) и Таманского полуострова (КБН. 973, 980, 1036, 1048), где его имя употребляется без эпитета. В надписях (КБН. 53, 980, 1048) Геракл, вместе с Эвмолпом, сыном Посейдона, назван родоначальником боспорских царей династии Савроматов.

Найденный у Ахтанизовского лимана постамент содержит посвящение царицей Комосарией двух статуй ἰσχυρῶι θεῶι Σανέρυει καὶ Ἀστάραι, «сильному богу Санергу и Астаре» (КБН. 1015), имена этих божеств более нигде не встречаются.

На основе культов богов Сотеров, как выражение уважения к римским императорам, на Боспоре возникает культ Августов, жрецом которого выступает боспорский царь. Первое свидетельство проримской ориентации встречается на Боспоре в надписях времени правления Асандра и Динамии – второго поколения правителей Боспора после Митридата VI Евпатора. Из почётных надписей известно о посвящениях римским императорам статуй от боспорских царей (КБН. 30–40, 978, 979, 1046), носивших, кроме своего личного имени имя Тиберий Юлий и титул «друг цезаря и римлян».

Лапидарные посвяtitельные надписи Боспора свидетельствуют о том, что в первые века н. э. все большее значение приобретает культ θεὸς βροντῶν ἐπιτακοῦς – Бога Высочайшего, внемлющего. Как следует из надписи на крышке культового стола (КБН. 942) «Богу гремящему, внемлющему» общиной кититов посвящёны храмовые сооружения в Китее. [Θεῶ Ὑψι] ἰστ [φ παντοκράτ] ορι εὐλοῦ [ητ] ῶ, «Богу Высочайшему, вседержителю, благословенному», посвящали рабов, которым манумиссией даровалась свобода (КБН. 1125). На основе культа Верховного бога были созданы для его почитания религиозные объединения – фиасы. Во многих крупных боспорских городах – Пантикапее, Феодосии, Фанагории, Горгиппии, Танаисе существовали эти религиозные союзы, почитавшие Афродиту Апатуру, Зевса и Геру Спасителей, Посейдона. Особенно распространено было почитание «бога высочайшего», «внемлющего», «справедливого», «гремящего». Возникновение культа Верховного бога свидетельствует о том, что в первые

века н. э. на Боспоре наблюдается нарастающий синкретизм, забвение первоначального значения, соединение атрибутов отдельных божеств.

Литература

- Д. С. Бунин. К вопросу об обстоятельствах формирования культа Афродиты Урании на Боспоре // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Материалы международной научной конференции. СПб., Изд. Государственного Эрмитажа, 2004. Ч. 1.
- А. М. Бутягин, А. П. Бехтер. Новые надписи из Мирмекия // ΕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ. СПб., Изд-во СПбГУ, 2007.
- О. Ю. Соколова, Н. А. Павличенко. Новая посвяtitельная надпись из Нимфея // *Hyperboreus*. СПб., Bibliotheka Classika Petropolitana, 2002. Vol. 8. Fasc. 1.
- В. П. Яйленко. Тысячелетний Боспорский рейх. История и эпиграфика Боспора VI в. до н. э. – V в. н. э. М., Гриф и К, 2010.

М. Б. Муратова

Так называемая статуя Неокла: к вопросу об этнической и социальной идентификации на Боспоре

Мраморная статуя стоящего мужчины в гиматии из коллекции ГМИИ им. А. С. Пушкина (Рис. 1) относится к типу почетных статуй, довольно распространенному в греческом и римском мире с IV в. до н. э. (Bieber. 1959. P. 398–399, Figs. 40–46; Polaschek. 1969. S. 82–84; Smith. 2007. Figs. 2, 3).

Статуя была найдена в 1939 году в Анапе, «при рытье ямы для установки столба» (Кобылина. 1941. С. 79). Уже в самой первой публикации (Кобылина. 1941) были высказаны два утверждения, которые в последующей литературе повторялись, как неоспоримые факты. Во-первых, данная статуя была соотнесена с найденной неподалеку фрагментированной надписью от статуи некоего Неокла¹ (Ельницкий. 1949. С. 132–136; Сапрыкин. 1986. С. 65), и, соответственно, идентифицирована как изображение этого самого Неокла. Во-вторых, гривна на шее изображённого и «черты широкого с развитыми скулами лица» были истолкованы, как свидетельство о варварском происхождении персонажа (Кобылина. 1941. С. 79; Кобылина. 1951. С. 171–172). Вскоре, гривна стала интерпретироваться как «знак власти у варварских племён»

¹ ГМИИ им. А. С. Пушкина, инв. П 1а 818.

Рис. 1. Статуя мужчины в гиматии (так называемая статуя правителя Горгиппии). Найдена в Анапе. Мрамор. 2-ая пол. II в. н. э. ГМИИ им. А. С. Пушкина. Инв. П 1а 817

(Бритова, Лосева, Сидорова. 1975. С. 68), а сам изображённый, соответственно, как представитель власти.

Стилистически, статуя может быть отнесена ко второй половине II в. н. э. (Fittschen, Zanker, Cain. 2011. Nr. 95, 96, 105, 131), что соответствует дате, указанной в надписи Неокла – 186/187 г. н. э. Проблема заключается в том, что связь между надписью и статуей зиждется исключительно на том, что они были найдены недалеко друг от друга. Весьма интересен и важен ещё один факт, опубликованный совсем недавно: на том же участке было найдено несколько мужских статуй, а именно четыре или пять. Таким образом, надпись Неокла могла с одинаковой вероятностью относиться как к одной из них, так и ни к одной из них. К сожалению, нынешнее местонахождение этих статуй остается неизвестным (Шедевры античного искусства. 2011. С. 426, № 153).

Иконография статуи из Анапы весьма традиционна: мужчина средних лет одет в хитон и обернут в гиматий; складки, падающие с запястья левой руки, частично закрывают фрагментарно сохранившуюся связку свитков, стоящую у его левой ноги. Этот атрибут, часто использовавшийся в греческом мире при изображении ораторов, философов и общественных деятелей, вновь становится популярным в Римской империи во II в. н. э. в разгар «второй софистики» (Smith. 2007). Единственным необычным элементом статуи является массивная гривна на шее: её концы оформлены в виде змеиных головок, между которыми помещена голова быка. Именно присутствие гривны вдохновило множество исследователей на то, чтобы рассматривать этот предмет как знак «варварской», а позже Боспорской власти изображённого. Недавние интерпретации продолжили эту традицию. Хайнц Хайнен был склонен видеть в этой статуе симбиоз греческих (гиматий, свитки), римских (прическа и борода, характерные для римского портрета периода династии Антонинов) и варварских (гривна) элементов, типичный для элиты Боспора II в. н. э. (Heinen. 1996. 90–94). Исследователь подчеркивал, что гривны были популярны у скифов и сарматов². В качестве единственного подтверждения приводится сарматская гривна из погребения у села Пороги (Симоненко, Лобай. 1991. С. 25–28, Рис. 15, 28)³.

² Хайнен делает ещё одно неожиданное предположение о том, что поскольку именно из среды кельтов и степных варваров, гривны попадают в римскую армию, где становятся знаками военного отличия, то, следовательно, гривна на шее так называемого Неокла тоже может быть интерпретирована, как знак воинской доблести и отваги (Heinen. 1996. 94). Это гипотеза кажется чересчур неправдоподобной, ибо изображённый, очевидно, человек штатский. Об эволюции римских гривен, использовавшихся в качестве военных наград и способе их ношения, см. Linderski. 2001.

³ Тонкая витая гривна с наконечниками в виде конских головок не имеет ничего общего с гривной на статуе из Горгиппии.

Принимая во внимание все сказанное выше, идентификация статуи как изображение Неокла или местного представителя власти, весьма маловероятно. Если не рассматривать гривну как знак социального статуса (Боспорская элита) или этнической принадлежности (варвар), то каково же может быть её значение? На что она может указывать? Не найдя точных параллелей, В. Мордвинцева и М. Трейстер предположили, что гривна является плодом фантазии скульптора, хотя и сочетает в себе как более древние, так и современные элементы местных и римских украшений подобного типа (Mordvinceva, Treister. 2005. S. 81). Такого рода вольность и отклонение от традиционных канонов изображения со стороны скульптора вряд ли возможны, особенно когда речь идёт о публичной почётной статуе (Bieber. 1959; Polaschek. 1969; Smith. 2007). Поскольку в данном случае гривна является очень заметным и, соответственно, важным элементом изображения, следует предположить, что она была добавлена по требованию заказчика.

На данный момент, статуя из Анапы является единственным изображением с гривной, происходящим из Северного Причерноморья. С другой стороны, персонажи с гривнами регулярно встречаются на памятниках римского времени за пределами Боспора. Рассмотрим несколько примеров этих изображений и их контекстов.

На Алтаре Мира Августа (Ara Pacis Augustae), среди торжественной процессии изображены два мальчика с гривнами на шее: аргументы, позволяющие рассматривать их как представителей знатных варварских родов (из Парфии и, возможно, Галлии), временно проживающих в Риме, довольно убедительны (Rose. 2005. P. 36–43). В данном контексте, на официальном имперском памятнике в центре Рима, гривны являлись частью их подчеркнута варварского костюма.

На небольшом алтаре, посвященном Ларам Августа и происходящем из Рима (с Vicus Sandalarius)⁴, на основной стороне изображен ритуал *tripudium*, а именно процесс испрашивания воли богов посредством наблюдения за поведением священных птиц во время кормления. Август, в роли авгура, с покрытой головой стоит в центре; слева от него изображен его старший внук, ставший его приемным сыном, Гай Цезарь, который именно в это время (2 г. до н. э.) отправлялся в военный поход на восток. Определение женской фигуры, стоящей справа, с трудом поддается определению. По одной из самых расхожих версий, это старшая жрица богини Кибелы. Диадема и гривна (с головками змей?) являются основной причиной подобной идентификации (Rose. 2005. P. 48; Flower. 2017. P. 294).

⁴ Флоренция, Галерея Уффици, инв. № 972.

Более близкими по времени и по конструкции к гривне на статуе из Анапы являются изображения на следующих памятниках: на так называемом «саркофаге братьев»⁵ (середина III в. н. э.), принадлежащем к небольшой группе «саркофагов сенаторов» высочайшего качества, в крайней правой части представлена сцена заключения брака между умершим и его женой. При традиционном рукопожатии (*dextrarum iunctio*) присутствуют Venus Felix, одевающая на голову невесте венок из цветов, и стоящий за спиной жениха пышноволосяй юноша с рогом изобилия в левой руке, стандартное изображение *Genius Populi Romani*. Нижняя часть его тела прикрыта гиматием, а обнаженный торс украшает гривна: овальный камень в оправе между двух змеиных (?) головок. Интересно, что мраморная статуя II в. н. э., найденная в 1889 году в Лондоне (в святилище Митры), также имеет подобные атрибуты: только к рогу изобилия добавилась фиала в правой руке над алтарем и змея, обвивающая руку. Этот персонаж идентифицирован как *Bonus Eventus* или просто как *genius*. Нас же здесь интересуют две (!) гривны на шее; они относятся к такому же точно типу, что и на саркофаге: овальный камень в оправе помещён между двух змеиных головок (Haverfield. 1911. P. 163, Pl. 23; Coombe, Grew, Hayward and Henig. 2014. P. 2, Pl. 14). Интересно, что гривны с овальным камнем в оправе между металлическими частями, заканчивающимися головками животных (например, львов), также встречаются в Северном Причерноморье. Одна такая гривна, некогда в частной коллекции в Германии, известна по крайней мере с 1920х годов, предположительно происходит из Ольвии и датируется ок. II в. до н. э. (Sotheby's Antiquities. New York. June 12, 2002. Lot 145)⁶.

Ко II в. н. э. относится одна статуя и три рельефные стелы (все происходят из Рима), изображающие жрецов (и жрицу?) восточных божеств, по всей вероятности, Кибелы (Vermaseren. 1977. No. 249; No. 250; No. 466; Fittschen, Zanker. 2014. № 72, № 110, № 111). Во всех четырех случаях шеи персонажей украшены гривнами с головками животных (львов, змей)⁷.

Из рассмотренного материала следует, что в Риме, в контексте официальных памятников, гривна являлась индикатором восточной принадлежности и была связана с культом Кибелы или Великой Матери.

⁵ Неаполь, Национальный Археологический Музей, Инв. 6603.

⁶ Эта и похожие гривны приведены здесь: Mordvinceva, Treister. 2005. S. 80.

⁷ Тип животных, чьи головы изображены на концах гривен, подчас довольно трудно идентифицировать. На рельефе в Biblioteca Vallicelliana (Fittschen, Zanker. 2014. № 111) животные были определены как волки, змеи, собаки (Pergola. 2011. P. 245, с литературой).

Этот культ прибыл в Рим из Фригии к концу Второй Ганнибалловой войны в 205 г. до н. э.; практически сразу был построен большой храм Кибелы на Палатинском холме. Несмотря на явную экзотичность этого восточного культа и неоднозначное к нему отношение, уже ко времени Августа подчеркивалась тесная связь богини с древнейшей историей Рима, а именно с мифом об основании Вечного города Энеем, бежавшим из Трои, которая в свою очередь считалась метрополией Рима (Rose. 2002. P. 331). Интересно, что римляне связывали фригийскую родину Кибелы с троянскими корнями Рима (Beard, North and Price. 1998. P. 197–198; Rose. 2002. P. 331–333; Rose. 2005. P. 49). Согласно Овидию, богиня практически последовала за Энеем из соседней Трои в Италию (*Fasti*. 4.247–276), а Вергилий представляет её как защитницу Энея во время этого путешествия (*Aeneid*. 9.77–83, 10.156–158). Интересно, что с этого же времени подчеркивалась именно «давность» присутствия Кибелы в Риме. После пожара 3 г. н. э. Август восстанавливает её храм на Палатине не из мрамора – материала всех его строительных проектов в Риме, а из местного известняка (туфы), из которого традиционно были построены древнейшие храмы Рима (Beard, North and Price. 1998. P. 198). Таким образом, из восточной и экзотичной, Кибела преобразуется в одну из важнейших богинь, отвечающих за благополучие государства.

Среди различных ритуалов, связанных с отправлением культа Кибелы, обратим внимание на *taurobolium*, который изначально, по всей видимости, являлся всего лишь ритуалом плодородия и включал в себя погоню за быком и его поимку, но вскоре развился в реальное жертвоприношение. С самого начала *taurobolium* не относился к культу конкретного божества, но, начиная с 159 г. н. э., он становится эксклюзивно связан с культом Кибелы (Rutter. 1968. P. 226; Duthoy. 1969. P. 122–125). Сохранились многочисленные алтари с соответствующими надписями, возведенные в честь отправления этого ритуала (Vermaseren. 1977. № 226; Vermaseren. 1986. № 358, 360, 362, 364, 386, 392, 411, 415, 420). Согласно эпиграфическим данным, *taurobolium*, как тип жертвоприношения мог производиться как частным образом (для личных нужд), так и за здоровье и благополучие императора (Rutter. 1969. P. 233–234); Кибела, через свою связь с Троей и Энеем, продолжала оставаться покровительницей государства.

Отметим, что несмотря на то, что подробные детали этого типа жертвоприношения остаются неизвестными, голова быка, по всей вероятности, имела символическое значение и отрезалась в процессе. Из надписи 160 г. н. э. на алтаре (*CIL* 13.1751), возведённом по случаю жертвоприношения (*taurobolium*) за здоровье императора и адре-

сованного Кибеле, следует, что после заклания была, его голову положили под этот самый алтарь (Rutter. 1969. P. 233–234). Интересно, что практически все алтари связанные с *taurobolium*, содержат изображения букрания (головы жертвенного быка) на одной или на нескольких сторонах.

Культ Кибелы на Боспоре, изначально привнесенный туда непосредственно переселенцами из Малой Азии (Толстиков, Муратова. 2017), имеет свою отдельную историю. Несомненно, что на протяжении веков, он претерпел значительные изменения. Вполне возможно, что уже с середины I в. до н. э., когда Рим начинает всерьёз интересоваться Боспорскими делами, а иногда и вмешиваться в них, всевозможные римские веяния, включая особенности культа Кибелы, попадают туда.

В качестве рабочей гипотезы, предлагается следующая интерпретация: статуя мужчины из Горгииппии может быть истолкована как изображение адепта культа Кибелы. Гривна, в данном случае, не является знаком этнической (варварской) принадлежности мужчины, а символом, связанным с Великой Матерью. Голова быка может указывать на *taurobolium*, возможно, отправленный в честь римского императора. Таким образом, посредством определённых атрибутов, мужчина «предподносит» себя не только как Боспорского интеллектуала и социально активного гражданина (гиматий, свитки), но и как почитателя Кибелы (гривна с головой быка), а через это, возможно, как сторонник и приверженец римского императора.

Литература

- Н. Н. Бритова, Н. М. Лосева, Н. А. Сидорова. Римский скульптурный портрет. М., Искусство, 1975.
- Л. А. Ельницкий. Подпись под статуей из Анапы // ВДИ. 1949. № 4.
- М. М. Кобылина. Новейшие открытия в области античной скульптуры // Искусство. 1941. Март – Апрель.
- М. М. Кобылина. Скульптура Боспора // Материалы по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. I. М., Издательство Академии Наук СССР, 1951. – (МИА. № 19).
- С. Ю. Сапрыкин. Из эпиграфики Горгииппии // ВДИ. 1986. № 1.
- А. В. Симоненко, Б. И. Лобай. Сарматы Северо – Западного Причерноморья в I в. н. э. К., Наукова думка, 1991.
- В. П. Толстиков, М. Б. Муратова. О некоторых особенностях культа Кибелы в Пантикапее в первые века н. э. в свете новейших археологических исследований // Таврические Студии. 2018. № 14.
- Шедевры античного искусства из собрания ГМИИ им. А. С. Пушкина. М., ЗАО «Группа ЭПОС», 2011.
- M. Beard, J. North and S. Price. Religions of Rome. Vol. I. A History. Cambridge, Cambridge University Press, 1998.

- M. Bieber.* Roman Men in Greek Himation (Romani Palliati): a Contribution to the History of Copying // Proceedings of the American Philosophical Society. 1959. Vol. 103 (3).
- P. Coombe, F. Grew, K. Hayward and M. Henig.* Roman Sculpture from London and the South East. Oxford, Oxford University Press, 2014.
- R. Duthoy.* The Taurobolium: Its Evolution and Terminology. Leiden, E. J. Brill, 1969.
- K. Fittschen, P. Zanker; P. Cain.* Katalog der römischen Porträts in den Capitolinischen Museen und den anderen kommunalen Sammlungen der Stadt Rom. Band II: Die Männlichen Privatporträts. Berlin, De Gruyter, 2011.
- K. Fittschen, P. Zanker.* Katalog der römischen Porträts in den Capitolinischen Museen und den anderen kommunalen Sammlungen der Stadt Rom. Band IV: Kinderbildnisse. Nachträge zu den Bänden I–III. Neuzeitliche oder Verfälschte Bildnisse. Bildnisse an Relieffdenkmälern. Berlin, De Gruyter, 2014.
- H. I. Flower.* The Dancing Lares and the Serpent in the Garden: Religion at the Roman Street Corner. Princeton, Princeton University Press, 2017.
- F. Haverfield.* Roman London // The Journal of Roman Studies. 1911. Vol. 1.
- H. Heinen.* Rome et le Bosphore: notes épigraphiques // Cahiers du Centre Gustave Glotz. 1996. T. 7.
- J. Linderski.* Silver and Gold of Valor: the Award of “armillae” and “torques” // Latomus. 2001. T. 60, Fasc. 1.
- V. Mordvinceva, M. Treister.* Zum Verhältnis “griechischer” und “barbarischer” Elemente in den Bestattungen der Eliten im nördlichen Schwarzmeergebiet vom 1. Jh. v. Chr. 2. Jh. n. Chr. // Bilder und Objekte als Träger kultureller Identität und interkultureller Kommunikation im Schwarzmeergebiet, hrsg. F. Fless und M. Treister. Rahden/Westf., Verlag Marie Leidorf GmbH, 2005.
- S. Pergola.* La statua di culto del tempio di Bellona una proposta di ricostruzione iconografica // Bullettino della Commissione Archeologica Comunale di Roma. 2011. Vol. 112.
- K. Polaschek.* Untersuchungen zu Griechischen Mantelstatuen. Der Himantiontypus mit Armschlinge. Inaugural-Dissertation. Berlin, 1969.
- C. B. Rose.* Bilingual Trojan Iconography // Mauerschau. Festschrift für Manfred Korfmann, hrsg. R. Aslan, S. Blum, G. Kastl, D. Thumm. Band 1. Remshalden-Grumbach, Verlag Bernhard Albert Greiner, 2002.
- C. B. Rose.* The Parthians in Augustan Rome // American Journal of Archaeology. 2005. Vol. 109 (1).
- J. B. Rutter.* The Three Phases of Taurobolium // Phoenix. 1968. Vol. 22 (3).
- R. R. R. Smith.* Statue Life in Hadrianic Baths at Aphrodisias, AD 100–600: Local Context and Historical Meaning // Statuen in der Spätantike, hrsgs. F. A. Bauer, C. Witschel. Wiesbaden, Reichert Verlag, 2007.
- M. J. Vermaseren.* Corpus Cultus Cybelae Attidisque (CCCA). III. Italia – Latium. Leiden, E. J. Brill, 1977.
- M. J. Vermaseren.* Corpus Cultus Cybelae Attidisque (CCCA). V. Aegyptus, Africa, Hispania, Gallia et Britannia. Leiden, E. J. Brill, 1986.

*Л. И. Давыдова***Боспорские надгробия в средиземноморском контексте**

Одним из наиболее важных феноменов культуры древних цивилизаций является погребальное искусство, связанное с представлениями людей о продолжении жизни в загробном мире. Вера в необходимость обеспечить дальнейшее существование заставляла человека строить гробницы и наполнять их разнообразными, порой очень дорогими предметами – мебелью, сосудами для питья и еды, украшениями и т. д. и т. п. Однако не менее значимым было оставить память о человеке и просто в виде надгробной плиты, как правило, украшенной рельефным изображением и надписью, сообщающей имя умершего. Эта традиция характерна была и для Боспора.

Среди разнообразного археологического материала, происходящего с территории Боспорского царства, надгробным рельефам было уделено уже немало внимания, начиная с издания корпусов надгробных надписей (КБН; КБН-альбом), и заканчивая обзорами отдельных мастерских. Труды М. И. Ростовцева, Г. Кизерицкого и К. Ватцингера, А. П. Ивановой и В. Ф. Гайдукевича, Т. А. Матковской, Е. А. Савостиной и многих других исследователей позволяют составить довольно точную картину развития этого вида многочисленной ремесленной продукции и оценить ее место в жизни боспорского общества. Одними из последних трудов, обобщающих знания и достижения предшественников, стали каталоги керченского лапидария (Матковская. 2009), а также книга Патрика Кройца «Надгробные рельефы Боспорского царства» (Kreuz. 2012).

Своеобразие культурного наследия Боспора, объясняемого длительными и тесными контактами эллинов с так называемым варварским окружением, всеми уже давно воспринимается как неоспоримая истина. Однако до сих пор открытым остается вопрос, насколько самостоятельным феноменом является боспорский надгробный рельеф в контексте средиземноморских скульптурных школ, возможно ли соотносить искусство Боспора, а точнее его ремесленные производства, с каким-то одним художественным центром, какие здесь наблюдаются приоритеты и в чём они выражаются.

На первом месте всегда оказывается Атика с ее наглядной пластичностью, героическим идеалом и определенным набором сюжетов (Clairmont. 1993; Bergemann 1997). Одной из сравнительно последних работ по аттическим рельефным стелам является диссертация Андреаса Шолля, в которой акцентируется внимание на «малоформатных» надгробиях позднеклассического времени (Scholl. 1996). Предпочтение именно такого формата памятников, как известно, было вызвано законом Деме-

трия Фалерского 317 г. до н. э., запрещавшим возведение пышных погребальных сооружений. Однако не только запрет, но и демократизация общества, появление, говоря современным языком, массового заказчика среднего достатка, активизировало процесс создания стел меньших по размеру, но, все же, украшенных разнообразными рельефными сценами. Один из наиболее популярных сюжетов – изображение стоящих мужских и женских фигур, пожимающих друг другу правые руки, или *Дексиосис* (δεξιῶσις) (Pemberton. 1989). Не останавливаясь на интерпретации сюжета, отметим только его несомненную популярность и среди боспорских заказчиков. Правда, сейчас сложно судить о том, как воспринималась такая сцена на Боспоре, описываемая обычно просто как сцена прощания, насколько акцентировался в ней религиозный характер акта прощания, смысл жеста пожатия правых рук, доминировавший в восприятии подобных изображений эллинским сознанием, тем более что большая часть боспорских надгробий датируется уже более поздним временем – первыми столетиями до н. э. и н. э. И хотя среди них нередки двух- и трёхъярусные стелы, всё же большинство надгробий представляют собой простые прямоугольные плиты с одним рельефным изображением, свидетельствующим о следовании эллинским обычаям. Об этом же говорят материал немногочисленных, но всё же имеющихся в музейных коллекциях Крыма и Санкт-Петербурга стел, выполненных из мрамора, а также пластическая проработка рельефов, подтверждающая влияние аттических художественных традиций.

Важным показателем такой преемственности являются не только перенятые композиционные схемы, но в целом декоративное оформление стел, продолжающее использоваться и в позднеэллинистическое-раннеримское время.

Помимо Дексиосиса ещё один важный сюжет, а точнее жест, приходит на Боспор из эллинского круга погребальных образов – это привычный жест замужней женщины, анакалипсис (*ανακαλιψίς*), жест, которым она придерживает рукой у лица покрывало, спускающееся с головы на грудь (Grossman. 2013). В качестве примера изображения подобного жеста в классическое время можно привести эрмитажный рельеф Филостраты, купленный в 1852 г. у графа К. В. Нессельроде, а им, в свою очередь, приобретенный в Греции, в Афинах. Примеры таких же женских изображений дают и боспорские надгробия.

Опубликованный относительно недавно корпус македонских надгробий (Kalaitzi. 2016) позволяет ещё раз увидеть, как тесно соприкасался Боспор с восточным Средиземноморьем. Погребальные памятники Македонии, то есть материал периферийный, иконографически и технически близки аттической школе. Сравнение македонских и ча-

сти боспорских стел показывает, что сюжетная основа и их стилистическая трактовка также близки между собой. Таким образом, мы ещё раз убеждаемся в том, что был общий источник, из которого черпали и македонские, и боспорские мастера, как, впрочем, и многие другие.

Некоторые боспорские памятники, как известно, иллюстрируют связь с малоазийскими скульптурными мастерскими (Pfuhl, Möbius. 1977). Так называемые иранские корни можно видеть в сценах, иллюстрирующих обращение художников к кругу восточных мотивов, как например, в сцене «загробной трапезы», частой именно на малоазийских стелах

В этом же контексте, следует упомянуть и о тех боспорских стелах, сюжеты которых, могли быть связаны с так называемыми ирано-сарматскими влияниями, нашедшими отражение, в первую очередь, в воинских сценах. Однако, по мнению А. В. Ивенских: «Анализ культовой политики боспорских царей и самих культов дает нам совершенно ясный ответ о доминировании греческих сакральных и культовых традиций с наименьшим вмешательством ирано-сарматских элементов. Таким образом, снимается вопрос о постепенной сарматизации Боспора, поскольку такой важный для функционирования государства сектор как религия оставался греческим. Можно с уверенностью говорить о складывании греко – римского синтеза с очень обдуманым и даже осторожным использованием сарматских культурных традиций» (Ивенских. 2006. С. 21). Не обсуждая сейчас вопрос сарматизации боспорского общества (Мордвинцева. 2008), отметим лишь в целом приоритетное использование образа всадника в погребальной пластике, как образа, наиболее адекватно отражающего идею «завершения судьбы человека, после смерти становящегося героем» (Савостина. 2012. С. 145). Идея героизации умершего не была чуждой в среде боспорян, воплощаясь, как было отмечено выше, и в особом декоративном оформлении надгробий, основные элементы которого встречаются практически во всех скульптурных школах Средиземноморья.

Таким образом, сюжетная и композиционная близость большинства сцен на боспорских и в целом средиземноморских надгробиях, повторяемость их орнаментального декора, еще раз ставит вопрос о том, насколько тесными были контакты Боспора с причерноморскими и средиземноморскими «соседями», и что же было на Боспоре приоритетным в формировании визуального воплощения погребального обряда. Возможно ли объяснить так называемый «местный» или «варварский» элемент», присутствующий в стилистике рельефов, только использованием в качестве материала известняка, что, безусловно, влияло на их техническое исполнение, или же это является следствием

частичной синкретичности общества, а, следовательно, взаимовлияния эллинских и варварских представлений о посмертном бытии человека? Вопрос, остающийся по-прежнему открытым...

Литература

- А. В. Ивенских.* Военная организация Боспорского царства в середине I века до н. э. – II веке н. э. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Пермь. 2006
- Т. Матковская, А. Твардецкий, С. Тохтасьев, А. Бехтер.* Боспорские надгробия II в. до н. э. – III в. н. э. Киев, Мистецтво, 2009. – (Из собрания Керченского историко-культурного заповедника. Лапидарная коллекция. Т. III, кн. 2, ч. 1).
- В. И. Мордвинцева.* Фалары из вотивных кладов Северного Причерноморья III–I вв. до н. э. и сарматская парадигма // ВДИ. 2008. № 3.
- Е. А. Савостина.* Эллада и Боспор. Греческая скульптура на Северном Понте. Симферополь – Керчь, АДФУ-Украина, 2012.
- J. Bergemann.* Demos und Thanatos. Untersuchungen zum Wertsystem der Polis im Spiegel der attischen Grabreliefs des 4. Jahrhunderts v. Chr. und zur Funktion der gleichzeitigen Grabbauten. München, Biering und Brinkmann, 1997.
- C. W. Clairmont.* Classical Attic Tombstones. Kilsberg. Akanthus, 1993.
- M. Kalaitzi.* Figured Tombstones from Macedonia, fifth-first century bc. Oxford, University Press, 2016.
- J. B. Grossman.* Funerary sculpture. The Athenian Agora, 35. Princeton, NJ: American School of Classical Studies at Athens, 2013.
- P.-A. Kreuz.* Die Grabreliefs aus dem Bosporianischen Reich. Series: Colloquia Antiqua, 6. Leven, 2012.
- E. G. Pemberton* The Dexiosis on Attic Gravestones // Mediterranean Archaeology MedA, 2, 1989.
- E. Pfuhl, H. Möbius* Die Ostgriechischen Grabreliefs. Mainz am Rhein, Philipp von Zabern, 1977. Bd. I–II.
- A. Scholl.* Die attischen Bildfeldstelen des 4. Jhs. V. Chr. Untersuchungen zu den kleinformatischen Grabreliefs im spätklassischen Athen // AM. Beiheft 17. 1996.

Т. А. Ильина

Архитектурные детали из Гермонассы: каменные цветы на Боспоре

В результате работ экспедиции ГМИИ им. А. С. Пушкина в 2001 г. на Северо-восточном раскопе Таманского городища в процессе выборки хозяйственной ямы с материалом IV в. до н. э. была найдена небольшая прямоугольная плита, выполненная из керченского известняка (Рис. 1, 1). Низ памятника утрачен, сохранившаяся высота – 43,5, ширина – 40, толщина – 10 см. Лицевую сторону полностью за-

полняет резное изображение аканфа с круто закрученными побегами и полураспустившимися бутонами. Они симметрично, с двух сторон окружают цветок арацеи с произрастающей из него лилией. Продольные стороны гладко обработаны. Сверху имеется узкий, выступающий на высоту рельефа карниз.

Возможно, плита была анфемием и венчала погребальный памятник или стелу. Подобные составные надгробия были распространены в Греции и за ее пределами в указанный период. В метрополии они вытесывались из мрамора, в Северном Причерноморье мастера воспроизводили привозные образцы в местном камне. Стилистически близкая деталь открыта в Керчи и датирована концом IV – началом III в. до н. э. (Буйских. 2009. С. 94) (Рис. 1, 2). Для боспорских изделий характерна композиция из трех больших листьев аканфа, образующих как бы чашу для толстых стеблей, заканчивающихся валютами, цветы арацеи или лилии сверху и в центре. Розетки, бутоны дополняют изображение и в целом создается уравновешенный рисунок, заполняющий всю поверхность рельефа. Несмотря на стандартный набор элементов, анфемии не повторяют друг друга в точности, прямых аналогий неизвестно ни в одном из античных центров.

В 2017 г. на Северном раскопе в нижнем ряду камней фундамента усадьбы середины III в. была расчищена каменная плита размером 74×41×20 см (Рис. 1, 3). Центральная и правая сторона памятника разделены выступающей полочкой и декорированы; левая грань оббита. На лицевом фасаде изображен произрастающий из листьев аканфа цветок, сменяемый шишкой и венчаемый пальметтой. Расположенные симметрично по обеим сторонам от центрального стержня растительные побеги загибаются в валюты с раскрывающимися бутонами на концах. Композиция правой грани состоит из крупной вертикальной полупальметты и обращенной к тыльному фасаду валюты в обрамлении ствола и листьев аканфа. В основании по центру имеется углубление в виде канала длиной 10 см, глубиной 4,5–5 см для жесткого крепления плиты в вертикальном положении.

Рельеф был выполнен из мягкого керченского ракушечника предположительно в третьей четверти IV в. до н. э. (Möbius. 1929. S. 37). На левой стороне сохранились следы от применения долота или зубила. Предварительная разметка не прослежена. Фотографирование плиты в ультрафиолетовом свете показывает, что побеги аканфа были окрашены в темный цвет. Возможно, что поверхность камня была покрыта энкаустическими красками. После разрушения они не оставляют следа, в этом месте цвет камня несколько светлее, чем на окружа-

Рис. 1. Архитектурные детали, найденные на Боспоре: 1 – Гермонасса, 2001, п. оп. № 52; 2 – Керчь, ВКИКМЗ, инв. № 1050; 3 – Гермонасса, 2017, ГМИИ, инв. № Ф-1883

ющей потемневшей от воздействия внешних условий «загоревшей» части (Даниленко. 1965. С. 177).

Вторичное использование детали затрудняет ее атрибуцию. Судя по вытянутой форме, значительной толщине, а также наличию выступающей слева полочки, эта архитектурная деталь являлась боковой частью фриза, украшавшего внутреннее пространство какого-то ордера сооружения. Возможно, она принадлежит монументальной постройке, открытой на Нагорном раскопе в 1980-е гг. Оно имело сложную планировку и состояло из вымощенного перистильного двора, окруженного помещениями с запада, востока и юга (Коровина. 2002. С. 58). С северной стороны располагалась простада. Стены в некоторых комнатах были покрыты расписной штукатуркой красного, белого и желтого цвета. Комплекс носил общественный характер, функционировал на протяжении IV–III вв. до н. э. и погиб в пожаре.

Представленные на рельефах мотивы не являются случайными. Пальметта, как символ вечной жизни и плодородия, была распространенным сюжетом в вазописи и архитектуре. Та же идея лежит в основе изображения «гибридных» растений, сочетающих элементы разных форм (Trendall. 1989. III. 243). В одном памятнике мы наблюдаем все стадии жизни от ростка, побега, почки к бутону, цветку и плоду, т. е. картину мирового древа.

Литература

- А. В. Буйских.* Античная архитектура. Из собрания Керченского государственного историко-культурного заповедника. Лапидарная коллекция. Киев, Мистецтво, 2009. Т. 4.
- В. Н. Даниленко.* Херсонесские акротерии // Античная древность и средние века. Свердловск, Изд-во Урал. гос. ун-та, 1965. Вып. 3.
- А. К. Коровина.* Гермонасса. Античный город на Таманском полуострове. М., Издательство Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, 2002.
- H. Möbius.* Die Ornamente der griechischen Grabstelen klassischer und nachklassischer Zeit. Berlin, 1929.
- A. D. Trendall.* Red Figure Vases of South Italy and Sicily. London, Thames and Hudson, 1989.

М. В. Скржинская

Роль ювелирных изделий в жизни боспорян

Археологические находки показывают, что, начиная с V в. до н. э. ювелирные изделия играли заметную и разнообразную роль в жизни боспорян. Почти всегда костюм жителей Боспора включал то или иное количество украшений, которых было немного в будние дни и значительно больше во время домашних и общественных празднеств. С детских лет женщины носили ожерелья, браслеты, парные серьги и подвески. Мужчины иногда надевали по одной небольшой серьге; перстни с печатями преимущественно принадлежали мужчинам, а кольца, повязки, искусственные венки и нашивавшиеся на одежду золотые бляшки с рельефными изображениями могли украшать парадный мужской и женский убор.

Раскопки некрополей позволяют узнать о большом количестве ювелирных изделий, которые включали в женский костюм во время празднеств и жертвоприношений в IV в. до н. э. В таком уборе похоронили жрицу Деметры в Павловском кургане близ Пантикапея (ОАК 1862. С. 32–118; Уильямс, Огден. 1995. С. 166–171). Голову женщины украшали золотая стленгида (начальник), имитирующая пряди волос, и серьги с фигурками летящей Ники. Золотое ожерелье тончайшей работы обвивало шею, а на пальцы были надеты три перстня

Еще более роскошный убор носила жрица, похороненная в кургане Большая Близница в окрестностях Фанагории. Ее голову венчал калаф, украшенный золотыми пластинками со сценами битвы амазонок с грифонами, а из-под него была видна стленгида. К калафу крепилась пара замечательных височных подвесок с рельефным изображением Фетиды, едущей на гиппокампе и держащей в руках доспехи для Ахилла. Следы ремонта на оборотной стороне подвесок показывают, что их неоднократно надевали. На руках женщины красовались золотые браслеты с фигурками львиц, а на пальцах – четыре золотых перстня с изображением Артемиды, Афродиты и Эроса. Одежда и покрывало были расшиты множеством золотых бляшек с изображениями разных богов, героев, танцовщиц, животных и фантастических существ (Уильямс, Огден. 1995. С. 184–195; 267–271). Металлические украшения вместе с одеждой из дорогой ткани составляли немалый вес, так что жрица могла двигаться только размеренно и торжественно, привлекая всеобщее внимание не только своим высоким положением и выдающейся ролью в праздничных ритуалах, но также роскошным нарядом, сияющим золотом.

Ювелирные изделия нередко служили ценными подарками мужчинам и женщинам. Известно, например, что невесты во время сва-

дебных торжеств получали разнообразные подарки, в их числе бывали драгоценные украшения и ларцы для их хранения (Скржинская. 2010а. С. 268). Возможно, такими подарками были специально заказанные приезжему италийскому ювелиру золотые серьги роскошного стиля, найденные в некрополе Феодосии и кургане Большая Близница (Уильямс, Огден. 1995. С. 190, 264–265; Рогов. 2001. С. 66–73); их положили в могилу как особо любимое и ценное украшение покойной. Подарками для мужчин могли служить военные доспехи, парадное оружие и убор боевого коня; эти предметы украшали накладными золотыми и серебряными пластинами с различными рельефными изображениями. Такие подарки боспоряне преподносили как соотечественникам, так и вождям соседних племен в качестве дипломатических даров (Алексеев. 2003. С. 248).

Часто украшения наряду с декоративным назначением исполняли роль оберега. Таковы изображения львов, часто с оскаленной пастью, на браслетах и серьгах (Скржинская. 2010 б. С. 121–122). Оправленная в золото голубая халцедоновая инталия из Пантикапея служила ее владельцу оберегом и печатью в V в. до н. э. Выдающийся мастер вырезал на камне бегущую Горгону. Ее голова представляет традиционную маску, а изящное молодое женское тело облачено в полупрозрачную одежду и снабжено четырьмя серповидными крыльями (Неверов. 1983. С. 34).

Маски Медузы Горгоны часто встречаются на нашитых золотых бляшках. Особо следует выделить горгонейоны на защитных доспехах воинов и убранстве боевых коней. На Боспоре маски горгон украшали панцири, поножи и конскую сбрую (Скржинская. 2010б. С. 203). Такие изображения служили апотропеями, охранявшими бойца; они напоминали об убийственном взгляде этих горгон на их противников и таким образом помогали одержать победу. Ученые установили, что часто парадное оружие и доспехи долгое время носил не один владелец, и их неоднократно ремонтировали (Трейстер. 2009. С. 130–131).

У приезжих и местных ювелиров боспоряне приобретали резные инталии, вставлявшиеся в подвесные печати и перстни. Находки нескольких гемм выдающегося ювелира Дексамена и мастеров его школы позволяют думать, что эти ювелиры приезжали работать на Боспор и на месте выполняли заказы состоятельных граждан, а боспорские ювелиры учились у них. Начиная с IV в. до н. э., в боспорских ювелирных мастерских изготавливались различные печати на полудрагоценных камнях и более дешевые – на стеклянной массе (Неверов. 1983. С. 107–115). Следует также помнить, что драгоценные камни на печатях и перстнях играли не только декоративную и практическую роль, но также им приписывались магические свойства.

Золотой венок, начиная с классического времени, часто входил в состав греческого парадного костюма. Следы починки на золотом оливковом венке из кургана Большая Близница (Уильямс, Огден. 1995. С. 181) показывают, что в IV в. до н. э. его часто надевали во время торжеств до того, как поместили в погребение. Большинство же золотых венков из боспорских могил более позднего времени сделано специально для погребального ритуала. Их отличительной особенностью являются тончайшие золотые лепестки и общий небольшой вес использованного в них драгоценного металла. О них можно сказать, что это вещи для одноразового использования. Таковы, например, четыре венка из Артюховского кургана, сделанные местными мастерами во II в. до н. э. (Максимова. 1979. С. 41–44).

Ювелирные изделия нередко посвящали богам. Царь Спарток II принес в дар афинскому народу золотой венки, хранившийся в сокровищнице Парфенона (Граков. 1939. С. 310). В храме Аполлона на Делосе находилась серебряная чаша, подаренная Перисадом II; серебряная и золотая чаши были приношениями Аполлону Дидимейскому в Милете от Перисада III и царицы Камассарии (Граков. 1939. № 28, 38, 39).

Во время симпозионов в царском дворце на акрополе и в домах состоятельных боспорян еду и вино подавали на праздничных сервизах, включавших изделия из бронзы и драгоценных металлов. Некоторое представление о них дают находки сосудов в боспорских некрополях. Жителям Пантикапея в эллинистический период принадлежали изящный серебряный канфар и серебряный килик с накладным рельефом, а на азиатской стороне Боспора во время симпозиона состоятельные граждане пили вино из позолоченных киликов с гравированными изображениями, исполненными афинскими мастерами в V в. до н. э. (Античные государства. 1984. С. 217, 254; Горбунова. 1971. С. 82–98; *Greek and Roman antiquities*. 1975. № 98, 99).

Боспорские ювелирные мастерские появились уже в V в. до н. э. (Вахтина. 2005. С. 348). В них работали наряду с местными приезжие ювелиры высокого класса из ионийских городов и из Афин. По археологическим находкам хорошо известно, что златокузнецы выполняли заказы не только местных эллинов, но также их соседей варваров. Большую часть ювелирных изделий боспоряне приобретали у себя на родине, где ювелиры могли исполнить изделие любой сложности. К числу таких произведений относится золотой калаф жрицы из Семибратнего кургана; на этом головном уборе мастер представил сложную композицию битвы амазонок с грифонами (Вахтина. 2005. С. 381). Вероятно, по специальному заказу выдающийся ювелир, владевший искусством микротехники, изготавливал модные в последней трети IV в.

до н. э. серьги роскошного стиля; ими гордились боспорянки в Феодосии и Фанагории (Уильямс, Огден. 1995. С. 190, 264). Как убедительно показал Е. Я. Рогов (2001. С. 66–72), этот ювелир приезжал в Херсонес и, по-видимому, также работал на Боспоре.

Ювелиры привозили с собой заготовки для модных в то время украшений и прочих изделий, например, для серег с головками львов и других животных, часто встречающихся среди находок в Средиземноморье и на Боспоре в IV–III вв. до н. э. (Скржинская. 2010б. С. 121–122). Вероятно, еще в Афинах с оригинала исполненной Фидием статуи богини в Парфеноне была вырезана форма с изображением головы Афины Партенос. Находясь на Боспоре, ювелир сделал крупные золотые подвески и украсил их изображением головы богини в роскошном шлеме, а также использовал свою заготовку для менее детально проработанных вотивных позолоченных терракотовых медальонов, обнаруженных в Пантикапее, Нимфее и в святилище на азиатской стороне Боспора (Скржинская. 2010а. С. 239). Сейчас это лучшее из дошедших до настоящего времени изображений головы знаменитой статуи.

Итак, ювелирные изделия сопровождали жизнь боспорян в будни и в праздники, во время религиозных и похоронных ритуалов. Эти произведения прикладного искусства дают нам бесценные сведения о работе античных ювелиров, а также о том, где и как использовались украшения, амулеты, печати, парадные сервизы, оружие и уборы коней.

Литература

- А. Ю. Алексеев.* Хронография европейской Скифии. СПб., Славия, 2003.
Античные государства Северного Причерноморья. М., Наука, 1984
- М. Ю. Вахтина.* Греческое искусство и искусство Европейской Скифии в VII–IV вв. до н. э. // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб., Алетейя, 2005.
- К. С. Горбунова.* Серебряные килики с гравированными орнаментами из Семibrатних курганов // Культура и искусство античного мира. Ленинград, Наука, 1971.
- Б. Н. Граков.* Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ. 1939. № 3.
- М. И. Максимова.* Артюховский курган. Л., Наука, 1979.
- О. Я. Неверов.* Геммы античного мира. М., Наука, 1983.
- Е. Я. Рогов.* О месте производства феодосийских и херсонесских серег роскошного стиля в IV в. до н. э. // Боспорский феномен: колонизация региона. Формирование полисов. Образование государства. Материалы Международной научной конференции. СПб., 2001. Ч. 2.
- М. В. Скржинская.* Древнегреческие праздники в Элладе и в Северном Причерноморье. СПб., Алетейя, 2010а.

- М. В. Скржинская.* Культурные традиции Эллады в античных государствах Северного Причерноморья. Киев, Институт истории НАН Украины, 2010б.
- М. Ю. Трейстер.* Тема амазономахии в торевтике поздней классики и ранне-го эллинизма // Боспорский рельеф со сценой сражения. Москва – СПб., Летний сад, 2001.
- Д. Уильямс, Д. Огден.* Греческое золото. СПб., Славия, 1995.
- Greek and Roman antiquities in the Hermitage.* Ленинград. Аврора. 1975.

А. В. Котина

Группа терракот из зольника Пантикапей (по материалам раскопок по ул. 2-й Митридатской в Керчи)¹

В виду ежегодно растущего объёма археологических находок, всё большую значимость приобретает необходимость публикации и введения в научный оборот различного рода артефактов, которые могут расширить наши представления о той или иной сфере жизни античного общества на Боспоре. Особенно это касается находок из раскопок так называемых новостроечных экспедиций, которые, в отличие от материалов, полученных при систематических исследованиях на античных городищах, публикуются реже.

В 1993 г. Керченская постоянно действующая охранно-археологическая экспедиция под руководством к. и. н. В. Н. Зинько проводила охранные раскопки на юго-восточном склоне горы Митридат по ул. 2-й Митридатской на участке реконструкции индивидуального жилого дома № 58 (Зинько. 1994. С. 124–129). С целью исследования стратиграфии слоёв был заложен шурф 2×1,5 м. Как известно, данный участок, находящийся в настоящее время в полосе частной застройки, является частью античного городища Пантикапей.

В результате исследования культурных напластований и артефактов, выявлен сегмент большого пантикапейского зольника. По материалу его можно датировать IV – первой половиной III вв. до н. э. Особенно активно зольник функционирует во второй и третьей трети IV в. до н. э., а состав находок из этого зольника, как отмечается в отчете о результатах работ, имеет самые близкие аналогии с материалами из первого мирмекийского зольника, исследованного В. Ф. Гайдукевичем².

¹ Автор выражает глубокую благодарность д. и. н. Виктору Николаевичу Зинько, за возможность ознакомиться с отчетом и опубликовать материал.

² В. Н. Зинько. Отчет о работе керченской охранно-археологической экспедиции в 1993 г. Керчь, 1994. С. 35.

Обнаруженный в ходе исследования разнообразный материал представлен многочисленными фрагментами амфор, красноглиняной и сероглиняной посудой, вотивными красноглиняными сосудиками, чернолаковой (в том числе и с граффито) и краснофигурной керамикой. Среди подобных находок стоит отметить фрагмент ножки лебеса гамикоса с изображением четырех женских фигур, алтаря и черепа быка (Ягги. 2012. С. 136). Очевидно, сцена представляет некие культовые действия. Исходя из особенностей сюжета, прорисовки деталей, исследователь относит сосуд к Мастеру Марсия и датирует лебес серединой IV в. до н. э. (Ягги. 2012. С. 137). Интересен также фрагмент колоколовидного кратера, с изображением квадриги, управляемой крылатой Никой. О. Ягги относит его к группе G и датирует серединой IV в. до н. э. (Ягги. 2012. С. 150–151).

Нумизматический материал представлен находками пантикапейских монет, датированных 350–315 гг. до н. э. и 315–300 гг. до н. э.³ Так же среди находок присутствовали фрагменты светильников и терракотовых статуэток, о которых и пойдет речь ниже.

Всего обнаружено 8 фрагментов терракотовых статуэток различной степени сохранности⁴. Все они, за исключением фрагмента импортной фигурки, с изображением стоящей женщины (ВКИКМЗ, КП-13045), относятся к изделиям местных мастеров-коропластов и выполнены из разновидностей боспорской глины, красновато-оранжевого или светло-коричневого оттенка (Ильина, Муратова. 2008. С. 289), зачастую с мелкими белыми включениями (известняк), а также мелкими блёстками (слюда). Что касается технологии производства рассматриваемых терракот, то, как правило, они оттиснуты в односторонней или двусторонней форме (кроме фрагмента конечности (ВКИКМЗ, КП-130575), вылепленного вручную), тыльная сторона заглажена, или выполнена схематично, отдельные детали доработаны вручную или при помощи стеки. Швы соединения разной степени качества. Внутри статуэтки полые, а для выхода пара при обжиге имеют различные технологические отверстия (круглые или прямоугольные) – в тыльной стороне фигурки, или снизу. С точки зрения иконографии и стилистики, изображения относятся к распространенным в IV–III вв. до н. э. на Боспоре типам. Сюжеты также характерны для указанного периода: наряду с изображениями Афродиты, Деметры появляются статуэтки Кибелы, а также жанровые терракоты (Кобылина. 1961. С. 57). Обнаруженные в золь-

³ В. Н. Зинько. Отчет о работе керченской охранно-археологической экспедиции в 1993 г. Керчь, 1994. С. 28, 30.

⁴ Хранятся в Восточно-Крымском историко-культурном музее-заповеднике.

нике фрагменты можно разделить на следующие группы: изображения женских божеств (ВКИКМЗ, КП-130441; КП-130575; КП-130442; КП-130454), жанровые терракоты (ВКИКМЗ, КП-130416; КП-130455; КП-130453) и фрагмент конечности (ВКИКМЗ, КП-130519).

Первая рассматриваемая нами группа объединяет изображения женских божеств, культы которых были весьма распространены на Боспоре в IV–III вв. до н. э.: Деметра, Кибела, Афродита, и были связаны, прежде всего, с плодородием.

К таковым относится фрагмент статуэтки богини, сидящей на троне (Деметра?) (Рис. 1, 1) (ВКИКМЗ, КП-130441; 13,0×7,8 см; цвет по Munsell: 2.5YR 7/6–6/6 (light red); IV в. до н. э.). Трон со спинкой, на которой имеются угловые выступы, характерные для подобного типа изображений. На голове богини высокий калаф. Правая часть лица и головного убора сколота, изделие выполнено в сработанной форме, поэтому не четко. Судя по сохранившейся части статуэтки, у богини большие глаза, различимы нос и рот. Высокая шея. Одета богиня в длинный пеплос, драпированный складками. Под одеждой различима грудь, руки лежат на немного разведенных коленях – левая ладонью вниз, как бы придерживая складки одежды; в районе правой руки скол, видимо, в ней была чаша, как у аналогичных изображений. Поза богини фронтальная, характерная для изображения сидящих богинь данного типа. Обратная сторона передана суммарно, сохранился фрагмент технологического отверстия. Внутри статуэтка полая. Близкие изображения происходят из святилища на Майской Горе (Марченко. 1974. Табл. 40, 1), святилища на поселении Береговой-4 (Устаева, Журавлев. 2010. Рис. 33), Пантикапея (Кобылина. 1961. Табл. VI, 4; Силантьева. 1974. Табл. 5, 1). Вполне вероятно, что данная статуэтка представляет Кибелу. Согласно интерпретации Н. В. Молевой – крестообразные выступы спинки трона, высокий калаф, фиала и поза с разведенными коленями – свойственны иконографии именно этой богини (Молева. 2008. С. 140).

Еще одним изображением богини, сидящей на троне, является статуэтка, представляющая собой, вероятно, Кибелу. (Рис. 1, 2) (ВКИКМЗ, КП-130575; 20,0×6,2 см; цвет по Munsell: 2.5YR 6/6 (light red) – 5YR 6/6 (reddish yellow); вторая половина IV – первая половина III вв. до н. э.). Статуэтка склеена из семнадцати фрагментов. Судя по круглым углублениям в районе шеи и плеч, голова и руки были формованы отдельно и затем прикреплены. Трон высокий, напоминающий кресло, с высокой спинкой, которая сзади сливается со спиной богини. Грудь едва намечена, одежда на коленях и внизу драпирована складками, переданными рельефно. Колени немного разведены, ноги располагаются на ска-

Рис. 1. Терракотовые статуэтки женских божеств

Рис. 2. Фрагменты жанровых терракот

меечке – правая чуть выставлена вперед и из-под края одежды виден носок обуви левой ноги. Задняя стенка статуэтки передана суммарно, заглажена, в ней имеется прямоугольное технологическое отверстие. На поверхности сохранились остатки белой грунтовки. Изображение рассматриваемой богини, несмотря на отсутствие характерных атрибутов (медальона, льва, тимпана и др.) весьма напоминает статуэтки Кибелы, происходящие из Мирмекия, Ольвии, Фанагории (Денисова. 1981. Табл. XIV; Леви. 1970. Табл. 16, 6; Кобылина. 1978. Рис. 2). Кибела, как известно – «мать богов и всего живущего на земле», возрождающая умершую природу и дарующая плодородие (Шевченко. 2016. С. 10).

По всей вероятности, статуэтке богини, сидящей на троне, принадлежит фрагмент, с изображением трона и ноги богини (Рис. 1, 3) (ВКИКМЗ, КП-130442; 8,2×5,2 см; цвет по Munsell: 5YR 6/6 (reddish yellow), вторая половина IV – первая половина III вв. до н. э.). Черепок толстый. На поверхности сохранились остатки белой грунтовки. Оттиск нечёткий, выполненный в сработанной форме.

Еще одним фрагментом, который относится к рассматриваемой группе женских божеств, относится верхняя часть обнажённой полуфигуры богини, возможно, Афродиты. (Рис. 1, 4) (ВКИКМЗ, КП-130454; 6,6×4,4 см; цвет по Munsell: 5YR 6/6 (reddish yellow); IV – первая половина III вв. до н. э.). Сохранились: высокая шея, фрагмент правого плеча и правая верхняя часть спины. Внутри статуэтка полая, на внутренней поверхности сохранились отпечатки пальцев короoplasta. На поверхности – следы светлой грунтовки. Аналогии происходят из Пантикапея, Большой Близницы, Горгииппии, Каллатиса (Силантьева. 1974. Табл. 16, 2; Грач. 1974. Табл. 43, 2; Хмара. 1987. С. 11; Канарак. 1969. Рис. 172).

Известно, что боспорская короoplastика достигает своего расцвета в эллинистическое время и большую популярность приобретают терракоты жанрового характера, изображающие обычных людей, бытовые сцены из их жизни (Финогенова. 1992. С. 238; Krogulska. 2006. S. 68).

К группе жанровых терракот, по всей вероятности, можно отнести мужскую головку (Рис. 2, 1) (ВКИКМЗ, КП-130416; 2,8×2,5 см; цвет по Munsell: 7.5YR 6/4 (light brown), первая половина III в. до н. э.). Персонаж изображен в головном уборе в виде валика, голова чуть склонена влево. Кудрявые волосы, овальное лицо, хорошо моделированы черты – большие глаза, выделены веки и брови, прямой нос, небольшой рот, подчеркнуты скулы. Обратная сторона не сформирована. Судя по стилистике, данное изображение можно отнести к так называемым «псевдотанаграм» (Ильина. 2006. С. 153).

К типичным эллинистическим жанровым статуэткам относится фрагмент объемной статуэтки – голова и часть торса с правой, согнутой в локте рукой. (Рис. 2, 2) (ВКИКМЗ, КП-130455; 5,1×3,4 см; цвет по Munsell: 5YR 5/6 (yellowish red), первая половина III в. до н. э.). Лицо детское, круглое, улыбающееся. Различимы черты – глаза, нос, рот. На голове, склоненной влево, шапочка. На поверхности фрагмента сохранились остатки светлой обмазки и розовой краски. Фрагмент принадлежал статуэтке мальчика с гусем. Точная аналогия происходит из зольника Мирмекия, исследуемого А. М. Бутягиным, и датируемого первой половиной III в. до н. э.⁵ Так же близкие изображения есть в Пантикапее, Кепях, Фанагории (Силантьева. 1976. Рис. 219; Николаева. 1974. Табл. 9, 8), однако они датируются несколько более поздним периодом (II в. до н. э.).

⁵ А. В. Буйских, А. М. Бутягин. Отчет о работах Мирмекийской экспедиции за 2009 год. СПб., 2010. Автор выражает глубокую благодарность Александру Михайловичу Бутягину за возможность ознакомиться с отчетами и находками.

К жанровой терракоте, вероятно, танагрского стиля, можно отнести фрагмент объемной статуэтки стоящей женщины в хитоне и гиматии. (Рис. 2, 3) (ВКИКМЗ, КП-130453; 5,3×4,5 см; цвет по Munsell: 7.5YR 8/4–7/4 (reddish pink), первая половина III в. до н. э.). От предыдущих, данную статуэтку отличает более тщательное исполнение, а также хорошо отмученная, тонкая глина хорошего качества, вероятно, островного происхождения (Родос?). Сохранилась передняя стенка (нижняя часть) фигурки. Одежда, из-под края которой выступают заостренные носки обуви, драпирована вертикальными и диагональными складками, переданными рельефно. Левая нога женщины слегка выставлена вперед. С правой стороны сохранилось основание, вероятно, колонны. Статуэтка располагается на прямоугольной базе (высота – 1,3 см). На поверхности фрагмента сохранились остатки белой грунтовки, голубой, розовой и желтой красок. Близкие изображения происходят из Танагры, Кипра (Higgins, Burn. 2001. Pl. 82, 2493; Pl. 143, 2877; Pl. 9, 2050, 2048).

Ещё один фрагмент представляет собой часть лепной руки человеческой фигуры. (Рис. 2, 4) (ВКИКМЗ, КП-130575; 4,3×1,4 см; цвет по Munsell: 5YR 6/4 (light reddish brown); первая половина III в. до н. э.). Рука чуть согнута, поверхность заглажена. Данная рука могла принадлежать статуэтке, оттиснутой в форме.

Таким образом, в наборе статуэток, доминирующее число составляют женские изображения. Это достаточно распространенная ситуация для культовых памятников Боспора, где широко почитались женские божества. Однако, небольшие размеры шурфа не позволяют высказать предположение о связи зольника, из которого происходят рассматриваемые выше находки, с каким-либо святилищем, посвященным именно женским божествам. Но, несмотря на небольшую численность терракот из раскопок зольника, они все же дополняют наше представление о коропластике Пантикапея IV – первой половины III вв. до н. э.

Литература

- Н. Л. Грач.* Терракотовые статуэтки из кургана Большая Близница // Терракотовые статуэтки. Придонье и Таманский полуостров. М., 1974. Ч. IV. – (САИ. Вып. Г1–11).
- В. И. Денисова.* Коропластика Боспора. Л., Наука, 1981.
- В. Н. Зинько.* Охранно-археологические исследования в Керчи // АИК 1993. Симферополь, Таврида, 1994.
- Т. А. Ильина.* Псевдотанагрские статуэтки из Пантикапея (в собрании ГМИИ им. А. С. Пушкина) // ДБ. 2006. Вып. 9.
- Т. А. Ильина, М. Б. Муратова.* Вотивные терракоты из храма на акрополе // ДБ. 2008. Вып. 12.

- В. Канараке.* Танагрские маски и статуэтки из мастерских Каллатиса. Мангалия. Констанцкий археологический музей, 1969.
- М. М. Кобылина.* Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории. М., Издательство Академии Наук СССР, 1961.
- М. М. Кобылина.* Изображение восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века н. э. М., Наука, 1978.
- Е. И. Леви.* Терракоты из Ольвии // Терракоты Северного Причерноморья. Терракотовые статуэтки. М., 1970. Ч. I. – (САИ. Вып. Г1–11).
- И. Д. Марченко.* Терракоты из святилища на Майской горе (Блеваке) // Терракотовые статуэтки. Придонье и Таманский полуостров. М., 1974. Ч. IV. – (САИ. Вып. Г1–11).
- Н. В. Молева.* Терракотовые статуэтки из Китейского святилища (раскопки 2005–2006 гг.) // БИ. 2008. Вып. XIX.
- Э. Я. Николаева.* Терракоты города Кеп // Терракотовые статуэтки. Придонье и Таманский полуостров. М., 1974. Ч. IV. – (САИ. Вып. Г1–11).
- Л. Ф. Силантьева.* Терракоты Пантикапея // Терракотовые статуэтки. Пантикапей. М., 1974. Ч. III. – (САИ. Вып. Г1–11).
- Э. Р. Устаева, Д. В. Журавлёв.* Таманский музейный комплекс // Античное наследие Кубани. М., Наука, 2010. Т. III.
- С. И. Финогенова.* Терракоты Пантикапея из раскопок последних лет // Археология и искусство Боспора. М., 1992. Вып. 10.
- Е. Б. Хмара.* Терракотовые статуэтки из Анапского историко-археологического музея // Тайны терракоты. Античные терракотовые статуэтки из музеев Краснодарского края. Краснодар, Краснодарское книжное издательство, 1987.
- А. В. Шевченко.* Терракоты античного Херсонеса и его ближайшей сельской округи. Симферополь, Наследие тысячелетий, 2016.
- О. Яggi.* Аттические краснофигурные вазы IV в. до н. э. из собрания Керченского историко-культурного заповедника. К., Мистецтво, 2012.
- R. Higgins, L. Burn.* Catalogue of Greek Terracottas in the British Museum. London, The British Museum Press, 2001.
- М. Krogulska.* Terakoty z północnych wybrzeży Morza Czarnego // Studia i Materiały Archeologiczne. Warszawa, 2006. Tom 13.

Н. В. Молева

Зооморфные образы в керамике Китея: греческие и варварские традиции изображения

Образы зверей довольно часто присутствуют в античном изобразительном искусстве. Что же касается ремесленных, утилитарных изделий, то в них, как правило, животные воплощались в предметах сакрального назначения, служивших вотивами. Такая традиция наглядно прослеживается в боспорском городе Китее, где все шестнадцать подобных находок сделаны на территории святилищ. Семь из них

(Рис. 1. 1, 4, 5, 10, 11, Рис. 2. 14, 15) обнаружены в слоях, первой половины IV в. до н. э. по V в. н. э., центрального городского святилища. Четыре (Рис. 1. 2, 3, 9, Рис. 2. 16) – в слоях эллинистического времени и первых веков н. э. большого святилища, примыкавшего к восточной крепостной стене города. Пять (Рис. 1. 5, 6, 8, 12, 13) – присутствовали в слоях с рубежа IV–III вв. до н. э. по IV в. н. э. в святилище у западной крепостной стены. Отмечу, что 16 находок за 35 лет раскопок городища с мощными культурными напластованиями – это немного.

Тем не менее, китейский bestiary весьма разнообразен. В нем присутствуют домашние животные, часто приносимые в жертву: свинья (кабан), бык, козел, лошадь, собака (Рис. 1. 1–9); дикие звери: барсук, лев, заяц, дельфин (Рис. 1. 10–13) и птицы (Рис. 2. 14–16). Способы воплощения животных в глине также разнообразны. По большей части (12 из 16) это лепные изделия или оттиснутые в форме, т. е. мелкая пластика (Рис. 1. 1–5, 8, 10, 11, 13, Рис. 2. 14–16). Представлены также штампованные изображения на донцах краснолаковых тарелок (Рис. 1. 6, 9, 12), а на одном краснолаковом фрагменте – процарапана голова лошади (Рис. 1. 7).

Глиняные фигурки поросенка, свиньи и кабана (Рис. 1. 1–3), естественно, ассоциируются с Деметрой и Персефоной, как традиционные жертвоприношения этим богиням (Ходза. 1997. С. 63). Д. Фрэзер считал, что первоначально свинья являлась воплощением самой богини хлеба Деметры (Фрэзер. 1983. С. 438–439). Кровь свиньи наделялась способностью искупать грехи и очищать (Ходза. 1997. С. 65). В Северном Причерноморье свинье отводилась роль священного животного Деметры (Сорокина. 1997. С. 23). Как вотив, имитирующий жертвоприношение свиньи богине Деметре, можно рассматривать все три фигурки, найденные в святилищах Китея (Кузина, Молева, Матукина. 2010. С. 283). Это подтверждается такими сопутствующими находками как многочисленные кости свиньи (в слоях IV в. до н. э. они составляют 40% костных остатков), терракоты и протомы Деметры, лепные печенья и хлебцы из глины. Этим статуэткам, часто сделанным «на скорую руку», присущ некоторый схематизм. Однако, вылепленные их коропласты всегда обозначали детали, характерные именно для свиней: вытянутые рыла, маленькие глазки (в виде налепов или углублений), выделенный хребет. Эти образы близки к греческому реалистическому искусству. Наиболее интересным изображением кабана является фигурка, выполненная в виде ручки сероглиняного лепного сосуда, сарматского типа (Рис. 1. 3). Такие ручки, называемые «зооморфными», характерны для сарматской культуры и представляют значительную группу среди керамического материала из раскопок

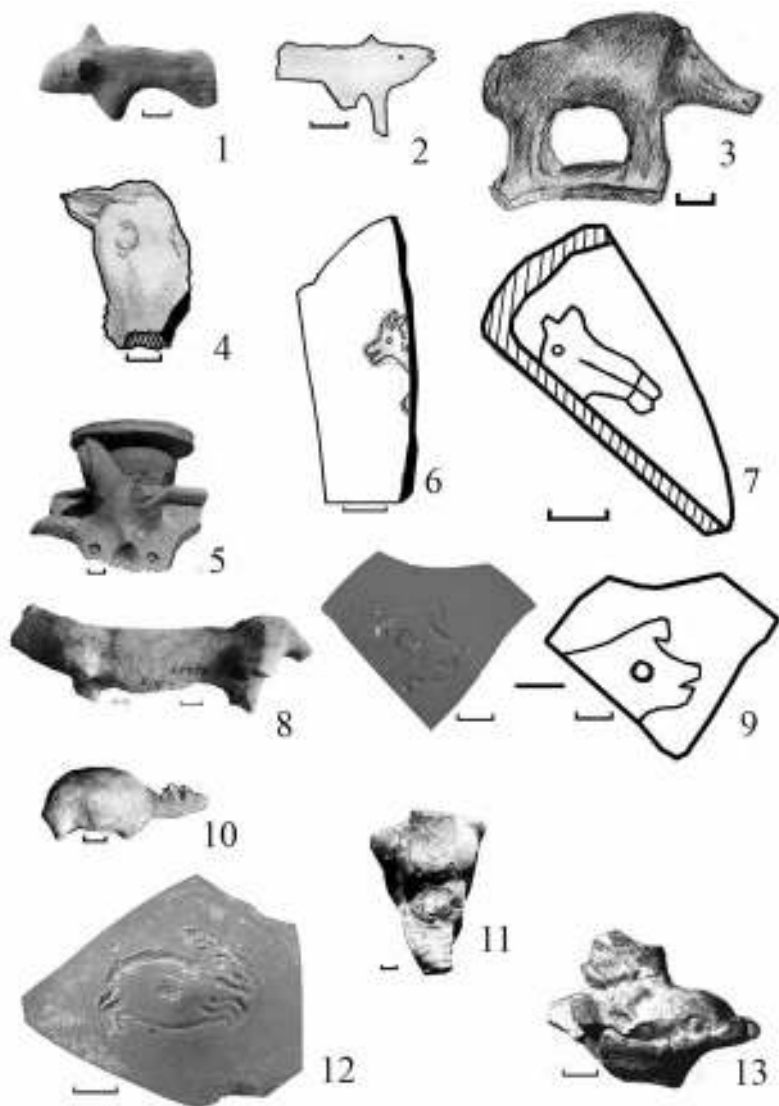

Рис. 1. Зооморфные образы в керамике Кития: Домашние животные: 1–3 – сви-
 ньи; 4 – бык; 5–6 – козлы; 7 – лошадь; 8–9 – собаки. Дикие животные: 10 – барсук;
 11 – лев (на коленях у Кибелы); 12 – заяц; 13 – дельфин

Рис. 2 Образы птиц в керамике Китея: 14 – гусь на руках у мальчика; 15–16 – фигурки, напоминающие птиц

сарматских памятников Предкавказья, Северного Прикаспия и Северного Причерноморья.

В Китее таких зооморфных ручек известно 6 экземпляров. Все они отличаются крайне упрощенной и схематической передачей очертаний животного. Кабан из Китея, имея все признаки сарматской зооморфной ручки большого сосуда, весьма отличается от прочих. Фигура кабана выполнена реалистично, с доработкой деталей стекой: 4 отдельно

стоящие ноги, голова с длинным рылом, пяточком и ртом, маленькие острые ушки, глазки – круглые налепы, закрученный хвост. Абсолютно точно переданы все анатомические особенности этого животного, включая мощный горбатый загривок. В представленном памятнике, как в никаком другом, из найденных в Китее, переплелись особенности варварских (сарматских) традиций, нашедших отражение в схематических зооморфных ручках, с греческими, реалистическими. Вероятнее всего, этот сосуд был изготовлен боспорским гончаром-коропластом. Отдавая должное сарматской форме он оснастил ручку дополнительными пластическими деталями. Вполне возможно, что в состав подношений в святилище эта ручка от разбившегося сосуда (все сколы старые) попала как самостоятельная статуэтка.

Среди образов домашних животных в керамическом материале из раскопок Китея заслуживают внимания фрагменты сосудов с изображениями козлов (Рис. 1. 5–6). Один из них, размером 10×9 см, представляет собой часть большого керна с воронкообразным сливом и отогнутым валикообразным венцом (Рис. 1. 5). Под сливом размещена морда козла с мощными витыми рогами, выходящими из середины лба. Они сохранились частично и, вероятно, изначально служили ручками сосуда; под рогами – тонкий, сколотый внизу нос; глаза вдавленные, кольцеобразные (Молев. 2010. С. 45. Рис. 55; С. 402, № 110). Этот фрагмент был найден в нижних слоях святилища у западной крепостной стены, существовавших еще до постройки последней и относящихся к IV–III вв. до н. э. Он может быть датирован по сопутствующему материалу концом IV–III вв. до н. э. Святилище, в котором содержалось много золы, было посвящено хтоническим богам плодородия, среди которых ярко прослеживается культ Диониса (Молев, Молева. 2018. С. 148–149), о чем свидетельствуют находки фрагментов терракот, изображающих Диониса-Винограда, рогов и костей козлов и коз, керна с изображением козла, фрагментов канфаров. Рассматриваемый фрагмент определенно может быть связан с этим культом (Диониса) и по своему облику, и по назначению. Козел мог быть воплощением Диониса, или же, чаще, – его спутников Силенов, Сатиров, Пана, которых часто изображали с ногами и рогами козлов (Фрэзер. 1983. С. 434–435).

Вполне возможно, что краснолаковая чаша, на внутренней поверхности которой оттиснуто изображение козленка, также использовалась для возлияний в честь Диониса в центральном святилище Китея (Рис. 1. 6) (Молев, Молева. 2016. С. 348, № 100). Дионис, также как и Зевс, мог выступать и в облике быка (Фрэзер. 1983. С. 436). Вероятно часть большой глиняной терракоты в виде головы быка с удлиненной мордой, большими круглыми, рельефными глазами и разведенными

в стороны ушами (Рис. 1. № 4), также происходящей из центрального святилища, связана с подобными сакральными представлениями (Молев, Молева. 2016. С. 206, № 125).

С религиозными мировоззрениями жителей Китея ассоциируются изображения собак (Рис. 1. 8–9) из центрального святилища и сакрального комплекса у восточной крепостной стены. Круг божеств, к которым имела отношение собака в античном мире, достаточно широк. Это Асклепий, Гефест, Геката, Артемида, Афродита (Сорокина. 1997. С. 26–27). На Боспоре и в Китее, в частности, прослеживается связь собаки с хтоническими культами Великой Матери (Кибелы) и Деметры. Именно в местах почитания этих богинь обнаружено наибольшее количество костей собак – как жертвенных животных (Молева. 2001. С. 97–99). В материалах из раскопок боспорских некрополей также имеют место погребения собак (Хршановский. 1996. С. 36–37). Культовые захоронения этих животных отмечены и на Азиатском Боспоре (Емец, Масленников. 1991. С. 114–115). Во всех случаях находок жертвоприношений или изображений собак на территории святилищ или некрополей прослеживается особый статус этих животных, как пограничного природно-социального существа (Хршановский. 1996. С. 37). Обычай таких жертвоприношений, вероятно, проник на Боспор из Малой Азии через греческие города (Вахтина. 2007. С. 143).

В Китее известны два изображения собак. Одно представляет собой лепную фигурку собаки с длинным туловищем, слегка наклоненной вниз головой, с ушами, торчащими в стороны и обвислыми на концах (хвост и нижняя часть лап отбиты). Статуэтка изготовлена из коричневой глины и имеет следы белой обмазки на поверхности. Её размеры 12,5×4 см (ВКИКМЗ. Инв. № Кт1988. – Рис. 1. 8). Она была найдена в домашнем святилище у помещения «Г» и датируется по слою первыми веками н. э. (Молев, Молева. 2016. С. 177, № 16). Подобная собачка известна и в мирмекийском зольном святилище (Денисова. 1981. Табл. XII, 2).

Второе изображение собаки вдавлено на внутренней стороне донца краснолаковой тарелки. Оттиск выполнен по сырой глине. Сохранились голова и шея крупной собаки с широкой мордой, большим крупным глазом, стоячими и обвислыми на концах ушами (животное представлено в профиль). Глина и лак импортные (Рис. 1. № 9). Эта находка сделана в сакральном комплексе у восточной крепостной стены и датируется по слою II в. н. э.

Заканчивая обзор изображений домашних животных из Китея, отметим рисунок лошади (сохранилась голова с уздечкой), процарапан-

ный на стенке краснолакового сосуда II в. н. э. (Рис. 1. 7) (Молев, Молева. 2016. С. 348, № 99).

Дикие животные представлены тремя терракотовыми статуэтками и одним оттиснутым изображением на краснолаковой тарелке. Единственной в своем роде является сплошная лепная статуэтка тучного барсучка с вытянутой мордочкой, глазами наклепками и плоским (судя по сколу) хвостом (ВКИКМЗ. Инв. № Кт1988. – Рис. 1. 10). На его спинке – три профильные полосы и несколько круглых пятнышек желто-белой краски (один глаз, хвост и кончики лап утрачены). Глина импортная, светло-красная с мелкими блестками. Найдена терракота в слое IV в. до н. э. центрального Китейского святилища и может быть интерпретирована как вотив богам-врачевателям. Барсучий жир (зверек жирный) с древних времен использовался для лечения ран, легочных болезней и был очень ценен. Наверное не случайно эта привозная терракота попала в Китейское святилище (Молев, Молева. 2003. Табл. 2, рис. 12).

Лев, вернее львенок, представлен сидящим на коленях Матери богов (Кибелы). Кибела сидит в иератической позе на троне с фигурной спинкой и держит львенка на коленях как ребенка. На поверхности терракоты сохранились следы белой обмазки, голубой и розовой красок (ВКИКМЗ. Инв. № Кт1765 – Рис. 1. 11). Статуэтка датируется по слою первой половиной IV в. до н. э. Она была найдена в ранних слоях Китейского центрального святилища в местах почитания Деметры, Кибелы, Афродиты. Мать богов (Кибела) была метафорой самой природы, вселенского источника жизни и смерти (Гимбутас. 2006. С. 243). Являясь матерью всему живому, повелительницей жизни и смерти, она почти всегда выступает в сопровождении львов, а львенок на ее коленях подчеркивает ее функции владычицы и матери зверей (Молев, Молева. 2003. С. 262. Табл. I, 3; Молева. 2008. С. 142–143; Молев, Молева. 2016. С. 182. № 35).

Дельфин является главным действующим лицом терракотовой статуэтки, изображающей Эрота, сидящего на плывущем вправо дельфине и играющего на кифаре (ВКИКМЗ. Инв. № Кт1989. – Рис. 1. 13). Выполнена она в форме из боспорской глины, на поверхности сохранились следы белой обмазки. Размеры ее 5,5 x 4 см. Верхняя часть (голова Эрота) и хвост дельфина отбиты (Молев, Молева. 2016. С. 176. № 12). Фигурка найдена в слое II–I вв. до н. э. на ритуальной площадке между помещениями «А» и «Ж» в святилище у западной крепостной стены. Все терракоты диких животных выполнены в традициях греческой коропластики.

Эрот, также как и дельфин, являлись спутниками Афродиты. Их изображения часто сопутствуют друг другу в мифах и искусстве (Молев,

Молева. 2017. С. 194. Рис. 1–2). Представленная терракота явно связана с культом этой богини, отпавлявшемся в упомянутом святилище наряду с почитанием Деметры и Диониса в эллинистическое время. Следует отметить, что кости дельфинов, в том числе окаменелый позвонок, были обнаружены в слоях центрального городского святилища.

В Китее найдено еще одно изображение дельфина, плохо сохранившееся (ВКИКМЗ. Инв. № КТ-4259). Оно выполнено в едва заметном рельефе на боковой стороне кресла, на котором восседает богиня (м. б. дельфин у ног Афродиты?). Расположение дельфина диагональное, головой кверху. Этот фрагмент был обнаружен в центральном святилище в слое III в. до н. э., где имело место почитание Деметры, Кибелы, Афродиты.

Представителем дикой фауны является также заяц, чье изображение, отгиснутое по сырой глине, имеется на внутренней стороне донца краснолаковой чаши (Рис. 1. 12). Заяц толстенький, вскачь бежит вправо: изображение его профильное. Особенности позы бегущего, уши, глаз, рот и лапы переданы достоверно и реалистично. Фрагмент чаши, покрытый тусклым буро-красным лаком, найден в слое IV–VI вв. н. э. Размеры его 8,4×4,6 см. Подобные сосуды, по мнению Дж. Хэйса, бытовали от середины до конца VI в. н. э., что вполне сочетается с датой слоя (Hayes. 1972. P. 365).

В древнегреческом сакральном мировоззрении заяц представляет собой ипостась человеческой жизни. Это эротический символ, знаменующий постоянное воспроизводство жизни и связанный с культом Афродиты (Бессонова. 1983. С. 99; Молева. 2017. С. 88–89). Вполне вероятно, что такое восприятие образа зайца могло сохраниться и во времена поздней античности.

Птицы в китейском фаунистическом каталоге представлены в малом количестве. Точно определяется гусь на фрагментированной статуэтке, изображающей мальчика подростка, прижимающего к себе гуся левой рукой (Рис. 2. 14). Эта статуэтка была найдена вместе с другими терракотами (Молева. 2008. С. 143. Рис. 4) в центральном святилище, в слое эллинистического времени.

Еще два фрагмента относятся к изображениям птиц условно, так как изгиб их шей и формы голов напоминают птичьи (Рис. 2. 15–16). Один из них был найден в центральном святилище в слое I в. н. э. (Молев, Молева. 2016. С. 197. № 90). Второй, с длинной шей и круглым глазом-налепом, обнаружен в культовом комплексе у восточной крепостной стены в слое I в. до н. э. (Молев, Молева. 2016. С. 203. № 115). Оба фрагмента лепные и выполнены из серой глины.

Общеизвестно, что образы птиц в сакральном мировоззрении античности трактуются как посланники богов и их вестники. А гусь,

в частности, был символом плодородия и птиц Афродиты, наряду с лебедем и голубем.

Литература

- С. С. Бессонова.* Религиозные представления скифов. Киев, Наукова думка, 1983.
- М. Ю. Вахтина.* Еще раз о погребениях собак на Боспоре // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. Материалы Международной научной конференции. СПб., Изд-во Государственного Эрмитажа, 2007. Ч. 1.
- В. И. Денисова.* Коропластика Боспора. Л., Наука ЛО, 1981.
- М. Гимбутас.* Цивилизация Великой богини: Мир Древней Европы. М., РОС-СПЭН, 2006.
- И. Н. Емец, А. А. Масленников.* Культовые захоронения животных на позднеантичных поселениях Боспора // Реконструкция древних верований: источники, метод, цель. СПб., ГМИР, 1991.
- Н. В. Кузина, Н. В. Молева, А. Н. Матукина.* Комплекс терракотовых статуэток из китейского святилища (раскопки 2007–2009 гг.) // ДБ. 2010. Т. 14.
- Е. А. Молев.* Боспорский город Китей. Симферополь-Керчь, Адеф, 2010.
- Е. А. Молев, Н. В. Молева.* Терракотовые статуэтки из Китейского святилища // БИ. 2003. Т. 3.
- Е. А. Молев, Н. В. Молева.* Боспорский город Китей. Симферополь, Керчь, изд-во ООО «Соло-Рич», 2016. Ч. II. – (БИ. Supplementum 5).
- Е. А. Молев, Н. В. Молева.* Морские ипостаси Афродиты // Древний Восток и античный мир. М., издательство МГУ, 2018. Вып. IX.
- Н. В. Молева.* Жертвоприношения собак в Китейском святилище // Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья. Материалы II Боспорских чтений. Керчь, 2001.
- Н. В. Молева.* Терракотовые статуэтки из Китейского святилища (раскопки 2005–2006 гг.) // БИ. 2008. Вып. 19.
- Н. В. Молева.* Тандем «собака-заяц» в религиозном мировоззрении древних греков // Артефакты и сакральное в истории Боспора. Нижний Новгород, Изд-во ННГУ, 2017.
- Н. П. Сорокина.* Религия и коропластика в античности. М., Восточная литература, 1997.
- Д. Фрззер.* Золотая ветвь. 2-е изд. М., Издательство политической литературы, 1983.
- Е. Н. Ходза.* К вопросу об анималистических изображениях в античной коропластике // ТГЭ. 1997. Т. XVIII.
- В. А. Хрищановский.* Собаки в погребальном обряде античного Боспора // Животные и растения в мифоритуальных системах. Материалы научной конференции. СПб., ГМИР, РЭМ, 1996.
- J. W. Hayes.* Late Roman Pottery. London, The British School at Rome, 1972.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ААЭ – Артезианская археологическая экспедиция.
АГСП – Античные государства Северного Причерноморья. Москва.
АВ – Археологические вести. СПб.
АИК – Археологические исследования в Крыму. Симферополь.
АИУ – Археологические исследования на Украине.
АМА – Античный мир и археология. Саратов
АН СССР – Академия наук Союза Советских Социалистических Республик.
АО – Археологические открытия. М.
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург.
БИ – Боспорские исследования. Симферополь, Керчь.
БИАС – Бахчисарайский историко-археологический сборник.
БС – Боспорский сборник.
БФ – Боспорский феномен. Материалы Международной научной конференции. СПб.
БЧ – Боспорские чтения. Керчь.
ВДИ – Вестник древней истории. М.
ВИ – Вопросы истории. М.
ВКИКМЗ – Государственное бюджетное учреждение Республики Крым «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник». Керчь.
Вып. – выпуск
ВЭ – Вопросы эпиграфики, Москва.
ГАИМК – Государственная Академия истории материальной культуры. Л.
ГАРК – Государственный архив Республики Крым. Симферополь.
ГИАМЗХТ – Государственный историко-археологический заповедник «Херсонес Таврический». Севастополь.
ГМЗ ХТ – Государственный музей-заповедник «Херсонес Таврический». Севастополь.
ГМИИ – Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. Москва.
ГЭ – Государственный Эрмитаж.
ДБ – Древности Боспора. М.
ДГВЕ – Древнейшие государства Восточной Европы. М.
ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения. СПб.

- ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса.
- ЗРАО – Записки Русского археологического общества. Санкт-Петербург.
- ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук. М.
- ИАИАНД – Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону. Азов.
- ИАК – Известия Императорской археологической комиссии. СПб.
- ИАК РАН – Институт археологии Крыма Российской академии наук. Симферополь.
- ИВИ РАН – Институт всеобщей истории Российской академии наук. М.
- ИГАИМК – Известия Государственной академии истории материальной культуры. Изд. – издание
- ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской Академии наук.
- ИНИОН – Институт научной информации и общественных наук.
- ИРОМК – Известия Ростовского областного музея краеведения. Ростов-на-Дону.
- ИТУАК – Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь.
- КБН – Т. Н. Книпович, В. Ф. Гайдукевич, А. И. Доватур, Д. П. Каллистов. Корпус боспорских надписей. М., Л., Наука, 1965.
- КБН-альбом – Корпус боспорских надписей: Альбом иллюстраций. СПб., 2004.
- кирг. – киргизский
- комм. – комментарий
- КрымОХРИС – Крымский областной комитет по делам музеев и охраны памятников искусства, старины, природы и народного быта.
- КСИА – Краткие сообщения Института археологии (АН СССР) РАН. М.
- КСИИМК – Краткие сообщения Института Материальной Культуры АН СССР. М.
- кт. – крымско-татарский
- ЛГУ – Ленинградский Государственный университет.
- ЛОИИ – Ленинградское отделение Института истории СССР АН СССР. Л.
- МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь.
- МАКК – Материалы к археологической карте Крыма. Симферополь.
- МАР – Материалы по археологии России.
- МЗХТ – музей-заповедник «Херсонес Таврический». Севастополь.
- МГУ – Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова.
- МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.
- МПГУ – Московский педагогический государственный университет.
- НАА – Народы Азии и Африки. Москва
- НА ВКИКМЗ – Научный архив Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. Керчь.
- НА МЗХТ – Научный архив музея-заповедника «Херсонес Таврический». Севастополь.

- НАВ – Нижневолжский археологический вестник. Волгоград.
- ННГУ – Нижегородский Государственный Университет. Нижний Новгород.
- н. п. – населенный пункт
- НЭ – Нумизматика и эпиграфика. М.
- ОАВЕС – Отдел археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург.
- ОАК – Отчёт Императорской археологической комиссии. СПб.
- ПАВ – Петербургский археологический вестник. Санкт-Петербург.
- ПиФ – Пантикапей и Фанагория. Две столицы Боспорского царства. Каталог.
- ПИФК – Проблемы истории, филологии и культуры. М., Магнитогорск.
- пл. – племя
- подр. – подразделение
- прилож. – приложение
- РА – Российская археология. М.
- РАНИОН – Российская ассоциация научных институтов общественных наук. М.
- РО НА ИИМК РАН – Рукописный отдел научного архива Института истории материальной культуры РАН. СПб.
- СА – Советская археология. М.
- САИ – Свод археологических источников. М.
- СПбФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук.
- ТВ – траншея выборки.
- ТГПУ – Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого.
- ТГЭ – Труды Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург.
- ТД – Тезисы докладов.
- Тр. ГИМ – Труды Государственного исторического музея. М.
- ХНУ – Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина. Харьков.
- ХСб. – Херсонесский сборник. Севастополь.
- АВУ – Археологічні відкриття в Україні.
- АДУ – Археологічні дослідження в Україні.
- БСП – Българите в Северното Причерноморие.
- МИФ – Митология. Изкуство. Фолклор. София, НБУ.
- АА – Athenian Agora.
- ACSS – Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. Leiden, Boston.
- AJA – American Journal of Archaeology.
- AM – Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Athenische Abteilung Archäologie zwischen Römern und Barbaren. 2016. – Archäologie zwischen Römern und Barbaren. Zur Datierung und Verbreitung römischer Metallarbeiten des 2. und 3. Jahrhunderts n. Chr. im Reich und im Barbaricum – ausgewählte Beispiele (Gefäße, Fibeln, Bestandteile militärischer Ausrüstung, Kleingerät, Münzen). Internationales Kolloquium. Frankfurt am Main, 19–22. März 2009. Bonn, Dr. Rudolph Habelt, 2016. Bd. 1.

- BAR – British Archeological Report. Oxford.
- BCOSPE – Bibliographia classica orae septentrionalis Ponti Euxini. Cluj-Napoca, Mega, (2014).
- BE – Bulletin épigraphique.
- BSS – Black Sea Studies.
- Caiete ARA – ARA (Asociația «Arhitectură. Restaurare. Arheologie») Reports. București.
- CIL–Corpus Inscriptionum Latinarum.
- CIRB – Corpus Inscriptionum Regni Bosporani: Album imaginum (CIRB-album), MMIV.
- EP – Epigraphica Pontica
- FGrHist – Die Fragmente der Griechischer Historiker.
- FHG – Fragmenta Historicorum Graecorum.
- GGM – Geographi Graeci Minores.
- IG – Inscriptiones Graecae. Beroloni.
- IOSPE – B. Latyshev. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis PontiEuxini Graecae et Latinae. Petropoli. 1916.
- IPriene – H. von Gaertringen. Inschriften von Priene. Berlin, 1906.
- K-W. – von Gangolf Kieseritzky, Carl Watzinger. Griechische Grabreliefs aus Südrussland. Berlin, 1909.
- MedA – Mediterranean Archaeology. The Australian and New Zealand Journal for the Archaeology of the Mediterranean World. Official Journal of the Australian Archaeological Institute at Athens.
- RE – Pauli-Wissowa-Kroll. Realencyclopädie der classischen Altertumwissenschaft. Stuttgart.
- LCL – The Loeb Classical Library. Harvard University Press.
- LGPN – Lexicon of Greek Personal Names.
- Suppl. – Supplementum.
- REA – Revue de Études Anciennes
- SEG – Supplementum Epigraphicum Graecum. Leiden.
- ZPE – Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik, Köln.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ¹

Балахванцев Арчил Савелич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела истории и культуры Древнего Востока Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт востоковедения Российской Академии наук. Москва. E-mail: balakhvantsev@gmail.com

Бейлин Денис Владиславович – научный сотрудник Института археологии Крыма Российской Академии наук. Симферополь. E-mail: denis_beylin1979@mail.ru

Бобров Юрий Григорьевич – доктор искусствоведения, профессор. Проректор по научной работе Государственного Академического Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина. Санкт-Петербург. E-mail: Bobrov@mail.weblus.net

Бутягин Александр Михайлович – заведующий сектором античной археологии Отдела Античного мира Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург. E-mail: butyagin@gmail.com

Вахонеев Виктор Васильевич – кандидат исторических наук, заместитель директора по научной работе – директор Музея подводной археологии Черноморского центра подводных исследований. Феодосия. E-mail: vvvkerch@mail.ru

Виноградов Юрий Алексеевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории материальной культуры Российской Академии наук. Санкт-Петербург. E-mail: vincat2008@yandex.ru

Винокуров Николай Игоревич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков им. проф. В. Ф. Семёнова Московского Педагогического Государственного университета. Москва. E-mail: vinokurovn@list.ru

Волошинов Алексей Алексеевич – научный сотрудник Института археологии Крыма Российской Академии наук. Бахчисарай. E-mail: voloshinov-alexs@yandex.ua

Гаврилюк Надежда Авксентиевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела античной археологии Национальной Академии наук Украины. Киев. E-mail: gavrylyuk_na@ukr.net

¹ Редколлегия благодарит всех участников конференции за предоставленные сведения о себе, которые сыграли важную роль в оперативной связи редколлегии с авторами. В публикуемом списке мы приводим для связи с авторами только научные звания, должности, места работы и адреса электронной почты, соблюдая принцип конфиденциальности личной информации.

Горончаровский Владимир Анатольевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, и. о. заведующего Отдела истории античной культуры Института истории материальной культуры Российской Академии наук. Санкт-Петербург. E-mail: goronvladimir@yandex.ru

Грацианская Любовь Игоревна – кандидат исторических наук, доцент Кафедры истории древнего мира Института восточных культур и античности Российского Государственного гуманитарного университета. Москва. E-mail: lingua_latina@mail.ru

Давыдова Людмила Ивановна – кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник Отдела античного мира Государственного Эрмитажа, хранитель античной скульптуры, профессор кафедры зарубежного искусства Санкт-Петербургского Государственного Академического Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина. Санкт-Петербург. E-mail: l.davydova@hermitage.ru

Еремеева Анна Алексеевна – сотрудница Отдела античного мира Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург. E-mail: a.ermeeva2014@yandex.ru

Жижина-Гефтер Вера Борисовна – сотрудник Научной библиотеки Государственного Эрмитажа и Bibliotheca Classica Petropolitana (Античный кабинет). Санкт-Петербург. E-mail: ulenspiegel@mail.ru

Завойкин Алексей Андреевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии Российской Академии наук. Москва. E-mail: bospor@inbox.ru

Завойкина Наталья Владимировна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела классической археологии Института археологии Российской Академии наук. Москва. E-mail: zavoykina@mail.ru

Зинько Алексей Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Симферополь. E-mail: alex-zinko@mail.ru

Зинько Виктор Николаевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Симферополь. E-mail: zinko@bfdemetra.org

Зинько Елена Алексеевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Симферополь. E-mail: elena-zinko@mail.ru

Зубарев Виктор Геннадьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и археологии ФГБОУ ВО Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого. Тула. E-mail: parosta@mail.ru

Иванчик Аскольд Игоревич – доктор исторических наук, член-корреспондент Российской Академии наук. и Академии надписей и изящной словесности (Франция), главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, Государственного академического университета гуманитарных наук и Российской ака-

демии народного хозяйства и государственной службы, directeur de recherches, CNRS (Institut «Ausonius», Bordeaux). Москва. Email ivantchika@gmail.com

Ильина Татьяна Анатольевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Государственного Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Москва. E-mail: ta-ilyina@yandex.ru

Каспаров Алексей Каспарович – кандидат исторических наук, заведующий Лабораторией археологической технологии, старший научный сотрудник Института истории материальной культуры Российской Академии наук. Санкт-Петербург. E-mail: alexkas@yahoo.com

Кашаев Сергей Владимирович – младший научный сотрудник Отдела истории античной культуры Института истории материальной культуры Российской Академии наук. Санкт-Петербург. E-mail: kashaevs@mail.ru

Колосов Владимир Павлович – младший научный сотрудник Отдела Античного мира Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург. E-mail: teravi@yandex.ru

Копылов Виктор Павлович – кандидат исторических наук, почётный работник высшего профессионального образования РФ, старший научный сотрудник Института археологии Российской Академии наук, начальник Южно-Донской экспедиции. Ростов-на-Дону. E-mail: vikkop48@mail.ru

Котина Алла Викторовна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра археологических исследований Благотворительного фонда «Деметра». Керчь. E-mail: allakotina@mail.ru

Кучеревская Нина Львовна – кандидат культурологии, заведующая Отделом «Лепидарий» ГБУ РК Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник. Керчь. E-mail: kucherevskij@rambler.ru

Лазаренко Владимир Григорьевич – профессор, заведующий кафедрой Ижевского государственного технического университета. Ижевск. E-mail: lazvgr@yandex.ru

Лапшин Владимир Анатольевич – доктор исторических наук, директор Института истории материальной культуры Российской Академии наук. Санкт-Петербург. E-mail: vladimirlapshin51@yandex.ru

Майко Вадим Владиславович – доктор исторических наук, директор Института археологии Крыма Российской Академии наук. Симферополь. E-mail: vadimmaiko1966@mail.ru

Масленников Александр Александрович – доктор исторических наук, заведующий Отделом полевых исследований Института археологии Российской Академии наук. Москва. E-mail: iscander48@mail.ru

Масякин Вячеслав Вадимович – младший научный сотрудник Института археологии Крыма Российской Академии наук. Симферополь. E-mail: masjakin@mail.ru

Молев Евгений Александрович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории Древнего мира и классических языков Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. Заслуженный работник Высшей школы Российской Федерации. Нижний Новгород. E-mail: molev.eugeny@yandex.ru

Молева Наталья Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Древнего мира и классических языков Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. Нижний Новгород. E-mail: molev.eugeny@yandex.ru

Муратова Майя Борисовна – доктор философии (PhD), доцент факультета искусства и истории искусств университета Аделфай, исследователь отдела Искусства Греции и Рима, Музей Метрополитан. Garden City, NY. E-mail: maya.muratov@nyu.edu

Намойлик Анна Сергеевна – научный сотрудник Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический». Севастополь. E-mail: anna_namoilik@mail.ru

Новосёлова Надежда Юрьевна – младший научный сотрудник Отдела античного мира Государственного Эрмитажа, начальник Херсонесской археологической экспедиции. Санкт-Петербург. E-mail: novoselova-n@yandex.ru.

Образцов Иннокентий Борисович – аспирант кафедры археологии Московского Государственного Университета им. М. В. Ломоносова. Москва. E-mail: forjimmy945@Gmail.com

Одрин Александр Вадимович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории Украины Национальной академии наук Украины. E-mail: olodrin@ukr.net

Панченко Вадим Владимирович – младший научный сотрудник Государственного музея-заповедника «Херсонес Таврический». Севастополь. E-mail: vad_panchenko@mail.ru

Паромов Яков Максимович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии Российской Академии наук. Москва. E-mail: kukuoba@yandex.ru

Рукавишников Ирина Викторовна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии Российской Академии наук. Москва. E-mail: rukavishnikovairina@yandex.ru

Савостина Елена Анатольевна – доктор искусствоведения, профессор Московского государственного академического художественного института имени В. И. Сурикова. Москва. E-mail: esavos@mail.ru

Санжаровец Владимир Филиппович – старший научный сотрудник Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. Керчь. E-mail: sangarovec@gmail.com

Симонова Мария Александровна – студентка 4 курса Кафедры религиоведения философского факультета Крымского Федерального университета им. В. И. Вернадского. Симферополь. E-mail: mashasea@mail.ru.

Скржинская Марина Владимировна – доктор исторических наук. Киев. Email: kij1939@gmail.com

Соколова Ольга Юрьевна – старший научный сотрудник Отдела античного мира Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург. E-mail: oyusokol@mail.ru

Соловьев Сергей Львович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Государственного Эрмитажа, руководитель группы подводной ар-

хеологии Института истории материальной культуры Российской Академии наук, Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург. E-mail: ssl2610@yandex.ru

Супренков Александр Анатольевич – младший научный сотрудник Отдела сохранения археологического наследия Института археологии Российской Академии наук. Москва. E-mail: suprenkov@mail.ru +7-916-394-32-18.

Терещенко Андрей Евгеньевич – кандидат исторических наук, заведующий Отделом изучения истории дворцов Государственного Русского музея. Санкт-Петербург. E-mail: andrtereshhen@yandex.ru

Умрихина Татьяна Викторовна – генеральный директор Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. Керчь. E-mail: arhmuseum1826@yandex.ru

Федосеев Николай Фёдорович – кандидат исторических наук, с, старший научный сотрудник Отдела античной археологии Института археологии Крыма Российской Академии наук. E-mail: bospor@bk.ru

Ханутина Зоя Викторовна – старший научный сотрудник Отдела истории архайческих и традиционных верований Государственного музея истории религии. Санкт-Петербург. E-mail: zoe_gmir@inbox.ru

Хршановский Владимир Андреевич – кандидат философских наук, научный сотрудник Института археологии Российской Академии наук. Председатель Оргкомитета Боспорского феномена. Санкт-Петербург. E-mail: vax48@mail.ru

Чореф Михаил Михайлович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории региональных исторических исследований Нижневартковского государственного университета. Редактор-составитель и ответственный секретарь журнала «Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма» (<http://maiask.ru>). Нижневартовск. E-mail: choref@yandex.ru

Шaub Игорь Юрьевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории материальной культуры Российской Академии наук. Санкт-Петербург. E-mail: schaubigor@mail.ru

Ярцев Сергей Владимирович – доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории и археологии Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого. Тула. E-mail: s-yartsev@yandex.ru

Lech Pawel – PhD student at Institute of Archaeology University of Warsaw. Instytut Archeologii Uniwersytetu Warszawskiego. Warszawa. E-mail: pawel.lech.1989@gmail.com

Matera (Матера) Marcin – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии Варшавского университета. Instytut Archeologii Uniwersytetu Warszawskiego. Warszawa. E-mail: marcinmatera@uw.edu.pl

Mommsen Hans – Professor, Dr. Helmholtz-Institut für Strahlen- und Kernphysik, University of Bonn. Bonn. E-mail: mommsen@hiskp.uni-bonn.de

Rabadjiev Kostadin Kostadinov – PhD, Professor in Classical archaeology at St. Kliment Ohridski University of Sofia. Sofia. E-mail: rabadjiev@gmail.com

Schlotzhauer Udo – Dr., Senior Researcher. Eurasian Department of the German archaeological Institute. Berlin. E-mail: udo.schlotzhauer@dainst.de

Zhuravlev Denis – PhD, Senior Keeper & Researcher, Department of Archaeology of the State Historical Museum. Moscow. E-mail: denzhuravlev@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. Двадцать лет спустя...	5–7
<i>В. А. Лапшин</i> . Приветствие участникам конференции	8–9
<i>Т. В. Умрихина</i> . Археология Боспорского царства и Керченский музей древностей	10–14
70 лет Александру Александровичу Масленникову.	15–18
65 лет Владимиру Дмитриевичу Кузнецову	19–23
<i>З. В. Ханутина</i> . 70 лет Владимиру Андреевичу Хршановскому	24–28
<i>В. А. Хршановский</i> . Позднее признание (памяти Владислава Николаевича Андреева 1927–1984). Материалы к биобиблиографии В. Н. Андреева (1927–1984).	29–39

I. Феномен Боспорского государства

<i>А. А. Завойкин</i> . Боспор и Средиземноморье: соотношение политических форм от архаики до эллинизма.	40–48
<i>Е. А. Савостина</i> . Боспорский феномен и вопрос культурного самоопределения боспорцев	48–55
<i>Е. А. Молев</i> . Неантичное в политической системе Боспора VI–II вв. до н. э.	55–60
<i>А. С. Балаханцев</i> . Боспор и Ахемениды.	61–65
<i>В. П. Копылов</i> . Милетская апойкия Кремны и колонизация Боспора	65–69
<i>А. И. Иванчик</i> . Боспорское царство эпохи Спартокидов: уникальная форма греческой государственности	69–75
<i>А. А. Супренков</i> . Валы Восточного Крыма как показатель этапов развития Боспорского государства (по результатам раскопок 2016–2017 гг.).	75–81
<i>В. Б. Жижина-Гефтер</i> . Новый статус Феодосии в составе Боспорского царства: к истолкованию пассажа Demosth. XX, 30–33.	81–88
<i>А. А. Масленников</i> . Хора Боспора в эпоху раннего эллинизма	88–101
<i>Л. И. Грацианская</i> . Политические воззрения Страбона и боспорская политическая история	101–102
<i>А. В. Одрин</i> . Особенности питания боспорских эллинов в V–III вв. до н. э.	102–108

- А. М. Бутягин.* Кризис V в. до н. э. и феномен воинских погребений Боспора 108–114
- А. А. Еремеева.* Портрет и античные погребальные традиции в Северном Причерноморье (на нескольких примерах из коллекции Государственного Эрмитажа) 114–123
- В. П. Колосов.* Антропология и археология некрополей античного Боспора 123–128
- В. А. Горончаровский.* Надгробная стела Базилида, сына Базилида (к вопросу об использовании римского военного снаряжения в боспорской армии первых веков н. э.) 128–134
- В. В. Масыкин.* Деталь ременной гарнитуры в полихромном стиле из склепа Сорака 135–139
- А. Е. Терещенко, И. Ю. Шауб.* Особенности типологии пантикапейской чеканки 139–145
- В. В. Панченко.* О золотой и серебряной монетной чеканке Рескупорида IV (242–276 гг. н. э.) 146–152
- М. М. Чорэф.* К вопросу о причинах появления звездовидных надчеканок на боспорских оболах III–I вв. до н. э. 153–157
- Д. В. Бейлин, И. В. Рукавишникова.* Могильник римского времени «Александровские скалы I» близ г. Керчь 158–164
- Д. В. Бейлин, А. А. Волошинов, И. В. Рукавишникова.* Надгробная скульптура некрополя «Александровские скалы» 165–174
- Д. В. Бейлин, И. В. Рукавишникова, Н. Ф. Федосеев.* Элитный погребальный памятник Боспорского царства курган «Госпитальный» (По материалам новейших полевых исследований в Восточном Крыму) 175–180
- В. Ф. Санжаровец.* К вопросу о происхождении отдельных древних и современных топонимов, связанных с историей и археологией Европейского Боспора 180–188
- Н. И. Винокуров.* Проблемы фортификации античного городища Артезиан: гипотезы и реалии. 188–195
- В. Г. Зубарев, В. В. Майко, С. В. Ярцев.* Керамический комплекс средневекового времени городища Белинское 195–201
- О. Ю. Соколова.* Архитектурный комплекс на южном склоне нимфейского плато 202–208
- Н. А. Гаврилюк.* Новый уступчатый склеп в западной части хоры Нимфея. 208–216
- А. С. Намойлик.* К вопросу о практике нанесения граффити 216–221
- И. Б. Образцов.* Краснолаковая керамика из раскопок некрополя Нимфея (1966, 1973–1978 гг.). Характеристика и хронология 221–227
- А. К. Каспаров.* Лесной кот на поселении Порфмий. Мигрант с востока или коренной житель Тавриды? 227–234
- А. В. Зинько, В. Н. Зинько.* Новые сведения о гавани Тиритаки 234–239
- Е. А. Зинько.* Христианская община Тиритаки 239–245
- В. В. Вахонеев, С. Л. Соловьев.* Боспорский город Акра в IV в. до н. э. по материалам подводных исследований 245–249
- В. А. Христановский.* Некрополи Китейской равнины 249–258

<i>М. А. Симонова.</i> Пряслица и грузила в погребально-поминальных комплексах IV в. н. э. юго-западного участка некрополя Китея	259–265
<i>С. В. Кашаев.</i> Погребальные обряды сельских некрополей Артющенко-2 и Панское-1	265–270
<i>Ю. А. Виноградов.</i> Поселение Артющенко – 1 (Бугазское) на Таманском полуострове. Итоги археологических исследований 1998–2017 гг.	271–277
<i>Я. М. Паромов.</i> Грязевые вулканы в историческом ландшафте Таманского полуострова	277–286
<i>Hans Mommsen, Udo Schlotzhauer, Denis Zhuravlev.</i> Determining the Provenance of Archaic Pottery Imports from the Settlement Golubitskaya 2 on the Taman' Peninsula	286–291
<i>Н. В. Завойкина.</i> Список жертвований с упоминанием Фанагора третьей четверти VI в. до н. э. из Фанагории	292–299
<i>Марчин Матера.</i> Об особенностях жизни в западном Танаисе после полемоновского разгрома	300–306
<i>P. Lech.</i> A Preliminary Study on Table Pottery from Polish Excavations in Tanais (Russia)	306–311
<i>И. Ю. Шауб.</i> О своеобразии религиозной жизни населения Боспора доримской эпохи	311–318
<i>В. Г. Лазаренко.</i> Культ Ахилла на Боспоре и феномен мирмидонян	318–324
<i>К. К. Rabadjiev.</i> The Greek Myths about Scythian North: Heracles and Achilles in Pontus	324–334
<i>Н. Л. Кучеревская.</i> Эпиклезы греческих божеств в лапидарной эпиграфике Боспора.	334–339
<i>М. Б. Муратова.</i> Так называемая статуя Неокла: к вопросу об этнической и социальной идентификации на Боспоре	339–346
<i>Л. И. Давыдова.</i> Боспорские надгробия в средиземноморском контексте	347–350
<i>Т. А. Ильина.</i> Архитектурные детали из Гермонассы: каменные цветы на Боспоре	350–353
<i>М. В. Скржинская.</i> Роль ювелирных изделий в жизни боспорян	354–358
<i>А. В. Котина.</i> Группа терракот из зольника Пантикапея (по материалам раскопок по ул. 2-й Митридатской в Керчи)	358–365
<i>Н. В. Молева.</i> Зооморфные образы в керамике Китея: греческие и варварские традиции изображения.	365–373
Список сокращений	374–377
Сведения об авторах	378–382

Научное издание

БОСПОРСКИЙ ФЕНОМЕН
Общее и особенное
в историко-культурном пространстве античного мира

Материалы международной научной конференции
Часть 1

Редакторы: *В. Ю. Зуев, В. А. Хриановский*
Корректор: *Ю. Л. Минутина-Лобанова*
Оригинал-макет: *О. М. Кукушкина*
Дизайн обложки: *В. Ю. Зуев, В. М. Матвеев*

Подписано в печать 30.10.2018. Формат 60×90 1/16.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 24,13. Тираж 300 экз. Заказ № 39

Отпечатано в типографии ФГБОУВПО «СПГУТД»
191028, С.-Петербург, ул. Моховая, 26